

А. В. Барандеев

ИСТОРИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- История формирования географической терминологии в русском языке
- Особенности семантической эволюции терминов, в том числе заимствованных
- Образование географических названий на базе терминов
- Вопросы точного и обоснованного употребления терминов в речевой практике
- Актуальные случаи правописания и склонения топонимов
- Сведения о древней и новейшей истории названий населенных пунктов России

РУССКАЯ ТОПОНИМИЯ В ТЕРМИНАХ

А. В. Барандеев

ИСТОРИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

**Русская топонимия
в терминах**

Допущено
Министерством образования и науки РФ
в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по направлениям
541000 «Естественнонаучное образование»
и 540300 «Филологическое образование»

Издание третье

URSS
МОСКВА

Барандеев Андрей Васильевич

История географических названий: Русская топонимия в терминах.

Учебное пособие. Изд. 3-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 320 с.

В настоящей книге в доступной форме изложена история формирования географической терминологии в русском языке. Особое внимание уделено терминам, которые не имеют однозначной трактовки в специальной литературе или трактуются явно ошибочно. Выявлены особенности семантической эволюции терминов, в том числе заимствованных из других языков. Среди прочих функций терминов показано, как на их базе образуются географические названия (топонимы). Освещены вопросы точного и обоснованного употребления терминов в речевой практике. Рассмотрены актуальные случаи правописания и склонения топонимов, уточнена этимология некоторых из них. В книге читатель найдет интересные сведения о древней и новейшей истории названий населенных пунктов России.

При втором издании книги был существенно дополнен материал большинства разделов с привлечением новейшей топонимической литературы, а также рассмотрено или уточнено происхождение географических названий и терминов.

Книга адресована как специалистам — филологам, историкам, географам, так и широкому кругу читателей, интересующихся проблемами топонимики.

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. *И. Г. Добродомов*

(Московский педагогический государственный университет);

канд. филол. наук *Р. А. Агеева*

(Московский государственный лингвистический университет)

Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»».

117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.

Формат 60×90/16. Печ. л. 20. Зак. № ЖС-89.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-397-02994-0

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ»,
2010, 2012

12248 ID 162202

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

Содержание

Предисловие	5
История с географией в допетровскую эпоху	7
От <i>Термина</i> — к <i>термину</i>	7
Всегда ли была <i>география</i> ?	13
«Книга Большому Чертежу»	18
Русские космографии XVI–XVII вв.	26
Термины материковых вод	41
Какая в колоде вода?	41
Такие разные реки	47
Как называлось начало реки?	55
Как назывался конец реки?	75
Лукавое русло реки	86
Термины для понятия «залив»	92
Свое и чужое в терминологии	107
От <i>моря-окияна</i> — к <i>морю</i> и <i>океану</i>	107
Буква, ставшая термином	113
<i>Архипелаг</i> , но не <i>ГУЛАГ</i>	118
<i>Ильмень</i> и <i>лиман</i>	123
Как <i>горло</i> превратилось в <i>гирло</i>	129
Похож ли <i>ерик</i> на <i>э (ер)</i> ?	136
<i>Узень</i> — не узкая река	142
<i>Прогалина</i> и <i>проталина</i>	148
Топонимическая теория и практика	152
<i>Топонимика</i> и <i>топонимия</i> (ложная дублетность в терминологии)	152
Нерешенные вопросы орфографии топонимов	158
Склоняются ли топонимы на <i>-а(-я)</i> ?	167
Традиционная форма иноязычных топонимов	174
Нужно ли переименовывать географические объекты?	179

Правописание топонимов	187
1. Употребление прописных букв	187
2. Раздельное написание	189
3. Дефисное написание	189
4. Слитное написание	192
5. Употребление кавычек	194
6. Склонение географических названий	194
7. Употребление буквы ё	194
Правописание топонимов в новой редакции «Правил русской орфографии и пунктуации»	195
Новые топонимические словари	201
Литература по топонимике (1993–2010 гг.)	206
Путешествие по карте (топонимические этюды)	226
<i>Московия</i>	226
Звенит ли <i>Звенигород</i> ?	232
Город на Каме, где — не знаем сами... ..	239
<i>Сергиев Посад</i>	243
До <i>Сходни</i> доезжаем... ..	249
<i>Юрьев-Польский</i> — не <i>Польский</i>	256
4 <i>Раменское</i>	260
<i>Откуда и куда пошли берендеи</i>	268
Гуси-лебеди на карте России	284
<i>Капуста и Капустин Яр</i>	290
По-братски о <i>Братске</i>	294
<i>Тамбов</i>	298
<i>Пропойск и Славгород</i>	303
Названия на карте Луны	307
Его Величество Термин — термин и его величество (Вместо заключения)	313
Принятые сокращения	316
Языки и диалекты	317

Светлой памяти моих Учителей —
Никиты Ильича Толстого,
Эдуарда Макаровича Мурзаева

Предисловие

В современной науке о терминах (терминоведении) термин понимается как слово или словосочетание, служащее для логически точного обозначения научного понятия. Прикрепленность термина к понятию осуществляется с помощью дефиниции — краткого, логически точного определения, выраженного словесно и раскрывающего существенные и отличительные признаки данной реалии. Ввиду наличия дефиниции термин принципиально лишен возможности развивать значение, быть многозначным, поэтому в своем подавляющем большинстве известные ныне термины однозначны и не зависят от контекста. Без этих качеств термин не смог бы осуществлять свою важнейшую функцию — номинативно-дефинитивную. Впрочем, оставаясь по своей природе словом как основной лексической единицей языка, термин все-таки испытывает тенденцию к развитию значения, но она сдерживается наличием дефиниции. Перечисленные свойства современный термин приобрел не сразу, а в длительном процессе семантической эволюции, сопровождавшем формирование языка русской науки, которое в основном завершилось в первой трети XVIII в.

Предлагаемая читателю книга знакомит с историей ряда географических терминов, известных в русском языке с древнейшей поры, употреблявшихся в практической географии допетровской эпохи и принятых в современной географии. В связи с этим охарактеризованы памятники письменности русского языка, в наиболее полной форме дающие представление о лексическом репертуаре географической терминологии допетровской эпохи. Это «Книга Большому Чертежу» (1627) — рукописное географическое описание несохранившейся карты Московского государства, известной под названием «Большой Чертеж», и русские космографии XVI–XVII вв. — переводные компилятивные географические сочинения позднего Средневековья. Названные памятники (первый из них «построен» в Разрядном, а вторые — в Посольском приказе) наглядно отражают терминотворческую и переводческую деятельность русских книжников — приказных дьяков и подьячих. Анализ содержания этих памятников убеждает в том, что создание национальной географической терминологии всегда считалось делом государственной важности.

Термины интерпретируются в книге в аспекте исторической лексикологии русского языка, что предполагает выявление их наиболее ранней фиксации в памятниках письменности, а также установление всего комплекса значений терминов. Прослеживается семантическая эволюция терминов, связанная с утратой или с трансформацией ряда значений, их окончательной стабилизацией как итогом преодоления разветвленной синонимии. Для этих целей

критически привлекается материал разнообразных лексикографических источников XVI–XXI вв., помогающий выявить специфику подачи терминов в словарях и установить их убедительную этимологию. Употребление терминов иллюстрируется примерами, в том числе из произведений художественной литературы, изучаемых в средней школе.

Терминология любой науки, имеющей длительную историю своего естественного развития и становления (география — не исключение), представляет собой достаточно пестрое по источникам и способам формирования содружество слов. Поэтому оказалось целесообразным рассмотреть географические термины, заимствованные в русский язык из других языков, установить их надежные этимологии и тем самым предостеречь от наивно-реалистического подхода к происхождению ряда терминов, от их неверной трактовки в словарях.

Завершают книгу топонимические этюды, в которых рассказывается о происхождении ряда географических названий. Их форма непосредственно отражает топонимообразующую функцию географических терминов или этнонимов.

При цитировании памятников письменности сохраняется орфография и пунктуация источника. В квадратных скобках [] помещены слова-пояснения, а также в случае необходимости дается перевод цитаты на современный язык. После цитаты в квадратных скобках указан номер источника в списке литературы и страница (столбец, лист). Угловые скобки <...> обозначают сокращение в цитате или в названии. Для более легкого прочтения буква Ъ «ять» заменена на е; буква Ж «юс большой» — на у; буква А «юс малый» — на я.

Автор искренне признателен рецензентам: доктору филологических наук профессору И. Г. Добродомову и кандидату филологических наук Р. А. Агеевой, сделавшим ряд ценных замечаний, которые учтены в настоящем издании.

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ В ДОПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ

От Термина — к термину

Термин первично есть хранитель границы культуры: он дает жизни расчлененность и строение, устанавливает незыблемость основных сочленений жизни и, не допуская всеобщего смешения, тем самым, стесняя жизнь, ее освобождает к дальнейшему творчеству.

П. А. Флоренский

По меткому замечанию контр-адмирала в отставке Ф. Е. Ревунова-Караулова (героя короткого рассказа А. П. Чехова «Свадьба с генералом»), «всякое незначительное слово имеет, так сказать, свое таинственное... э-э... недоумение... Например: марсовые к вантам, на фок и грот! Что это значит? Это значит, что которые приставлены для закрепления брамселей, должны непременно находиться в это время на марсах, иначе надо командовать: саленговые к вантам! Тут уж другой смысл...» [24, с. 354–355].

Общее недоумение гостей от потока обрушившихся на них незнакомых слов выразила мать невесты:

— Мы люди темные, ваше превосходительство, <...> ничего этого самого не пониманием, а вы расскажите нам лучше что-нибудь касающееся...

— Вы не понимаете, потому что... термины! Конечно! — ответил контр-адмирал [24, с. 356].

История самого слова *термин* восходит к глубокой древности и действительно овеяна ореолом «таинственного недоумения». В пантеоне древнеримской мифологии существовало божество *Термин*, под охраной которого находились пограничные камни, столбы, борозды — все пограничные знаки вообще, т. е. *Термы*, считавшиеся священными. Согласно мифологическому преданию, культ *Термина* был введен и упрочен царями Титом Тацием и Нумой Помпилием [18, с. 213–216]. Первый из них освятил пограничный камень на Капитолии, а второй учредил празднества в честь *Термина* — *Терминалии*, проходившие в конце древнеримского года: 23 февраля. Во время этих празднеств *Термину* приносили жертвы, о чем сохранилось свидетельство древнегреческого писателя и историка Плутарха: «Термин — божественное олицетворение границы: ему приносят жертвы, общественные и частные, на рубежах полей, ныне — кровавые, но когда-то бескровные: Нума мудро рассудил, что

бог рубежей, страж мира и свидетель справедливости, не должен быть запятнан убийством» [12, с. 82].

Священный культ *Термина* был закреплен в законах древнего Рима и строго соблюдался: «<...> Нума Помпилий постановил, что если кто выроет межевой знак, распахнет межу, на него самого и на быков падает проклятие. Над тем местом, в котором чтит Термина, в крыше делалось отверстие, ибо они считали неблагочестивым держать Термина под крышей» [22, с. 116]. Как предполагал известный русский философ и богослов П. А. Флоренский, употребление священных межевых знаков (Термов) могло быть всеобщим у индоевропейских народов [22, с. 108]*.

Сославшись на «Латинский этимологический словарь» А. Вальде, П. А. Флоренский указал, что слово *термин* восходит к лат. *terminus* — «борозда, граница, предел», имеющему корень *ter-* — «перешагивать, достигать цели, которая по ту сторону». Весьма примечательно, что это древнейшее значение отражает синкретизм философских категорий *пространство* и *время* (ведь на перешагивание нужно затратить определенное время), ставших впоследствии самостоятельными. Словообразовательное гнездо, сформировавшееся от корня *ter-*, было достаточно представительным в латинском языке. Это не только такие слова, как *terra* — «земля, почва; земной шар, вселенная; страна, край»; *terrēnum* — «земля, поле, территория»; *terrēnus* — «земляной; земной; смертный, бренный», но и *termino* — «размежевывать, отделять»; *terminatio* — «установление границ»; *terminālis* — «межевой, пограничный, окончательный»; *terminābilis* — «поддающийся ограничению»; *terminātor* — «устанавливающий границы». В греческом языке латинскому *terminus* соответствует слово *ὄρος* (*оурос*) с аналогичной семантикой.

В собственном философском значении слова *terminus* и *ὄρος* были введены в оборот античной науки Аристотелем. Древнегреческий философ рассматривал их, *во-первых*, как обозначение устойчивых понятий — основы истинного знания, в отличие от чувственных и поэтому изменчивых понятий. *Во-вторых*, в логике Аристотеля данные слова использованы для номинации составных элементов посылки — ее субъекта и предиката. Ставшее традиционным философское употребление слова *термин* не только подтверждает справедливость мнения о том, что каждое слово уже обобщает. Такое употребление доказывает, что *термин* обобщает в большей степени, чем простое слово, поскольку он теснейшим образом связан со специальным понятием и обязательно основан на нем.

В русский язык слово *термин* было заимствовано на рубеже XVII–XVIII вв., в период, предшествовавший формированию языка русской науки. Впервые *термин* зафиксирован в словаре Э. Вейсмана (1731), где указан его латинский источник, а значение истолковано именно в обобщенно-ограничительном временном плане, но не в пространственном: «*Termin, terminus, dies, praefinita*, срок, термин, день уста<но>вленный, определенный, назначенный, учрежденное время» [5, с. 629]. Сходную трактовку слова встречаем в словаре П. А. Алексеева (1794): «срок уреченный [определенный, назначенный. — А. Б.]» [1, с. 167]. Интересно, что впервые в русской лексикографической практике автор лаконично раскрыл для читателя божественную историю про-

исхождения термина, сообщив обо всем, что было связано с ним «у многобожников».

Язык-посредник при заимствовании этого слова до сих пор точно не определен. Так, Н. А. Смирнов указывал на немецкое или польское посредство, обобщенно определив значение *термина* как «речение» [слово. — А. Б.] и проиллюстрировав его употребление примером из русского источника 1717 г. [17, с. 289]. М. Р. Фасмер уверенно связал проникновение слова в русский язык с польским посредством и (со ссылкой на диссертацию немецкого ученого В. А. Христиани) датировал наиболее ранний случай его употребления на русской почве 1705 г. [21, с. 48]. Аналогичного мнения придерживается Г. П. Цыганенко, указавшая также, что от латинского слова происходит нем. *Termin* — «срок» и укр. *термін* — «срок», *термінowo* — «срочно» [24, с. 423]. Ср. также совр. укр. *термін зберігання* — «срок хранения».

Может возникнуть таинственно-недоуменный вопрос: неужели в древнерусском языке не было до *термина* слова, которое обозначало бы понятие «предел, граница» в обобщенном виде? Такое слово было — *установка*, оно обладало обширным комплексом значений, но характерно то, что И. И. Срезневский в своем словаре в качестве первого выделил именно значение «предел, граница». Употребление слова *установка* иллюстрируется среди прочих доказательной цитатой из памятника письменности XI в., в котором русск. *установка* соответствует уже упоминавшемуся греч. *ὄρος*: «Ово бо мерити подобае, ово же ни единого не знати оустава (*ὄρος*)» [Или же измерять должно, или ни одного не знать предела] [18, стб. 1277].

Столь глубокое философское содержание слова *термин* в языке-источнике не могло не повлиять на его судьбу в русском языке. Словарь В. И. Даля, раскрывая значение *термина*, отражает как его древнее понимание, так и более близкое к современному: «выраженъе, слово, реченье, названье вещи или приема, условное выраженъе. В каждой науке и ремесле свои термины, принятые и условные названья» [6, стб. 754]. Интересно, что произведения русской классической литературы XVIII–XIX вв. наглядно запечатлели весь комплекс значений *термина*, хотя большинство этих значений в современном литературном языке справедливо признаются устарелыми. Например, в повести Ф. М. Достоевского «Белые ночи» встречаем употребление *термина* в значении «любое слово или выражение»: «<...> Когда уже мы были очень далеко, [господин] протестовал против меня в довольно энергических терминах. Но до нас едва долетели слова его» [7, с. 166].

С оттенком значения «держать слово, т. е. молчать определенное время» употребил *термин* Н. С. Лесков в рассказе «Железная воля», герой которого немец Пекторалис упорно молчит, хотя знает, что Дмитрий Ерофеич обманул его, продав слепую лошадь: «Но Пекторалис держал свой *термин* и, узнав, что Дмитрий Ерофеич рассказывает, только пожал плечами и сказал: „Никакой выдержки нет“» [9, с. 209–210]. Также устарелое ныне временное значение *термина* — «срок, период», особенно широко прослеживаемое в художественной литературе XIX в., представлено, например, в романе Н. С. Лескова «Некуда» и комедии А. Н. Островского «Лес»: «Лиза порешила, что окружающие ее люди — „мразь“, и определила, что настоящие ее дни есть приготовительный *термин* ко вступлению в жизнь с настоящими представителями бескорыстного человечества <...>» [8, с. 173].

* По недоразумению в примечаниях к данной статье на с. 114 *Терминалии* названы *Сатурналиями*.

Карп: Вам что?

Восьмибратов: Барыню любопытно бы видеть, любезнейший.

Карп: Дождитесь своего *термину*, когда вас позовут [10, с. 59].

В сходном временном значении «конец жизни» *термин* употреблен в комедии «Сердце — не камень»:

Вера Филипповна: Я замужняя женщина.

Ераст: Так что ж за беда! Потап Потапыч уж не жилец на свете, доктора говорят, что он больше месяца не проживет. Притом же если умный человек, так он поймет ваше теперешнее положение, будет себя владать держать и сумеет благородным образом своего *термину* дожидаться [11, с. 290].

Основываясь на словарных данных, можно заключить, что в русском языке XVIII — первой половины XX в. лат. *terminus* было активно представлено в составе целой серии латинских выражений, употреблявшихся без перевода. Это, в частности, *terminus a quo* — «начальная хронологическая граница, исходная точка» в тексте работы Л. В. Щербы «Опыт общей теории лексикографии»: «Надо делать два словаря, один — нормативный, а другой — справочник, определяя *terminus a quo* последнего историческими, но прежде всего практическими — ведь справочник! — соображениями» [2, с. 468].

Осмысление слова *термин* русскими энциклопедиями и словарями XX в. отражает разную степень актуальности тех или иных его значений. Если в начале XX в. энциклопедический словарь в исторической ретроспективе сначала раскрывал божественное происхождение слова, затем указывал на его логическую сущность и только в конце сообщал сведения о терминах научных (*termini technici*) [26, с. 957–959], то к середине века ситуация изменилась. В «Словаре иностранных слов» (1941) научное значение *термина* переместилось с последнего места на предпоследнее: 1) «бог-охранитель границ владений»; 2) «синоним слова имя»; 3) «научный, специальный термин»; 4) «часть логического предложения» [14, с. 643]. «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова сначала приводит логико-философское значение *термина* и только затем — научно-техническое [20, стб. 689].

В «Философской энциклопедии» на первый план необоснованно выдвинуто значение *термина* как синонима слова или имени вообще, признаваемое в качестве «наиболее широкого употребления» (на втором плане — логическое содержание *термина*) [22, с. 225]. Между тем выше мы могли убедиться, что такое употребление было характерно для русского языка XVIII–XIX вв., но никак не XX в. Ссылка на то, что в этом значении *термин* имеет оттенок [подчеркнуто нами. — А. Б.] специального (научного) значения, также представляется неверной, хотя и фигурирует в Большом академическом словаре русского языка [16, стб. 331]. В соответствии с положениями современного терминоведения *термин* как специальное слово ввиду наличия у него точного логического определения понятия (в частности, дефиниции) принципиально лишен возможности иметь или развивать какие-либо оттенки в значении. К сожалению, подобная ошибка повторяется в новейшем Большом энциклопедическом словаре [4, с. 464].

Справедливо в Большом, Малом академических словарях русского языка и в Большой советской энциклопедии у слова *термин* выделено на первом плане актуальное для современного мировоззрения значение — «слово или словосочетание, обозначающее строго определенное философское, научное,

техническое и т. п. понятие», а на втором плане — значение этого слова в формальной логике [16, стб. 331; 15, с. 357; 3, с. 473–474].

Слова с латинским корнем *ter-* представлены в русском языке такими знаковыми образованиями, как *территория*, *террариум*, *терраса* (<фр. *terrasse*), а для обозначения неизвестной земли используют выражение *terra incognita* (реже — *terra ignota*). В узкопрофессиональном употреблении известны термины *терракота* (<ит. *terra cotta*) — «обожженная цветная глина (земля)», *термы* — «энергетические (квантовые) уровни, на которых могут находиться атомы (молекулы)».

Примечательно, что в русском языке последних десятилетий погранично-временное значение *термина* отражено в ряде активно функционирующих терминологических образований, хотя для общего (бытового) употребления это значение сейчас неактуально. Например, в терминологии информатики используется *терминал* — «оконечное устройство (дисплей, телетайп и т. п.) в составе вычислительной системы, предназначенное для ввода и вывода информации». Этот же термин, но в генетически сходном значении известен в морской транспортной терминологии: «часть порта, где обрабатывают контейнерные грузы». Временная пограничная семантика отчетливо прослеживается в медицинской терминологии: *терминальное состояние* — «преагония, агония, клиническая смерть; пограничное состояние между жизнью и смертью». В речи окулистов бытует выражение *терминальный глаз* (совсем ослепший вследствие глаукомы). В анатомии изучают *терминальную* (конечную) *артерию*, а в биохимии — *терминальную группу* в молекуле биополимера. Эту серию производных замыкает *терминатор*, давно известный в астрономии как обозначение «границы света и тени на поверхности планет и спутников». В русском языке последнего времени это слово стало иноземным семантическим неологизмом: «робот-получеловек».

Таким образом, история *термина* заключается в трансформации его генетически первичного предметно-сакрального смысла в значение логико-философское и в последующем закреплении самого слова как обозначения понятия конкретной отрасли знания в процессе формирования языка русской науки. Поэтому *термин* и совокупность терминов (*терминология*) стали центральными, основополагающими понятиями современной науки о терминах — *терминоведения*. Впрочем, в исторической лексикологии русского языка *термин* традиционно используется для обозначения слов, формирующих определенные лексико-тематические группы: предметно-бытовая, ремесленная, полководческая, пастушеская, географическая терминологии и многие другие. Хотя *термины* в этих случаях, естественно, обозначают понятия донаучного периода в современном понимании.

Использование методов историко-лексикологического анализа помогает преодолеть таинственно-недоуменное бытовое представление о *термине*, в том числе — при изучении соответствующих произведений художественной литературы в практике школьного и вузовского преподавания русского языка и литературы, а также истории и географии. Сложнейший путь развития, пройденный *термином*, доказывает справедливость мнения о том, что современный *термин* — это не какое-то необычное слово, а слово в специальном применении. В истории слова *термин* наглядно отражено развитие общего процесса познания. Как удачно заметила В. И. Постовалова, рассматривая идеи школы всеединства В. С. Соловьева, «цельная наука есть наука, возводимая к своим исходным первоначалам и тем самым избавляющая от узости

своих познавательных горизонтов, с одной стороны, и доводимая до самых последних степеней конкретности (в пределе „слияния с жизнью“), с другой стороны» [13, с. 414].

Литература

1. Алексеев П. [А.] Церковный словарь, или истолкование речений славенских, також иноязычных... — СПб., 1794. — Ч. 3.
2. Бабкин А. М., Шендецов В. В. Словарь иноязычных выражений и слов. — 2-е изд. — Л., 1987. — Т. 2.
3. Большая советская энциклопедия. — 3-е изд. — М., 1976. — Т. 25.
4. Большой энциклопедический словарь. — М., 1991. — Т. 2.
5. Вейсманн [Э.] Немецко-латинский и русский лексикон... — СПб., 1731.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. — 3-е изд. — СПб.; М., 1914. — Т. 4.
7. Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 12 т. — М., 1982. — Т. 1.
8. Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. — М., 1956. — Т. 2.
9. Лесков Н. С. Повести и рассказы. — М., 1981.
10. Островский А. Н. Лес. — М.; Л., 1950.
11. Островский А. Н. Полн. собр. соч. — М., 1950. — Т. 8.
12. Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 2 т. — 2-е изд. — М., 1994. — Т. 1.
13. Постовалова В. И. Наука о языке в свете идеала цельного знания // Язык и наука конца 20 века. — М., 1995.
14. Словарь иностранных слов. — 2-е изд. — М., 1941.
15. Словарь русского языка: В 4 т. — 2-е изд. — М., 1984. — Т. 4.
16. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. — М.; Л., 1963. — Т. 11.
17. Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху // Сб. ОРЯС. — СПб., 1910. — Т. 88. — № 2.
18. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. — М., 1989. — Т. 3. — Ч. 2.
19. Страбон. География: В 17 кн. — М., 1994. — Кн. 5.
20. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1940. — Т. 4.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — М., 1987. — Т. 4.
22. Философская энциклопедия. — М., 1970. — Т. 5.
23. Флоренский П. А. Термин // Вопросы языкознания. — 1989. — № 3.
24. Цыганенко Г. Л. Этимологический словарь русского языка. — 2-е изд. — Киев, 1989.
25. Чехов А. П. Собр. соч.: В 12 т. — М., 1985. — Т. 2.
26. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. — СПб., 1901. — Т. 32 А.

Всегда ли была география?

История с географией — о какой-нибудь неприятности, преимущественно неожиданной [от старинного названия школьного предмета: история с географией].

Толковый словарь русского языка
под ред. Д. Н. Ушакова

История географии, как и любой другой науки, особенно наглядно отражена в терминах. Это основной и наиболее информативный разряд лексического состава языка науки. Термины фиксируют комплекс всех важнейших понятий и категорий, материально закрепляя успехи познавательной деятельности человека. Начальный период формирования языка русской географической науки относится к первой трети XVIII в., однако уже в допетровскую эпоху язык русской практической географии располагал достаточно развитой системой обозначений для многих понятий. На роль названия самой науки претендовало два слова: *космография* и *география*.

Термин *космография* восходит к греческому языку (*cosmographia* — «описание Вселенной»: *κόσμος* (*cósmos*) — «Вселенная» и *γράφω* (*gráphō*) — «пишу»), в котором он обозначал, отражая традиции античного мировоззрения, обширную и нерасчлененную совокупность разнохарактерных и нередко фантастических сведений об устройстве всего мира. Сочинения, содержащие подобные сведения, также именовались *космографиями*. Примечательно, что в трудах западноевропейских ученых, посвященных описанию Вселенной, этот термин употреблялся наряду с другими синонимичными ему обозначениями: *хорография* (гр. *χώρα* (*chora*) — «страна») и топография (гр. *τόπος* (*tópos*) — «место»). В эпоху позднего Средневековья *космографией* называлась значительная совокупность сведений по астрономии, геологии, метеорологии, географии, экономике, истории, этнографии и политике, а также сочинения такого рода.

В русский язык термин *космография* был заимствован книжным путем из ученого языка средневековой Европы — латинского — в связи с первыми переводами космографий, появившимися на Руси. Мнение о французском посредстве при заимствовании этого слова, высказанное М. Р. Фасмером в его этимологическом словаре, следует признать несостоятельным [14, с. 346]. Дело в том, что переводы космографий на русский язык осуществлялись преимущественно с латинского и частично с польского языка, а переводы с французского неизвестны. По-видимому, данное заимствование следует датировать второй половиной XVI в. Такое предположение вполне допустимо, учитывая, что слово обычно фиксируется памятниками письменности значительно позднее появления самой реалии. В частности, толкование термина *космография* прослеживается в памятниках русской письменности с конца XVII в. Например, в «Книге глаголемой гречески алфавит» читаем: «*Козмография* — мира описание. Книжка ново от латинского языка на русский преложена, повести содержащи подобно кроникам» [4, с. 117]; «Даль <...> книгу *Козмографию* <...> печать немецкая, в дествъ» [3, с. 67]. Интересно, что уже в XVI в.

в одном из памятников встречается и название ученых, занимающихся описанием Вселенной, — *космографы*: «Танаисъ по римски, а по руски Донъ, яже Европу делить со Азиею, яко *космографы* описуютъ въ землемерительной книзе» [10, с. 361].

Широкое распространение рукописных космографий в переводной литературе Московской Руси относится к концу XVI — началу XVII в. Об этом свидетельствует один из переводов, а точнее — компилятивная переработка-дополнение «Атласа», капитального сочинения фламандского картографа XVI в. Герарда Меркатора, выполненная переводчиками Посольского приказа Богданом Лыковым и Иваном Дорном. Это переводное сочинение известно под названием «Космография 1637 г.». Среди прочих космографических трудов работа Меркатора пользовалась наибольшей популярностью у русских книжников, так как содержала достоверные и актуальные для того времени сведения о географическом положении зарубежных стран и устройстве всего мира. Переводы этого сочинения, как и сочинений других космографов, известны по многочисленным рукописным спискам. Они неоднократно переписывались, перерабатывались, дополнялись новыми материалами и приобретали компилятивный характер. Примером такого сводного сочинения может служить «Космография 1670 г.», изданная Обществом любителей древней письменности (1878–1881 гг.) [5]. Фрагменты из космографий, имевшие большую познавательную ценность, включались в различные по жанру памятники письменности: хронографы, хроники, азбуковники, которые нередко разъясняли и значение нового для того времени термина *космография* (см. выше цитату из «Книги глаголемой гречески алфавит»).

Термин *география* был введен в научный оборот древнегреческим ученым Страбоном в его знаменитой 17-томной «Географии», которая обобщала географические представления античной эпохи [11]. Однако ввиду того, что этот труд стал известен только в VII в., намного позже времени его написания, термин *география* не употреблялся средневековыми западноевропейскими учеными, и они продолжали пользоваться терминами *космография*, *хорография*, *топография*. Показательно в этом отношении то, что ульмское издание капитального восьмитомного труда Клавдия Птолемея вышло в 1482 г. под названием «Космография...», а базельское издание 1540 г. — под названием «География...».

В русский язык слово *география* — «землеписание» было заимствовано также книжным путем из латинского, в котором оно восходит к греческому γεω-γραφία (γεω — «земля» и γράφω — «писание») — землеписание. Одну из наиболее ранних фиксаций термина, которая указывает на древнюю нерасчлененность космографических и географических понятий, встречаем в переводном памятнике 1685 г. «Орбис Терарум» («Описание Земли»): «Сие именуется *география*, еже изыскивати и ведати всю поднебесную» [9, л. 143об.].

Термин *география* заимствован примерно в одно время с термином *космография*. Интересно, что на полях рукописи и в самом тексте «Космографии 1670 г.» в целях толкования-пояснения к термину *космография* даны глоссы (параллели): *география* и *еография*, что в определенной степени уточняло содержание понятия будущей науки [5, с. 1–2, 186]. Синонимичное сосуществование терминов *космография* и *география* в русском языке продолжалось в течение XVI–XVII вв. и отражено в лексикографических источниках XVII–XVIII вв. Слово *космография* прослеживается в них с середины XVII в.,

причем сначала только в латинском написании, что, по-видимому, должно было указывать на его сугубо книжный характер: «со(s)topographia, мирописание» [6, с. 145]. Латинские формы этого и синонимичных ему терминов встречаем в «Немецко-латинском и русском лексиконе» Э. Вейсмanna (1731): «costographia, topographia, geographia» [1, с. 85]. В русском написании слово *космография* отмечено только в конце XVIII в. в словаре И. И. Нордстета, что, вероятно, обусловлено недостаточной научной актуальностью данного слова для Петровской эпохи и выходом из активного употребления [8, с. 308].

Наиболее ранняя фиксация термина *география* — в словаре П. Беринды (1627), причем в русском написании: «*география* — земле описание» [7, с. 199]. Последующие лексикографические источники содержат или только латинскую форму термина, как «Лексикон» Е. Славинецкого, или параллельно латинскую и русскую формы, как «Лексикон» Э. Вейсмanna. В окончательно закрепившемся русском написании *география* и целый ряд производных от этого термина образований представлены в словаре И. И. Нордстета (1780), отразившем прочные терминологические позиции географической науки, сформировавшейся в России XVIII в., и ее дальнейшее развитие в таких терминах, как *геодезия*, *геодезист* [8, с. 132].

Начиная с первых десятилетий XVIII в. слово *космография* постепенно выходит из употребления как очень многозначное и поэтому не способное претендовать на точное обозначение формирующейся науки о Земле — *географии*. Прочное терминологическое положение с этого времени начинает занимать *география*, что было закреплено в названии первой научной печатной книги собственно географического содержания — «*География* или краткое земного круга описание» (М., 1710). О соотношении двух интересующих нас терминов в языке русской географической науки середины XVIII в. ценные наблюдения сделал известный историк и географ В. Н. Татищев. В своей «Истории Российской...» он отмечал: «*География* есть слово греческое, значит *землеписание*, и хотя оно разные именованья имеет, яко *космография*, *топография*, *гидрография*, но существенно сие токмо едино, описание земли значася, ибо *космография* есть *мирописание*, в котором светила небесные <...> заключаются, <...> что собственно до *астрономии*, а качества действ их до *физики* принадлежат, хотя некоторые под именем *космографии* описали токмо землю. Противно тому, другие в имя *географии* включили *космографию*. Хотя и то верно, что *география* не может быть ясною бес-показания неких астрономических обстоятельств» [12, с. 345].

Между тем слово *космография*, утратив собственно терминологическое значение, не сдавало своих позиций и продолжало употребляться в языке, но уже только как обозначение книг, содержащих занимательные и нередко фантастические рассказы о древнем устройстве мира. Эти книги нередко сопровождались прекрасными иллюстрациями, старинными картами-гравюрами и пользовались большой популярностью у читателей Петровской эпохи, о чем подробно мы расскажем далее.

Даже в середине XIX в. некоторые фрагменты из космографий сохранялись в древнем народно-поэтическом сознании в виде наивно-реалистических повествований, например, о землях, населенных «людьми с пёсьими головами». В драме А. Н. Островского «Гроза» (действие 2-е, явление 1-е) странница Феклуша рассказывает доверчивым калиновцам следующее:

Феклуша: <...> А то есть еще земля, где все люди с пёсьими головами.

Глаша: Отчего ж так, с пёсьими?

Феклуша: За неверность <...>

Глаша: <...> Вот еще какие земли есть! Каких-то, каких-то чудес на свете нет! А мы тут сидим, ничего не знаем. Еще хорошо, что добрые люди есть; нет, нет, да и услышишь, что на белом свете делается; а то бы так дураками и померли.

Этот пассаж восходит к одному из фантастических фрагментов «Космографии 1670 г.», в котором идет речь о диковинных киноцефалах — людях с пёсьими головами: «Остров на восточном море, человецы в нем дикие, власы и ногти л(б)вовые. Есть ж еще остров, а в нем *человецы песьи главы*. Человецы же велики и страшны зраком» [5, с. 19]. Другой фрагмент из этой космографии посвящен похожему описанию далекой и неведомой Сибири: «Земля Сибирь нарицаемая, *зверообразных и диких людей*, потому что живут по лесом и рекам великим и питаются зверем и рыбою кроме хлеба; ядят кровавое и сырое [мясо], веры ж и грамоты не имеют» [5, с. 13].

Интересно, что слово *космография*, вытесненное из строго научной сферы, просуществовало в русском языке в течение всего XIX в. как название учебного предмета, преподававшегося в старших классах средней школы и включавшего элементарные сведения по астрономии и географии. Примером учебника по этому предмету может служить составленная Вс. Морозовым «Космография в историко-генетическом изложении для средних учебных заведений с 98 чертежами, 20 рисунками и картой наиболее замечательных созвездий, видимых в Европе» (Вильна, 1894). В послеоктябрьский период космография в средней школе была заменена астрономией.

Наряду с *космографией* в России XIX в. преподавался другой старинный школьный предмет — *история с географией*. Об иноземных учителях, обучавших этому «комплексному» предмету детей русских дворян, вспоминал герой комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» А. А. Чацкий в разговоре с Софьей (действие 1-е, явление 7-е):

В России, под великим штрафом,
Нам каждого призвать велят
Историком и географом!

Вспомним также, что учителем истории и географии работал в гимназии герой известного рассказа А. П. Чехова «Человек в футляре» М. С. Коваленко. К его сестре Вареньке сватался небезызвестный Беликов. Герою другого рассказа А. П. Чехова — «Клевета» тоже стал учитель истории и географии И. П. Лошадиных.

В. И. Даль, принципиально не включавший иноязычную лексику в свой знаменитый словарь, все-таки поместил в нем ряд слов с корнями *космо-* и *гео-* (*космография*, *космограф*, *география*, *географ* и т. п.), очевидно, сознавая большую историческую значимость обозначаемых ими понятий в древнем мирозерцании народа [2, с. 175, 348]. В словарях современного русского языка, уже начиная с Толкового словаря под редакцией Д. Н. Ушакова, термин *космография* сопровождается пометой «устарелое» [13, стб. 1483]. Аналогичный подход к слову сохранили современные словари иностранных слов.

Судьба терминов *космография* и *география* своеобразно отражена в истории культуры и письменности допетровской и послепетровской Руси. Ис-

торико-лингвистическая интерпретация этих терминов позволила получить представление о том, как в процессе научного познания устройства Земли изменился и стабилизировался сам предмет научного исследования, что закономерно отразилось в языке на замене устаревшего термина новым, выразившим сущность сформировавшейся географической науки. В современную эпоху столь привычный для нас термин *география*, как и сама эта комплексная наука, получил дальнейшее развитие в серии таких новых обозначений, как *физическая география*, *экономическая география*, *политическая география*, *география промышленности*, *география населения*, *география транспорта* и др. География сегодня — одна из наиболее популярных наук, что подтверждается активным включением терминологической лексики ее научного языка в общее употребление, а это способствует расширению и обогащению выразительных возможностей русского литературного языка (ср. *география строек*, *география гастролей*, *география поисков* и т. п., а также историю терминов *регион* и *масштаб* > *масштабный* — *масштабность*).

Литература

1. Вейсманн [Э.] Немецко-латинский и русский лексикон... — СПб., 1731.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1935 — Т. 2.; — М., 1955. — Т. 1.
3. Изюмов А. Ф. Вкладные книги Антониева Сийского монастыря 1576–1694 гг. // Чтения ОИДР. — М., 1917. — Кн. 2. — Отд. 1.
4. Книга глаголемая гречески алфавит / Рукоп. БАН. Арх. д. № 446.
5. Космография 1670 г. Книга глаголемая космография, сиречь описание сего света земель и государств великих. — СПб.: Изд. ОЛДП, 1878–1881. — Вып. 21, 57, 68.
6. Лексикон латинский Е. Славинецкого / Лексикон словено-латинский Е. Славинецкого та А. Корецкого-Сатановского. — Київ, 1973.
7. Лексикон словеноросский Памви Беринди. — Київ, 1961.
8. Нордстет И. И. Словарь российский с немецким и французским переводами. — СПб., 1780. — Ч. 1.
9. Орбис Терарум: сии речь образец или чертеж всего света земель / Рукоп. ГПБ. Q. IV. № 52.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. — М., 1980. — Вып. 7.
11. Страбон. География: В 17 книгах. — М., 1994.
12. Татищев В. Н. История Российская <...> / Собр. соч.: В 8 т. — М., 1994. — Т. 1. — Ч. 1.
13. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1934. — Т. 1.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — М., 1986. — Т. 2.

«Книга Большому Чертежу»

География — это глаза и свет истории...
Карты позволяют нам, не выходя из дома,
воочию видеть вещи, находящиеся на величайшем отдалении.

В. Блау

Сведения об устройстве Земли уже в Древней Руси ценились весьма высоко. Без них невозможно было узнать, где какая местность находится, далеко ли она расположена. Без таких сведений нельзя было оборонять рубежи отечества, развивать торговлю, судоходство, успешно налаживать культурно-экономические контакты с другими народами, т. е. вообще управлять государством. Накопление таких сведений шло практическим путем: создавались различные описания известных и ранее неизвестных территорий. Собранные сведения фиксировались не только в летописях, но и на элементарных географических картах того времени, создававшихся вручную, а также в рукописных описаниях к этим картам, где словесно излагалось их содержание. Ведь всегда легче воспринимать границы конкретной местности, если она наглядно изображена на рисунке, а к тому же сопровождается описанием-комментарием, как на современных школьных контурных картах.

Вспомним диалог в одной из сцен трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов»:

- Царь. А ты, мой сын, чем занят? Это что?
Федор. Чертеж земли московской; наше царство
Из края в край. Вот видишь: тут Москва,
Тут Новгород, тут Астрахань. Вот море,
Вот пермские дремучие леса,
А вот Сибирь.
Царь. А это что такое
Узором здесь виется?
Федор. Это Волга.
Царь. Как хорошо! вот сладкий плод ученья!
Как с облаков ты можешь обозреть
Все царство вдруг: границы, грады, реки.
Учись, мой сын: наука сокращает
Нам опыты быстротекущей жизни <...>
[18, с. 296–297].

«Чертеж земли московской» — не поэтический образ, как может показаться на первый взгляд. Тонкий знаток отечественной истории и географии, А. С. Пушкин воспроизвел здесь точное название одного из далеких предков современной географической карты. «Чертежи» — так в древности называли элементарные рукописные изображения отдельных территорий Русского государства — возникли очень давно. Исследователи предполагают, что элементарные чертежи существовали на Руси уже в XIII–XIV вв., хотя ни один из них, к сожалению, не сохранился. Тем не менее косвенные упоминания о первых

чертежах встречаем в инвентарных росписях архивов Ивана Грозного и Посольского, Разрядного и Тайного приказов. Например, «*Чертежи же розных государств*, ветхи добре, распались, розобрать имянно и написать не мочно» [13, с. 136]. Естественно, что ручной, почти бестиражный характер изготовления древних чертежей и частые для того времени войны и пожары не могли обеспечить длительную сохранность этих ценных произведений отечественной картографии. В странах Западной Европы, благодаря пионерской практике фламандского картографа XVI в. Г. Меркатора, стал распространяться способ изготовления географических карт путем гравирования изображения на меди и переноса его на бумагу, что позволяло получать большие тиражи карт. Однако на русской почве в допетровскую эпоху этот способ развития не получил.

Самый древний из дошедших до нас рукописных русских чертежей с элементарным текстом датируется, по оценке В. С. Кусова, 1536 г. К настоящему времени; «несмотря на утрату значительного числа отечественных картографических памятников, учтено 1173 чертежа. Из них 21 чертеж пока не обнаружен» [10, с. 5,8]. Новейшие архивные разыскания В. С. Кусова позволили ввести в научный оборот еще три новых русских чертежа московских земель XVII в. [11].

Картографическое наследие Древней Руси представляло большую ценность не только для русских книжников, активно продвигавшихся в познании географического устройства своей Родины, но и для иностранных послов, купцов и путешественников. Не случайно поэтому некоторые чертежи дарились русскими царями именитым иностранцам, воспринимавшим их как редкий и дорогой подарок. Западноевропейские картографы широко использовали русские чертежи для составления карт Московии, географию которой они знали весьма приблизительно [19].

Отечественной картографии с момента ее возникновения, как отмечает известный ученый К. А. Салищев, «были присущи две замечательные черты: реальный, „полевой“ характер исходных материалов и государственная направленность картографической деятельности» [20, с. 215]. Ее вершиной на рубеже XVI–XVII вв. стала генеральная карта всего Московского государства — «Большой Чертеж», созданная на основе «старого» и «нового» чертежей, но, к сожалению, не сохранившаяся. В начале XVII в. царская администрация санкционирует работы по упорядочению и обновлению корпуса картографических материалов, без чего невозможно было обеспечить надежную оборону границ Русского государства и наладить станичную, сторожевую и посольскую службу. В таком историческом контексте и появляется «Книга Большому Чертежу», «построенная» в 1627 г. в тогдашнем военном ведомстве, Разрядном приказе, как словесное описание карты «Большой Чертеж». В связи с этим следует прояснить само название памятника — «Книга Большому Чертежу», представленное в форме дательного падежа, который употреблялся в древнерусском языке для выражения принадлежности наряду с родительным падежом. Т. е. «Книга Большому Чертежу» — это описание к «Большому Чертежу». Однако конкуренция этих падежей для выражения принадлежности закончилась победой родительного падежа, поэтому нередко в литературе XVIII–XX вв. (и даже во 2-м издании БСЭ) название памятника употреблялось в форме родительного падежа: «Книга Большого (Большого) Чертежа», что нельзя считать исторически правильным.

Среди оригинальных произведений русской деловой письменности XVII в. «Книга Большому Чертежу» (далее — КБЧ) без преувеличения занимает уни-

кальное место. Такой статус памятника обусловлен временем и условиями его появления, а также характером назначения и содержания. Возникновение КБЧ отражает важный этап в развитии картографии — самостоятельной отрасли русской практической географии XVI–XVII вв. Задачи административного управления; учет земельных владений, который не прекращался в течение XVII в. [4]; вопросы обороны границ Русского централизованного государства; развитие торговых и дипломатических отношений с державами иностранными — все это требовало составления надежных графических изображений различных территорий, а также их словесных описаний.

Важно отметить, что благодаря условиям своего происхождения КБЧ сразу приобрела особый, официальный характер, поскольку она была создана по социальному государственному заказу. В этом можно убедиться, прочитав своеобразное предисловие к памятнику: «По государеву цареву и великого князя Михаила Феодоровича всеа России указу сыскан в Розряде старои чертеж всему Московскому государству <...>. И тот старои чертеж ветх, впредь по нем урочиш смотреть не мочно, избился весь и розвалился. А сделан был тот чертеж давно при прежних государех. И в Розряде дьяки, думной Федор Лихачев да Михаилу Данилов, велели [кому? — А. Б.], примерясь к тому старому чертежу, в тое ж меру сделать новой чертеж всему Московскому государству по все окресные государства. <...> И против чертежные подписи урочищам и книгу написать, и в книге и в чертеже зная мере верстам положить по прежнему, как была мера <...> в старом чертеже положена» [8, с. 49–50].

Как видим, в соответствии с «государевым указом» предполагалось не только обновить старые чертежи и составить новые, но и сделать словесное описание этих чертежей, обеспечив таким образом их длительную сохранность как важных документов для «государевой службы посылок». КБЧ представляет собой одно из таких описаний, но составленное именно к «Большому Чертежу», что и определило дальнейшую судьбу памятника. С XVII в. КБЧ стала прочно ассоциироваться с самим «Большим Чертежом» — в XVIII–XIX вв. ее нередко именовали *картой*, о чем можно судить по названиям некоторых изданий памятника. Причина такого переосмысления понятна: в связи с утратой «Большого Чертежа» КБЧ сохраняла все его «чертежные подписи», т. е. словесное содержание, и поэтому приобретала не вспомогательное, а вполне самостоятельное значение. Кроме того, следует учитывать, что текст на древних картах выполнял важную и самостоятельную информационную функцию, в отличие от краткого текста на современных картах, представленного в виде названий географических объектов и условных знаков и пояснений (легенды).

Долгое время оставалось загадкой авторство КБЧ. Из предисловия к памятнику ясно лишь то, что руководство работой по составлению КБЧ поручалось двум опытным дьякам Разрядного приказа — Ф. Лихачеву и М. Данилову, имена этих книжников упоминаются в исторической литературе XIX в. [12, с. 65–78; 1, с. 311]. Но кому они *велели книгу написать*? Заслуга в установлении авторства КБЧ принадлежит отечественному лингвисту Г. А. Хабургаеву, который в газетной статье 1955 г., а затем в ряде своих работ 1966–1969 гг. доказал, что автором КБЧ был подьячий Разрядного приказа Афанасий Иванович Мезенцев (Мезинцов). Это утверждение основывается на челобитной А. И. Мезенцева царю Михаилу Федоровичу, которую Г. А. Хабургаев обнаружил в архивах и в которой автор КБЧ просил выплатить промежуточное вознаграждение за ее составление [22–24; 15].

Отражая картографическое содержание «Большого Чертежа», КБЧ охватывала огромное для того времени географическое пространство. На севере ее сведения простирались до Ледовитого океана; на юге — до современных территорий Казахстана и республик Закавказья; на западе — до городов «порубежных»: Невеля, Полоцка и др.; на востоке — до бассейна реки Оби. В начале КБЧ «написан царствующий град Москва на реке на Москве, на левом берегу; а река Москва вытекла по Вяземской дороге, за Можайском верст с 30 и больше» [8, с. 55]. Далее географическое описание территорий последовательно проводится по дорогам и (преимущественно) рекам как важнейшим путям сообщения, о чем свидетельствуют названия разделов памятника. Например: «Роспись Изюмские дороги»; «Роспись реке Донцу, и рекам и колодезям, которые <...> в Донец с Крымской и Нагайской стороны пали»; «Дон»; «Роспись реке Терку» и т. д. Кроме этого, дано описание бассейнов Днепра (и его порогов), Угры, Оки, Клязьмы, Волги, Онеги, Двины и др.; охарактеризованы города порубежные и сибирские города. Таким образом, в целом КБЧ имеет ярко выраженное гидрографическое содержание.

Наряду со сведениями военно-стратегического характера (точное указание расстояний между городами, реками и другими объектами, физико-географическая характеристика этих объектов, сообщения о местах татарских перевозов и перелазов в Русь и т. п.) КБЧ содержит важную историко-этнографическую информацию. Например, «А до Кафы и Бакчисарая верст с 60, а по обе стороны той дороги деревни же татарская, а воды копанья и родники есть. А у татар во всех деревнях пашни пашут, а сеют пшеницу, да ячмень, да полбу» [8, с. 66]; «А на реке на Угус город Каган, живет в нем Юргенского царя брат» [8, с. 96]; «А усть реки Белья Воложки вверх и по реке по Уфе <...> все живут башкирцы, а кормля их мед, зверь, рыба, а пашни не имеют» [8, с. 139] и т. д. Кроме того, в КБЧ встречаются сведения о наличии в отдельных регионах полезных ископаемых: «А с верху реки Манача с левой стороны озеро, а в том озере емлют соль азовцы и черкасы ятигорская <...>» [18, с. 86]; «<...> От Самары 90 верст озера, а в нем емлют серу горячую» [8, с. 140]; «А от тое горы 170 верст гора Улутова, по нашему Великая гора, а в ней олово» [8, с. 170].

Всего в КБЧ зафиксировано около 2000 топонимов, более половины из них составляют гидронимы, что вполне согласуется с общей гидрографической направленностью памятника. Лингвистическое изучение всего обширного топонимического наследия КБЧ представляет несомненный научный интерес. В частности, весьма показательно, что некоторые иноязычные топонимы даны в их переводе на русский язык, достаточно верном для того времени, что расширяло энциклопедические возможности КБЧ. Например, «<...> У моря на берегу город *Дербент*, *Железные Ворота* тож, а по турски Темир-Капы» [8, с. 89]; «<...> С левые стороны Яика, Илез река, ниже горы *Тустеби*, по нашему та гора *Соляная*, ломают в ней соль» [8, с. 93]; «<...> А на устье тое реки 8 озер *Карагол*, по нашему *Черный озеро*» [8, с. 94].

В XVII в. КБЧ не только продолжала широко использоваться как своеобразная маршрутная карта («дорожник») для «государевой службы посылок». Являясь ценным памятником русской деловой письменности, она стимулировала появление новых «дорожников» для организации почтовой службы. В их числе «Поверстная книга» (известная в списках конца XVII в. и XVIII в.), возникновение которой, по оценке В. А. Петрова, следует относить к 30-м гг. XVII в. [14]. Другой «дорожник» — «Описание расстоянию столиц и нарочитых градов и славных государств и земель <...> от града Москвы» — составлен

в 1667 г. переводчиком Посольского приказа А. А. Виниусом и впервые обнаружен историком П. Г. Бутковым [3]. Мнение исследователей XVIII–XIX вв. о том, что эти новые «дорожники» появились как «дополнение» к КБЧ вряд ли правомерно, поскольку КБЧ, являясь официальным памятником картографического происхождения, всецело соответствует своему времени. Для составителей новых документов КБЧ была лишь авторитетным образцом, что подтверждается наличием в составе ряда сборных рукописей конца XVII – начала XVIII в. текстов КБЧ и «Поверстной книги».

Заслуга открытия КБЧ и введения ее в научный оборот принадлежит известному русскому историку и географу В. Н. Татищеву. В 1768 г. в первом томе своего капитального труда «История Российская...», анализируя картографическое наследие прошлых столетий в главе «О географии вообще и о русской», он упоминал КБЧ. Сохранившиеся архивные материалы свидетельствуют, что ранее, в 1744–1745 годах, В. Н. Татищев готовил текст памятника к публикации, так как КБЧ «для географии русской весьма нужна и полезна, для того я оную изъяснил, пополнил и роспись алфавитную приложил» [21, с. 348]. Однако по неизвестным причинам этот замысел остался неосуществленным.

Большим событием в истории изучения КБЧ явилось ее первое издание, предпринятое известным просветителем XVIII в. Н. И. Новиковым под характерным названием «*Древняя Российская Идрография*», содержащая описание Московского государства рек, протоков, озер, кладязей, и какие по ним города и урочища, и на каком оныя разстоянии» (СПб., 1773). В основу издания было положено 6 списков КБЧ. В значительно искаженной форме название первого издания памятника дано в академическом издании под редакцией К. Н. Сербиной (М.; Л., 1950), а затем в СИЭ (М., 1965) и БСЭ (3-е изд. — М., 1973), добавивших еще одну ошибку, в датировке — 1775 г., что наглядно доказывает опасность некритического использования материала «из вторых рук».

Второе издание памятника вышло под названием «*Книга Большому Чертежу или древняя карта Российскаго Государства, поновленная в Розряде и списанная в книгу 1627 года*» (СПб., 1792). Текст памятника на основании 3-х списков был напечатан в типографии Горного училища без указания имени издателя, поэтому данное издание часто квалифицировали как анонимное. Между тем большинство исследователей не без основания считают, что вторым издателем КБЧ был известный археолог и собиратель древних рукописей А. И. Мусин-Пушкин, хотя в предисловии к своему изданию он почему-то не упомянул об издании 1773 г.

Третье издание КБЧ (СПб., 1838), озаглавленное аналогично предыдущему, было осуществлено писателем и переводчиком Д. И. Языковым. В основу этого компилятивного издания положен текст издания 1792 г., а также варианты по изданию 1773 г. При переиздании Д. И. Языков сопровождал текст памятника комментариями, объяснив наиболее темные, по его мнению, термины: *застава*, *надолбы*, *колодезь*, *сакма* и др. В двух рецензиях на это издание указывалось, что оно не вполне отвечает требованиям, предъявляемым к публикациям древних памятников, поскольку прежние издатели не учитывали текстологических особенностей рукописей и нередко произвольно исправляли то, что казалось им непонятным.

Четвертое издание памятника под названием «*Книга, глаголемая Большой Чертеж*» (М., 1846) было предпринято историком Сибири Г. И. Спасским. Это издание выгодно отличается от всех предшествующих тем, что Г. И. Спасский

не только использовал более древние списки, доведя их число до 8-ми, но и дал описание списков, сохранив орфографию и указав в вариантах разночтения. Издание снабжено обширными примечаниями, в которых издатель комментировал значение наиболее сложных терминов и географических названий, например, *шлях*, *засака*, *россошь*; *Иверская земля*, *Юргенская земля*, *Святой нос* и т. п.

В течение XIX в. историки и географы неоднократно обращались к исследованию КБЧ (см. труды Н. М. Карамзина, А. Х. Лерберга, Е. К. Огородникова, А. И. Макшеева, Д. И. Прозоровского, В. С. Иконникова и др.). Неослабевающий интерес к памятнику проявился и в том, что Отделение этнографии Русского географического общества с 1852 г. по 1859 г. объявляло конкурс, предполагавший реконструкцию КБЧ. Однако единственная работа, поступившая на конкурс, была признана неудовлетворительной и осталась ненапечатанной [5, с. 44–48].

Пятое издание КБЧ осуществлено Ленинградским отделением Института истории АН СССР (М.; Л., 1950). Подготовка памятника к печати и редакция принадлежит известному историку К. Н. Сербиной. Во введении, имеющем самостоятельное исследовательское значение, критически рассмотрены существующие издания КБЧ и принципы их построения, дана полная характеристика официальных и неофициальных редакций памятника, его списков, установлена генеалогия отдельных редакций и списков. В основу академического издания положен наиболее надежный список № 396 официальной редакции, непосредственно связанный своим происхождением с Разрядным приказом. Этот список сопровождается списком № 1330, содержащим важные дополнения, представленные в подстрочных примечаниях. Издание снабжено библиографией, обобщившей литературу о КБЧ до 1950 г., и, как в предыдущих изданиях, — географическим указателем. К сожалению, академическое издание не лишено серьезных ошибок, которые справедливо заметил историк и топонимист А. И. Попов [16]. И в лингвистическом отношении это издание не может удовлетворить современного исследователя хотя бы потому, что в нем допущены необоснованные отступления от орфографии подлинника, и в целом оно не отвечает строгим критериям научной публикации, так как содержит ошибки в названиях, именах, датах и многочисленные опечатки. Подобная небрежность вообще характерна для многих исследований, посвященных КБЧ: в частности, ее почему-то стали называть «*Книгой Большого Начертания*» (!?).

Назрела потребность в новом издании КБЧ, свободном от указанных погрешностей, которое вполне отвечало бы современным принципам публикации памятников письменности и смогло удовлетворить научные интересы не только историков, но и лингвистов, географов, этнографов. Актуальность нового издания памятника обусловлена и тем, что последнее издание было осуществлено более полувека назад тиражом всего 3000 экземпляров и стало библиографической редкостью. Кроме того, с момента последнего издания КБЧ литература о ней существенно обогатилась новыми материалами и исследованиями. Так, два списка памятника обнаружены в Швеции [25], введена в научный оборот ранее неизвестная сокращенная редакция КБЧ (конец 80-х – 90-е годы XVII в.) [9, с. 27–28].

Значительный интерес представляет изучение языка КБЧ — этой уникальной географической энциклопедии допетровской эпохи. Еще в 1861 г. Ф. И. Буслаев заметил: «Для истории языка эта книга важна, как по геогра-

фическим собственным именам, так и по различным выражениям, употребленным составителями ее при описании местностей» [2, с. 1056]. Я. К. Грот указывал на источниковедческую ценность памятника, содержащего «богатый материал для словаря многоязычных географических имен» [6, с. 620]. КБЧ активно использовал в своих грамматических разысканиях А. А. Потебня [17].

Весьма примечательно, что КБЧ закрепляла и развивала приемы лаконичного описания фактического материала, которые проявились в русской письменности уже во второй половине XVI в. и впоследствии стали характерными для энциклопедической литературы вообще. Например, в составе одного из кратких летописных сборников встречаем знакомое по форме описание: «От Казани до болгарского городища и Балымата — 200 верст. От болгар до Девичих гор и до Царева кургана — 100 верст; Царев курган на реке на Самаре, а Девичих гор 60 верст» [7, с. 19]. КБЧ содержит ценный материал для изучения апеллятивной (нарицательной) и ономастической лексики русского языка, отражая наиболее раннюю фиксацию отдельных терминов, например, *гирло* — «морской пролив; рукав в речной дельте». К сведениям КБЧ неоднократно обращаются современные исследователи для установления надежных этимологий ряда географических названий, хотя в отдельных случаях сведения КБЧ оказываются «притянутыми за уши» и поэтому приводят к неверным выводам, к искаженной трактовке языковой ситуации на Руси XVII в. [26]. Памятник включен в корпус обязательных источников при создании капитальных произведений отечественной исторической лексикографии и, таким образом, не утратил своего значения для науки.

Литература

1. Белокуров С. [А]. О библиотеке московских государей в XVI столетии. — М., 1898.
2. Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. — М., 1861.
3. Бутков П. Г. Три статьи, присоединенные к книге Большого Чертежа России <...> // Журнал Министерства внутр. дел. — 1840. — Ч. 38. — № 10.
4. Веселовский С. Б. Материалы по истории общего описания земель Русского государства в конце XVII в. // Ист. архив. — М., 1951. — Т. 7.
5. Вестник Имп. русск. геогр. об-ва за 1857 г. — 1858. — Ч. 21. — Кн. 6. — Отд. 6.
6. Грот Я. К. Заметка о топографических названиях вообще // Журнал Министерства народного просвещения. — 1867. — Ч. 136. — № 11.
7. Зимин А. А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Ист. архив. — М.; Л., 1950. — Т. 5.
8. Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. — М.; Л., 1950.
9. Кобяк Н. А., Поздеева И. В. Славяно-русские рукописи XVI–XVII веков научной библиотеки МГУ. — М., 1968.
10. Кусов В. С. Картографическое искусство Русского государства. — М., 1989.
11. Кусов В. С. Три новых русских чертежа московских земель XVII века // Археографический ежегодник за 1997 г. — М., 1997.
12. Лихачев Н. [П]. Библиотека и архив Московских Государей в XVI столетии. — СПб., 1894.
13. Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. — М., 1960.
14. Петров В. А. Географические справочники XVII в. // Ист. архив. — М.; Л., 1950. — Т. 5.
15. Полевой Б. П. Новое о «Большом чертеже» // Известия АН СССР. Серия геогр. — 1967. — № 6.
16. Попов А. И. [Рец.] «Книга Большому Чертежу» в новом издании Академии наук СССР // Вестник ЛГУ. — 1951. — № 10.
17. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. — М., 1968. — Т. 3.
18. Пушкин А. С. Соч.: В 3 т. — М., 1955. — Т. 2.

19. Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV — начала XVI века. — М., 1974.
20. Салищев К. А. Картография. — М., 1971.
21. Татищев В. Н. История Российская <...> / Собр. соч.: В 8 т. — М., 1994. — Т. 1. — Ч. 1.
22. Хабургаев Г. А. Замечательный географ начала XVII века // Курская правда. — 03.09.55. — № 209.
23. Хабургаев Г. А. Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия. Введение. Вокализм // Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской. — М., 1966. — Вып. 12. — Т. 163.
24. Хабургаев Г. А. Локальная письменность XVI–XVII вв. и историческая диалектология // Изучение русского языка и источниковедение. — М., 1969.
25. Davidsson C. Two MSS of Kniga Bol'sogo Čerteza in Sweden // Scandoslavica. — 1954. — Т. 1.
26. Shevelov G. Y. Muscovite clerks face another Country: The rendition of Ukrainian place names in Kniga bol'somu čertezu // The language and verse of Russia. — М., 1995.

Русские космографии XVI—XVII вв.

История и летописи без землеописания (географии) совершенного удовольствия к знанию нам подать не могут.

В. Н. Татишев

Русские космографии представляют собой переводные, преимущественно компилятивные рукописные географические сочинения средневековых (в основном западноевропейских) ученых, получившие широкое распространение в русской письменности XVI—XVII вв. Космографии содержат описание известных к тому времени территорий и государств, отражая доначный уровень географических представлений о том, как устроен мир, и поэтому являются ценным источником по истории формирования географических знаний на Руси. В условиях синкретического развития античной науки не существовало вполне четкого понимания понятия «география», что было унаследовано средневековыми учеными-космографами. В их трудах термин *география* неустойчиво употребляется наряду с такими синонимами, как *хорография*, *топография*, *космография* (ср. выше историю терминов *космография* и *география*). В эпоху русского Средневековья более широкую известность получил термин *космография*, обозначавший значительную совокупность сведений по астрономии, географии, геологии, метеорологии, экономике, политике, этнографии и страноведению, т. е. (кратко) — «описание Вселенной».

К разряду космографических сочинений раннего Средневековья, известных на Руси, относится «*Христианская топография*» Козьмы Индикоплова — византийского купца, много путешествовавшего по Средиземному, Красному и Аравийскому морям. Интересно, что своим происхождением его имя обязано исторической ошибке, поскольку современники знали Козьму прежде всего как путешественника и поэтому называли Индикопловом (т. е. плователем в Индию), хотя в Индии он никогда не был, но об этой стране, безусловно, знал. «*Христианская топография*» создана в первой половине VI в. н. э., а ее славянский перевод, известный под названием «*Космография*», осуществлен на Руси не позднее XIII в. и впоследствии распространился более чем в 90 списках. Современные исследователи до недавнего времени рассматривали единственное издание этого труда, предпринятым в 1886 г. ОЛДП. В основу издания положен русский список XVI в., восходящий к спискам XIV—XV вв. [12]. Новейшее, первое лингвистическое издание памятника осуществлено Институтом русского языка РАН (1997), в основу положен список 1495 г. [13; 2].

Благодаря тому, что «*Космография*» Козьмы Индикоплова отражает библейскую версию происхождения мира, она позволяет получить представление о географическом кругозоре раннего Средневековья. В ней содержатся сведения об устройстве Вселенной, о звездах, морях и реках, об экзотических растениях и животных и т. п., а также дано собственное географическое описание малоизвестных в то время стран и территорий. К ним, например, относятся *Эфиопия* (*Абиссиния*), *Китай* (*Сина*), *Индия*, *Цейлон* (*Тапробан*). Данная космография продолжала оставаться популярным географическим сочинением

вплоть до середины XVIII в. [5; 10]. Отдельные фрагменты из нее и ссылки на Козьму Индикоплова встречаются в русских азбуковниках. Популярности космографии в немалой степени способствовали сопровождающие текст прекрасные иллюстрации известных тогда стран света, восхода и захода солнца, библейских апостолов, Ноева ковчега и т. п. По мнению большинства исследователей, эти миниатюры сохраняют традиции древнегреческих рукописей. Одним из первых к изучению проблемы идентификации миниатюр обратился искусствовед Е. К. Редин [22; 23]. Однако в целом современная наука не располагает обстоятельным и глубоким исследованием географического кругозора «*Космографии*». Козьмы Индикоплова, хотя этому интересному труду посвящен ряд работ отечественных и зарубежных ученых.

Начиная с XVI в. русские переводы космографий становятся более регулярными, что объяснялось растущей практической заинтересованностью Русского государства в развитии торгово-экономических и политических отношений с зарубежными странами. Такая заинтересованность закономерно должна была базироваться на хорошем знании географии конкретных стран и общегеографического устройства мира. По-видимому, одним из наиболее ранних сочинений такого рода следует считать перевод созданного ок. 43 г. I в. н. э. компилятивного труда римского географа Помпония Мелы «*О положении Земли*» («*О хорографии*»). В русской письменности он известен под названием «Начало пролога Космографии Понпония Меле...» и представлен двумя списками, XVI и XVII вв. [15, с. 24; 26, с. 52–53]. Вероятно, это сочинение не было широко известно на Руси, поскольку включало (наряду с достоверными сведениями) баснословные рассказы о землях, где живут люди без головы и с лицом на груди; о людях с огромными ногами и ушами, прикрывающими все тело; о муравьях величиной с собаку, живых сфинксах и т. п. [31, с. 382–383]. В целом подобные «известия» широко представлены в мировой географической литературе раннего и позднего Средневековья (рис. 1, 2).

Известный английский писатель XVIII в. Джонатан Свифт, автор знаменитого «Путешествия Гулливера» (1726), высмеивал ранних картографов, которые,

Пробелы в знаниях скрывая,
Рисуют страшных дикарей;
Не обнаружив городов,
Слонов в пустынях размещают.

В 1544 г. в Базеле вышла в свет «*Всеобщая космография*» (*Cosmographia universalis*) немецкого филолога, географа и математика Себастьяна Мюнстера. В своем обширном труде он синтезировал географические воззрения классического периода, поэтому современники называли его «немецким Страбоном». «*Космография*» С. Мюнстера в течение целого столетия пользовалась большим авторитетом, выдержала около 25 изданий на немецком языке и была переведена на латинский, французский, итальянский и чешский языки. В русской письменности, насколько нам известно, переводов сочинения С. Мюнстера пока не обнаружено. Очевидно, это объясняется отсутствием в этой космографии надежных для русской практической географии сведений и явным преобладанием устаревших или искаженных (в понимании русских книжников) фактов (Волга впадает в Черное море), а также фантастических рассказов об Азии, Америке, Африке и физическом облике их обитателей (люди с головами животных). Отдельные фрагменты из «*Космографии*» С. Мюнстера переведены и прокомментированы историком и археографом Е. Е. Замысловским [9].

стоятельство могло способствовать широкому распространению его списков на русской почве. Несомненный интерес у русского читателя вызвали содержащиеся в «Космографии» статьи о польской и западноевропейской истории, а также один из наиболее ранних рассказов об открытии Америки [31]. Все эти сведения существенно обогащали русские средневековые географические представления. Примечательна запись, повторяющаяся в нескольких списках этого сочинения и свидетельствующая о его большой познавательной ценности: «А сия книга списана с Полского языка на Руский язык по повелению Жигимонта короля Полского [Сигизмунда II Августа. — А. Б.], а переводил ее шляхтич великаго княжества Литовского <...> Амброжей Брежевский <...> на науку и поучение Руским людем» [20, с. 94]. Фрагменты из «Космографии» М. Бельского впоследствии вошли в состав многих русских космографий [15, с. 46–50; 20, с. 87–111; 26, с. 53–56].

Традиции переводов космографических сочинений с польского языка на русский не прерывались в течение XVI–XVII вв. Так, в 1681 г. был осуществлен перевод «Космографии» итальянского ученого Джованни Ботера (Яна Ботера) [25, с. 190], но не с 1-го краковского издания 1609 г. («Relacye powszechne abo Nowiny polspolite, Jana Botera Benesiusa»), а со 2-го, краковского издания 1659 г., посвященного польскому королю Яну Собескому (Яну III). Русский перевод известен как «Театрум света всего, на котором Европа, Азия, Африка и Америка, такжеже народов, краев, мест неции нравы, богатства и иныя признаки выставленны...» и отражен в нескольких списках XVII–XVIII вв. [26, с. 56–57].

В конце XVI — начале XVII в. на русский язык с польского источника переведена «Космография» фламандского картографа XVI в. Абрахама Ортелиуса (Ортелиуса), современника Г. Меркатора. Польский перевод в свою очередь базируется на известном труде А. Ортелиуса «Зрелище земного шара» («Theatrum orbis terrarum») или «Театр Мира», содержащем 70 карт на 53-х листах и подробный текст к ним. Впервые сочинение А. Ортелиуса опубликовано на латинском языке в Антверпене в 1570 г. и выдержало к началу XVII в. около 40 изданий (последнее, им подготовленное, — 1601). Русский перевод с польского известен под названием «Козмография сииречь всемирное описание земль в едином пребывание и назнаменование степенем во округах небесных».

Анализ этого перевода свидетельствует о его компилятивном характере, поскольку в нем имеется введение, отсутствовавшее в латинском источнике и содержащее фрагменты из «Космографии» М. Бельского. Кроме того, описание Московского государства составлено исключительно по 1-му изданию (1549) «Записок о Московии» С. Герберштейна — в тексте перевода есть соответствующая ссылка. Наряду с этим часто встречаются указания на труды Страбона, Плиния Старшего, Птолемея, а также на труды географов нового времени — С. Мюнстера и Г. Меркатора. Более того, фрагменты из сочинения Г. Меркатора, по мнению А. Н. Попова, составляют половину всего текста «Космографии» А. Ортелиуса [20, с. 219]. Однако остается неизвестным, кем были внесены эти дополнения: самим А. Ортелием или переводчиками его сочинения. Эта космография издана А. Н. Поповым на основании списков конца XVII в. [21, с. 476–507], а один из ее списков, датируемый XVII в., хранится в Мюнхенской библиотеке [28]. Изучение текста, положенного в основу новейшего обстоятельного лингвистического исследования одной русской космографии XVII в., предпринято немецким ученым Петером Костой [30]. Результаты анализа позволяют считать, что при составлении этой космографии в числе других использовался мюнхенский список «Космографии» А. Ортелиуса.

Наиболее широкое распространение переводные космографии получают на Руси с начала XVII в., когда уровень развития русской практической географии был уже достаточно высоким. Именно в этот период составлены карта «Большой Чертеж» и описание к ней — «Книга Большому Чертежу» (1627). Подобными капитальными произведениями западноевропейская география XVI–XVII вв. не располагала. Мнение о культурной отсталости Русского государства в области географических знаний, его изоляции от стран Западной Европы, возникшее под влиянием тенденциозных высказываний западноевропейских путешественников и писателей XVI–XVII вв., давно аргументированно отвергнуто современной наукой как абсолютно несостоятельное [3; 29]. Изучение содержания русских космографий также подтверждает несостоятельность этого мнения.

Далеко не случайно, что русские космографии получили наибольшее распространение именно в XVII в. Эта эпоха осуществляла преемственную связь древнерусских естественнонаучных представлений с элементами новых знаний в области географии. По справедливой оценке Б. А. Старостина, в истории русского естествознания XVII век характеризуется дифференциацией и прогрессом научных знаний, полицентризмом исследований, ростом престижа знаний в целом [27]. Условия развития Русского централизованного государства в XVII в. диктовали настоятельную потребность в надежных практических знаниях о географо-политическом устройстве западноевропейских стран и всего мира. К восприятию таких знаний русское общество того времени было вполне подготовлено, и его уже не могли удовлетворять наивно-реалистические, баснословные рассказы об устройстве мира, содержащиеся в ранних космографиях и древних описаниях путешествий.

Широкое распространение космографии в русской письменности XVII в. непосредственно связано с капитальным трудом знаменитого фламандского картографа XVI в. Герарда Меркатора — «Атласом», представляющим собой сборник карт с их подробным описанием (рис. 3). Примечательно, что если в современных географических атласах роль текста минимальна, то в сочинении Г. Меркатора текст, сопровождавший карты всех известных к тому времени стран и территорий, приобретал вполне самостоятельное значение, так как обладал высокой степенью информативности и новизны. О пионерской картографической деятельности Г. Меркатора вскоре узнали во многих странах Западной Европы: одним из первых он начал изготавливать многочисленные карты способом гравирования изображения на меди с последующим переносом изображения на бумагу, что позволяло получать большие тиражи карт.

«Атлас» издавался на латинском языке по частям в течение 1585–1602 годов в Дуйсбурге и Дюссельдорфе. В 1606 г., уже после смерти Г. Меркатора, в Амстердаме вышло первое сводное издание «Атласа» («Atlas sive Cosmograficae meditationes de fabrica mundi et fabricate figura»), дополненное новыми картами и новыми географическими сведениями. Сопоставление труда фламандского картографа с содержанием более ранних космографий позволяет считать, что он стремился создать объективное историко-географическое описание мира и поэтому, в отличие от своих предшественников, не включал в него сомнительные данные, а также сведения фантастического характера. Неполноте доступных ему фактов, касающихся космографического статуса зарубежных стран, в том числе стран Северной Европы и Московского государства, Г. Меркатор стремился восполнить за счет использования достоверных источников. К ним, в частности, относится его переписка с известным

Рис. 3. Титульный лист атласа Меркатора. 1595 г.

английским историком, географом и мореплавателем XVI в. Ричардом Гаклюйтом (Геклейтом); приближенным датского короля Генрихом Ранцовием и бельгийцем Оливером Брунелем, неплохо знавшими географические и природные особенности Русского государства [15, с. 36–39].

Текст «Атласа» был переведен с латинского языка на русский переводчиками Посольского приказа Богданом Лыковым и Иваном Дорном. Этот перевод известен как «Космография 1637 г.». Роль каждого из переводчиков в этом предприятии оценивается исследователями по-разному. Так, С. М. Глу-

скина считает, что участие И. Дорна (некогда посла германского императора в Персию) в переводе космографии было незначительным, поскольку он переводил только начерно, а беловая обработка текста производилась Б. Лыковым [8, с. 4–5]. Напротив, И. М. Кудрявцев утверждает, что главная роль принадлежала И. Дорну, и ссылается при этом на челобитную Б. Лыкова, в которой тот просит дать место жительства поближе к Посольскому приказу (И. Дорн жил рядом с приказом, на Новгородском подворье) [16, с. 234]. Знаменательно, что этот перевод осуществлен именно в Посольском приказе, организованном в 1549 г. раньше других приказов и занимавшем ведущее положение в приказной системе Московского государства XVI–XVII вв. Важное место в работе Посольского приказа отводилось переводческой деятельности вообще и переводам космографий в особенности. Исследование архивных материалов, предпринятое И. М. Кудрявцевым, наглядно свидетельствует о том, что во второй половине XVII в. значительно увеличивается количество переводов космографий, предназначенных для распространения познавательных сведений географического характера и обучения детей царского дома [7; 16]. Космографии Г. Меркатора и М. Бельского входили также, наряду с другими книгами, в круг школьного чтения [18], например, в московской «Греческой типографской школе», созданной иеромонахом Тимофеем в 1681 г. [7].

Русское государство было в курсе новейших достижений западноевропейской географии. На русский язык переводились сочинения наиболее авторитетных авторов, что подтверждается переводом «Атласа» Г. Меркатора — грандиозной для того времени работой, занимающей около 1500 страниц большого формата. Перевод этого и других космографических сочинений следует рассматривать как своевременное практическое осуществление важных государственных задач. Примечательно, что «Космография 1637 г.» создана примерно в то же время, когда «Атлас» был переведен на французский, голландский, немецкий и английский языки (1609–1635 гг.). Обстоятельное исследование многочисленных списков этой космографии, выполненное С. М. Глускиной, позволило ей сделать вывод о том, что переводчики не механически копировали текст — переведена только его основная часть без вводных статей, содержащих второстепенные сведения (биография Г. Меркатора, эпитафия, различного рода посвящения и др.). С. М. Глускина установила, что это не перевод в современном понимании, а перевод-переработка, осуществленный между 1607 и 1630 гг. с одного из изданий «Атласа» [8].

В русской письменности известны многочисленные списки полного варианта «Космографии 1637 г.» (223 главы) и краткого (69 глав). Кроме того, к тексту этой космографии восходит уже упоминавшаяся «Космография» А. Ортелия. Впоследствии «Космография 1637 г.» неоднократно переписывалась, фрагменты из нее помещались в хронографы, азбучники и сборники различного содержания. Краткий вариант (69 глав) «Космографии 1637 г.» составил основу наиболее распространенной в XVII в. компилятивной «Космографии 1670 г.», географическое описание мира в которой в целом отражает композицию «Атласа» Г. Меркатора. Однако в эту космографию были также включены 7 глав из «Космографии» М. Бельского и так называемая «Краткая космография» компилятивного характера. Она излагает библейскую версию происхождения мира и содержит сведения о месте, где расположен рай, протекают райские реки; сведения об островах, населенных людьми с пёсыми головами; рассказ о «диких» людях неведомой Сибири и других таинственных землях и странах.

Анализ географического кругозора «*Космографии 1670 г.*» показывает, что преимущественное внимание в ней было уделено экономико-политической характеристике зарубежных государств: запасам полезных ископаемых и политическому устройству, что имело крайне важное значение для развития внешних экономических отношений Русского государства. Показательно в этом плане достаточно подробное описание Англии, с которой к моменту появления данной космографии Русь поддерживала экономико-дипломатические отношения уже более ста лет. Именно в главах, посвященных Англии, обнаруживается много новых, дополнительных сведений, внесенных переводчиками. К таким сведениям, в частности, относится характеристика англичан как многоопытных мореплавателей: «Агличане на море великие воинские промышленники» [15, с. 237]. Достаточно подробно рассказано о запасах полезных ископаемых: «Есть в том государстве руды золотые, олова доброго и свинцу и купоросу множество, и (в) ыные многие государства оттоле идет. В реке Авоне находят камни адаманту, светлостию и крепостию индийских превосходит. Тако ж де и агата камни много, цветом причернь <...>» [15, с. 236–237].

Характеристика политического устройства зарубежных государств может быть представлена типичным пассажем из главы, посвященной Дании. Здесь рассказывается о церемонии избрания короля на престол: «Избрание дацкого короля бывает от велможных думных людей того государства, и на коронование приводят его те же велможные думные первые люди, в соборной костел пречистые Богородицы перед олтарь <...>» [15, с. 249]. В космографии содержится много новых, интересных для того времени сведений историко-этнографического характера: о религиозных верованиях, нравах и обычаях и даже характерах жителей зарубежных стран. Вот типичный пример такого описания: «Аглинские люди доброобразны, веселоваты, телом белы, очи имеют светлы, во всем изрядны, подобны италияном. Житие их во нравах и обычаях чинно и стройно, ни в чем их похулити невозможно» [15, с. 241].

Вопросы собственно географического описания отодвинуты в космографии на второй план, поскольку подчинены задачам экономико-политической характеристики зарубежных стран. Тем не менее из космографии можно было почерпнуть сведения о географическом положении стран, их природе и климате, фауне и флоре, характере занятий населения. Например, о географии и природе Англии сказано следующее: «Аглинский остров болши всех иных островов <...>. Воздух здрав и тих. Мглы и росы великие. Ветры всегдашние <...>. Ветры великие, стужи и мразам быть великим възбраняют. Хлеба и овощей всяких [т.е. съедобных продуктов растительного мира. — А. Б.] родится множество, кроме винограду» [15, с. 236]. В описании хозяйства жителей Южной Америки встречается интересное указание на то, что перуанцы разводят овец громадных размеров. Очевидно, здесь имеются в виду неизвестные на Руси животные — ламы: «Овцы зело велики, подобны велблудам. Из волны [шерсти. — А. Б.] тех овец тамошние жители одежды делают» [15, с. 431]. Несомненный познавательный-практический интерес русского читателя вызывали хотя и частные, но не менее привлекательные сведения, например, об устройстве инкубаторов: «Во всем Египте куры на яицах не сидят. Есть на то печи устроены мерною теплою, и на те печи кладут по 3008, по 4008, по 5000 яиц. Ис тех яиц писклята вылупливаются» [15, с. 330].

Географическое описание Московского государства занимает в космографиях сравнительно скромное место. Для русских книжников-переводчиков

XVI–XVII вв., состоявших на «государевой службе» и представлявших интересы государственной администрации, более актуальными являлись сведения о географо-политическом и экономическом устройстве зарубежных стран, что имело важное значение для развития торговли и установления новых культурно-политических контактов. Краткий характер описания физико-географических особенностей Московского государства в космографиях обусловлен также и тем, что русские книжники значительно лучше западноевропейских авторов знали об этих особенностях.

Исследователи космографий давно обратили внимание на тот факт, что при переводе соответствующих западноевропейских сочинений русские книжники не ограничивались простым копированием сведений о зарубежных странах и Московском государстве. Напротив, они внесли в текст ряд существенных исправлений, уточнений, вставок-дополнений — как в географическое описание ряда государств, так и в характеристику быта, нравов и обычаев русского народа. Эти вставки отражали не только верное понимание сущности конкретных географических реалий, но и способность их верного лексического обозначения, что создавало предпосылки для терминотворчества. Например, переводчики решительно высказались против ложного осмысления понятий «остров» — «полуостров» и аргументированно использовали для номинации последнего понятия русский термин *прилепок*, о чем свидетельствует следующий интересный контекст: «Иные область аморею [п-ов Пелопоннес. — А. Б.] островом называют, и то лож(ь). Аморея прилепок, около обошло море, а с одное стороны земля прилегла, и тое земли от моря до моря 40 поприщ...» [15, с. 291]. Впрочем, термин *прилепок* не закрепился впоследствии в русской географической терминологии.

По мнению С. М. Гускиной, при черновом переводе главы о России И. Дорн проявил тенденциозное непонимание обычаев и религиозных верований русских людей, утверждая, что они «блудный грех ни во что ставят». Однако в рукописи ОИДР этот пассаж исправлен набело: «Блудный грех велик ставят паче смертного убийства и паче всякаго греха». Несмотря на то, что в списке патриарха Никона черновой вариант перевода сохранен, он решительно интерполирован: «*лжеиш*» [8, с. 4–5].

В обобщенно-концентрированном виде описание Московского государства представлено в 12-й главе опубликованной Д. И. Минаевым (отец известного в XIX в. поэта Д. Д. Минаева) «*Космографии в 72-х главах*» [14, с. 15–16], восходящей к тексту «*Краткой космографии*»; в 12-й главе «*Краткой космографии*» [11, с. 5; 21, с. 464–465] и в «*Космографии*» А. Ортелиуса [21, с. 502–503; 30, с. 198–200]. Отбор географических названий (топонимов) и специфика их подачи при описании Московского государства в «Краткой космографии» свидетельствует о стремлении русских составителей точно и полно отразить давнее и недавнее прошлое в истории своего государства, показать историческую перспективу его развития. Например, «*Царство Российское* [вариант — Царство Российския державы] *исперва же нарицахуся* великие князи многих великих городов и бысть крещена от великаго князя Владимира Киевскаго и всеа Росии <...>, а *прежде сего нарицашеся* великая Скифия и Литовская земля с нею же вкупе. *Не в давних временах* Киев и Литовская земля отделилась, в та (же) места Русской области покорны учинишася царство Казанское и Астраханское, *иже нарицашеся* Златая Орда <...>» [21, с. 464–465].

В 50-й главе «*Космографии 1670 г.*», составленной позже «*Краткой космографии*», а также в 50-й, отдельно опубликованной Ю. В. Арсеньевым главе

из «Космографии конца XVII в.» [1], и в опубликованной А. Н. Поповым «Космографии конца XVII в.» [21, с. 516–520] — сведения о Московском государстве имеют уточненный и обновленный характер, отражая его географо-политический статус во второй половине XVII в. Так, в «Космографии 1670 г.» наряду с вышеприведенным описанием из «Краткой космографии» содержится следующее описание: «То московское государство по москве реке, и город столной Москва имануется. Московское государство долготою и широтою великим пространством разширяется. От полуношные страны море мерзлое, от востока татары, от полудне турское да польское государства, со всех сторон с великими государствами граничит» [15, с. 265]. Среди внутригородских топонимов упомянуты «средний город» — Кремль, Китай, Белый и Земляной города. Из числа наиболее крупных городов Московского государства названы Володимир, Великий Новгород, Ярославль, Вологда, Устюг, город Архангельской, а из наиболее крупных рек — Клязьма, Ока, Волга, Двина, Дон. В опубликованном Ю. В. Арсеньевым тексте сведения о количестве рек России даны более подробно: «В Московском государстве 361 рек славных: Волга, Дон, Ока, Кама, Вятка, Двина, Юг, Сухона, Печера, Поной, Варзуга, Умба, Ковда, Кемь, Клязьма, и иныя» [1, с. 13].

Примечательно, что в «Космографии 1670 г.» использованы некоторые традиционные для русской практической географии лаконично-точные приемы описания, проявившиеся уже в «Книге Большому Чертежу» и связанные с точной гидрографической характеристикой рек и пространственной характеристикой городов. Например: «Под володимиром течет река клязьма, впаде в оку реку, что под нижним новым городом, а ока река впаде в волгу реку, а волга многие города протекии семьюдесять устьи впаде в море хвалимское [Каспийское]; «От москвы да ж до великого нова града, 500 верст, а от нова града до риги 500 верст» [15, с. 268–269]. Эти близкие к научным приемы географического описания станут впоследствии типичными для энциклопедической литературы вообще.

В номинации самого Московского государства и территорий, вошедших в его состав, прослеживается широко развитая вариативность: *Российское государство, царство Российское, царство Московское, всея Российской державы, царство и великое княжество Российское, великая держава Московская страна, Московская страна, Московский край; земля царство Сибирское, страна Сибирская* и т. п. По-видимому, это объясняется уже не попыткой номинативно объединить пространство и время (что характерно для раннего Средневековья), а тем, что русские книжники-переводчики пользовались разными по характеру источниками и, стремясь к полноте описания, не отдавали предпочтения какому-либо одному из них. Следует также учесть, что тексты космографий, известные в многочисленных списках, неоднократно переписывались и дополнялись новыми сведениями, а следовательно, включали новые формы топонимов.

Существенная роль при географической характеристике границ Московского государства и определении этнических типов населявших его народов принадлежала, как и в древнерусскую эпоху, гидронимам. Например, в «Краткой космографии» читаем: «Простирает же ся великая держава Московская страна от моря Хвалимского и до моря Соловецкого, иже есть до великого моря Окиана <...>»; «Входит в море Хвалимское великая река Волга, иже разделяет Татарский язык со Словенским языком <...>» [21, с. 478]. Аналогичную функцию выполняют гидронимы и при описании известных к тому

времени стран света, как, например, в «Космографии» А. Ортелия и «Космографии 1670 г.»: «Азия отделилася от Еуропы рекою Доном и межи их протекла, и смежная Африкою у Северного моря, где течет река Истма к Среднему морю и к ней же прилегл великий круг Окиянского моря <...>» [21, с. 478]; «Дон река европу с азией делит сиречь граничит» [15, с. 270].

Наряду с ценными топонимическими сведениями космографии содержат обобщенное описание названий народов, населявших Московское государство, а также указания на территории их расселения, что немаловажно для современной историко-этимологической реконструкции древних этнонимов. Примером такого описания может служить пассаж из «Краткой космографии»: «<...> Царство Казанское и Астраханское, иже нарицается Златая Орда, к тому же и иныя Татарские языцы, Черемиса, Мордва, Самоядь, и Лопари [вставка — страна великая Пермь: а се имена, которая <...> живут около Перми, иже суть сии: Двиняни, Устюжане, Сирияне, Тайяне, Вятчане, другая Лось Колская [очевидно, Лопь. — А. Б.], другая Самоядь, иже за каменем, Печера, Вагуличи, Пертасы Сыроядцы, Остяки, Гамал Чюсовая, Вотяки] <...>» [21, с. 465].

Окончательно сформировавшись в XVII в. как новый, близкий к научному жанр русской письменности, космографии оставались важным источником общегеографических сведений и в первой половине XVIII в. — в эпоху формирования научных географических знаний и языка русской науки, и поэтому они сохранились в библиотеках русских царей [4; 5; 10]. Дошедшие до нас многочисленные рукописные списки космографий свидетельствуют о необычайной популярности этих компилятивных сочинений — своеобразных географических энциклопедий допетровской эпохи. Сохранению популярности космографий способствовало также то, что с XVIII в. их тексты стали сопровождаться картами-картинками, иллюстрирующими древнее устройство мира [6; 19] (рис. 4).

Отдельные сказочно-фантастические сюжеты из космографии в виде слабых реминисценций продолжали сохраняться в древнем географическом сознании народа и в последующее время. Об этом, в частности, свидетельствует вышеприведенный рассказ странницы Феклуши о земле, населенной людьми с пёсыми головами, или подсказка старика Хоттабыча Вольке на уроке географии, посвященном Индии:

«Индия — очень богатая страна, и богата она золотом, которое там не копают из земли, как в других странах, а неустанно, день и ночь, добывают особые, золотиносные муравьи, каждый из которых величиной почти с собаку. Они роют себе жилища под землей и трижды в сутки выносят оттуда на поверхность золотой песок и самородки и складывают в большие кучи. Но горе тем индийцам, которые без должной сноровки попытаются похитить это золото! Муравьи пускаются за ними в погоню и, настигнув, убивают на месте. С севера и запада Индия граничит со страной, где проживают плешивые люди. И мужчины и женщины, и взрослые и дети — все плешивые в этой стране, и питаются эти удивительные люди сырой рыбой и древесными шишками. А еще ближе к ним лежит страна, в которой нельзя ни смотреть вперед, ни пройти, вследствие того что там в неисчислимом множестве рассыпаны перья. Перьями заполнены там воздух и земля; они-то и мешают видеть...» [17, с. 18–19].

Рис. 4. Космография первой половины XVIII в. Офорт, резец, подкраска (Борисовская Н. А. Старинные гравированные карты и планы XV–XVIII веков... М., 1992)

Однако в XVIII в. подобные сведения в их наивно-бытовом осмыслении воспринимались как вполне реальные, что отражено в ряде народных картинок, таких, например, как «Люди дивия [одноглазые. — А. Б.] найденные царем Александром македонским»; «Изображение мужа с птичьей головой, пойманного в Испании, в 1721 году»; «Известие 1739 года о двух чудях, лесном и морском, пойманных в Испании» [24, с. 12–13, 55–56, 56–57].

Как мы уже отмечали, в течение XIX в. космография как учебный предмет преподавалась в старших классах и содержала элементарные сведения по астрономии и географии. В начале XX в. космография в средних учебных заведениях была заменена астрономией.

В современную эпоху космографии — ценные памятники культуры и письменности Московской Руси — продолжают оставаться в сфере научных ин-

тересов географов, историков, этнографов, лингвистов, филологов. Весьма показательно, что космографии входят в корпус обязательных источников при создании капитальных произведений отечественной исторической лексикографии, таких, например, как «Историко-этимологический словарь современного русского языка» П. Я. Черных, «Словарь русского языка XI–XVII вв.», «Словарь русского языка XVIII в.» и др., поскольку отражают наиболее раннюю фиксацию ряда слов, впоследствии ставших широко известными в русском языке (*академия, адмирал, банк, лейтенант, парламент* [8, с. 11] и т. д.).

Литература

1. Арсеньев Ю. В. Описание Москвы и Московского государства по неизданному списку Космографии конца XVII века // Записки Моск. археол. ин-та. — М., 1911. — Т. 11.
2. Барандеев А. В. [Рец. на кн.] Книга нарицаема Козьма Индикоплов // Известия АН. Серия лит. и яз. — 1999. — Т. 58. — № 5–6.
3. Белов М. И. Введение // Геогр. сб. геогр. об-ва СССР. История географических знаний и географических открытий. — М.; Л., 1954. — Т. 3.
4. Белокуров С. [А.] О библиотеке московских государей в XVI столетии. — М., 1898.
5. Библиотека Петра I. Указатель-справочник / Сост. Е. И. Боброва. — Л., 1978.
6. Борисовская Н. А. Старинные гравированные карты и планы XV–XVIII веков: космографии, карты земные и небесные, планы, ведуты, баталии. — М., 1992.
7. Володин Д. М. Книжность и просвещение в Московском государстве XVII в. — М., 1993.
8. Глускина С. М. «Космография Богдана Лыкова 1637 г.» (История текста и наблюдения над языком). Автореф. дис... канд. филол. наук. — Л., 1949.
9. Замысловский Е. Е. Описание Литвы, Самогитии, России и Московии Себастиана Мюнстера XVI века // Журнал Министерства народного просвещения. — 1880. — Ч. 211. — Сентябрь.
10. Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. — Вып. 1. XVIII в. — М.; Л., 1956.
11. Книга глаголемая космография, сложена от древних философов, преведена с Римского языка // Временник Имп. Моск. ОИДР. — 1853. — Кн. 16.
12. Книга глаголемая Козмы Индикоплова. — СПб.: Изд. ОЛДП, 1886. — Т. 86. — № 4.
13. Книга нарицаема Козма Индикоплов / Изд. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина. — М., 1997.
14. Книга глаголемая космография сложена от древних философов и переведена с римского языка, на славенский // Сын Отечества. — 1851. — (Кн.) № 3.
15. Космография 1670 г. Книга глаголемая космография, сиречь описание сего света земель и государств великих. — СПб.: Изд. ОЛДП, 1878–1881. — Вып. 21, 57, 68.
16. Кудрявцев И. М. Издательская деятельность Посольского приказа. (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга. Исслед. и мат.-лы. — М., 1963. — Вып. 8.
17. Лагин Л. И. Повесть-сказка «Старик Хоттабыч». — Иваново, 1992.
18. Мордовцев Д. [Л.] О русских школьных книгах XVII в. // Чтения ОИДР. — 1861. — Кн. IV.
19. О географических сведениях древних Россиян // Московский Телеграф. — 1831. — Ч. 42. — № 24.
20. Попов А. [Н.] Обзор хронографов русской редакции. — М., 1869. — Вып. 2.
21. Попов А. [Н.] Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. — М., 1869.
22. Редин Е. К. Портрет Козьмы Индикоплова в русских лицевых списках его сочинения. — СПб., 1905.
23. Редин Е. К. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам / Под ред. Д. В. Айналова. — М., 1916. — Ч. 1.
24. Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Кн. 2. Листы исторические, календари и буквари // Сб. ОРЯС Имп. АН. — СПб., 1881. — Т. 24.

25. Рукописи славянские и российские, принадлежащие <...> Ивану Никитичу Царскому. Разобраны и описаны Павлом Строевым. — М., 1848.
26. Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. Библиогр. мат-лы // Сб. ОРЯС Имп. АН. — СПб., 1903. — Т. 24. — № 1.
27. Старостин Б. А. XVII век в истории русского естествознания // Естественные знания в Древней Руси. — М., 1980.
28. Строев С. [М.] Описание памятников славяно-русской литературы, хранящихся в публичных библиотеках Германии и Франции. — М., 1841.
29. Фель С. Е. Критика некоторых источников по истории русской геодезии и картографии // Тр. ин-та истории естеств. и техн. — М., 1962. — Т. 42. — Вып. 3.
30. Kosta P. Eine russische Kosmographie aus dem 17. Jahrhundert. Sprachwissenschaftliche Analyse mit Textedition und Faksimile. — München, 1982.
31. Otten F. Zur Rezeption der Entdeckung Amerikas und des Seeweges nach Indien in Russland. Historisch-philologische Anmerkungen // Slavistische Studien zum VIII. Internationalen Slavistenkongress in Zagreb 1978. — Köln — Wien, 1978.

ТЕРМИНЫ МАТЕРИКОВЫХ ВОД

Какая в колодце вода?

Я вспомню детство и увижу поле,
Над безымянной речкой — деревушку,
У изгороди, хмелем перевитой, —
Колодезный высокий журавель.

Н. И. Рыленков

В газете «Труд» 24 декабря 1982 г. была напечатана любопытная заметка «Карась освоился в колодце». В ней рассказывалось о том, как один сельский житель «набрал из своего колодца ведро воды и принес его домой. Каково было удивление Михаила, когда в прозрачной, чистой колодезной воде он увидел... карася». Как же карась попал в колодец? Автор заметки объяснял это тем, что икринки карася могли прилететь с какой-то водоплавающей птицей. Нас же заинтересовал другой факт: как объяснить, почему вода в колодце именно *колодезная*, а не какая-нибудь другая?

Из курса современного русского языка нам известно, что образование слов подчиняется определенным закономерностям. Так, от имен существительных на *-ец* типа *конец*, *перец*, *венец*, *кузнец* образуются такие прилагательные, как *конечный*, *перечный* (наряду с *концевой*, *перцовый*), *вечный*, *кузнечный*. Сходным образом от существительного *колодец* должны были бы появиться прилагательные *колодечный*, *колодецкий*. Однако в современном русском литературном языке этих слов почему-то нет, а вместо них употребляется прилагательное *колодезный* (*колодезная*). Получается определенное несоответствие — попытаемся выяснить, в чем же его причина?

Колодец в значении «вырытая для воды яма, защищенная от обвалов срубом» — слово сравнительно «молодое», известное по памятникам русской письменности только с XVI в. Задолго до его появления широко бытовало в древнерусском языке другое слово, но с тем же значением: *колодязь* (*колодезь*). Его мы встречаем в Лаврентьевской летописи, где под 997 г. рассказывается о спасении окруженного печенегам Белгорода-Киевского — это знаменитая легенда о белгородском осадном сидении. В ней, в частности, есть такой пассаж: «[Старец] повеле женам створити цежь. в немь же варять *кисель*. и повеле ископати *колодязь*. и встави[ти] тамо кадь, и нальяти цежа кадь, и повеле другии *колодязь* ископати. и встави тамо кадь. и повеле искати *меду*. они же шедше взяша *меду* лукуно. бе бо погребено в княжи медуши. и повеле росытити велми. и вльяти в кадь в друземь *колодязи*» [6, стб. 128]. Перевод этого фрагмента на современный язык позволяет понять, что, послушавшись одного старца, белгородцы решили пойти на хитрость: они выкопали в земле *колодязи* (ямы-колодцы), вставили туда кадки с киселем и медом. Затем

они сказали увидевшим это «чудо» печенегам, что, поскольку у них «кормля» от самой земли, осада города бесполезна. Хитрость удалась — печенеги поверили белгородцам и отступили.

Слово *колодязь* в значении «вырытая для накопления пресной или соленой воды яма, защищенная от обвалов срубом» встречается в одной из грамот Великого Новгорода и Пскова, относящейся к XIII–XIV вв.: «Есть на бору *колодязь солоною* а тыи *колодязь* Федору и Лаврентею и Обросиму истычистити [вычистить]» [2, с. 229]. В одном из памятников XVI в. сказано: «При копанью *колодязев* подобает таковых вреждени копателем беречися, потому что многажды земля в себе имеет руды серяные <...>» [7, с. 176]. В памятнике XVIII в. «Флоринова экономиа» читаем наставление: «А во оскудении рекъ и озеръ потребно добрыя места на *колодези* изыскивать; и получа въ оныхъ здоровую воду, немедленно копать» [18, с. 50]. В этом значении слово *колодязь* известно по XVIII в. включительно.

Кроме того, данное слово употреблялось и в другом древнейшем значении — «естественный водный источник, родник, приспособленный к практическим нуждам». Так, например, в Архангельской летописи под 852 г. повествуется о том, что поляне были язычниками, приносившими жертвы водным богам, жившим в родниках: «Бяху же [поляне] погани, жряху идолом в *колодязех* <...>, яко же протчии погани» [17, с. 19]. В этом значении *колодязь* встречается в памятниках русской письменности по XVI в.: «Называютъ <...> речку Руеть Саею, что течеть ись *колодезя* изъ нашего изъ Куиватского погоста» [8, с. 18].

В XVI в. у *колодязя* появляется «конкурент» — слово *колодец*, имевшее то же значение — «вырытая для воды яма, защищенная от обвалов срубом». Ямы-колодцы строили в XIV–XVII вв. не только для добывания питьевой воды, но и для накопления концентрированного соляного раствора, выпаривая который, получали соль. В «Расходной книге Николаевского Корельского монастыря» 1581–1587 годов записано: «Црен [железный ящик, в котором выпаривали соль. — А. Б.] починивал на Василевском *колодцы* дал 7 алтын» [4, л. 5–5об.]. В «Таможенных книгах Московского государства XVII в.» читаем: «У тое же бани починиван *колодец* ветчаной, плачено, колодешнику Тимошке Васильеву за работу и за лес 19 алтын 4 денги» [16, с. 391].

Происхождение слова *колодец* до сих пор не имеет единого убедительного объяснения. Например, в «Словаре Академии Российской» (1792) слова *колодезь* и *колодець* поданы в одной словарной статье как абсолютные синонимы [12, стб. 718]. Исследователи обычно предполагают, что слово *колодец* возникло в результате преобразования более древнего слова — *колодязь*, однако остается до конца невыясненным, каким путем шло это преобразование. Примечательно, что в «Словаре русского языка, составленном 2-м отделением Академии наук» (1911) содержится именно такое указание: «*колѣдець* — видоизмененное *колѣдезь*» без дальнейших пояснений [14, стб. 1517].

Возможно, изменение *колодязь* в *колодец* явилось итогом преобразования морфологического состава слова *колодязь* под влиянием фонетических процессов. Постоянно безударный гласный звук последнего слога по причине ослабления стал произноситься как [’э]: *колодязь* превратился в *колодезь*, данное фонетическое изменение отразилось и в орфографии слова, что зафиксировано в словарях. Непродуктивный и малопонятный суффикс *-езь* был вытеснен более распространенным суффиксом *-ец* — так возникла форма

колодец. Окончательному «прояснению» структуры слова *колодец* могло способствовать его народноэтимологическое сближение со словом *колода*: ведь оба слова имели внешне похожие корни. Результатом их морфологического сближения явилось то, что *колодец* стало осознаваться как производное суффиксальное образование от слова *колода* по аналогии с образованием слов типа *вдова* — *вдовец*, *рыба* — *рыбец* и т. п.

Связь слов *колода* и *колодец* подтверждается и другим немаловажным обстоятельством. Как известно, прародина славян была лесистой, камня было немного, поэтому в качестве облицовочного материала для защиты стенок водного источника от обвала или заплывания могло широко использоваться дерево — бревна-колоды. И само сооружение в виде деревянного сруба вокруг водного источника могло получить название *колодец*. Не случайно в «Толковом словаре...» В. И. Даля *колодезь* и *колодец* рассмотрены в одной словарной статье к слову *колода* [3, с. 140]. Важно учесть и то, что во многих современных говорах русского языка слово *колода* наряду с другими значениями известно и в значениях, связанных с водой: «корыто, из которого поят скот; водовозная бочка». В рязанских говорах *колодец* имеет значение «сруб» [13, с. 153, 156].

Слово *колодязь*, очевидно, древневосточнославянское, поскольку известны такие формы, как др.-русс. *колодязь*, староукр. *колодязь*; укр. *колодязь* — «колодец», белорусск. *калодзеж*, *калодзець* — «источник, колодец». Но ни в украинском, ни в белорусском языках слова *колодец* нет, поэтому его следует, вероятно, признать собственно русским образованием.

В XVI–XVII вв. наметилась тенденция к смешению слов *колодезь* и *колодец*. Этому в значительной мере способствовало то обстоятельство, что оба названия употреблялись в одном и том же значении — «рукотворный источник, т. е. колодец». В результате такого смыслового сближения слово *колодезь* в этом значении постепенно становится неупотребительным. Примечательно, что в географической литературе XVIII в. процесс замены одного слова другим протекал особенно активно: *колодец* полностью вытеснил свой старый синоним *колодезь* — менее четкий по значению. По замечанию Л. Л. Кутиной, такие слова, как *источник*, *ключ*, *колодец*, в первой трети XVIII в. уже «прочно занимают свое место в сфере слов географических» [5, с. 179], т. е. становятся полноправными терминами.

Однако древнее слово *колодезь* отличалось большим по сравнению со словом *колодец* объемом значений и имело уже к XVI в. сложившееся словообразовательное гнездо с целым рядом производных. Например: «Воды *колодязные*, или трубами приведенные ко источниковым водам» [7, с. 11]; «А *колодези* и вода *колодезная* и прудовая <...> уво всех помещиков» [9, с. 189]. Кроме того, слово *колодезь* было до XVIII в. более употребительным в русском языке, чем *колодец*, и особенно — на южнорусской территории. Не случайно поэтому на русском Юге до сих пор сохранились многочисленные географические названия, включающие термин *колодезь*. Это названия рек, ручьев, балок, населенных пунктов в бассейнах левобережного Днепра, Дона, Донца-Северского. Например, расположенные по соседству населенные пункты *Белый Колодезь* в Харьковской и Белгородской областях, *Колодези* в Ростовской области, а также населенный пункт *Семь Колодезей* в Крымской области и т. д.

Под влиянием рассмотренных факторов в русском литературном языке и появилось своеобразное несоответствие. Группа слов, производных от *колодезя*, начиная с XVIII в. стала соотноситься со словом *колодец*, а его возможные

производные типа *колодечная*, *колодезная* (вода) оказались неупотребительны. Так в русском литературном языке XIX–XX вв. получили широкое распространение прилагательные *колодезный*, *колодезная*, *колодезное* в качестве единственно возможных обозначений всех реалий, относящихся к *колодецу*. В повести А. П. Чехова «Степь», действие которой происходит на юге, недалеко от Таганрога, читаем: «За версту от деревни обоз остановился около *колодца* с журавлем. Опуская в *колодец* свое ведро, чернобородый Кирюха лег животом на сруб и сунул в темную дыру свою мохнатую голову, плечи и часть груди, так что Егорушке была видны только его короткие ноги, едва касавшиеся земли; увидев далеко на дне *колодца* отражение своей головы, он обрадовался и залился глупым, басовым смехом, а *колодезное* эхо ответило ему тем же <...>» [19, с. 355–356]. Достаточно привычным является употребление указанных прилагательных и в современном языке газет: «Строители реконструируют старое здание, превращая его в типичный муромский дом XVII–XVIII веков. Старинным предстанет и двор постройки. Здесь поднимется *колодезный* журавль и бронзовая скульптура былинного богатыря» (из газет). Заметим также, что при строительстве современных колодцев в сельской местности наряду с бревнами используют бетонные *колодезные кольца*.

Интересно, что слово *колодезь* в древнем значении «колодец» исчезло из русского литературного языка не сразу и в конце XIX – начале XX в. еще продолжало употребляться, особенно в речи представителей старшего поколения. Доказательством может служить фрагмент из автобиографической повести М. Горького «Детство». В нем повествуется о том, как юный Алексей Пешков наблюдал за игрой трех братьев в прятки:

«Старший быстро и ловко залез в широкие пошевни [сани], под навесом амбара, а маленький, растерявшись, смешно бегал вокруг *колодца*, не видя, куда девать себя.

— Раз, — кричал старший, — два...

Маленький вспрыгнул на сруб *колодца*, схватился за веревку, забросил ноги в пустую бадью, и бадья, глухо постукивая по стенкам сруба, — исчезла.

Я обомлел, глядя, как быстро и бесшумно вертится хорошо смазанное колесо, но быстро понял, что может быть, и соскочил к ним во двор, крича: — Упал в *колодезь*!...

Средний мальчик подбежал к срубу в одно время со мной, вцепился в веревку, его дернуло вверх, обожгло ему руки, но я уже успел перенять веревку, а тут подбежал старший, помогая мне вытягивать бадью; он сказал: — Тихонько, пожалуйста!...

Мы быстро вытянули маленького, он тоже был испуган <...>» [1, с. 310–311].

Как видим, юный Пешков параллельно употребил в одном и том же значении слова-синонимы *колодец* и *колодезь*, последнее из которых, ставшее архаичным к концу XIX в., он мог, вероятно, слышать в рассказах нежно любимой им бабушки или от дедушки. На факт древней смысловой близости двух слов обратил внимание и поэт Н. И. Рыленков в стихотворении «Под небом осенним»:

В краю моем Днепр
Ручейком начинался,
Колодец, как древле,
Колодезем звался [11, с. 28].

Аналогичный пример встречаем в повести А. П. Платонова «Ямская слобода»: «Посреди слободы стоял двухэтажный старый дом. Около него *колодезь*, а у *колодца* круглый сарай — темница для лошади» [10, с. 79].

В отличие от литературного языка случаи употребления производных, созданных по «правильной» словообразовательной модели *колодец* — *колодечная*, как *конец* — *конечная* и т. п., сохранялись в отдельных говорах русского языка. Так, на севернорусской территории известно бытование слова *колодечник* в значениях: «деревянный сруб колодца»; «человек, который роет колодцы». Как свидетельствует сводный «Словарь русских народных говоров», в вологодских и некоторых других говорах севера Европейской части России, а также в Сибири встречается прилагательное *колодешная* в значении «вода из колодца»:

Ты напой меня *колодешной* водой,
Я пришел к тебе в рубашке голубой [13, с. 156].

Очевидно, эта форма возникла под влиянием произношения [чи] как [ши]: *колодечная* — *колодешная*.

В заключение следует отметить, что в современном русском литературном языке слово *колодезь*, став архаизмом в значении «колодец», активно не употребляется. Оно заменено семантически равноценным словом *колодец*, которое однотипно трактуется всеми толковыми словарями как «яма, защищенная от обвалов срубом и служащая для добычания воды». Слово *колодезь* (*колодязь*) обычно также приводится в словарях, но к нему дается сопроводительная помета «устар.» с последующей отсылкой к словарной статье, толкующей слово *колодец* [15, стб. 1171–1172]. Впрочем, как мы уже убедились, в русском языке XIX – начала XX в. значение «колодец» у слова *колодезь* еще не было устарелым, о чем может также свидетельствовать контекст употребления этого слова в записных книжках А. П. Чехова: «Мусульманин для спасения души копает *колодезь*. Хорошо, если бы каждый из нас оставлял после себя школу, *колодезь* или что-нибудь вроде, чтобы жизнь не проходила и не уходила в вечность бесследно» [20, с. 381–382].

Таким образом, в результате смыслового и словообразовательного взаимодействия слов *колодезь* и *колодец* производные от «молодого» слова *колодец* не закрепились в литературном языке. В качестве соотносимых со словом *колодец* стали употребляться производные от *колодезь* (*колодязь*). Это своеобразное несоответствие между производящим (*колодец*) и производным (*колодезная*) словами можно объяснить только с привлечением фактов из истории русского языка.

Литература

1. Горький М. Собр. соч.: В 16 т. — М., 1979. — Т. 8.
2. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — М.; Л., 1949.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1935. — Т. 2.
4. Книга расхожая Николаевского Корельского монастыря 1581–1587 гг. // Рукоп. СПб. ФИРИ РАН. Кн. 115, № 943.
5. Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки (терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века). — М.; Л., 1964.
6. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. — М., 1962. — Т. 1.
7. Назиратель. — М., 1973.
8. Памятники дипломатических сношений Московского государства со Шведским государством // Сб. Русск. ист. об-ва. — СПб., 1910. — Т. 129.

9. Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. XVII в. — М., 1977.
10. Платонов А. П. Величие простых сердец. Избранное. — М., 1976.
11. Рыленков Н. И. Стихотворения. — М., 1964.
12. Словарь Академии Российской. — СПб., 1792. — Ч. 3.
13. Словарь русских народных говоров. — Л., 1978. — Вып. 14.
14. Словарь русского языка / Сост. 2-м отд. Имп. АН. — СПб., 1911. — Т. 4. — Вып. 5.
15. Словарь современного русского литературного языка. — М.; Л., 1956. — Т. 5.
16. Таможенные книги Московского государства XVII в. — М.; Л., 1951. — Т. 2.
17. Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). — М.; Л., 1950.
18. Флоринова экономия. — СПб., 1738.
19. Чехов А. П. Собр. соч.: В 12 т. — М., 1985. — Т. 6.
20. Там же. — М., 1985. — Т. 11.

Такие разные реки

Издавека долго течет река...

Древнейший гидрографический термин *река* относится к праславянскому лексическому фонду. Этимологи обычно связывают его с большой группой славянских слов, а также приводят соответствия из других индоевропейских языков. Ср. ст.-сл., др.-русск. *река*; укр. *pika*; болг. *peká*; с.-хорв. *rujéka*; словен. *réka*; чешск. *reka*; словацк. *rieka*; польск. *rzeka*; н.-луж. *rěka*; полабск. *réka* [8, с. 22; 9, с. 282–283; 43, с. 464].

Поскольку в древности область расселения славян была территорией, богатой крупными речными системами (бассейны Вислы, Одры, Днепра, Днестра и др.), славяне не только поклонялись водным богам в период язычества, но также издавна использовали реки и другие водоемы для своих практических хозяйственных нужд, как удобный путь передвижения, как объект рыболовства, охоты на бобров и т. п. Известный историк и филолог А. С. Будилевич считал, что «необходимо предположить долгое пребывание славян в речных областях, чтобы понять, почему они в VI в. стояли выше других народов в искусстве обращаться в воде» [9, с. 282–283]. Другой известный историк, В. О. Ключевский по этому поводу писал:

«По большим рекам, как главным торговым путям, сгушалось население, принимавшее наиболее деятельное участие в торговом движении, рано здесь завязавшемся; по ним возникали торговые средоточия, древнейшие русские города <...>. Речными бассейнами направлялось географическое размещение населения, а этим размещением определялось политическое значение страны. Служа готовыми первобытными дорогами, речные бассейны своими разносторонними направлениями рассеивали население по своим ветвям. По этим бассейнам рано обозначились различные местные группы населения, племена, на которые древняя летопись делит русское славянство IX–X вв.; по ним же сложились потом политические области, земли, на которые долго делилась страна <...>» [21, с. 67–68].

Интересные соображения о важной роли рек в древнейшую эпоху содержатся и в других исторических исследованиях. Так, К. В. Кудряшов, анализируя направление походов Владимира Мономаха, сделал вывод о том, что «само выражение „Дон“, „с Дона“ применяется иногда летописцем как общее географическое обозначение для всей области Дона за Северским Донцом, для всего великого поля Половецкого» [24, с. 117]. В монографии Д. С. Лихачева это наблюдение подробно развито и убедительно аргументировано примерами из «Слова о полку Игореве», «Повести временных лет», Лаврентьевской и Ипатьевской летописей. Автор в частности отмечал: «Если не считать городов, то все страны определяются в „Слове“ не по княжествам, а по рекам, и нельзя не видеть в этом народного определения земель. <...> Корни этих настойчивых определений стран по рекам понятны: реки в древности имели гораздо больший удельный вес в экономической жизни страны, чем в новое время:

в промысле, в торговле и как пути сообщения» [27, с. 194–195]. Следовательно, для летописного изложения очень характерным было отождествление рек со странами, где они протекали или у границ которых находились. Река становится символом страны.

С этим символическим значением реки Д. С. Лихачев связывает развитие других символов, получивших отражение в обычаях Древней Руси, в ее языке. Например, кинуть копье в реку — значило разорвать мир со страной, расположенной за рекой. Выстрелить через реку — означало объявление войны государству, расположенному за рекой. Символ победы над той или иной страной — испить воды из ее реки. Примечательно, что последний символ оказался особенно хронологически устойчивым: он сохранялся в военных обрядах до XVII в. и получил отражение в памятниках письменности [27, с. 195–196].

Анализ памятников русской письменности позволяет получить представление о комплексе значений, которым обладал гидрографический термин *река* в древнейшую эпоху. В «Книге Большому Чертежу», отражающей важный этап в формировании русской гидрографической терминологии как системы, насчитывается по нашим материалам около 1100 гидронимов, из них более 980-ти — названия рек.

Семантическое содержание термина *река* отличается в этом памятнике письменности некоторой многозначностью.

Во-первых, река — «водоем с естественным течением воды от истоков до устья». Важно отметить, что, употребляясь в этом значении, термин не только обозначал конкретный гидрографический объект, но и противопоставлялся другим терминам, обозначавшим сходные водные объекты, причем меньшие по своим размерам — *колодези* (небольшие реки), *речки* и *ручьи*. С другой стороны, это обстоятельство указывает на важную роль, которую играли реки в экономической и политической жизни Московского государства XVI–XVII вв. как главные пути сообщения и объекты хозяйственной деятельности. Например: «Роспись *реке* Донцу и *рекам* и *колодезям*, которые <...> в *реку* в донец с Крымской и с Нагайской стороны пали»; «А ниже *речки* Цветыни пал в Оку *Голишов колодезь*»; «А ниже города о самую стену городовую сквозь посадки впал в Волге *ручей Каменноу*» [22, с. 69, 115, 130].

В данном значении термин *река* употребляется по всему памятнику устойчиво и широко. В качестве единичного определения к термину *река* выступало терминологизированное прилагательное *поморские*, уточнявшее местоположение конкретных рек. *Поморские реки* — «реки европейского севера»: «Роспись *рекам поморским*, морским берегом от усть реки Тенуя» [22, с. 247].

Как абсолютный синоним к термину *река* употребляется в этом памятнике термин *речка*, обозначающий сходный по величине гидрографический объект: «А с верху озера впади реки Вда да *речка* Поречье» [22, с. 133]. Термин *речка* обозначает в памятнике и меньший по сравнению с *рекой* гидрографический объект. Многие *речки* показаны в «Книге Большому Чертежу» как впадающие притоки крупных рек: «Пала в Донец *речка* Большие Береки <...>»; «В Москву, с левые стороны, пала *речка* Пехорка»; «Пала в Оку *речка* Лисица да *речка* Воин» [22, с. 75, 59, 116] и др.

Различные терминологизированные определения к термину *речка* уточняют гидрографическую характеристику конкретной речки и указывают на место ее протекания. *Запольная речка* — «речка, находящаяся за полем (полями) или

за Полем». *Подстенная речка* — «речка, текущая степью или вблизи степи». Например: «В сей книге описаны: именитый град Москва с прочими окрестными городами, <...> и с *подстенными* и из *запольными* речки, и с озера» [22, с. 179].

Во-вторых, река — «географический ориентир: от — до». Например: «Город Юрьгенч, *от реки* Арзаза 50 верст»; «Вниз *до* Асмугу *реки* и до Даурского Лапкаева города 10 дней»; «А *от* Паза *реки* морским берегом 20 верст» [22, с. 96, 188, 148]. Это употребление термина свидетельствует о важной роли рек, об использовании различных по величине и гидрографическим особенностям рек в качестве своеобразного ориентира, точки отсчета расстояний до других географических объектов. Причем ряд из них имел для Московского государства XVI–XVII вв. важное политико-стратегическое значение [42, с. 193–237]. В таком же употреблении в памятнике известен термин *речка*, синонимичный термину *река*: «*От речки* от Горностая, морским берегом 50 верст, *река* Велть»; «А *от речки* Серебряные потекла из горы *река* Талга в *реку* в Туру» [22, с. 160, 138].

В памятниках старославянской и древнерусской письменности термин *река* известен с XII в., его **семантическое содержание не было однозначным**.

Во-первых, река — «водоем с естественным течением воды от истоков до устья». В этом значении термин широко отражен в разнообразных памятниках письменности начиная со «Слова о полку Игореве»: «Ту ся копием прилмати <...> на *реце* на Каяле у Дону великаго» [41, с. 12]. В «Слове и поучении против язычников» читаем: «А не нарицайте себе бога на земли, ни *вс реки*, ни *в* студенцах, ни *в* птицах» [11, с. 69]. Лаврентьевская летопись под 986 г. повествует о следующем: «И разидошася [евреи] по странамъ. и кождо своя норovy приаша по дяволю ученью ови рощенье. кладеземъ и *рекамъ* жрях. и не познаша Бога» [25, с. 91].

Употребление ряда определений, уточняющих семантическое содержание термина *река*, а также выделяющих специфические особенности конкретной реки, указывающих на место ее протекания, свидетельствует о широком практическом использовании рек в хозяйственной деятельности человека. Отметим следующие терминологизированные сочетания. *Ходовая река* — «судоходная река»: «Городовъ близкоу [?] сеть, ярманок и пристаней не спрашивай. *Рекъ ходовыхъ* не бывало <...>» [7, с. 97]. *Тяглая река* — «река с сильным течением, обладающая энергией, пригодная для строительства на ней мельниц»: «Да архимарить же Ермогенъ з братиею поставили на *тяглыхъ рекахъ* две мелницы болшие» [4, л. 122]. *Падушая река* — «приток более крупной реки (впадающий приток)». Например: «Даль въ домъ святаго спаса <...> свои рыбные ловли по Суре *реке* <...> и съ *падучими реками*» [3, с. 7]; «И. Ф. Елизаровъ даль на оброкъ <...> *реку* Пьяну съ *падучими реками*» [6, с. 917]. *Полная река* — «полноводная река во время весеннего или осеннего разлива». В Новгородской I летописи под 1318 г. читаем: «Ходиша новгородцы воиноу за море, в *полную реку*» [30, л. 160об. – 161].

В памятниках старославянской письменности, в текстах церковно-религиозного характера, прослеживается употребление слова *река* с определением *огненная* для обозначения тяжелого и страшного наказания за земные грехи. Это уже переносное и в то же время конкретное значение: «И се узрь въ мечть и яко въ встьързе бывъ виде *реку огнену* <...> и посреде брата погружена до выа» [39, л. 300об.]; «Не бойся нищеты нъ греха ся бои <...> *ведущаго* ты въ *огненую реку* за скупость» [38, л. 15].

Отметим наличие определений и у термина *речка*, синонимичного термину *река*. *Запольная речка* — «речка, находящаяся за полем (полями) или за Полем»: «Озера съ ерками и съ запольными речками» [19, с. 230]; «Однолично имь на Волге и на иных запольных речкахъ воровать не дать» [1, с. 375]. *Глухая речка* — «непроточная речка, старое русло реки»: «Прошедъ речку Жужелку той же глухою речкою Парашкою» [33, с. 158]; «По правую сторону Большой Прешпектовой дороги <...> за Глухою речкою» [10, с. 324]. Приведенные примеры отражают определенную топонимическую закономерность: превращение термина в имя собственное, что, между прочим, сопровождается в изданиях памятников изменением в написании термина — прописная буква заменяет строчную (ср. аналогичный процесс трансформации у семантически сходного гидрографического термина *глушица*: «Верхняя Глушица поперег истока къ Боголюбскимъ берегомъ повыше перелаза» [2, с. 496]).

Во-вторых, *река* — «искусственно созданный водоем с направленным течением воды; канал»: «Почахъ *рыти реку* сю Азь Иванко Павловицъ» [37, с. 28]. Единичность примера не позволяет считать это семантическое содержание термина единственно возможным. Вполне вероятно допустить иной оттенок значения: *рыть реку* — «углублять, расчищать ее русло». В указанном значении термин *река* встречается также на нерусских территориях как обозначение аналогичной реалии. Как правило, термин сопровождается определением *копаная*: «А двѣры и деревни под Дербендом глиняные, а в садахъ и сквозь двѣры реки *копаные* нетекущие а привожены из горъ» [32, с. 76].

В-третьих, *река* — «угодье, место рыбной ловли, охоты на бобров и т. п.». Это значение термина широко прослеживается по памятникам письменности с XIV в.: «Князь Ондре полоцкий дал <...> есми святой троици *реку званицю з гоны з бобровыми*» [12, л. 126об.]; «А угодья у них *верховья реки* Сысолы» [17, с. 443]; «На *оброке река* Десна правой берег от Бычка вверхъ» [31, с. 47]. Определение *голодная*, сопровождавшее термин *река*, указывало на реки, которые не могли быть использованы в качестве угодья из-за отсутствия в них рыбы: «А Тугиръ де *река голодная*, рыбнаго корму добыть не можно» [14, с. 346].

Как свидетельствуют памятники письменности, с древнейшего времени активно развивается переносное употребление термина *река* в качестве элемента возвышенно-стилевого литературного сравнения (преимущественно в текстах церковно-религиозного характера). Именно в сравнении, сопоставлении заключается первый этап переносности: «Имение бо света сего *реце подобно* есть. суда отыдѣть винизъ и паки съ вѣрху приходить» [18, с. 182]; «Зане князь щедръ, *аки река*, текуща без бреговъ сквози дубравы, напаяюще не токмо человеки, но и звери» [40, с. 20].

На базе сравнения у термина *река* развиваются **метафорическое и метонимическое значения**, получившие отражение в памятниках.

Во-первых, *река* — «большое количество текущей жидкости (преимущественно слез)». Например: «И сѣдши въскрай одра на немъ же и бе родила *реку слезами* льющи» [36, л. 68г]; «И бысть сеча велика зла <...> за руки емъ лючо и сечахуся, а *крови* по долинамъ *рекою текущею*» [16, с. 188]; «Согласно же вси со мною вопите, купно же и *слезы реки* источайте» [5, л. 96об.]. Как свидетельствуют приведенные примеры, указанная семантика наиболее полно представлена в памятниках церковно-религиозного содержания, в отличие от памятников светской литературы, в которых это значение фиксируется только с XVII в.

Во-вторых, *всею рекою* — «всем миром, всей общиной». *Река* — «административно-территориальная единица». Это редкое и интересное значение термина *река*, употребленного в форме творительного падежа в составе метонимического словосочетания *всею рекою*, прослеживается в некоторых памятниках XVII в. Термин обозначает казачьи поселения и владения, располагавшиеся на Дону, Волге, Тереке и других реках. В памятнике 1671 г. читаем: «И мы, холопи, то твое государево жалованье меж себя *всею рекою* поделили» [23, с. 167]. Аналогичное употребление встречаем в другом памятнике: «И казаки де въ кругу закричали *всею рекою*: къ великим де государемъ къ Москве итить имъ незачемъ» [14, с. 430].

Проанализировав употребление термина *река* в общей системе наименований русских территорий в памятниках донской казачьей письменности XVII в., А. Н. Качалкин сделал следующий вывод: «Если в памятниках первой половины XVII в. еще ощущается близость к конкретному, основному значению, то документы последующей эпохи явно указывают на расширение значения слова *река*». Процесс развития семантики термина *река* обусловлен тем, что в донских памятниках второй половины XVII в. термин следует рассматривать как обозначение крупной административно-территориальной единицы, расположенной по течению Дона (меньшие единицы назывались *юртами*). Такое употребление, по мнению А. Н. Качалкина, сложилось в живой разговорной речи вольной казачьей общины и получило отражение в деловых бумагах Дона. Слово *река* в этом значении для названной эпохи является диалектизмом по отношению к терминам *уезд*, *волость*, *стан*, имевшим в Московской Руси повсеместное употребление [20, с. 54–55, 66–69, 72–75]. Рассмотренные особенности **семантического содержания** термина *река* подтверждают положение о важной роли, которую играют реки в жизни человека на всех этапах развития общества. В данном случае *река* — символ казачьей «страны».

Одна из первых лексикографических фиксаций термина *река* — в словаре Е. Славинецкого (1650), где лат. *amnis*, *flumen*, *fluvius* однозначно истолковывались как *река* [26, с. 80, 199]. В Лексиконе Ф. П. Поликарпова (1704) к общеславянскому термину *река* были даны греческое и латинские соответствия: *ποταμός*; *flūmen*, *amnis* [35, с. 86]. Интересно, что латинские параллели отличаются полисемантизмом: «вода, поток, ручей, канал и др.», что, возможно, указывает на первичную многозначность гидрографического термина *река* не только в славянских, но и в ряде индоевропейских языков.

Составители словарей XVIII–XIX вв., видимо, учитывали этот факт, поскольку, например, в словаре Г. А. Полетики (1763) семантическое содержание термина *река* раскрыто не только посредством греч. *ποταμός*, лат. *fluvius* нем. *Fluß* и др. В этой же словарной статье приведено русское слово *ток* и словосочетание *жолобина речная* с параллелями из индоевропейских языков: гр. *ὄχετός* — «канал; ручей; поток»; лат. *alveus* — «русло реки; бассейн; лодка; корыто»; фр. *Lit*, *canal* — «канал»; нем. *Lauf oder Gang eines Strohm*s — «течение или журчание потока»; англ. *channel* — «русло; канал; пролив и др.» [34, с. 8–9]. В словаре В. И. Даля отмечена большая группа слов, производных от термина *река* и обладающих различным семантическим содержанием: пск. *речажина* — «речка», сиб. *речник* — «речной булыжник», *речище* и *речище* — «старое русло реки» и т. д. [13, с. 122].

В течение XVIII–XIX вв. происходило сужение семантического объема гидрографического термина *река*. В современном русском литературном языке, как и в языке русской географической науки, это слово употребляется

в значении «водоем с естественным течением воды». Аналогична семантическая судьба гидрографического термина *речка*. Однако, в отличие от литературного языка, где семантическое содержание слов *река* и *речка* может не разграничиваться (и тогда они — абсолютные синонимы, т. е. дублиеты), в сфере гидрографической терминологии окончательно утвердилось разграничение терминов *река* и *речка*, наметившееся уже в «Книге Большому Чертежу». В современной гидрографии *рекой* принято считать водоем с естественным течением воды длиной более 10 км, а *речкой* — водоем длиной менее 10 км. Ср.: «Длина реки Москвы — 473 км. Непосредственно в нее впадают 44 реки длиной более 10 км, а также 214 небольших речек (длиной менее 10 км)» (Веч. Москва, 22.08.79).

Географическая специфика конкретных регионов обуславливает появление терминов, обозначающих реки, особые в гидрографическом отношении. В большинстве случаев эти термины представляют собой словосочетания, состоящие из слова *река* и определения к нему, которое несет основную смысловую нагрузку, указывая на гидрографическую специфику реки. Так, например, известен термин *черная река*, имеющий значения: 1) «река, собирающая болотные воды», черные по цвету из-за наличия в них различных органических веществ; 2) «непроточная стоячая река»; 3) «старое русло реки, сообщающееся с новым во время половодья»; 4) «незамерзающая река»; 5) «река, берущая начало из родника» (Сибирь). На европейской территории России насчитывается большое количество гидронимов с определением *Черный (Черная)* [28, с. 113; 29, с. 48].

На полуострове Камчатка известны так называемые *сухие реки* — «реки с обнаженным валунно-песчаным дном, изменившие направление своего течения или совсем исчезнувшие в зоне действующих вулканов». Этот же термин, однако с другим значением, употребляется на юге Черноземного Центра: здесь *сухая река* — это «маловодная река, пересыхающая летом на большей части своего течения» [15, с. 188 прил.].

Рассмотрим далее судьбу терминов, не сохранившихся в составе русской географической терминологии. Термин *рытая (копаная) река* — «искусственно созданный водоем с направленным течением воды; канал» не употребляется ни в современном русском языке, ни в его говорах. Очевидно, термин был вытеснен уже в XVIII в. семантически более четким термином *канал*, а на неславянской территории — термином *арык*. У термина *река* не сохранилось к настоящему времени значение «угодь», что связано с изменением социально-экономических условий жизни человека. Этим же, по-видимому, обусловлено и сокращение общего числа терминологизированных определений к терминам *река*, *речка*. Такие определения, как *голодная*, *тяглая*, *падучая*, *запольная*, *подстенная*, не употребляются в современном русском языке и его говорах. Значение определения *ходовая* (река) выражено теперь в иной лексической форме — *судоходная* (река). Аналогичную судьбу испытало определение *полная* (ср. совр. *полноводная* река).

Семантика отдельных определений, не сохранившихся в терминологическом употреблении в современном русском языке, представлена в ином лексическом оформлении и лишь в отдельных говорах: *глухая речка*, *река* — совр. донск. *глушица* — «непроточный рукав реки, заводь, старица». Определение *огненная* в составе словосочетания *огненная река* не употребляется в современном русском языке в прямом значении и осталось типичной

принадлежностью текстов церковно-религиозного содержания. В переносном значении словосочетание *огненная река* может употребляться для обозначения текущей горячей лавы при извержении вулканов, горячей нефти и других текучих жидкостей, подверженных горению. Из всех отмеченных определений к термину *река* лишь определение *поморские* не испытало каких-либо изменений в семантике, оно известно сейчас как обозначение рек, а также некоторых реалий, относящихся к рекам и морям Европейского Севера России. Интересное значение термина *река*, входящего в состав словосочетания *всею рекою* — «всею миром, всей общиной», не сохранилось к настоящему времени в русском языке и его говорах.

Таким образом, семантическая история гидрографических терминов *река*, *речка* — это поляризация и стабилизация их значений при сохранении генетически первичной семантики «водоем с естественным течением воды» и некоторых производных значений.

Литература

1. Акты исторические, собр. и изд. Археографич. комисс. — СПб., 1842. — Т. 4.
2. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. — СПб., 1857. — Т. 1.
3. Акты, собр. в библиотеках и архивах Российской империи Археографич. экспедицией имп. Акад. наук. — СПб., 1836. — Т. 1.
4. Акты Спасо-Преображенского Пыжорского монастыря 1579–1679 гг. // Рукоп. СПб. ФИРИ РАН. — Кн. 115. — № 388.
5. Артаксерсово действо. Первая пьеса русского театра XVII в. — М.; Л., 1957.
6. Архив Строева П. М. — Т. 2 // Русск. ист. б-ка. — Пг., 1917. — Т. 35.
7. [Болотов]. Сельский житель, экономическое в пользу деревенских жителей служащее издание. — М., 1788. — Ч. 2.
8. Будилович А. С. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. — Киев, 1878. — Ч. 1. — Вып. 1.
9. Будилович А. С. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. — Киев, 1879. — Ч. 1. — Вып. 2.
10. Бумаги кабинета министров имп. Анны Иоанновны 1731–1740 гг. — Юрьев, 1898. — Т. 4.
11. Гальковский Н. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 2: Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе // Зап. Моск. археол. ин-та. — М., 1913. — Т. 18.
12. Грамота вкладная жалованная полоцкого в. кн. Андрея Ольгердовича полоцкому Троицкому монастырю на бобровые гоны на р. Зване, до 1399 г. // Рукоп. ГПБ. Погод., № 12, л. 126об.
13. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1955. — Т. 4.
14. Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археографич. комисс. — СПб., 1867. — Т. 10.
15. Дьякова В. И. Географическая терминология Воронежской области. Дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 1973.
16. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Изд. ОРЯС АН. — Пг., 1916.
17. Зимин А. А., Копанев А. И. Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли конца XVI в. // Мат-лы по ист. Европейск. Севера СССР: Северн. археогр. сб. — Вологда, 1970. — Вып. 1.
18. Изборник 1076 г. — М., 1965.
19. Извлечения из Писцовой и Межевой книги Романа Киреевского и Леонтия Недовескова 7337-го г. // Мат-лы для ист. Воронежской и соседних губерний. — Т. 2. Воронежские писцовые книги. — Воронеж, 1891.
20. Качалкин А. Н. Из наблюдений над словарным составом русского языка XVII в. (на материале памятников донской казачьей письменности). Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1968.

21. Ключевский В. О. Курс русской истории. — 4-е изд. — М., 1911. — Ч. 1.
22. Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. — М.; Л., 1950.
23. Крестьянство и националы в революционном движении. Разинщина. — М.; Л., 1931.
24. Кудряшов К. В. Половецкая степь. — М., 1948.
25. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. — Л., 1926–1928. — Т. 1.
26. Лексикон латинский Е. Славинецкого. Лексикон словено-латинский Е. Славинецкого та А. Корецкого-Сатановского. — Київ, 1973.
27. Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. — Л., 1978.
28. Маштаков П. Л. Материалы для областного водного словаря. — Л., 1931.
29. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. — М., 1984.
30. Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку / Изд. Археографич. коммисс. — СПб., 1888.
31. Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. XVII в. — М., 1977.
32. Петровский М. Хождение на Восток Ф. А. Котова в первой четверти XVII в. // Изв. ОРЯС АН. — 1907. — Т. 12. — Кн. 1.
33. Писцовая книга города Балахны, 1674–1676 гг. // Действия Нижегород. губ. учен. архивн. коммисс. — 1913. — Т. 15. — Вып. 1.
34. Полетика Г. А. Словарь на шести языках. — СПб., 1763.
35. Поликарпов Ф. П. Лексикон трехязычный. — М., 1704.
36. Пролог Лобковский сентябрьской половины, 1262 г. — Рукоп. ГИМ. Хлуд., № 187. 148 л.
37. Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI–XIV вв. — М., 1964.
38. Сборник слов и поучений, в том числе апокрифических. Рукоп. РГБ. Тр.-Серг., № 12, 202 л.
39. Синайский патерик. — М., 1967.
40. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. — Л., 1932.
41. Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — М.; Л., 1950.
42. Сыроечковский В. В. Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в. // Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук. — 1932. — Сер. 7. — № 3.
43. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — М., 1987. — Т. 3.

Как называлось начало реки?

Древнейший гидрографический термин *исток* восходит к о.-сл. форме **tek q*, *tekti*. Сюда же относятся славянские формы: болг. *текъ*; с.-хорв. *течѣм*, *тећи*; словен. *těčem*, *těči*; чешск. *teku*, *téci*; словацк. *tiest'*, *tečiem*; польск. *ciekć*, *ciec*; в.-луж. *ćeku*, *ćec*; н.-луж. *śeku*, *śac* с общим значением «течь, бежать». Родственные соответствия, имеющие аналогичную семантику, обнаруживаются как в балтийских (ср. лит. *teku*, *tekėti*; лтш. *teku*, *tecėti*), так и в других индоевропейских языках [38, с. 37].

Термин *исток* представляет собой префиксальное образование от сущ. *ток* — «течение, перемещение», которое в качестве исходной словообразовательной формы имеет о.-сл. глагол **tekti*. Др.-русс. сущ. *токъ* было образовано от **tekti* бессуффиксальным способом с корневым чередованием *e||o*. Такого же происхождения и другие др.-русс. префиксальные образования типа *поток* — «река, ручей»; *затока* — «залив, излучина». (Ср. также укр. *затока* — «залив», польск. *zatoka* — «залив, бухта».)

В системе гидрографической терминологии XVII в., представленной в «Книге Большому Чертежу», термин *исток* известен в следующих значениях.

Во-первых, *исток* (в форме мн. ч. *истоки*) обозначал «стоячие, пересыхающие ручьи, образовавшиеся в результате выхода на поверхность подземных вод». В этом значении термин прослеживается при описании бассейна Терека и представлен единичным примером: «А с востока, подле Улку гору, приходили воды, *истоки* не текущая и озера; а с другой стороны из горы Улки вытекли реки <...>» [15, с. 92].

Во-вторых, *исток* (*истока*) — «ручей, впадающий в реку». В этом значении термин прослеживается при описании южной части бассейна Дона, в частности, — рек Калауса и Куры. Например: «А ниже Алалы пала в Калауз *истока* ис клездеи Какуигыр» [15, с. 86]; «За рекою за Куром город Урень, а из под него течет в Кур *исток*» [15, с. 89]. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что термин испытывал колебания в форме мужского — женского рода (*исток* — *истока*).

Материал разнообразных памятников письменности XI–XVII вв. позволяет выделить у гидрографического термина *исток* следующие значения.

Во-первых, термин известен в значении «водный источник, родник». Эта семантика представлена исключительно в памятниках церковно-религиозного характера, начиная с древнейшей поры. Например, «И паки же мечту тружахуся бесове члвкы, варяюще въ *истоцех* ли [греч. πηγή] въ реках ли въ древех ли въ каменех» [39, л. 43в-г].

Во-вторых, *исток* — «начало ручья, реки, вытекающих из естественного природного источника, родника». В этом значении термин также представлен немногочисленными примерами из памятников преимущественно церковно-религиозного содержания. Например, в памятнике XIII в. читаем: «Откуда убо *истоки* речные истичуть, не доведимо бо ми и се помышление» [40, с. 3]; «*Истокъ* есть истекающаго источника начало, или вода от преложения земля бывающа низливающихся» [9, с. 392]. Интересно отметить, что некоторые

из памятников содержат определение к термину, подчеркивающее указанную семантику (ср. истоки *речные*).

В-третьих, исток — «ручей, небольшая река». Эта семантика широко прослеживается в разнообразных по происхождению памятниках письменности с древнейшей поры. Причем термин употреблялся в этом значении не только как апеллятив, но и в составе гидронимов — начиная с XVI в. В Ипатьевской летописи под 1276 г. записано: «И тако ехавше. осмотреша оже не тутъ рати. но паря идяшеть со *истоковъ* текущихъ из горъ. зане морозе бяхуть велице» [14, л. 290]; «Меж озера Болоня Киструского села бортников на *истоке* на *Волганском*, да на устье, на старом езовище» [23, с. 23]; «(1552): И призывает государь к себе немчина размысла и советует с ним о подкопе. И стали копати от камня под *ысток*, где тайник водяной» [25, л. 559]; «Да на левой же стороне Иртыша вышла *истока*, а на томъ *истоке* стоить деревня Водска» [31, с. 33]. Последняя цитата указывает на то, что термин испытывал в отдельных случаях колебание между формой мужского и женского рода (*исток* — *истока*).

В указанном значении известно употребление термина *источек* — «небольшой исток», принадлежащего к тому же словообразовательному гнезду: «Дер. Радивонцова, на *источке*» [28, с. 501]. Кроме того, памятники письменности свидетельствуют об употреблении в этом же значении термина *источина* как полного синонима к термину *исток* (ср.: «А от вяза повели старожилцы по речке по Ковери вверхъ и привели к *источине* к ручаю» [23, с. 43]; «А отъ речки Хрипанки *источиною* вверхъ живым рубеземъ до *источины* направо на рывину» [1, с. 514]).

С XV в. в памятниках письменности прослеживается употребление термина *исток* с оттенком значения «ручей, небольшая река, вытекающие из озера или болота». Например: «А *истоку* рубеж. ис Зеленьскаго озера вниз по *истоку* по столбъ» [23, с. 11]; «А тотъ кустъ стоить за *истокомъ*, что течеть изъ мохового болота» [16, с. 13]. С этим же оттенком значения употребляется синонимичный термин *источина*: «Да на той же правой стороне Иртыша изъ озера *источина*» [31, с. 34].

Употребление термина *исток* с другим оттенком значения — «ручей, впадающий в озеро» представлено единичными примерами из памятников письменности XVII в.: «Грань указывает к Глубокому озеру на ивовые кусты, а другая грань указывает по *истоку*, что впаль в Лапонное озеро» [27, с. 301]; «*Истокъ* впаль въ озерко» [26, с. 162].

В-четвертых, исток — «рукав, соединяющий два озера или озеро с рекой». Употребление термина в этом значении прослеживается сравнительно поздно, с XVI в. Например: «Исъ того же [Козарского] озера два *истока* в Тишь» [23, с. 481]; «А по нижнюю сторону пал *исток* из аристово озера в Хомутово озеро» [6, л. 85/3]; «Изь того жъ озера течеть въ ту же реку Тезу *истокъ* зарось хвошемъ, стоить тихо» [2, с. 330]. С аналогичной семантикой известно употребление синонимичного термина — *источина*: «Из Поганово озера *источиною* <...> в Колодное озеро во влдне» [23, с. 78].

В-пятых, исток — «ручей-угодье, место рыбной ловли, охоты на бобров и т. п.». Употребление термина в этом значении свидетельствует о широком практическом использовании рек и ручьев в повседневной хозяйственной деятельности человека как важного средства, обеспечивающего существование. Указанная семантика находит широкое отражение в памятниках письменности с конца XIV в. Например: «Большимъ людемъ изъ монастырскихъ сель <...>

на неводъ ходити, пруды прудити, на бобры имъ осенине поити, а *истоки* имъ забивати» [4, с. 180]; «И в том *истоце* в моем, великого князя, луковшаном ловити рыбу обче съ его людьми з домовными» [4, с. 242]; «Великий государь пожаловал имъ рыбную ловлю с озера и с *ыстоки* и с перевесемъ и с сенными покосы и со всемъ угодьем» [32, с. 273].

Некоторые определения к термину *исток* — «угодье» уточняют его гидрографическую специфику. Например, *запорные истоки* — «истоки, перегороженные или запруженные для рыбной ловли». Ср.: «В реке и в озерах и в *запорных истоках* рыбу ловят» [19, с. 471]. В памятниках прослеживается также употребление однокоренных образований — прилагательных от термина *исток* — «угодье», обозначающих различные реалии, непосредственно относящиеся к истоку. *Истоцкие земли* — «земли, расположенные по истоку» (ср.: «Се язъ Левонтей <...> купилъ есми у Василья <...> треть земли *истоцкыя* въ Яхренге <...>, да и озера, да *истока*» [5, с. 2]. *Источная рыба* — «рыба, пойманная в истоках, т. е. в ручьях»; или: «Продано монастырской мелкой *источной рыбы* три воза взято три рубли шесть алтын четьыра денги» [30, с. 61]).

В-шестых, исток — «географический ориентир, межевой порубежный знак». Это выделяемое нами употребление термина отражает общую тенденцию использования водных объектов в качестве ориентиров на местности, своеобразных знаков, указывающих на границы поместных владений и т. п. Такое употребление прослеживается в памятниках письменности с конца XV в. Например: «Учинили темъ землямъ межи по всей воле *отъ* реки от Нерли <...>, да подле болота къ двема ветламъ на *истокъ*» [2, с. 126]; «А *отъ* Сосны тою жъ дарошкою прямо по гранемъ и по потесомъ до *истоку* старого рубежа монастырского да роши Фадеевские» [7, с. 476]; «А межи той поже Присаде съ ели да <...> по *истоку* дас Пютриныны межа по осокоре да и в реку прямо» [33, с. 1].

В этом же употреблении известен однокоренной термин *источек* — «небольшой исток, ручеек» (ср.: «А и межные, господине, грани по тому *источку* на деревье есть» [3, с. 130]; «От березы вниз логам к *источку* к Прутицу *источком* вниз к реке Десне» [24, с. 52]).

Последнее значение термина *исток* — «остаток какого-либо питья, залитый свежей порцией горячей жидкости и служащий для приготовления напитка» лишь косвенно связано с гидрографической семантикой. Употребление термина представлено интересными, но единичными примерами из «Домостроя»: «А после всякого пива на гуцу поливают, воды взогреть, ведр с тритцать и с сорокъ, <...> и тотъ *исток* приквасит добре хорошо семьи пити» [11, с. 123–124]; «Челяди питие *истокъ* пивной» [11, с. 56]. Возникновение указанной семантики обусловлено генетической связью термина *исток* с процессуальным глаголом *истекать* (*вытекать*) — «приходить к концу», поэтому закономерно возникло значение, выражающее предел в развитии процесса, его определенное опредмеченное качество: *исток* — «остаток, остатки».

Впервые термин *исток* как книжное слово Западной Руси отмечен в форме женского рода *истока* в «Лексисе» Л. Зизания (1596), причем его семантическое содержание раскрывалось единой цепочкой толкований: «исхоидише водное. выхожене водъ. теченье воды» [17, с. 51]. Однако из этого ряда возможно соответственно вычленить следующие значения: 1) «источник, родник» (исхоидише водное); 2) «начало ручья, реки» (выхожене вод); 3) «ручей, небольшая река» (теченье воды). Как видим, в словаре Л. Зизания отражены все основные генетически первичные значения термина, хотя без семантической детализации.

В «Лексиконе» Э. Вейсмана (1731) немецкие и латинские термины *Bach, rivus* были истолкованы посредством русских синонимов *исток, проток, ручей, поток*. Семантическое содержание терминов *Bachlein, rivulus*, обозначающих менее крупные гидрографические объекты, раскрывалось с помощью русск. *источек, проточек, ручеек* [8, с. 70]. В форме мужского рода термин *исток* зафиксирован в словаре И. И. Нордстета (1780), где его значение было передано через немецкие и французские параллели: *Ußfluß; Unsfluß des Wassers; la décharge, l'égout* [22, с. 275]. Аналогичную семантическую интерпретацию гидрографического термина *исток* сохранили и некоторые словари XIX в. Так, в «Словаре церковнославянского и русского языка» (1867) к термину приведены толкования, дающие определенное представление о его первичной семантике: «Исходяще вод, источник. *Исток реки*» [36, с. 144].

Своеобразно раскрыто семантическое содержание терминов *исток* и *источек* в словаре А. Дювернуа (1894): посредством лат. *fons* — «источник, родник» и *fonticula* — «небольшой источник, родничок». В качестве иллюстрации употребления терминов даны цитаты из Актов юридических (1631 г.): «А из болота *истокомъ* внизъ через ивовый кустъ въ реку Угронгу же. <...> А отъ тое березы болотцомъ въ *источекъ*, а *источкомъ* въ реку Уронгу» [12, с. 73]. Однако совершенно неясно, почему исходя из приведенных контекстов термины *исток* и *источек* должны быть истолкованы соответственно как «источник, родник» и «небольшой источник, родничок»? Ведь источник не может впадать в реку, в то время как ручей или ручеек, вытекающий из источника и обозначающийся тем же термином по причине метонимического переноса семантики, мог быть притоком, впадающим в реку. Следовательно, латинские параллели *fons, fonticula* в данном случае лишь косвенно указывают на генетически первичную семантику терминов *исток, источек*, поскольку приведенный контекст не доказывает их первичное значение, т. е. «источник, родничок».

В словаре В. И. Даля (1863–1866) интересующий нас термин находим в статье к слову *истекать*, в которой формы *исток* и *истёк* истолкованы в общесемантическом плане как «состояние истекающего». При конкретизации семантического содержания термина *исток* выделены, во-первых, значения, аналогичные тем, которые были определены выше на основании анализа памятников письменности. *Исток*: 1) «место и самые живцы, ключи, составляющие вершину потока»; 2) «начало, верх, исход реки, ручья». В этих в общем сходных значениях оказались фактически объединенными генетически близкие значения «источник, родник» и «начало ручья, вытекающего из источника». С иной семантикой отмечено В. И. Далем употребление термина в пермских и сибирских говорах, где *исток* обозначает «проток, рукав, связующий два озера или озеро с рекой». Во-вторых, выделено окказиональное употребление термина *исток* в значении «устье реки», однако без указания на регион бытования термина: «Урал, четырема *истоками* своими впал в море» [10, с. 58].

В своем словаре (1885) А. Подвысоцкий отметил употребление термина *исток* в архангельских говорах только в одном, обобщенном значении — «лесной ручей» без каких-либо ссылок на иную семантику. Интересно, что термин *источина*, приведенный в этой же словарной статье, рассмотрен не как самостоятельное терминологическое обозначение, а как уменьшительная форма от термина *исток* с аналогичной семантикой [29, с. 60]. В современных беломорских говорах известно повсеместное употребление термина *исток* в значениях: «начало ручья, речки; верховье» [13, с. 192].

Результаты диалектологических исследований свидетельствуют о широком общерусском распространении термина *исток* с различным семантическим содержанием по конкретным регионам. Материалы сводного «Словаря русских народных говоров» позволяют считать, что основной ареал бытования термина *исток* сосредоточен в говорах Урала и Сибири, где его употребление отличается полисемантизмом. 1) Самым распространенным значением термина является «проток, связывающий два озера или озеро с рекой» (Перм., Свердлов., Том., Приобье). Причем именно в этом значении термин употребляется и в форме женского рода — *истока*, но лишь в томских говорах. 2) *Исток* известен в значении «рукав небольшой реки» (Перм., Енис.). 3) *Исток* — «узкое место реки» (Новосиб.). 4) *Исток* — «устье реки» (Том.). 5) *Исток* — «лесной ручей, не имеющий названия» (Сиб., Урал).

На южнорусской территории известно употребление термина *исток* в трех значениях: 1) в генетически первичном — «родник, ключ» (Ворон., Пенз.); 2) «место, где начинается река» (Ворон., повсеместно); 3) «искусственный проток из одного озера в другое для рыбной ловли» (Ряз.). В северновеликорусских говорах термин известен в специфическом только для этой территории значении «река, берущая начало в озере» (Арх.), а также с семантикой «лесной ручей, не имеющий названия» (Арх.) [34, с. 257–258].

По наблюдениям Э. М. Мурзаева, термин *исток* в значениях «источник; проток, соединяющий два озера или озеро с рекой» употребителен в настоящее время на территориях Урала и Сибири. В другом древнем значении — «начало реки или местность, где река начинается» термин также известен на территории Сибири, однако в ином лексическом оформлении — *вершень*. В Пермской области употребителен термин *паточина* — «небольшой исток воды с берега в речку, родник» [20, с. 241–242, 125; 18, с. 43]. В центрально-черноземных областях России известно бытование терминов *голова, головище* — «исток реки, начало оврага» и термина *вывершек* с аналогичной семантикой, являющихся по отношению к *истоку* терминологическими синонимами [21, с. 64, 60].

Таким образом, современные диалектологические исследования свидетельствуют о широком распространении термина *исток* как общерусского обозначения конкретных реалий гидрографии в различных регионах. В целом употребление термина отличается полисемантизмом, основной комплекс древнейших значений термина сосредоточен в говорах Урала и Сибири.

В толковых словарях современного русского языка приводятся лишь два наиболее общих значения термина *исток*: 1) «начало течения реки или водного источника»; 2) перен. «начало, зарождение чего-либо» [35, с. 541]. Однако первое значение подано, на наш взгляд, в несколько нерасчлененном виде, неточно. Ведь если источник начинает течь, то он уже перестает быть, строго говоря, источником, родником и превращается в начало ручья или реки. Вызывает возражение также и то, что в словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова к слову *исток* как в основном, стилистически нейтральном значении «место, откуда вытекает, где начинается водный источник, река», так и в переносном значении «начало, зарождение чего-либо» дана стилистическая помета *книжн.* [37, стб. 1255]. Скорее эта помета должна целиком относиться к переносному значению слова, чем к основному.

Сопоставление материала памятников письменности с данными современных диалектологических исследований, а также учет подачи значений термина *исток* в словарях позволяет сделать следующие выводы относительно его семантической эволюции.

Древнейшее значение термина *исток* — «водный источник, родник», представленное главным образом в памятниках церковно-религиозного характера, сохранилось до настоящего времени без изменений. Однако слово *исток* в этом значении употребляется не как общепринятый официальный термин современной географической науки, а только как местное обозначение конкретного гидрографического объекта в двух различных регионах: на территории Урала, Сибири — в воронежских и пензенских говорах. В качестве общепринятого термина в языке современной географической науки в этом значении употребляются однокоренное слово *источник*, а также — *родник*. Эти термины, принадлежащие к древнейшему пласту географической лексики, известны в указанном значении с XI–XII вв. Очевидно, уже к XVIII в., когда проходил процесс становления языка русской географической науки, *источник* и *родник* стали выступать в функции общегеографических официальных терминов. Вытесненное ими семантически синонимичное соответствие *исток* закрепилось как местное обозначение тех же понятий гидрографии, но главным образом — в Сибири и на Урале.

Термин *исток* в значении «начало ручья, реки» генетически связан с предыдущим, известен только в памятниках церковно-религиозного содержания. В использованных нами материалах картотек «Словаря русского языка XI–XVII вв.» и «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.» он не встречается в данном значении. Интересно, что в настоящее время слово *исток* с этой семантикой в говорах русского языка не употребляется. Рассмотренное значение в ряде говоров представлено в ином лексическом оформлении (ср. сиб. *вершень*). На территории центрально-черноземных областей употребительны термины *голова*, *головище*, *вывершек*. На южнославянской территории, главным образом в болгарском и сербскохорватском языках, известно бытование термина *извор* с аналогичной семантикой: «источник, исток реки». В этом регионе термин прослеживается как в составе гидронимов (река *Извор* в Румынии — правый приток реки Сомешул-Маре, бас. Тиссы), так и в составе названий поселений (г. *Извор* в Болгарии и бывшей Югославии) [21, с. 92; 20, с. 235].

Напротив, в современном русском литературном языке термин *исток* в этом значении употребляется достаточно устойчиво и широко. В частности, термин представлен в составе коррелятивных сочетаний, обозначающих «начало — конец» ручья или реки: ср. «Люблю эту речку, хоть речка мала. / Ее не отпустят / Заботы семь дней: / С истока до устья / Семь мельниц на ней» (Н. Савостин. Семь мельниц). В языке современной географической науки термин *исток* как обозначение начала ручья или реки имеет традиционно закрепленный устойчивый статус, что отражено в специальных словарях.

Широкое употребление термина в литературном языке, причем как в прямом, так и в переносном значении, подтверждается многочисленными примерами. Ср.: «Мощный поток чистой речной воды поступил <...> в Москву-реку. Его истоки — в глухих лесах, откуда вода <...> начинает путь к столице» (из газет); «Пью воду, зачерпнутую маленькой кружкой из истока Волги» (Матусовский М. У истока // Лит. газета, 11.04.79) и т. д. На базе прямого значения термина в современном литературном языке развилось и широко известно переносное значение: *исток* — «начало, зарождение чего-либо». Ср.: «Должно быть, именно там, в суровых зимних горах, в боях и походах и взяли начало истоки беды, швырнувшей ее <...> на больничную койку» (из газет); «В XVI веке здесь поднялось каменное сооружение, что стоит поныне у истока улицы Солянки» (из газет) и др.

Достаточно четко представленное в памятниках письменности значение термина *исток* — «ручей, небольшая река» не известно современному русскому литературному языку. Однако оно прослеживается во многих говорах Урала и Сибири, имея в отдельных случаях оттенки значения: «рукав небольшой реки» (Перм., Енис.); «лесной ручей, не имеющий названия». Интересно, что в другом регионе — в архангельских говорах — сохранился тот детализирующий оттенок значения, который был выше отмечен у термина по памятникам письменности: «река, берущая начало в озере». Иной оттенок значения, представленный в «Книге Большому Чертежу» и прочих памятниках, — «ручей, река, впадающие в озеро», по всей видимости, утрачен и не выявлен в современном русском языке. Неупотребительным оказался и такой оттенок значения термина *исток*, как «пересыхающий ручей (ручьи)», представленный единственным примером из «Книги Большому Чертежу»: «Приходили воды, истоки нетекущие и озера» [15, с. 92].

Следует особо подчеркнуть, что употребление термина *исток* в значении «рукав, соединяющий два озера или озеро с рекой», не известное в настоящее время русскому литературному языку, является самым распространенным из всех значений термина и прослеживается главным образом в говорах Урала и Сибири. Не менее важно, что термин известен с аналогичной семантикой и на южнорусской территории, но с несколько иным оттенком значения. Так, в рязанских говорах *исток* — именно «искусственный (а не естественный) проток из одного озера в другое для рыбной ловли».

В современном русском языке оказалось утраченным значение *исток* — «ручей (река) — угодье, место рыбной ловли, охоты на бобров и т. п.», что в первую очередь обусловлено изменением (ослаблением) той роли, которую в древности играли небольшие ручьи и реки в хозяйственной деятельности человека.

Употребление термина *исток* как «географического ориентира» известно и в современном литературном языке. Например: «Хочу предупредить заранее: до истока Волги добираться непросто, особенно людям моего возраста <...>» (Матусовский М. У истока // Лит. газета, 11.04.79). Вполне вероятно допустить такое употребление термина и в современных говорах русского языка. Ср. возможные случаи речевого употребления термина как апеллиатива, так и в составе гидронимов в выражениях типа *от истока, до истока; вблизи Большого истока, за Нижним истоком* и т. п.

Интересное значение термина — «остаток какого-либо питья, залитый свежей порцией горячей воды и служащий для приготовления напитка», фрагментарно представленное лишь в «Домострое», в литературном языке ныне утрачено. Напротив, в отдельных говорах русского языка отмечено бытование слова *исток* в указанном значении, имеющем оттенки по конкретным регионам. Так, в омских говорах *исток* — «жидкость, выступающая из корчаги с квасом во время его нагревания или приготовления». А в вологодских говорах слово, употребляющееся в форме множ. числа *истоки*, известно с семантикой «второе сусло с одного солода» [34, с. 258].

Таким образом, семантическая эволюция гидрографического термина *исток* заключается в сохранении основного комплекса его значений, связанных с генетически первичной семантикой. Впрочем, эти значения термина в настоящее время неравномерно распределены в русском языке и его говорах. В русском литературном языке сохранилось только два значения термина: «начало

течения реки или водного источника» и возникшее на его основе переносное значение — «начало, зарождение чего-либо». В современном языке русской географической науки термин функционирует в своем основном значении.

В русских народных говорах, особенно в уральских и сибирских, употребление термина отличается полисемантизмом и широтой. В этих же говорах отмечено употребление термина в значениях, которые не прослеживаются по памятникам письменности: «узкое место реки» (новосиб.) и «устье реки». Что касается колебаний термина в форме мужского — женского рода, известных по памятникам письменности, то в современном литературном языке полностью возобладала форма мужского рода — *исток*. В говорах термин также в основном является словом мужского рода, однако в томских говорах наряду с формой мужского рода употребительна и форма женского рода — *истока*, причем только в значении «проток, связывающий два озера или озеро с рекой».

Литература

1. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России / Собр. и изд. А. Федотов-Чеховский. — Киев, 1863. — Т. 2.
2. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. — СПб., 1884. — Т. 3.
3. Акты собрания Н. П. Лихачева XVII в. Хран. в СПб. ФИРИ РАН. К. 238. Оп. 2, IV, 1.
4. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. — М., 1951. — Ч. 1.
5. Акты Холмогорской и Устюжской епархий // Русск. ист. б-ка. — СПб., 1894. — Т. 14. — Ч. 2.
6. Архивный фонд Макарьевского Желтоводского монастыря. XVII–XVIII вв. Хран. в Гос. архиве Горьк. обл. Ф. 2013. № 998.
7. Архив Строева П. М. Т. 1 // Русск. ист. б-ка. — Пг., 1915. — Т. 32.
8. Вейсманн [Э.] Немецко-латинский и русский лексикон... — СПб., 1731.
9. Великие Минеи-Чети, собр. всеросс. митр. Макарием / Изд. Археографич. комисс. — М.; СПб., 1868–1917.
10. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1881. — Т. 2.
11. Домострой по списку ОИДР // Чтения ОИДР. — М., 1881. — Кн. 2.
12. Довернуа А. Л. Материалы для словаря древнерусского языка. — М., 1894.
13. Елизаровский И. А. Лексика беломорских актов XVI–XVII вв. — Архангельск, 1958.
14. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1908. — Т. 2.
15. Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. — М.; Л., 1950.
16. Книга строельная города Синбирска // Изд. Симб. губ. учен. арх. комисс. — Симбирск, 1897.
17. Лексис Лаврентия Зизанія. Синоніма славеноросская. — Київ, 1964.
18. Маштаков П. Л. Материалы для областного водного словаря. — Л., 1931.
19. Миллер Г. Ф. История Сибири. — Т. 2. — М.; Л., 1941.
20. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. — 2-е изд. — М., 1999. — Т. 1.
21. Мурзаев Э. М. и В. Г. Словарь местных географических терминов. — М., 1959.
22. Нордстет И. И. Словарь русский с немецким и французским переводами. — СПб., 1780. — Ч. 1.
23. Памятники русской письменности XV–XVI вв. (Рязанский край). — М., 1978.
24. Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. XVII в. — М., 1977.
25. Пискаревский летописец // Мат-лы по истории СССР. — М., 1955. — Т. 2.
26. Писцовая книга города Балахны, 1674–1676 гг. // Действия Нижегород. губ. учен. архивн. комисс. — 1913. — Т. 15. — Вып. 1.
27. Писцовая книга 1621–1622 гг.: Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду // Русск. ист. б-ка. — СПб., 1896. — Т. 17.
28. Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Писцовые книги XVI в. // Изд. РГО. Отд. 1: Местности губерний Московской, Владимирской и Костромской. — СПб., 1872.
29. Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. — СПб., 1885.

30. Приходо-расходные книги Богословского монастыря с 192 по 197 год (1684–1689) // Труды Рязанск. учен. архивн. комисс. за 1903 г. — Рязань, 1903. — Т. 18. — Вып. 1.
31. Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая <...> Н. Спафария в 1675 г. // Зап. РГО по отд. этногр. — СПб., 1882. — Т. 10. — Вып. 1.
32. Сарайская и Крутицкая епархии. Вып. 3 // Чтения ОИДР. — М., 1902. — Кн. 4.
33. Сенигов О. П. Памятники земской старины. — СПб., 1903.
34. Словарь русских народных говоров. — Л., 1977. — Вып. 12.
35. Словарь современного русского литературного языка. — М.; Л., 1956. — Т. 5.
36. Словарь церковнославянского и русского языка / Сост. 2-м отд. Имп. АН. — 2-е изд. — СПб., 1867. — Т. 2.
37. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1935. — Т. 1.
38. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — М., 1987. — Т. 4.
39. Хроника Георгия Амартола, славянорусский перевод XI в. в сп. XIII–XIV вв. // В. М. Истрин. Книги временныя и образыя Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. — Пг., 1920. — Т. 1.
40. Шестоднев, составленный Иоанном ексархом Болгарским // Чтения ОИДР. — М., 1879. — Кн. 3.

* * *

Другой древнейший гидрографический термин, обозначавший начало реки, — *верховье*. Он принадлежит к группе слов, формирующих словообразовательное гнездо с корнем *верх-* и объединенных общим генетически первичным значением «начало чего-л., вершина». К этой группе относятся такие слова, как *верх*, *вершина*, *верховина*, *верховица* и т. п., обладавшие в древнерусском языке универсальной способностью обозначать «начало или вершину» разнообразных реалий безотносительно к тому, каким по характеру был объект: географическим или негеографическим. В большинстве случаев термины выступали по отношению друг к другу в качестве абсолютных синонимов, образуя цепочки терминологических обозначений. Однако при анализе семантического содержания гидрографического термина *верховье* и синонимичных ему обозначений представляется целесообразным отграничить их негидрографическую семантику от собственно гидрографической и подробно рассматривать лишь последнюю. Тем не менее относительно негидрографических значений указанных терминов заметим следующее.

Термин *верх* обладал целым комплексом негидрографических значений, в котором семантику «верхняя оконечность чего-либо, вершина», очевидно, следует считать генетически первичной. Например, в памятниках письменности XVI–XVII вв. читаем: «И виде <...> столпъ огнь, стоящъ на земли, его же *верхъ* тишашеся въ небо» [13, с. 462]; «Стоитъ гора добре высока и велика, а *верхъ* взошелъ что колпакъ» [40, с. 116]; «На межи камень да ребина да ель безъ *верха*» [4, с. 134] и мн. др.

«Словарь русского языка XI–XVII вв.» выделяет у термина *верх*, включая гидрографическую семантику, 11 значений [52, с. 100–101].

Термин *вершина*, синонимичный термину *верх* в рассмотренном значении, также употребляется для обозначения верхней оконечности или возвышенности различных негидрографических объектов. Об этом свидетельствуют памятники письменности XVII в.: «А те храмы и трапеза покрыты тесом внутри не до *вершины*» [39, л. 30б.]; «Среди большого лесу на *вершине* на крутой

намошен мость 6 сажень» [2, с. 73]; «Възлезъ на *вершину* древа — уснуть по-валяся» [22, с. 233] и др. Термин *верховина* был синонимичен термину *вершина* в значении «возвышенное место»: «Да на две ели надо врагомъ, да на *верховину* на *Погорелскую*, да *верховиною* *Погорелскую* внизъ до межи до старые» [9, с. 166]. Термин *верховица*, семантически близкий к предыдущим обозначениям, обладал значением «верхняя часть головы, макушка»: «А у Ондрюшки Иванова голова по *верховицу* розсечена, и левая рука по лодыжке разсечена» [48, с. 576].

Интересующий нас термин *верховье* также обладал негидрографической семантикой, обозначая «вершину, верхушку, начало каких-либо преимущественно географических объектов». Эта семантика прослеживается по памятникам письменности с конца XV в.: «Вознесение же господне есть на *верховьи* Елеонския горы прямо къ стоку и есть яко горка мала» [21, с. 38]; «Въ *верховье* того боярака выкопана яма промежъ Слоновской земли и Сузаревской» [4, с. 145].

В «Книге Большому Чертежу» отмечено активное употребление термина *верховье* как обозначения соответствующего гидрографического объекта при описании многих речных бассейнов. Термин употребляется и в единственном, и во множественном числе, однако только в форме апеллятива; он семантически однозначен: *верховье* — «начало реки, исток». Например: «А проехав *верховье* Мечи, через дорогу течет в реку Мечю колодезь Гоголь да Гоголка» [28, с. 60]; «А от *верховей* от тех рек ехать Муравскою дорогою к Семицким Котлубаном верст з 20» [28, с. 61]; «Малая Балыклеика <...> *верховьем* взялась выше Балыклеи» [28, с. 72].

В более ранних памятниках случаи употребления термина в этом значении (без каких-либо семантических оттенков) нами не обнаружены. В поздних источниках XVIII в. употребление термина в рассмотренном значении представлено единичными примерами апеллятивного характера: «Велеть въ *верховье* реки Великой нарубить довольно сосноваго лесу и сплавить» [42, с. 422]. Это наблюдение согласуется с общим выводом, сделанным А. Н. Качалкиным о том, что слово *верховье* — «начало реки, исток» было в XVII в. редким, в отличие от синонимичного термина *вершина*, широко употреблявшегося во многих памятниках [27, с. 303]. Впрочем, локальные случаи широкого употребления термина *верховье* представлены в воронежских документах XVII в.: «И в тех урочищах переписал усады в *верховья* речки ериловки»; «Сенные покосы и леса по обе стороны речки форосани с усть и до *верховья*» и т. д. [59, с. 271, 74; 45, 48].

Значительно активнее и шире представлено в памятниках, уже начиная с XI в., употребление с аналогичной семантикой термина *верх*. Он известен как в форме апеллятива, так и в составе гидронимов. Например: «Имение бо света сего рече подобно есть. соуда отъидеть винизъ и паки съ *върху* приходить» [24, с. 16]; (до 852 г.): «Бе путь изъ Варягъ въ Греки, и изъ Грекъ по Днепру, и *верхъ* Днепра волокъ до Ловоти» [31, с. 7]; (1541): «Они до техъ урочищ еще не дошли, а поехали *верхъ* Донца Северскаго» [33, с. 457]; «По той же преславушей реке Дону в *верх* живяху волное казачество великое Донское Войско» [26, с. 48] и др.

Памятники письменности свидетельствуют о широком распространении и активном употреблении, начиная уже с XVI в., и другого синонимичного *верховью* гидрографического термина — *вершина*, также известного в значении «начало реки, исток». Его употребление прослеживается по источникам

XVI–XVII вв., причем большинство примеров относится к XVII в.: «На речке на Пше на *вершинахъ* на *Пшинских* отделили Ерофею Бохметеву Поповские две поляньки» [8, с. 165]; «Западная де речка Лысва и восточная изъ дву *вершинъ* сошлись въ одно место» [3, с. 286]; «*Вершины* реки Иртыша текутъ изъ Мунгалскихъ горъ, которые по руски именуются Камень» [46, с. 40]; «3 сторожа у *Хавские вершины* отъ города верстъ съ 15, <...> а проезжаютъ внизъ по речке по Хаве версты съ 3» [11, с. 67]. Интересно, что один из примеров указывает на параллельное синонимическое употребление термина *вершина* в русском языке XVII в. как обозначения «начала, верха» горы и реки: «*Вершина* той горы блиско *вершины* Дуная реки» [29, с. 60–61].

Начиная с XV в. отмечено употребление ряда производных прилагательных от термина *верх*, например, *верхний* (*верхный*), *верховский*, *верховый*, *верховой* с общей гидрографической семантикой «расположенный в верховье реки, со стороны верховья, выше по течению». *Верхний* (*верхный*) — (1148): «Изяслав да дары Ростиславу что от Руския земле и от всих царскихъ земель, а Ростислав да дары Изяславу что от *верхнихъ* земель и от варягъ» [25, с. 369]; «Да зложим за рекою за Двиною половину веретей а в межах та веретей с *верхнюю* сторону от Двины реки» [7, *Закладная 1650*]. *Верховский* — «Которые торговые люди приезжаютъ въ Казань изъ всех *верховскихъ* городовъ съ товары, <...> приставляютъ подъ Илантовскимъ монастыремъ» [9, с. 628]. *Верховый* — «Велите, государи, <...> дать жалованную грамоту <...> во все низовые и *верховые* города съ прежнихъ указовъ и грамотъ» [17, с. 128]. *Верховой ход* — «движение вверх по реке»: «А велено было ему зделать струг к верховому ходу под государевы арбузы» [1, № 1653]. *Верховая вода* — «разлив воды в верховьях реки»: «Земляной вал порушился и во многихъ местахъ обобоился, и ровъ мелкоъ и тотъ от вешней и отъ *верховой воды* осыпался» [2, с. 667].

Более широко представлено в памятниках письменности употребление термина *верховье* в других значениях, обусловленных практической потребностью четко обозначить имущественные пределы владений, границы таких важных объектов хозяйственной деятельности человека, какими были реки, земли и леса, принадлежавшие определенному юридическому или физическому лицу.

Во-первых, *верховье* — «начало реки» (в семантической корреляции «начало — конец реки»). В этом значении употребление термина прослеживается со второй половины XV в. Он представлен в памятниках только в форме апеллятива. Например: «А межа тои земли: по Болшей Пинешке реке вверхъ левая сторона, от устья и до *верховья*» [14, с. 649]; «Емьская дорога, да Ледь река съ *верховиа до устья* по обе стороны» [5, с. 73]; «Внизъ по Ваге реке леси и до устья Мусорина ручья, а с устья и до *верховья* Мусорина ручья правая сторона» [14, с. 669]. С аналогичным значением известно, начиная с XVII в., употребление синонимичного *верховью* термина — *вершина*: «И намъ бы его пожаловати Волонгою рекою съ устья и до *вершины*» [5, с. 281]; «Оку давно изъ Розряду описываютъ отъ *вершины* и до устья» [42, с. 881]; «Он [Осетр] говорит: Я вижу матку-Волгу с корени и до *вершины*, в ширину и глубину исповедал» [43, с. 159]. В рассмотренном значении отмечено употребление и другого синонимичного термина — *верхотина*: «Се язъ Иванъ Федоровъ <...> продать есми <...> старцу Симону четверть Синцы реки сенныхъ покосовъ поженъ с устья и до *верхотины*» [15, с. 325].

Во-вторых, потребность в детальном обозначении пределов различных имущественных владений (рек, земель и т. п.) обусловила развитие у термина

верховые употребления в качестве «географического ориентира (от — до), межевого порубежного знака». В этом употреблении термин известен начиная с древнейшей поры, с XII в., однако преимущественно в форме апеллятива. Например: «А заводъ тои земли *отъ* Юрьевской границы простью вверхъ <...>, да на право въ логъ, логомъ по *верховью* Мячина, и Мячиномъ въ низъ по вешнюю воду» [55, с. 354]; «А бориславу: доругая: соторона: нетыца: по църтову руцци: и *до върховья* и по путь рыдньской» [10, № 390]; «А межа той моей земле вотчинной, <...> с *верховья* Кобыля врага вниз» [6, с. 13]; «Через Чорной проток на Плоской колодез по вышня плессо по *Сиверское верховья*» [38, с. 18–19].

Начиная с XV в. прослеживается синонимичное употребление в рассмотренном значении другого термина — *верх*. Например: «А четвертый день подле Иорданъ по полю итти все къ всходу лицъ, оне *до верха* Иорданова, отнюду же поиде Иорданъ река» [21, с. 92]; «Переехати Самарские верхи; а *отъ Самарскихъ верховъ* поворотити назадъ въ Путивль» [11, с. 18]; «Отъ Ливенъ <...> *до верхъ* Семи проезду полъ 3 дни, а изюмская дорога пошла *отъ верхъ Семи* на лево» [35, с. 1]. Интересный пример параллельно-синонимического употребления терминов *верховье* и *верх* в одном и том же контексте содержится в памятнике начала XVII в.: «*Отъ верховья* речекъ Мжа и Коломокъ *до верхъ* речки Орелу ездю полъ 2 дни а *от верхъ* речки Орели до речки до Самары ездю 2 дни» [35, с. 1].

В рассмотренном значении отмечено, начиная с XVI в., употребление и другого синонимичного *верховью* термина — *вершина*. Например: «А угодыя у всех у вычегоцких крестьян река Выгеда *от* рубежа Плесовские волости *до вершины* Выгеды реки» [23, с. 462]; «Велети бь ему *от* тое Долгие кулиги *до вершины* тое речки Шеренги по обе стороны <...> оброку бь ему с тои земли платить по полтине на годъ» [14, с. 739–740]; «А изъ Тоболска *до* самой *вершины* реки Иртыша мочно лехкими суды ходить» [46, с. 41]. Термин *верхотина* также выступает в указанном значении как синоним к термину *верховье*: «Пойдетъ межа *отъ верхотины* Ялгонды рики съ Ялканъ мховъ къ Гейно озиру» [4, с. 146]. Аналогично в качестве семантического синонима употреблялся и термин *верховина*: «Изъ Ястребова болота по крайнюю *верховину* речки Непложи» [41, с. 447].

Терминологическая группа слов с корнем *верх-* получает отражение в словарях с середины XVII в. Так, например, в «Лексиконе латинском» Е. Славинецкого (1650) лат. *fastigium*, отличающееся полисемантизмом («склон; глубина; возвышение; степень, звание» и др.), было истолковано посредством русских параллелей *верх, конец, край*. Семантическое содержание лат. *vertex* раскрывалось с помощью русских слов *верх вихо(р), обро(т)*, что в целом указывает на наличие у лат. *vertex* не только значения «верх», но и значения «круговращение, водоворот, пучина, вихрь» (*вихор, оброт*) [32, с. 194, 411].

Аналогичный подход, однако уже к определению семантического содержания русск. *верх* был сохранен и в «Лексиконе словено-латинском» Е. Славинецкого и А. Корецкого-Сатановского (1650): *Верх — Summun. Vertex. Fastigium*. *Верх горы — Jugum montis*. *Верх меры — cumulus*, т. е. «высшая мера, высшая степень» [32, с. 432]. Сходным образом определено семантическое содержание термина *верх* и в Лексиконе Ф. П. Поликарпова (1704), где русское терминологическое сочетание *верх горы* было истолковано с помощью греческих и латинских соответствий: *холμωφων, хоруφη; iugum montis, acumen, fastigium*

[45, с. 44]. Некоторые словари, вышедшие в середине — конце XVIII в., также ограничивались указанием на негидрографическую семантику синонимичных терминов *верх, вершина* применительно к обозначению верхней оконечности горы [44, с. 208–209; 47, с. 47].

Гидрографическая семантика термина *верх* и синонимичного ему обозначения *вершина* впервые нашла свое лексикографическое отражение в словаре Э. Вейсмана (1731), в котором эти русские слова были использованы для толкования нем. *Flußbes Ursprung*, т. е. «верх реки, начало, исток» [12, с. 227]. Термин *верховье* впервые зафиксирован в «Словаре Академии Российской» (1789), причем именно в гидрографическом значении — «начало, вершина реки». Примечательно, что термину была предпослана стилистическая помета *простонародное*, что может указывать на источник проникновения слова в сферу научной географической терминологии литературного языка. В этой же словарной статье приведен термин *вершина*, у которого выделено и негидрографическое, и гидрографическое значение: 1) «верх, самая высочайшая часть горы или дерева»; 2) «начало источников речных» [49, с. 628].

Важные соображения относительно семантического содержания гидрографического термина *верховье* и региона его бытования были высказаны В. Н. Татищевым. Он определил термин как «всякой реки в верховье лежащие места» и указал, что в таком значении термин преимущественно известен в бассейнах рек Европейской части России — Москвы, Волги, Оки, Двины, Днепра. На территории Сибири, по свидетельству В. Н. Татищева, известно употребление производного от *верховья* терминологического обозначения — *верховой*. Особого внимания заслуживает утверждение В. Н. Татищева о том, что в этом регионе *верховыми* называют не те города, которые лежат вверх по течению конкретной реки. Точкой определения их «верхового» местонахождения служит Тобольск — «верховые города всё, что от Тобольска на *Восток* лежит, яко Енисейск, Иркутск, Нерчинск и проч., хотя все оныя на *разных* [подчеркнуто нами. — А. Б.] реках лежат, по тому токмо, что от Тобольска ко оным более в *верх* ездят» [56, с. 234]. Такое своеобразное семантическое содержание термина *верховой*, оказавшееся устойчивым в этом регионе даже в конце XVIII в., очевидно, обусловлено фактором историко-географическим. Город Тобольск, основанный в 1587 г., долгое время играл важную роль административного центра Сибири и служил для русских землепроходцев — служилых государевых людей — базовым пунктом для дальнейшего освоения сибирских земель в конце XVI — начале XVII вв.

В «Словаре церковнославянского и русского языка» (1867) термин *верховье* дан без каких-либо стилистических помет. Семантическое содержание термина раскрыто в плане негидрографическом и гидрографическом: 1) «то, что лежит сверху». *Верховье* меду, капусты, сена; 2) «вершина, начало реки». В этой же словарной статье приведены семантически синонимичные *верховью* термины *верх* — «начало реки» и *вершина* — «начало, исток реки». У последнего термина, выделено также и негидрографическое значение: *вершина* — «верх горы, дерева» [54, с. 236–237].

В словаре В. И. Даля (1863) интересующая нас терминологическая группа представлена в статье, объединяющей большое количество слов, относящихся к словообразовательному гнезду с корнем *верх-*. У термина *верх* как основы данной терминологической группы отмечена негидрографическая и гидрографическая семантика: 1) «верх горы, дома, печи» и т. п.; 2) «место, лежащее

выше по течению, ближе к истокам». Кроме того, термин *верх*, по утверждению В. И. Даля, известен в орловских говорах в несколько ином гидрографическом значении — «овраг, водороина, росточь, балка, откуда обычно стекают ручьи». В аналогичном значении в указанном регионе употреблялись синонимичные *верху* термины *вершина* и *вершень* — «верх оврага, росточи». Без указания на регион и поэтому, очевидно, повсеместно отмечено в словаре бытование этих терминов в значениях: 1) «верх, верхушка, темя, маковка»; 2) «начало, исток реки».

Семантика термина *верховье* в словаре В. И. Даля определена в негидрографическом плане — «то, что лежит выше, вверху чего, дальше и выше». *Верховье* льняное, *верховина*, *верховица*, *верхотина*, *верхотинье* — «первые вычески льна для лучшей пряжи». Однако примечательно, что в качестве наиболее распространенного значения термина приведено именно гидрографическое значение — «начало реки, вершина, исток, верхняя часть ее». Кроме того, указан ряд производных от *верховья* однокоренных образований, бытующих в различных диалектных зонах русского языка: волж. *верховщик* или *верховец*, донск. *верховёц* — «житель верховых мест, пришедший сверху по течению реки». Среди синонимичных *верховью* терминологических обозначений приведены слова *верховина*, *верхотина*, *верховица*, известные преимущественно в негидрографических значениях: 1) «вершина, верхушка, верх, маковка, макушка»; 2) «первые и лучшие вычески льна для пряжи»; 3) «возвышенная местность»; 4) «вершина реки». В северных регионах русского языка отмечено распространение синонимичного термину *верховье* обозначения *верхвище* — «вершина реки». Производные прилагательные *верховой*, *верховый*, наряду с прочими объектами, расположенными вверху чего-либо, обозначают «верховые города, места, села, сравнительно для каждой местности лежащие выше». Точкой определения верхнего местоположения подобных населенных пунктов и других мест служат, по замечанию В. И. Даля, конкретные города на определенных реках. На Волге *верховыми* будут считаться города «все что выше Самары, а ниже ее низовые; на Дону все, что выше Новочеркасса» [16, с. 183–185].

В целом такой же подход к определению семантического содержания термина *верховье* был сохранен в словаре Академии наук (1891), в котором у термина выделены значения: 1) «то, что лежит сверху». *Верховье* меду, капусты, сена; 2) «верхнее течение, начало реки». Синонимичный *верховью* в плане гидрографии термин *верх* был истолкован как «ближайшее к источнику течение реки». Интересно, что термин стилистически определен в словаре уже в качестве областного обозначения, а не общерусского. У производных прилагательных *верховой* и *верховый*, кроме значений, отраженных в ранее вышедших словарях, отмечено новое значение — «происходящий с верховья реки или вообще вверху» (*верховая погода, верховой ветер*) [51, с. 377–378].

Не совсем верно, на наш взгляд, истолкован синонимичный *верховью* в плане гидрографии термин *верхотина* в словаре А. Дювернуа (1894). Термин представлен в составе цитаты из одного юридического акта 1504 г. в таком контексте: «Посреди мху на речку на Денисовскую, на *верхотину*». При толковании термина в самой словарной статье он сопровождается латинским соответствием *acclivitas* — «возвышение, склон, пологость» [19, с. 13]. Однако недостаточный контекст в приведенной цитате не позволяет определить термин *верхотина* семантически однозначно: наряду с орографическим значением (форма рельефа), предложенным А. Дювернуа, вполне допустима семантика

гидрографическая, т. е. *верхотина* — «верховье реки, исток». В пользу такого предположения свидетельствует и тот факт, что, например, в словаре В. И. Даля этот термин известен также в значении гидрографическом, хотя преимущественно он употребляется в значениях негидрографических [16, с. 185].

Современные исследования свидетельствуют о бытовании некоторых из рассмотренных терминов как местных географических обозначений конкретных объектов. Так, например, Э. М. Мурзаевым было отмечено синонимичное употребление терминов *верховина*, *верхотина*, *верхотица* в значениях негидрографическом и гидрографическом: 1) «возвышенная местность»; 2) «верховье реки, ее исток», однако без указания на определенный регион, что, по-видимому, может свидетельствовать об их широком и повсеместном распространении. Также без указания на регион бытования отмечено наличие другого термина, относящегося к этой же словообразовательной группе, — *верховодка* — «первый от земной поверхности слой вод». Напротив, гидрографический термин *вершень* — «исток, начало реки или местность, где река образуется» известен лишь на территориях Сибири. Для обозначения понятия «начало реки» использовался также термин *изголовь*, имеющий кроме этого и другие значения, прямо или косвенно связанные с гидрографическими: 1) «верховье острова»; 2) «мыс»; 3) «ближайшее к берегу отдаленное место на озере». Интересно, что в словарях местных гидрографических обозначений термина *верховье* нет, что может указывать на его общелитературный характер, а также на использование в качестве общепринятого термина в современном языке географической науки [37, с. 123–124; 36, с. 9].

К аналогичному выводу приводит анализ современных диалектологических материалов. В сводном «Словаре русских народных говоров» термин *верховье* представлен не в чисто гидрографическом значении «начало, исток реки», а лишь в значениях, производно связанных с гидрографическим: *верховье* — 1) «жилище, стоящее на горе, на верхнем течении реки» (Волог.); 2) собир. «население, живущее в верхнем течении Волги» (Казан.). Примечательно, однако, то, что собственно гидрографическая семантика этого термина локально сохранилась в воронежских говорах — «исток, начало реки». В аналогичном значении прослеживается там же употребление синонимичных *верховью* терминов *верх*, *вершина*, *бездонница* [18, с. 61; прил. с. 25–26].

Гораздо шире и полнее представлено в говорах русского языка употребление термина *верховье* в негидрографических значениях и преимущественно в терминологии ткачества: 1) «высокое, возвышенное место» (Ряз.); 2) «верхний слой сена в стогу» (Ленингр., Калинин., Пск.); 3) «плесень, образующаяся сверху в кадках с капустой, огурцами, грибами» (Калин.); 4) «первые вычески льна из пряжи» (Пск., Лит. ССР, Латв. ССР, Смол.); 5) «худший слой льняного волокна, низкогокачественное волокно» (Пск., Свердлов., Ср. Урал, Лит. ССР); 6) «отходы от чесанного льна» (Пск., Смол.); 7) «пряжа из первых вычесок льна» (Пск., Лит. ССР, Латв. ССР); 8) «ткань из пряжи, полученной из первых вычесок льна» (Лит. ССР) [50, с. 167].

Рассмотренные особенности семантического содержания термина *верховье*, широко известного, в отличие от прочих сфер, в терминологии ткачества, согласуются с общим выводом, сделанным Н. И. Толстым на основании анализа славянской географической терминологии о взаимопроникновении терминов различных терминологических сфер. В частности, Н. И. Толстой отмечал: «Географическая терминология связана в лексемном, а в широком

плане и в смысловом отношении с другими терминологическими сферами, в первую очередь с названиями частей тела, посуды, частей ткацкого станка (ткачества), построек и их частей, погоды и в меньшей степени с другими сферами. При этом лексемы, свойственные терминам частей тела, употребляются в основном в сфере терминов горного рельефа и в речных терминах; посуды — в терминах ям, впадин, водоворотов; ткачества — в терминах горного рельефа <...> [58, с. 246]. В нашем случае, напротив, представлен процесс стабилизации семантики термина: слово *верховье*, локально не встречающееся, кроме воронежских говоров, с чисто гидрографической семантикой «начало реки, исток» и слабо представленное в диалектах в орографическом значении «возвышенное место», широко распространено в терминологии ткачества.

В беломорских говорах гидрографический термин *верховье* и его производные были в прошлом, очевидно, неупотребительны или малоупотребительны. Во всяком случае И. А. Елизаровский указал на бытование в беломорских актах XVI–XVII вв. лишь одного корневого слова из рассмотренной нами словообразовательной группы — *верх*, причем в негидрографическом значении (*верх горы, здания, дерева* и т. п.) [20, с. 139].

Толковые словари современного русского языка обычно приводят лишь два значения термина *верховье*, взаимосвязанные с общим понятием «верх»: 1) «начало, исток, верхнее течение реки»; 2) «местность, расположенная в верхнем течении реки». Интересно, что уже в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова употребление семантически синонимичного *верховью* термина *верх* в значении «течение реки близ истока; то же, что *верховье*» было квалифицировано как *устарелое*. Из числа синонимичных *верховью* терминологических обозначений Большой академический словарь указывает лишь на слово *вершина*, рассматривая его в качестве общелитературного: 1) «наиболее высокая верхняя часть чего-либо»; 2) «то же, что *верховье (реки)*» и справедливо оставляя без внимания термины *верховина*, *верхотина*, *верховица* и т. п., закрепившиеся как местные обозначения [57, стб. 257; 53, с. 204, 210–211]. Бытование местного географического термина *вершина*, имеющего преимущественно орографическую семантику («вершина горы; балка, начало балки»), но также употребляющегося в значении «*верховье реки*», известно в украинском языке [34, с. 220].

Рассмотренный материал позволяет сделать выводы относительно семантической эволюции гидрографического термина *верховье* и связанных с ним обозначений.

Во-первых, *верховье* — «начало реки, исток». В этом значении термин известен в устойчивом употреблении уже с конца XV в.; в более ранних памятниках, имевшихся в нашем распоряжении, эта семантика не представлена. Обращает на себя внимание тот факт, что задолго до отражения термина *верховье* в памятниках письменности было с древнейшей поры известно употребление слов, выступавших в этом значении по отношению к *верховью* в качестве абсолютных семантических синонимов: *верх* (с XI в.) и *вершина* (с XVI в.). Однако к началу XVII в., когда в процессе становления языка русской географической науки уже начался отбор слов, претендующих на роль официально принятых терминов, эта синонимичность стала преодолеваться. Из синонимического ряда терминов *верх* — *вершина* — *верховье* закрепилось как официальный термин последнее слово, вытеснившее в указанном значении прочие соответствия. Этот процесс был достаточно результативным уже

в начале XVII в., поэтому не совсем точным, на наш взгляд, представляется утверждение Л. Л. Кутиной о том, что с «30-х гг. [XVIII в. — А. Б.] в географической литературе начинает распространяться *новый термин* [подчеркнуто нами. — А. Б.], обозначавший это понятие [т. е. „верх, исток реки“. — А. Б.] — *верховье реки*» [30, с. 179]. Но это не было распространением нового термина: ведь уже в «Книге Большому Чертежу» — памятнике официальном по своему происхождению и содержащем государственно одобренную к использованию терминологическую лексику — термин *верховье* не имеет синонимов и функционирует как вполне устоявшееся и закрепившееся в практической географии обозначение конкретной гидрографической реалии. Впрочем, не исключено, что в каких-то географических сочинениях начала XVIII в. эта остаточная синонимичность сохранялась. Тем не менее, как справедливо отмечает Л. Л. Кутина, *верховье* в качестве термина «принимается географами ломоносовского периода, и постепенно выражение *верховье реки* начинает заменять выражение *вершина реки* (одновременно выражение *верх горы* сменяется выражением *вершина*)» [30, с. 179].

В современном русском языке, а также в языке русской географической науки слово *верховье* в этом значении известно как общепринятый географический термин. Интересно, что в современном газетно-публицистическом стиле употребление данного термина в форме множественного числа по сравнению с формой единственного числа является абсолютно преобладающим. Например: «Квартал четырехэтажных домов вырос в *верховьях* реки Вахш»; «Горячие источники <...> обнаружены в *верховьях* бурного, порожистого Вилюя»; «Основанная в середине XVII века у *верховий* Амура, Албазинская крепость была опорной базой Ерофея Хабарова»; «[Ледокол] первым прокладывает во льдах речную тропу, связывающую город с *верховьями* Волги» (из газет) и мн. др.

В настоящее время в отдельных географических зонах известны некоторые в целом немногочисленные производные от географического термина *верховье*, как, например, топоним *Верховье* (Орловская обл.) и название жителей *верховцы* — «*Верховцы* успешно справились с продажей хлеба государству» (Орловская правда, 24.02.67). Это название жителей образовано по нарушенной словообразовательной модели: не от *верховья*, а от слова *верх*; должно было быть *верховьевцы*. Ср. также: «Но не только о красотах девственной и незатопанной природы — есть о чем и другом подумать и вспомнить по дороге от деревни Свапуца к *Волго-Верховью*» (*Матусовский М.* У истока // Лит. газета, 11.04.79).

Некоторые обозначения, семантически параллельно употреблявшиеся с гидрографическим термином *верховье* в течение XVI–XVII вв., такие, как *вершина* и особенно *верх*, известны сейчас только в качестве местных географических терминов, обозначающих гидрографические реалии.

Оттенок значения термина *верховье* — «начало реки» (в семантической корреляции «начало — конец реки») в настоящее время сохраняется в литературном языке и, очевидно, в говорах русского языка, хотя в целом случаи употребления термина с этим оттенком значения крайне немногочисленны. Например, «Они [туристские маршруты] протянулись от *верховьев* до устья Лены, а также по ее крупным притокам» (из газет). Семантически синонимичные *верховью* в течение XVI–XVII вв. термины *вершина* и *верхотина* претерпели различную судьбу в русском языке и его говорах. Термин *вершина* известен

как в литературном языке, так и в воронежских говорах, в отличие от термина *верхотина*, вероятно, полностью вышедшего из употребления в русском литературном языке.

Во-вторых, использование термина *верховье* как географического ориентира известно в настоящее время в русском литературном языке. Однако это употребление представлено крайне ограниченным числом примеров, причем оттенок значения «межевой порубежный знак» полностью утрачен: «Поднявшись на 15 метров, оно [море] разольется <...>, откроет путь судам *до верховий* Камы и Белой <...>» (из газет). В народных говорах такое употребление термина также, по-видимому, представлено единичными, остаточными случаями. Малая употребительность термина объясняется изменением той роли, которую играли реки и другие водные объекты в хозяйственно-практической деятельности человека, будучи закреплены за определенными юридическими или физическими лицами — владельцами конкретных угодий при феодальной общественно-экономической формации. Аналогичное употребление синонимичных *верховью* терминов *верх*, *вершина*, *верхотина*, *верховина* в современном русском языке неизвестно.

Таким образом, семантическая история гидрографического термина *верховье* — это история стабилизации гидрографической семантики к началу XVII в., сопровождавшаяся преодолением разветвленной синонимии в обозначении понятия «верх, начало реки» и закреплением слова в качестве общепринятого термина в процессе становления языка русской географической науки в первой трети XVIII в.

В современном русском языке слово *верховье*, употребляясь в гидрографическом значении «начало, исток реки», имеет общелитературный характер, в отличие от ряда гидрографических, но большей частью негидрографических значений, в которых оно широко известно в различных диалектных зонах русского языка. Древнейшая генетическая связь негидрографической семантики с гидрографической («верх какого-либо предмета, объекта» — «верх реки») особенно наглядно сохраняется в современных говорах русского языка. Прослеживается эта связь и в сфере орографической терминологии: ср.: «Вчера в *верховья* живописного *ущелья* Аксаут в Карачаево-Черкесии съехались около 30 сильнейших команд <...> по горному туризму»; «В *верховья* Зеравшанской долины пришло телевидение» (из газет).

Литература

1. Акты Астраханской воеводской избы XVII в. — Хран. в СПб. ФИРИ РАН. Ф. 178.
2. Акты Московского государства, изд. АН / Под ред. Н. А. Попова. — Т. 2. Разрядный приказ. Московский стол. — СПб., 1894.
3. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России / Собр. и изд. А. Федотов-Чеховский. — Киев, 1863. — Т. 2.
4. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изд. Археографической комиссии / Под ред. Н. Калачова. — СПб., 1857. — Т. 2.; — СПб., 1884. — Т. 3.
5. Акты, собр. в библиотеках и архивах Российской империи Археогр. экспедиц. имп. АН. — СПб., 1836. — Т. 2, 3.
6. Акты феодального землевладения и хозяйства / Сост. Л. В. Черепнин. — М., 1961. — Ч. 3.
7. Акты XVII в. Собрание акад. Н. П. Лихачева. — Хран. в СПб. ФИРИ РАН, К. 238, оп. 2. IV. 1.
8. Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.) / Собр. и ред. С. Б. Веселовский. Смутное время Московского государства, 1604–1613 гг. — Вып. 4 // Чтения ОИДР — М., 1916. — Кн. 1.
9. Архив Строева П. М. — Т. 1 // Русск. ист. 6-ка. — Пг., 1915. — Т. 32.

10. Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). [№ 390] — М., 1963.
11. Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине Московского государства <...> // Чтения ОИДР — М., 1846. — № 4.
12. Вейсманн [Э.] Немецко-латинский и русский лексикон. — СПб., 1731.
13. Великие Минеи-Четии, собр. всеросс. митр. Макарием / Изд. Археографич. комисс. — М., 1901.
14. Грамоты Важского уезда XV–XVIII вв. // Сб. грамот Коллегии экономии. — Л., 1929. — Т. 2.
15. Грамоты Двинского уезда // Сб. грамот Коллегии экономии. — Пг, 1922. — Т. 1.
16. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1955. — Т. 1.
17. Дополнения к Актам историческим / Собр. и изд. археографич. комисс. — СПб., 1867. — Т. 10.
18. Дьякова В. И. Географическая терминология Воронежской области. Дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 1973.
19. Дювернуа А. Л. Материалы для словаря древнерусского языка. — М., 1894.
20. Елизаровский И. А. Лексика беломорских актов XVI–XVII вв. — Архангельск, 1958.
21. Житие и хождение Даниила Русьская земли игумена 1106–1107 гг. / Под ред. М. А. Веневитинова // Правосл. палест. сб. — СПб., 1883. — Т. 1. — Вып. 3.; — СПб., 1885. — Вып. 9.
22. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное // А. Н. Робинсон. Жизнеописание Аввакума и Епифания. — М., 1963.
23. Зимин А. А., Коланев А. И. Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли конца XVI в. // Мат-лы по истории Европейского Севера СССР. Северный археологич. сб. — Вологда, 1970. — Вып. 1.
24. Изборник 1076 г. — М., 1965.
25. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1908. — Т. 2.
26. «Историческая» повесть о взятии Азова в 1637 г. // Воинские повести древней Руси / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — М.; Л., 1949.
27. Качалкин А. Н. Из наблюдений над словарным составом русского языка XVII в. (на материале памятников донской казачьей письменности). Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1968.
28. Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. — М.; Л., 1950.
29. Космография 1670 г. Книга глаголемая космография, сиречь описание сего света земель и государств великих / Изд. ОЛДП. — СПб., 1878–1881. — Вып. 21, 57, 68.
30. Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки (терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII в.). — М.; Л., 1964.
31. Лаврентьевская летопись. Вып. 1–3 // ПСРЛ. — 2-е изд. — Л., 1926–1928. — Т. 1.
32. Лексикон латинский Е. Славинецкого. Лексикон словено-латинский Е. Славинецкого та А. Корещького-Сатановского. — Київ, 1973.
33. Львовская летопись. Ч. 2 // ПСРЛ. — СПб., 1914. — Т. 20.
34. Марусенко Т. А. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов). Полесье. — М., 1968.
35. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI–XVIII столетии, собр. в разных архивах и редактур. Д. И. Багалеем. — Харьков, 1886.
36. Маштаков П. Л. Материалы для областного водного словаря. — Л., 1931.
37. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. — 2-е изд. — М., 1999. — Т. 1.
38. Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. XVII в. — М., 1977.
39. Переписные книги Ниловой Столбенской пустыни 1636 г. — Рукоп. 6-ки Смоленск. гос. пед. ин-та.
40. Петровский М. Хождение на Восток Ф. А. Котова в первой четверти XVII в. // Известия ОРЯС. — СПб., 1907. — Т. 12. — Кн. 1.
41. Писцовые книги Рязанского края. XVI и XVII вв. / Под ред. В. Н. Сторожева. Изд. Рязанск. учен. архивн. комиссии. — Рязань, 1900. — Т. 1. — Вып. 2.
42. Письма и бумаги императора Петра Великого. — СПб., 1887. — Т. 1.
43. Повесть о Ерше Ершовиче // Адрианова-Перетц В. П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. — М.; Л., 1937.

44. Полетика Г. А. Словарь на шести языках: Российском, Греческом, Латинском, Французском, Немецком и Английском... — СПб., 1763.
45. Поликарпов Ф. П. Лексикон трехязычный... — М., 1704.
46. Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая <...> Н. Спафария в 1675 г. // Зап. РГО по отд. этногр. — СПб., 1882. — Т. 10. — Вып. 1.
47. Российской Целлариус, или этимологической российской лексикон. — М., 1771.
48. Русская историческая библиотека, изд. Археографич. комисс. — СПб., 1875. — Т. 2.
49. Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный. — СПб., 1789. — Ч. 1.
50. Словарь русских народных говоров. — Л., 1969. — Вып. 4.
51. Словарь русского языка, сост. 2-м отд. Имп. АН. — СПб., 1891. — Т. 1. — Вып. 1.
52. Словарь русского языка XI–XVII вв. — М., 1975. — Вып. 2.
53. Словарь современного русского литературного языка. — М.; Л., 1951. — Т. 2.
54. Словарь церковнославянского и русского языка / Сост. 2-м отд. Имп. АН. — 2-е изд. — СПб., 1867. — Т. 1.
55. Срезневский И. И. Грамота в. к. Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю, 1130 г. // Изв. АН по ОРЯС. — СПб., 1859–1860. — Т. 8.
56. Татищев В. Н. Лексикон Российской, исторической, географической, политической и гражданской. — СПб., 1793. — Ч. 1.
57. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1935. — Т. 1.
58. Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. — 2-е изд. — М.: КомКнига/URSS, 2006.
59. Хитрова В. И. Местная лексика в языке воронежских рукописных памятников XVII – первой четверти XVIII в. Дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 1972.

Как назывался конец реки?

Гидрографический термин *устье* принадлежит к древнейшему пласту географической лексики. Известный славист М. Р. Фасмер считал, что др.-русс. *устье* является производным образованием от генетически близкого слова *уста*, хотя конкретные словообразовательные этапы производности не были указаны [53, с. 172–173]. В свою очередь др.-русс. *уста* восходит к о.-сл. форме **usta* — «рот, губы». Семантически аналогичные соответствия находим во многих славянских языках, а также в латинском: укр., белорус. *вусці*; болг. *усти*; с.-хорв. *уста*; словен. *usta*; польск. *usta*; в.-луж. *wusta*; н.-луж. *husta*; др.-прусс. *austo* и др. Латинское существительное мн. ч. *ōs* отличается полисемантизмом: 1) «рот»; 2) «отверстие, вход, выход»; 3) «источник»; 4) «устье» и т. д. Другое латинское существительное — *ōstium*, являющееся однокоренным производным образованием от *ōs*, известно в генетически сходных значениях: 1) «устье»; 2) «дверь».

Как отмечал в этой связи А. С. Будилович, «отношение слов *устье* и *уста* совершенно аналогично лат. *ōstium* и *ōs*» [3, (1; 1), с. 29]. Ср. болг. *устие* (на река); чешск. *ústí*; польск. *ujście*, а также лит. *uostas* — «устье, гавань»; др.-исл. *óss* — «устье реки» и т. п.

А. С. Будилович указал на процесс метафоризации, обусловивший развитие у слова *устье* географической семантики: «Устье изображает отверстие или выходной канал реки, как уста в животном организме, — метафора, которая повторилась потом в образовании слова жерло *fons* при жрыло, гръло, guttur, fauces» [3, (1; 2), с. 282]. В целом развитие у термина *устье* гидрографической семантики (*уста* — «рот» > *устье* реки) обусловлено регулярным проявлением общей топонимической закономерности: переносно-метафорическое употребление анатомической лексики, обозначающей части тела человека и животных, применительно к объектам географии.

Проявление этой закономерности, оказавшейся справедливой как для классических, так и для новых языков, было подробно рассмотрено в ряде работ Э. М. Мурзаева, который указал на такие примеры переноса значений в языках различных семей, как «спина» > «гребень горы»; «нос» > «мыс»; «глаз» > «источник, родник»; «голова» > «начало реки» и т. п. Интересующий нас семантический перенос представлен в следующих параллелях: кит. *kou* и вьет. *khau* — «рот» > «устье реки, порт»; арм. *беран* — «рот» > «устье, место слияния рек»; фр. *bouche* — «рот» > «устье, узкий пролив»; англ. *mouth* — «рот» > «устье реки» [27, с. 133; 10, с. 88]. Э. М. Мурзаев пришел к выводу о том, что «термины-метафоры строятся в однотипные ряды, в которых прослеживается универсальная способность превращения слов, обозначающих части тела человека и животных, в географические термины, обладающие преимущественно геоморфологической (орографической) и гидрографической семантикой» [27, с. 135]. К аналогичному заключению пришел Н. И. Толстой, построивший свое исследование на анализе семантической структуры славянской географической терминологии [52, с. 246].

Гидрографический термин *устье* имел в древнерусском языке широкое распространение уже к началу XIII в. Анализ употребления термина в «Книге

Большому Чертежу» (1627) свидетельствует о том, что его семантическое содержание не было однозначным.

Во-первых, устье — «разделение реки на рукава в месте ее впадения в море или другую реку». В этом значении термин широко прослеживается в памятнике при описании многих гидрографических регионов. На это указывает и своеобразное предисловие к тексту памятника, в котором отмечены границы географического описания в каждом из «чертежей», составивших основу «Книги Большому Чертежу». Интересно, что в этом значении термин испытывает колебание в категории рода: наряду с формой ср. р. *устье* употребляется форма ж. р. *усть*. Ср.: «И в Розряде чертеж всему Московскому государству по все окрестные государства <...>, от *усть* реки Тенуя, морским берегом к востоку до *усть* Кола»; «На реке на Сосне, на *усть* реки Чернавы, в городке стоят заставные головы сотнями»; «А в Лозву из гор пала Удиль река, а на *устье* Удыла реки город Лозвинской» [16, с. 50, 60, 173]. В рассматриваемом значении термин употреблен в «Книге Большому Чертежу» не только как апеллятив, но и в составе названий рек и городов. Например: «От Казани ж вниз по Волге реке до *устья* Камского 60 верст, а от *устья* Камского вверх по Каме до Ланшева 30 верст»; «А в Корость реку впадала река *Устье*, протоку реки *Усть* верст с 60 и больше»; «А ниже Нароки 20 верст город *Устья*» [16, с. 184, 133, 112].

Во-вторых, устье — «один из рукавов, образовавшийся в результате разделения реки на рукава в месте ее впадения в море или другую реку». Эта семантика представляет собой дальнейшее развитие, детализацию предыдущего значения термина с целью уточнить характер впадения реки в другую водную систему. Например: «А Стрижень пала в десну *двема устьми*»; «А река Печера потекла в море в ночь *пятью устьми* на 50 верстах» [16, с. 107, 161]. Отдельные примеры свидетельствуют об употреблении в этом значении термина *протока*, синонимичного термину *устье*: «А река Печера за 70 верст от моря разделилась на 4 *протоки* и пала в море 4 *устьми*» [16, с. 161].

Картину семантической характеристики гидрографического термина *устье* существенно дополняет материал хронологически разнообразных памятников русской письменности, анализ которых позволяет выделить следующие значения термина.

Во-первых, устье — «разделение реки на рукава в месте ее впадения в море или другую реку». В этом значении термин широко представлен как в форме апеллятива, так и в составе названий рек и городов, причем в ряде случаев наблюдаются колебания термина в форме среднего — женского рода: *устье* — *усть*. Например: (1240): «Свеи съ князем и с пискупы своими <...> стаща в Неве *устье* Ижеры, хотяче всприяти Ладогу» [29, с. 77]; «(до 852 г.): Оньдреку учащо въ Синопии и пришедшу ему в Корсунь увиде, яко ис Корсуна близ *устье* Днепрское. (и) въсхоте поити в Римъ и проиде въ *вустье* Днепрское» [23, с. 7–8]; «Вятчана взяша безвестно градъ Глядень на *усть* Югу и пожгоша. Того же лета срубиша новои городъ *Устьюгъ*» [13, с. 189]; «Ехати для своего государева дела и земскаго на поле на Донецъ на *устье* Оскольское» [26, с. 5].

В одном из поздних памятников письменности отмечено употребление термина в уменьшительной форме — *устьице*: «Изъ-под камушка <...> бежит речушка, бежит быстрая *устьицею* въ Волгу матушку» [7, с. 8].

Практическая потребность в более детальном обозначении характерных гидрографических особенностей реки в месте ее впадения в другую водную систему обусловила развитие у термина *устье* дальнейших значений.

Поэтому, **во-вторых, устье** — «один из рукавов, образовавшийся в результате разделения реки на рукава в месте ее впадения в море или другую реку». Употребление термина в этом значении прослеживается по памятникам письменности с древнейшей поры, однако наибольшее количество примеров представлено в памятниках XVII в. Например: «(До 852 г.): Волга <...> въгнечет *семьюдесять* жерель [вар. *устьями*] в море Хвалиское» [23, с. 7]; «А река Селенга впадала в море [в оз. Байкал] *девятьми устьми*, и мы шли чрезъ *новое первое устье протокою*» [45, с. 123].

В ряде памятников содержится указание на географическую характеристику места впадения реки в другую водную систему, на то, что река впадает в море или другую реку, именно разделяясь на рукава. Ср.: «Река <...> своим *устьемъ* вниде въ Двину» [18, с. 9]; «Царева протока пошла изъ Волги и пала своимъ *устьемъ* в море» [37, с. 74].

Наличие у рек такой яркой особенности, как устье, определило возможность использования термина *устье* для обозначения конца конкретной реки в коррелятивном семантическом соответствии «начало — конец реки».

В-третьих, устье — «конец реки» (в семантической корреляции «начало — конец реки»). Употребление термина в этом значении документируется в целом немногочисленными примерами из памятников преимущественно XVII–XVIII вв. Например: «А межа той земли: по Болшей Пинешке реке вверхъ левая сторона, от *устья* и до *верховья*» [8, с. 649]; «А тот вершокъ с лескомъ <...> по Сухой плоте Колыбелки по чем с *устья* и до *верховья* по обе стороны Толстои и Колыбелской дубровы» [36, с. 99]; «А по обоим сторонам той реки многие великие и малые города и селы всякие от *вершины* ея даже до *устья*» [31, л. 38об.].

Единичный пример из памятника письменности XVII в. указывает на употребление в этом значении синонимичного термину *устье* обозначения — слова *корень*: «Он [осетр] говорит: я вижу матку-Волгу с *корени* и до *вершины*, в ширину и глубину исповедал» [38, с. 159].

Большая площадь речных устьев, их рукавов по сравнению с площадью самого русла была хорошо заметна на местности, поэтому устье могло быть использовано в качестве своеобразной приметы на местности, обозначения какой-либо границы и т. п.

В-четвертых, устье — «географический ориентир (от — до), межевой пограничный знак». В этом употреблении термин прослеживается по памятникам особенно регулярно с XV в. Причем в ряде случаев термин испытывает колебания в форме среднего — женского рода: *устье* — *усть*. Например: «А от Мосоловской деревни вниз по Осетру до *устья*» [35, с. 13]; «Списание границы витебские <...> а зъ Лышна лугомъ на Солонитцкое верховье, а съ того на *Еленицкое устье*» [34, с. 656]; «А межа им учинена с *усть* иржавца на гору по ржавцу х Коставому колодезю» [36, с. 237].

Гидрографический термин *устье* не только имел, судя по памятникам письменности, «речную» семантику, но и функционировал как обозначение различных гидрографических объектов, связывавших «воды суши» и «воды моря», т. е. речные и морские бассейны, а также обладал «морской» семантикой.

В-пятых, устье — «речной пролив, связывающий озеро с морем». В наших материалах термин в этом значении представлен единичным примером, что может указывать на его малоупотребительность с такой семантикой уже в древнейшую эпоху. В Лаврентьевской летописи читаем: «(до 852 г.): [И]

по Ловати внити в-Ылмерь озеро великое. из негоже озера потечеть Волховъ и втечеть в озеро великое Ново [совр. Ладожское]. [и] того озера внидеть *устье* [р. Нева] в море Варяжское» [23, с. 7].

Шире представлено по памятникам письменности употребление гидрографического термина *устье* со сходной семантикой, но применительно к обозначению «вод моря».

Поэтому, **в-шестых**, выделим у термина *устье* значение «морской пролив», в котором термин прослеживается начиная с XV в., однако большинство примеров датируется XVII в. Причем термин испытывает колебание в форме среднего — женского рода: *устье* — *усть*. Например, в «Слове Иоанна Златоуста» читаем: «Иоанн же ведяху въ скифию *устием морскимъ*, еже ся слышишь Иеропъ» [6, ноябрь 13–15, с. 1041]; другие примеры: «В третью неделю Петрова поста как Иван приходил с Черного моря в *устье Белого моря* [т. е. Мраморного — совр. прол. Босфор]» [46, с. 72]; «Гиспания въ Еуроупе, изрядное государство, первое отъ Африки, межъ Еуропоу и Африкою разделяет *усть* Медитеронского моря [совр. Гибралтарский прол.]» [20, с. 153].

В-седьмых, *устье* — «конечная часть речного устья, образующая морской залив; вход в гавань». Это последнее выделяемое нами гидрографическое значение термина *устье* также связано с обозначением конкретной морской реалии, данная семантика представлена в основном в памятниках XVII–XVIII вв. Например, «Июня во 2 день поехали от Килии и ночевали на *устье моря* [совр. Килийское гирло]; на *устье моря* далече мелко; кораблями ехать большими трудно» [43, с. 9]; «Во время корабельного прихода на *морскомъ устье* они вожи мало бываютъ и отъ того кораблямъ на море передъ *устьемъ* чинитца застой» [11, с. 179]; «Отнога морская или *устие*» [4, с. 39]; «Град Азов стояние себе имея в *морскихъ отоцехъ* въ-скрай синяго моря, на *усть* столповыя реки Дону Ивановича» [32, с. 51]. Интересно, что *морские отоки*, выступающие в данном примере как синоним термина *устье* (в форме ж. р. *усть*), не что иное, как морские заливы. Ср. толкование термина *оток морской* в «Лексиконе» П. Беринды (1627) — «отокъ морской: отнога, лиман» [2, с. 154].

Следующие выделяемые нами значение термина *устье* относятся к числу негидрографических, однако генетически они сохраняют связь с первичной семантикой слова *уста* — «рот» > *устье* и представляют собой дальнейшее развитие исходного значения.

Во-первых, *устье* — «конец оврага, покосов, леса». Употребление термина в этом значении представлено по нашим материалам примерами из двух памятников XVI–XVII вв.: «А межа въ той пустоши <...> по Екшени до Саконскова врага, на *устие врага* стоитъ береза, на ней грани» [1, с. 58]; «От лесу да *устья сеножатной травы*, а с *устья Черемошного логу* прямо на болшая болота» [36, с. 30].

Развитие у термина *устье* дальнейших выделяемых нами значений обусловлено общей потребностью обозначения входных — выходных отверстий у различных предметов, имеющих как цилиндрическую, так и другую форму.

Во-вторых, *устье* — «выходное горлообразное отверстие колодца, печи, ножен, желудка и т. п.». В этом значении употребление термина прослеживается по памятникам письменности достаточно широко, уже начиная с XV в. Например: «Камыкъ ж беяше над *устьем кладязю* и сбирахуся вся стада и отвалаху камыкъ от *устья кладязю* и паяху стада и паки полагаху камыкъ на *устьи кладязя*» [19, с. 2–3]; «Сабля Турская булатна <...> и на ножнах оковы и *устье*

и нижняя окова и огниву на черену окладъ серебрянъ, резанъ, золоченъ» [33, с. 27]; «Жерелó — *устие источника* или горло» [17, л. 85об.]; «Взяв ревеню лих цытвару три золотника: принять, разлится белая кровь, отворится *устье желудкового*, подасть охоту къ естевъ» [25, гл. 333].

В-третьих, *устье* — «входное или выходное отверстие у различных земляных сооружений и пещер». Употребление термина в этом значении отмечено по памятникам письменности начиная с XIV–XV вв. Например: «Повеле *устие пещере* заградити» [15, л. 412²]; «(1535): Литва поганая <...> приидоша подъ Стародубъ <...> и подкопашася подъ стену <...> и подкатиша норами бочки съ зельями и зажгоша съ *устья* <...> и вынесе 4 прясла стены и стрелницу» [44, с. 301]; «Вертепъ есть въ земли, *устие* имеетъ тесно, и вместо окна имея на верху скважню <...>» [42, с. 51–52, 55].

Первая лексикографическая фиксация гидрографического термина *устье* — в «Лексиконе трехязычном...» Ф. П. Поликарпова (1704). Семантическое содержание термина раскрыто как в плане исходной негидрографической семантики, так и в плане ее дальнейшего развития применительно к обозначению гидрографической реалии — речного устья. Примечательно, что слово *устье*, использованное для толкования значения слова *губы*, рассматривалось как его синоним: «губы, славенски устье, ταχέλη, labium, labia». В качестве заголовочного слова самостоятельных словарных статей слово *устье* имело как негидрографическую, так и гидрографическую семантику: «Устье χέλη, labia», т. е. «уста, рот». «Устье ποταμὸν ὀχθη, гира» [41, с. 80, 145].

В «Немецко-латинском и русском лексиконе...» Э. Вейсмана (1731) термин был подан не в качестве заголовочного слова, а как толкование соответствующих немецких и латинских слов: «Ausgang [„выход“], ostium, устье реки; vo er sich theiler, divortium, где река разделяется. Meerenge [„пролив“], fretum, bosphorus, устье, пролив морской. Mundloch, orisicium vasis, дуло, отверстие» [5, с. 227, 492, 511]. В одной из географий XVIII в. содержание термина определялось так: «Остиум (устие) называется, где река падает» [14, с. 8]. В «Словаре на шести языках...» Г. А. Полетики (1763) русским словам *уста, рот* были даны соответствия из других индоевропейских языков: гр. στόμα, лат. os, фр. bouche, нем. Mund, англ. mouth [40, с. 88–89].

В «Словаре российском...» И. И. Нордстета (1780–1782) семантическое содержание термина раскрыто с помощью немецких и французских соответствий: «Устье, die Munduhg, der Ausgang des Flubes in einen grobern, oder ins Meer, la bouche, L'embouchure (d'un fleuve)» [30, с. 837]. Словари, вышедшие в последующее время, также стали посвящать термину отдельную словарную статью. Так, в «Словаре Академии Российской» у термина *устье* была выделена как гидрографическая, так и негидрографическая семантика: «Устье — 1) Место, в котором одна река падает в другую или в море. Устья Невские; 2) Жерло, отверстие. Устье у пушки. Устье печное» [47, с. 450].

В «Словаре церковнославянского и русского языка» (1867) у слова *устье* было отмечено три значения: 1) «Конец реки, коим она впадает в море, озеро или другую реку; 2) В русской печи, в колодце, в шахте, штольне, и в огнестрельном оружии: отверстие, жерло. Устье печное; 3) Стар. Металлическая оправа верхней части ножен над крыжем» [49, с. 772].

В. И. Даль, помещая слово *устье* в статье к слову *устд*, также отметил его полисемантичесность: «Устье — „край отверстия, трубки; раструб, жерло. Что

ближе к устью, то шире. Устье ружья, дуло. ~печи, топка. ~реки, исток» [9, с. 514].

А. И. Подвысоцкий указал на бытование слова *устье* в ряде архангельских говоров в значениях, близких к гидрографическим. Так, например, в сфере рыболовной терминологии слово *устье* употребляется в качестве специального обозначения горлообразной части верши (рюжи): «Устье рюжи — верхняя часть рюжи от 1-го до 11 обруча». В этом же регионе отмечено употребление производного от слова *устье* образования: «устянка — молодая сельдь, которую ловят в Белом море близ устьев Северной Двины» [39, с. 180]. В словаре Е. К. Тимченко термин *устье* рассматривается как синонимичное соответствие к слову *гырло* (рички), обозначающему в украинском языке сходную географическую реалию наряду с негеографической: *устье* — «выхвар, бтвир», т. е. «печное устье, челюсть» [50, с. 232].

Бытование термина *устье* (*усть*) — «место впадения реки», как и семантически синонимичных ему обозначений *влив*, *ворота*, прослеживается в воронежских говорах [12, с. 61]. В составе полесской рыболовной терминологии термин *устье* и синонимичное ему обозначение *сердце* известны с несколько иной семантикой, связанной с обозначением части рыболовной реалии: «вставной суживающийся вход в рыболовных ловушках» [21, с. 172–173].

В современном языке русской географической науки известны некоторые семантически синонимичные *устью* термины. В частности, Э. М. Мурзаев указал на распространение в Карелии, на Кольском полуострове и в Архангельской области термина *волочиха* — «устье реки, занесенное (заволоченное) илом, песком». На южнорусской территории отмечено бытование термина *раздор* — «устье бокового притока или протока на Волге; вообще — разделение реки на рукава, протоки; иногда — дельта» не только как апеллятива, но также в составе топонимов (с. Раздоры, ст. Раздорская и др.). В Смоленской области употребителен местный географический термин *стоки* — «устье, слияние рек». С аналогичной семантикой известен термин *сутоки* без указания на регион [28, т. 1, с. 134; 28, т. 2, с. 164, 215, 223].

В толковых словарях современного русского языка слово *устье* обычно рассматривается в качестве общелитературного как с гидрографическим значением — «место впадения реки (в море, озеро и т. п.); конечный участок нижнего течения реки», так и с негидрографическим — «выходное отверстие чего-либо (шахты, печи, трубы и т. п.); выход». При этом отмечается наличие производных прилагательных *устьевой* и *устьевый*. Словари фиксируют также уменьшительно-ласкательную форму *устьице*, имеющую негидрографическую семантику — «небольшое отверстие в печи». Наряду с этим в словарях отмечено и другое, специально-ботаническое значение: *устьице* — «отверстие между клетками в коже растения, служащее для испарения влаги и газообмена» [48, с. 1007; 51, с. 1004–1005].

Сопоставление материала памятников письменности, а также учет подачи значений термина *устье* в произведениях лексикографии позволяет сделать следующие выводы относительно его семантической эволюции.

Древнейшее гидрографическое значение термина *устье* — «разделение реки на рукава в месте ее впадения в море, озеро или другую реку», широко представленное в разнообразных памятниках письменности, сохранилось к настоящему времени без изменений. В этом значении слово употребляется в современном русском языке и в качестве общелитературного, и как тер-

мин в языке русской географической науки. Например: «Избавлена от сплава и река Шуя, впадающая в Онежское озеро. Это послужило благоприятным условием для создания на *устье* Шуи одного из самых крупных в стране рыболовных заводов» (из газет); «В *устье* реки Варнов <...> поднялись эллинги и цехи одной из самых крупных <...> судоверфей» (из газет) и т. д.

Интересно, что в современном русском языке эта семантика оказалась не только хронологически устойчивой, но и получила дальнейшее развитие. Термин *устье* употребителен в медицинской терминологии в значении «конечная часть артерии» — кровеносного сосуда, проводящего кровь от сердца во все органы тела. Ср.: «Он вводит [шпиль] в *устье* артерии, захватывает и извлекает плотный сгусток — тромб» (из газет).

В настоящее время в русском языке известно также употребление некоторых слов, производных от топонима *Устье* (*Устья*), например, названий жителей Архангельской и Вологодской областей: *устьянцы*, *устьяне*, *устьяки* и т. п.

Следует также отметить, что наряду с термином *устье* в современном русском языке и в языке русской географической науки употребляется синонимичный термин *дельта*, поделивший с термином *устье* функции гидрографического термина и общелитературного слова. Ср.: «На одном из рукавов *дельты* Оби приютился поселок Пельвож» (из газет); «Необходимость создания еще одного участка вызвана <...> заметным изменением гидрологического режима в водоемах *дельты* Волги» (из газет) и др.

Другое значение гидрографического термина *устье*, в котором он также широко представлен в памятниках письменности, — «один из рукавов реки, образовавшийся в результате разделения реки на рукава в месте ее впадения в море или другую реку» — не известно современному русскому языку. Оно оказалось утраченным уже к XIX в. в связи с тем, что исчезла практическая потребность в детализированном обозначении количества устьевых рукавов. То, что было жизненно важным для людей, живших в XVI–XVII вв., выражая их отношение к различным водным объектам, игравшим немаловажную роль в повседневной практической жизни, становится менее значительным для людей XIX в.

Процесс утраты этой семантики отражает общую тенденцию развития познавательной деятельности человека, проявляющуюся в языке: от конкретного к абстрактному, от единичного к обобщенному. Детализированная характеристика гидрографических особенностей реки в месте ее впадения в другую водную систему (наличие и общее количество рукавов) сменилась обобщенной характеристикой *устья* — «разделение реки на рукава в месте ее впадения в другую водную систему», детализирующая семантика была поглощена более актуальной — абстрактной.

Однако в тех случаях, когда необходимо специально указать на одно из разветвлений речного устья (дельты) или подчеркнуть его важность, в современном русском языке употребляется не сам термин *устье*, а вытеснивший его в этом значении абсолютный синонимический эквивалент — *рукав*. Термин известен не только как апеллятив, но также в составе гидронимов. Например: «На одном из *рукавов* дельты Оби приютился поселок Пельвож» (из газет); «Стал судоходным *Кузнецевский рукав* в дельте Северной Двины» (из газет).

Значение «конец реки» (в семантической корреляции «начало — конец реки»), представленное по памятникам письменности с XVII в., сохранилось у термина *устье* в основном без изменений. Например: «Туристские маршруты

протянулись *от верховьев до устья Лены*, а также по ее крупным притокам» (из газет). Напротив, оттенок значения *устье* — «начало реки, исток», представленный по памятникам единичным примером, современному русскому языку не известен.

Употребление термина *устье* в качестве географического ориентира сохранилось в современном русском языке, в его говорах, а также в языке русской географической науки. Например: «Тундра занимает на полуострове обширную площадь — *от Баренцева моря до устья Лены*» (из газет); «Доплыв до устья Вятки, путешественники поднялись вверх по ее течению»; «Как и ранее, движение шло параллельно по двум основным направлениям: более северным — прибрежными водами Северного Ледовитого океана *от одного устья до другого* и более южным — сушей и реками, протекающими по ней» [24, с. 32, 101]. Ср. также возможные предложно-падежные сочетания типа *до устья*, *от устья*, *вблизи устья* и т. д.

Оказались утраченными и такие значения гидрографического термина *устье*, как «речной пролив» и «морской пролив». Первое из них, вероятно, не имело широкого распространения уже в XV–XVI вв.: не случайно эта семантика представлена в памятниках письменности единичным примером. Второе из этих значений, отмеченное, в отличие от предыдущего, примерами из многих памятников, имело широкое распространение с XIV по XVIII в. Однако в процессе формирования языка русской науки в 1-й трети XVIII в. термин *устье* — «морской залив» вышел из употребления: он был вытеснен семантически более четким термином *пролив*, имевшим меньший объем значений. Как отмечает в этой связи Л. Л. Кутина, «к 40-м гг. термин *пролив* (*пролива*) уже занял главное, опорное место в географической терминологии <...>». Это сопровождалось вытеснением из языка многочисленного ряда слов и выражений (фрет, тесное море, устье, челюсти, жерло и т. п.), в начале века деливших со сл. *пролив* его функции в географическом языке» [22, с. 168].

Аналогичными причинами объясняется утрата термином *устье* значения «морской залив, вход в гавань». Вместо этого термина в географиях начала XVIII в. стало употребляться слово *залив* (*залива*), окончательно стабилизировавшееся как термин в форме м. р. к началу 30-х гг. [22, с. 163–165]. Что касается колебаний в форме среднего — женского рода (особенно в значениях: «разделение реки на рукава в месте ее впадения в другую водную систему»; «межевой порубежный знак»; «морской пролив»), то в настоящее время они не наблюдаются. В современном русском языке полностью возобладала форма ср. р. — *устье*, а форма *усть* сохранилась лишь в составе топонимов: ср. *Усть-Каменогорск*, *Усть-Катав*, *Усть-Кут* и др.

Термин *устье* претерпел значительные изменения и в сфере негидрографической семантики, обусловленной развитием исходного значения слова *устье* > «вход—выход». Употребление термина в значении «конец оврага, покосов, леса» не известно современному русскому языку в отличие от целого семантического комплекса, связанного с обозначением выходных отверстий различных предметов. Значение *устье* — «выходное горлообразное отверстие колодца, печи, ножен, желудка, пушек и т. п.», отмеченное в памятниках письменности с XV в. по XVIII в., широко прослеживается и позднее, но главным образом — в языке писателей XIX — начала XX в. В настоящее время это значение должно рассматриваться как устарелое, поскольку вместо слова *устье* (колодца, печи, ножен, желудка, пушек и т. п.) в современном русском языке

чаще употребляются в этом значении другие слова: *отверстие*, *горловина* (колодца, печи, ножен); *жерло* (пушки) и т. п.

Другое древнее значение термина *устье* — «входное / выходное отверстие у различных земляных сооружений и пещер», представленное в памятниках письменности с XIV–XV вв., с одной стороны, должно рассматриваться в современном русском языке как устарелое, поскольку более распространено употребление в этом значении слов *вход*, *выход*. Однако, с другой стороны, примечательно то, что термин *устье* продолжает употребляться в современном русском языке без существенных изменений лишь в одном этом значении. В сфере современной специальной технической терминологии (бурильные и горнопроходческие работы) термин *устье* активно используется для обозначения «выходного отверстия тоннеля, скважины», хотя эта семантика, к сожалению, еще не получила отражения в толковых словарях русского языка. Ср., например: «Для сокращения сроков строительства рудника одновременно с проходкой *устья ствола* монтируется копер „Север-2“» (из газет); «К *устью скважины* ремонтники проложили переносные мостки» (из газет); «Козловой кран будет подъезжать к *устью шахты* и производить замену бурового оборудования» (из газет).

Таким образом, семантическая эволюция гидрографического термина *устье* заключается в сохранении ядра древнейшей генетически первичной семантики и в утрате ряда производных значений. Это обусловлено изменением той роли, которую играли различные водные объекты в повседневной хозяйственно-практической деятельности человека в различные эпохи. Данный вывод справедлив и для истории негидрографической семантики термина *устье*.

Литература

1. Арзамасские поместные акты 1578–1618 / Собр. и ред. С. Б. Веселовский // Чтения ОИДР. — М., 1916. — Вып. 4. — Кн. 1.
2. Беринда П. Лексикон словенороский. — Київ, 1961.
3. Будилович А. С. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. — Киев, 1878. — Ч. 1. — Вып. 1; 1879. — Вып. 2; 1882. — Ч. 2. — Вып. 1.
4. Введение краткое во всякую историю. — Амстердам, 1699.
5. Вейсманн [Э.] Немецко-латинский и русский лексикон... — СПб., 1731.
6. Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Ноябрь 13–15 / изд. Археогр. комис. — М.; СПб., 1868–1917.
7. Великорусские народные песни. Собранные А. И. Соболевским. — СПб., 1895–1902. — Т. 6.
8. Грамоты Важского уезда XV–XVIII вв. // Сб. грамот Коллегии экономии. — Л., 1929. — Т. 2.
9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1955. — Т. 4.
10. Дзендзелевский И. А. Из наблюдений над типологией славянских, финно-угорских, германских, тюркских и других названий гидрорельефа // Вопросы финно-угроведения. — Сыктывкар, 1979. — Вып. 1.
11. Дополнения к Актам историческим / Собр. и изд. Археогр. комис. — СПб., 1846–1872. — Т. 11.
12. Дьякова В. И. Географическая терминология Воронежской области. Дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 1973.
13. Ермолинская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т. 23.
14. Земноводного круга краткое описание. Чрез Ягана Гибнера собраное. — М., 1719.
15. Измарагд / Рукоп. БАН 13.2.7, лл. 10–422. XIV–XV вв. Сп. XVI в.
16. Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. — М.; Л., 1950.
17. Книга глаголемая гречески алфавит / Рукоп. БАН. Арх. д. № 446.
18. Книга степенная царского родословия. — Ч. 1–2 // ПСРЛ. — СПб., 1908–1913. — Т. 21.

19. Книги ветхого и нового завета. Писаны в 1499 г. в Новгороде, при дворе архиеп. Геннадия / Рукоп. ГИМ. Син. № 915.
20. Космография 1670 г. Книга глаголемая космография, сиречь описание сего света земель и государств великих. — СПб., 1878–1881. — Вып. 21, 57, 68.
21. Кривицкий А. А. Из словаря полесских рыболовов // Полесье. — М., 1968.
22. Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки (терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII в.). — М.; Л., 1964.
23. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. — Л., 1926–1928. — Т. 1.
24. Лебедев Д. М., Есаков В. А. Русские географические открытия и исследования. — М., 1971.
25. Лечебник, к. XVII в. — н. XVIII в. / Рукоп. Пушкинского дома в 336 главах из собр. Перетца В. Н., № 217.
26. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства... Собр. в разных архивах и ред. Д. И. Багалеем / Изд. ист. фил. об-ва при Харьк. ун-те. — Харьков, 1886.
27. Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. — М., 1974.
28. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. — 2-е изд. — М., 1999. — Т. 1–2.
29. Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку / Изд. Археогр. комис. — СПб., 1888.
30. Нордстет И. И. Словарь российский с немецким и французским переводами. — СПб., 1780–1782. — Ч. 1–3.
31. Описание книги сея государства китайского или хинского / Рукоп. б-ки Смоленск. пед. ин-та. № 124 (3/5). 1731 г.
32. Орлов А. Исторические и поэтические повести об Азове. Взятие 1637 г. и осадное сидение 1641 г. Тексты. — М., 1906.
33. Оружие и ратный доспех царя Бориса Феодоровича Годунова 1589 г. // Савваитов П. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора... — СПб., 1865.
34. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским // Сб. Русск. ист. об-ва. — М.; СПб., 1882–1913. — Т. 3.
35. Памятники русской письменности XV–XVI вв. (Рязанский край) / Изд. подг. Котков С. И., Филиппова И. С. — М., 1978.
36. Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги / Изд. подг. Котков С. И., Коткова Н. С. — М., 1977.
37. Петровский М. Хожение на Восток Ф. А. Котова в первой четверти XVII в. // Изв. ОРЯС. — 1907. — Т. 12. — Кн. 1.
38. Повесть о Ерше Ершовиче // Адрианова-Перетц В. П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVIII в. — М.; Л., 1937.
39. Подвысоцкий А. [И.] Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. — СПб., 1885.
40. Полетика Г. А. Словарь на шести языках... — СПб., 1763.
41. Поликарпов Ф. П. Лексикон трехязычный... — М., 1704.
42. Похождение в землю святую князя Радивила Сиротки 1582–1584 / Приг. к печ. и объясн. П. А. Гильтебрандт // Изв. РГО. — СПб., 1879. — Т. 15.
43. Проскинитарий Арсения Суханова / Под ред. Н. И. Ивановского // Правосл. палест. сборник. — СПб., 1889. — Вып. 21. — Т. 7.
44. Псковские летописи / Приг. к печ. Насонов А. Н. — М.; Л., 1941. — Вып. 1.
45. Путешествие чрез Сибирь... Н. Спафария в 1675 г. Дорожный дневник Спафария с введ. и примеч. Арсеньева Ю. В. // Зап. РГО по отд. этногр. — СПб., 1882. — Т. 10. — Вып. 1.
46. Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. — М.; Л., 1954.
47. Словарь Академии Российской, произвольным порядком расположенный. — СПб., 1789–1794. — Ч. 6.
48. Словарь современного русского литературного языка. — М.; Л., 1964. — Т. 16.

49. Словарь церковнославянского и русского языка, сост. 2-м отд. АН. — 2-е изд. — СПб., 1867. — Т. 4.
50. Тимченко Е. К. Русско-малороссийский словарь. — Киев, 1897–1899. — Т. 2.
51. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1940. — Т. 4.
52. Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. — 2-е изд. — М.: КомКнига/URSS, 2006.
53. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — М., 1987. — Т. 4.

Лукавое русло реки

Река раскинулась. Течет, грустит
лениво и моет берега.

А. А. Блок

Географический термин *лука*, известный в значениях «изгиб речного русла; луговое или лесное пространство в излучине реки; морской залив», восходит к о.-сл. форме **lŭka*. Родственные соответствия находим во многих славянских языках. Например: ст.-сл. *лука* δόλος; ц.-сл. *лука* хѡлѡс; др.-русс. *лука* — «кривизна, изгиб; залив, sinus, берег залива, берег излучины реки; хитрость, лукавство, обман»; *лукаво* — «извилисто» и т. п. [32, с. 50–51]; укр. *лука* — «мыс, образуемый рекой; заливной луг»; белорус. *луковина* — «излучина»; болг. *лъка* — «изгиб, луг, выгон»; с.-хорв. *лука* — «гавань, луг»; словен. *louka* — «болотный луг в долине»; чешск. *louka* — «луг»; польск. *łuka* — «луг»; в.-луж., н.-луж. *tuka*. Ср. также лит. *lankà* — «долина», *lanka* — «залив»; лтш. *lauka* — «низкая вытянутая равнина» [4, с. 25–26; 34, с. 531–532].

В «Книге Большому Чертежу» прослеживается употребление всего четырех названий, содержащих термин *лука*, причем для трех из них, выявленных при описании южнорусской территории, контекст явно недостаточен. Поэтому невозможно точно определить род географического объекта, обозначенного каждым из названий: урочище, залив или населенный пункт? Например: «А Мерчик вытекла с левые стороны Муравской дороги ис под *Турых Лук* и течет через Муравскую дорогу и пала в Мерло»; бас. Донца-Северского: «А Марефа вытекла <...> от верху речки Мерчика ис под *Дубых Лук*»; бас. Волги: «А ниже Золотые Орды 50 верст на Волге *Кривая Лука*» [10, с. 63, 74, 144]. Указанные названия, вероятнее всего, отражают семантику гидрографическую, обозначая место вблизи изгиба речного русла и сам изгиб.

В четвертом примере из памятника термин *лука* присутствует в составе достаточно прозрачного названия города на р. Ловати: «От *Великих Лук* 80 верст до верху реки Ловоти, где вытекла из озер» [10, с. 155].

В других памятниках древнерусской письменности употребление термина *лука* отличается полисемантизмом, причем в основу всех значений (как гидрографических, так и негидрографических) положен один характерный признак — изгиб, кривизна предмета. Ср., например, обозначения выступов леса, расположенных изгибом: «И сретени [аргонавты] быша паки от Амука, и убо являшая множества силы его, въбегоша въ *луку лесну*, чясту зело и не суху» [9, с. 7]. Однако прежде всего рассмотрим гидрографические и непосредственно связанные с ними значения.

Во-первых, *лука* — «изгиб речного русла». В этом значении употребление термина прослеживается по нашим материалам с конца XV в., особенно широко — с XVII в. Например: «Да оть острова оть Комарова прямо къ наволоку къ *Хотенове луке*» [31, с. 287]; «Мати же Моисеова вземши младенецъ, вложи въ крабицу и постави на реке *в луце*» [11, с. 80]; «Да на правой стороне реки Кети старая *Кецкая лука*, оть юртовъ Коравандиныхъ 7 верстъ» [23, с. 71]; «А вязъ

стоять на берегу, у Свягии реки, у *кривой луки*» [12, с. 20]. И. И. Срезневский привел пример более раннего употребления термина в одном памятнике XII в.: «И пристанища имущи и *луки* различныя обдѣржящи (καὶ λιμένας ἐχούσαι καὶ χόλμους)» [32, с. 50], однако параллели из греческого языка указывают на то, что термин обозначает здесь не речную, а морскую реалию: *лука* — «залив, бухта».

Следующее выделяемое нами значение возникло в результате семантического переноса по смежности в пространстве: слово *лука* стало обозначать не только изгиб речного русла, но также и местность, находящуюся вблизи. Эта местность с растущими на ней травами представляла собой важный объект хозяйственной деятельности человека.

Во-вторых, *лука* — «сенокосный луг (иногда заливной) вблизи изгиба речного русла; угодье». В этом значении употребление термина прослеживается по нашим материалам с конца XIV в., но особенно широко — в памятниках XVII в. Например: «[Князь] Олегъ Иванович придал есмь <...> на Солдшу Савицкой остров с *Холкавской лукою* перекопью з бортными ухажь» [19, с. 81]; «Да в Орле-наволоке поллуга, свою пожню, что он косил з Григорьем с Никитиным по годом в *водной луке*» [24, с. 448]; «Сено вопче у всехъ помещиковъ *лука Нежилова*, сена на ней ставитца 300 копен» [21, с. 396]; «Пожня въ *луке* подь сосною; сена сто двадцать копень» [2, с. 42]. Единичный пример более раннего употребления термина в этом значении был приведен И. И. Срезневским из памятника XII в.: «На *Сверковыхъ лукахъ* сеножати» [32, с. 50].

Примечательно, что аналогичное развитие данной семантики обнаруживает локализм *кулига*, известный в XV–XVII вв. не только в значении «крутой изгиб реки», но также и «залив реки, который летом (в малую воду) обсыхает и зарастает травой; пойменный луг на берегу». По наблюдениям Ю. И. Чайкиной, близкие к этому значения широко отмечены в современных вологодских, вятских, архангельских, брянских говорах, в Сибири и на Дальнем Востоке [35, с. 176–177]. Дальнейший перенос семантики термина *лука* — «изгиб речного русла» по смежности в пространстве связан с обозначением общины людей, живущих в этой приречной местности, имеющей определенные границы.

Поэтому, **в-третьих**, *лука* — «люди, живущие вблизи изгиба речного русла; административно-территориальная единица». В этом значении употребление термина прослеживается в немногих памятниках XV–XVI вв., локализуемых в архангельском регионе. Например: «А приказъ приказываю старости лучьскому <...> и всей *луки* чюхъченимьской моей осподи» [25, с. 5]; «Ихъ монастырские деревни въ Двинскомъ уезде въ *Низовской луке*, да въ *Княжостровской луке*» [3, с. 181].

Интересно, что сходный процесс развития значений отмечен в лингвистической литературе и для апеллиатива *кулига* — «крутой изгиб реки» > «административно-территориальная единица», который, как и термин *лука*, был широко распространен с указанной семантикой в XV–XVII вв. во многих архангельских говорах. Как заметила в связи с этим Ю. И. Чайкина, «каждая *кулига* имела название, причем именовались они чаще по рекам, по течению которых располагались, или по центральному пункту, селу, где находилась церковь» [35, с. 179].

Яркая отличительная особенность речного русла и прилегающей к нему местности (лугов) — изгиб, кривизна — обусловила употребление термина *лука* в качестве своеобразной ориентирующей приметы на местности. Следовательно, **в-четвертых**, *лука* — «географический ориентир; от — до». Такое

употребление термина отмечено в памятниках письменности XVII в. Например: «Да отхолмье пожни Пахтубе реки вверх до далних лукъ по обема сторонам полтретьяста копень» [20, с. 529]; «Отъ села до Сараевой луки <...> по смете будетъ верста» [15, с. 84]; «А по Свияге реке, вверх до кривые малые луки, что противъ крутого буерака» [12, с. 17].

Гидрографический термин *лука* обозначал, судя по памятникам письменности, не только речную, но и морскую реалию. Поэтому, в-пятых, выделим значение *лука* — «морской залив», в котором термин прослеживается в древнейших письменных источниках начиная с XII в. Например: «Святъслав грозный Великий Киевский <...> поганого Кобыя изъ луку моря отъ железныхъ великихъ плъковъ Половецкихъ яко вихрь выторже» [30, с. 22]; «(1096): Югра же рекоша отроку моему: <...> суть горы заидуче в луку моря, им же высота ако до небесе» [13, л. 85а]; «(1172): Якоже преже в луце моря бяхуся с ними крепко. и видивши Половци побегоша» [8, с. 199]; «Стояли въ луку изъ морю подъ гору» [18, с. 150]. С древнейшей поры получает отражение в русской письменности двукорневое образование *лукоморье*, употреблявшееся с аналогичной семантикой. Например: «Отъ Царяграда по лукоморию итти 300 верстъ до Великаго моря» [7, с. 5]; «[Погании] раздно побегоша неуготованными дорогами в лукоморье» [1, с. 235]; «И начал Уруслан ис полати гуляти по лукоморию» [26, с. 102] и т. п. Вспомним также знаменитое пушкинское «У лукоморья дуб зеленый; // Златая цепь на дубе том <...>»

Термин *лука* впервые зафиксирован в словарных материалах середины XVII в. — «Синонима словеноросская» трактует его как «удоль, село расло» [разло́й], т. е. «долина, небольшая впадина» [14, с. 125]. В словаре Э. Вейсмана термина *лука* нет, однако приведено однокоренное образование *излучина*, с помощью которого раскрыто значение нем. *Krümme (des Flußes)* — «речные изгибы, излучины, колена» [5, с. 417].

В качестве заголовочного слова самостоятельной словарной статьи термин *лука* фигурирует в «Словаре Академии Российской», где сопровождается комплексом негидрографических и гидрографических значений: 1) «изгиб какой-либо вещи»; 2) «деревянные выдавшиеся на переди и на зади изгибины у седла»; 3) «берег или течение реки изгибиною» [27, с. 1325].

В словаре В. И. Даля отмечен аналогичный комплекс значений термина *лука*, однако впервые выделены значения, обусловленные переносом семантики по смежности в пространстве: *лука* — «низменный и травный или лесистый мыс; поемный луг, огибаемый рекой»; нврс. «травная лощина, луг». Автор также привел обозначения, относящиеся к данному словообразовательному гнезду: *лукоморье* — «морской берег, морская лука»; *луко́ма* — стар. и сев. «изгиб оврага» [6, с. 276–277].

В настоящее время гидрографический термин *лука* принят в качестве официального обозначения соответствующих реалий, в том числе негидрографических, в различных регионах. Э. М. Мурзаев, определяя общее значение термина как «большая, длинная излучина реки, дуга, крутая длинная меандра; мыс; залив», отмечает имеющиеся различия в семантическом содержании термина в бассейнах конкретных рек. Эти различия обусловлены дальнейшим развитием генетически первичной семантики. *Лука* — 1) «полуостров на реке, образуемый поворотом реки, ее изгибом (Урал)»; 2) «заводь, глубокое место перед косой (Днепр)»; 3) «луг на пойме, на речном острове, луговая равнина» (Курск. обл.); 4) «роща деревьев на речном мысу, полуострове» (Дон).

Некоторые приведенные автором лексемы, относящиеся к тому же словообразовательному гнезду, что и термин *лука*, в целом имеют не речную гидрографическую семантику: *лучок* — «залив на озере» (Калин. и Пск. обл.); *луко́ма* — «извилистый берег» (Север.); *лукоморье* — «изгиб, поворот берега моря» [17, с. 24–25; 16, с. 58]. Э. М. Мурзаевым было также указано на широкую употребительность в различных гидрографических регионах большого числа синонимичных термину *лука* обозначений: *заток* (низовья Днестра); *локоть* (без указ. места); *прилук* — «край излучины, обрыва; место, противоположное мысу» (арх., новг., яросл., укр.) [17, с. 24–25].

В словарях современного русского языка обычно приводятся гидрографические и негидрографические значения термина *лука* — «изгиб, кривизна чего-либо; изгиб края седла; дугообразный поворот реки». Учет подачи значений термина в словарях позволяет сделать вывод о том, что в течение 30–50-х гг. XX в. происходило постепенное вхождение термина из диалектной сферы в состав литературного языка. Показательна в этом отношении стилистическая квалификация термина *лука* в «Толковом словаре...» под редакцией Д. Н. Ушакова и в Большом академическом словаре. Если в первом словаре значение «изгиб, кривизна чего-либо» сопровождалось пометой *обл.*, то во втором словаре эта помета была заменена другой — *разг.* Семантика «дугообразный поворот реки» в первом словаре классифицирована как *геогр.*, а во втором отсутствует [33, с. 95; 29, с. 391]. Следовательно, в настоящее время слово *лука* — «дугообразный поворот реки» функционирует и как общепринятый термин в языке русской географической науки [22, с. 261–264], и как слово общелитературного языка.

Примечательно, однако, что в газетно-публицистическом стиле общелитературного языка более употребительно в этом значении однокоренное слово *излучина*. Например: «Кажется, на десятки километров видно отсюда кругом: перелески, поля, *излучины* — петли реки и опять лес...»; «Путешествие в Древнюю Русь можно совершить, побывав в *излучине* реки Истры возле Ново-Иерусалимского монастыря» (из газет).

Материал памятников письменности и учет подачи семантики термина в лексикографических источниках позволяют сделать следующие выводы относительно его семантической истории. В генетически первичном значении гидрографический термин *лука* — «изгиб речного русла» известен и как термин, и как слово общелитературного языка, обозначая соответствующую речную реалию в различных регионах. Значение *лука* — «луг (иногда пойменный)», возникшее на базе метонимического развития генетически первичной семантики, сохранилось, очевидно, лишь в диалектах русского языка, где *лука* в этом значении — местный географический термин. В общелитературном языке эта семантика не представлена. Значение *лука* — «административно-территориальная единица» к настоящему времени полностью утрачено в русском языке и его диалектах, что непосредственно обусловлено сменой общественно-экономических формаций. Употребление термина *лука* как «ориентира на местности» сохранилось в современном русском языке и представлено конструкциями типа *от луки до...*, *за лукой* и т. п. Полностью утрачено значение *лука* — «морской залив», оно не известно ни в языке русской географической науки, ни в общелитературном языке, поскольку в эпоху становления языка русской науки термин *лука* в этом значении был вытеснен терминами *залив*, *бухта*.

В современном русском языке достаточно сохранилось употребление образованного от слова *лука* обозначения *лукоморье*, справедливо классифициру-

емого в словарях как *устар.* и *поэт.* [33, с. 96]. Впрочем, в отдельных говорах русского языка слово *лукоморье* могло сохраниться как узкий локализм. Таким образом, семантическая история гидрографического термина *лука* — это история сохранения генетически первичного и возникших на его базе значений, получивших свое дальнейшее развитие и закрепление в гидрографии конкретных регионов. Ср. отмеченные выше значения: *лука* — «полуостров на реке; заводь; роща деревьев на речном полуострове», а также обширный комплекс значений и оттенков значений термина в сводно-диалектном словаре [28, с. 187, 191].

Термин узнаваем и в современных топонимах, например: г. *Великие Луки* (Псковская обл.), г. *Семилуки* (Воронежская обл.), *Самарская Лука* на Волге, г. *Луцк* (Волынская обл. Украины), г. *Прилуки* (Черниговская обл. Украины) и в топонимах других славянских территорий.

Литература

1. Адрианова-Перетц В. П. Задонщина. Текст и примечания // Труды отдела древнерусских лит-ры Ин-та лит-ры АН СССР. — М.; Л., 1947. — Т. 5.
2. Акты, относящиеся до юридического быта древней России / Под ред. Н. Калачова / Изд. Археогр. комис. — СПб., 1857–1884. Т. 2.
3. Акты Холмогорской и Устюжской епархий. — Ч. 1 // Русск. ист. б-ка. — СПб., 1890. — Т. 12.
4. Будилович А. С. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. — Киев, 1878. — Ч. 1. — Вып. 1; 1882. — Ч. 2. — Вып. 1.
5. Вейсманн [Э.] Немецко-латинский и русский лексикон... — СПб., 1731.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1935. — Т. 2.
7. Житие и хоженье Даниила Русьския земли игумена 1106–1107 гг. / Под ред. М. А. Веневитинова // Правосл. палест. сб. — СПб., 1885. — Т. 1. — Вып. 3, 9.
8. Ипатьевская летопись. — 2-е изд. // ПСРЛ. — СПб., 1908. — Т. 2.
9. Истрин В. М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе // Летопись Ист.-филол. об-ва при Новорос. ун-те. — Одесса, 1905. — Т. 13. — Кн. 4.
10. Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. — М.; Л., 1950.
11. Книга степенная царского родословия. — Ч. 1–2 // ПСРЛ. — СПб., 1908–1913. — Т. 21.
12. Книга строельная города Синбирска / Под ред. П. Мартынова / Изд. Симб. губ. учен. арх. комис. — Симбирск, 1897.
13. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. — Л., 1926–1928. — Т. 1.
14. Лексис Лаврентія Зизанія. Синоніми славеноросская. — Київ, 1964.
15. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI–XVIII столетии, собранные в разных архивах и редактированные Багалеем Д. И. / Изд. ист. фил. об-ва при Харьк. ун-те. — Харьков, 1886.
16. Маштаков П. Л. Материалы для областного водного словаря. — Л., 1931.
17. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. — 2-е изд. — М., 1999. — Т. 2.
18. Орлов А. Исторические и поэтические повести об Азове. Взятие 1637 г. и осадное сидение 1641 г. Тексты. — М., 1906.
19. Памятники русской письменности XV–XVI вв. (Рязанский край) / Изд. подг. Котков С. И., Филиппова И. С. — М., 1978.
20. Переписные оброчные книги Шелонской пятины. — Т. 3 // Новгородские писцовые книги / Изд. Археогр. комис. — СПб., 1886. — Т. 4.
21. Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII вв. / Под ред. В. Н. Сторожева / Изд. Ряз. учен. арх. комис. — Рязань, 1898. — Т. 1. — Вып. 1.
22. Прокаев В. И. О термине «лука» и о границах Самарской луки // Изв. ВГО. — М., 1954. — Вып. 3.

23. Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая... Н. Спафария в 1675 г. Дорожный дневник Спафария с введ. и примеч. Арсеньева Ю. В. // Зап. РГО по отд. этнографии. — СПб., 1882. — Т. 10. — Вып. 1.
24. Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. — М.; Л., 1950.
25. Сибирцев И. М. и Шахматов А. А. Еще несколько двинских грамот XV в. / Изд. ОРЯС АН // Исследования по русскому языку. — СПб., 1909. — Т. 2. — Вып. 5.
26. Сказка об Уруслане Залазаревиче // Летописи русской лит-ры и древности. — М., 1859. — Т. 2. — Отд. 2.
27. Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный. — СПб., 1789–1794. — Ч. 3.
28. Словарь русских народных говоров. — Л., 1981. — Вып. 17.
29. Словарь современного русского литературного языка. — М.; Л., 1957. — Т. 6.
30. Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — М.; Л., 1950.
31. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в гос. Коллегии иностр. дел. — М., 1813–1894. — Ч. 1–5.
32. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. — М., 1989. — Т. 2. — Ч. 1. (Репринтное изд.)
33. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова — М., 1938. — Т. 2.
34. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — М., 1986. — Т. 2.
35. Чайкина Ю. И. Еще раз о слове *кулига* // Этимология 1968. — М., 1971.

Термины для понятия «залив»

Гидрографический термин *затон* — «продолговатая речная бухта» восходит, по мнению М. Р. Фасмера, к форме **затоннъ* [28, с. 88]. В этой форме сочетание группы согласных упростилось: *nn* > *n* — так возникла форма *затон*. Иной результат упрощения следует видеть в форме *затоп* — «местность, подвергшаяся затоплению». Оба термина представляют собой префиксальные образования от глагола *тонить* — «погружать в воду», хотя этимология этого глагола не имеет законченного убедительного объяснения.

Термин *затон* следует, очевидно, рассматривать как общеславянское образование, поскольку родственные ему соответствия находим во многих славянских языках. Причем эти соответствия отличаются наличием и гидрографической, и негидрографической семантики. Ср. белорус. *затон* — «тоня»; чешск. *záton* — «пристань»; с.-хорв. *zaton* — «морской залив»; словен. *zatón* — «то же»; болг. *затон* — 1) «речной залив», 2) «место зимовки судов». Укр. *затон* — «тень»; словен. *zaton* — «заход солнца». В этой связи представляется не совсем верным утверждение о том, что слово *затон* «известно только в восточнославянских языках» [29, с. 69].

Наиболее ранний случай употребления слова *затон* в памятниках письменности русского языка, по свидетельству И. И. Срезневского, датируется 1453 г. («Въ *затоне* участокъ») и слово трактуется несмотря на недостаточный контекст как «место, затопляемое в половодье» [26, с. 954]. В «Книге Большому Чертежу» интересующий нас термин встречаем при описании днепровских порогов. Его употребление представлено только в составе двух гидронимов — названий соответствующей гидрографической реалии. Семантическое содержание термина в этом памятнике отличается единством: *затон* — «речной залив». Например: «А ниже Микитина Рогу миля *затон Каменной*»; «А ниже Каменного затону миля *затон Ореховой*» [10, с. 111–112].

Материал других памятников письменности свидетельствует о семантически разнообразном употреблении данного гидрографического термина.

Во-первых, *затон* — «речной залив». В этом значении термин широко известен начиная с XVI в., причем он употреблялся как в форме апеллятива, так и в составе гидронимов. Например: «Станицы доезжали до верхъ Волуйки з другие стороны з Дону отъ усть *Богатого Затону*» [6, с. 33]; «Река Илим каменная и быстрая, а заводей и *затонов* тихих местъ нетъ» [4, № 11]; «По обе стороны Волги *затоны* и озера» [18, с. 41]; «По имянному царского величества указу, та соль отпущена въ *Каменной затонъ*» [8, с. 10].

В данном значении известно употребление термина и в форме ж. р. — *затоня*, хотя и представленное в наших материалах единичным примером: «А ловятъ тое тоню въ *затони* съ путя отъ трехъ камней и по берегъ всю реку» [20, с. 81]. Другой единичный пример свидетельствует об употреблении производного от термина *затон* прилагательного *затонное* — «озеро, имеющее заливы»: «Озеро Адремяково, *затонное*» [12, с. 72].

Гидрографический термин *затонец* служил для обозначения меньшей по сравнению с *затоном* гидрографической реалии. В рассматриваемом значении термин *затонец* известен с XVII в.: «Внизъ по Дону по устие Ситова

Руда, *затонецъ Ситовъ* съ проточными озера» [25, с. 23]; «От Банного затону маленькой *затонецъ* озеро Копанище и истокъ Копанищевской» [2, с. 445].

С момента ранних фиксаций термина *затон* в памятниках письменности он известен и в другом древнем значении, возникновение которого обусловлено хозяйственным использованием затонов как объектов рыболовства и закреплением их за определенными физическими или юридическими лицами.

Поэтому, **во-вторых**, *затон* — «угодье, место рыбной ловли». В этом значении употребление термина широко прослеживается с XV в. и представлено преимущественно примерами апеллятивного характера. В памятниках письменности XV–XVII вв. читаем: «<...> Да въ *затоне* участокъ купиль есмь у игумена у Иева Нового монастыря» [3, с. 337]. Ср. контекст в словаре И. И. Срезневского [26, с. 954]; «Вниз по Волге по обе стороны до Кохлуйского устья из *затонами* и с островками и с неводными ловлями отданы в откуп конному стрелцу Гришке Елизарову» [1, № 975]; «И то дикое поле отказано со всякимъ угодьемъ Михайлу Васильеву рыбная ловля по реке по Пслу и по озерамъ и по *затонамъ* противъ ево земли» [15, с. 110]. В этом значении употребляется также термин *затонец*: «Съ рыбные ловли съ *затонца Животинной*, съ озера Кривого <...> оброку и пошлинь 17 алтынъ 3 денги» [14, с. 155].

В-третьих, *затон* — «географический ориентир, от — до; межевой порубежный знак». В таком употреблении термин известен с XVI в., причем в подавляющем большинстве случаев он прослеживается не как апеллятив, а в составе гидронимов. Например: «Станицы доезжали до верхъ Волуйки з другие стороны з Дону отъ усть *Богатого Затону*» [6, с. 33]; «Отъ того затону до Савинского перелазу чатыреста пятьдесятъ сажень степи зделаны надолбы» [15, с. 83]; «От Банного затону маленькой *затонецъ* озеро Копанище и истокъ Копанищевской» [2, с. 445]. В данном значении известно также употребление термина *затонец*, хотя и представленное немногочисленными примерами из памятников XVII в. Например: «Межа селу Манину и деревни Синдякино: отъ речки отъ Воронежа и отъ *затонца Кривого* черезъ липягъ къ дороге» [25, с. 193].

Последние выделяемые нами значения гидрографического термина *затон* связаны с обозначением не речного объекта, а пролива и залива морей. Большинство примеров употребления термина представлено в одном из памятников XVII в., содержащем описание бассейнов Черного и Белого (совр. Мраморного) морей. Хотя контекст может оказаться в данном случае недостаточным, а современная гидрографическая привязка может полностью не совпадать с географическим описанием в цитируемых ниже памятниках, выделим следующие два значения термина *затон*. В этих значениях термин употребляется только в форме апеллятива, а не в составе гидронимов, что также затрудняет соотнесение гидрографических объектов, описанных в памятниках, с современными.

В-четвертых, *затон* — «морской пролив; географический ориентир»: «И отъ Черного моря и Белого [совр. Мраморного] *затонъ великой* [совр. прол. Босфор?], якобы версты на две и больше длиною» [19, с. 11]; «На берегу все загушено вдвое, а инде втрое отъ самого Белого моря и отъ Черного по *затону* даже до самого верху *затона*» [19, с. 12]; «А съ другой стороны отъ *затона* городъ таковъ же, ажоже и отъ Белого моря только отъ берега издали» [19, с. 12].

В-пятых, *затон* — «морской залив; географический ориентир»: «А отъ *затону*, сиречь отъ Галаты [совр. болг. город юго-восточнее Варны?], видятся места большия в ясный день видно в *затонахъ* морскихъ городъ» [11, л. 57].

Лексикографическая фиксация термина *затон* сравнительно поздняя, с середины XIX в. Так, в словаре В. И. Даля находим термин в статье к слову *затопливать*. У термина *затон* выделены как гидрографические, так и негидрографические значения: 1) «длинный и мелкий речной залив, отделяемый косой; заводь или бухта, залив, далеко вдавшийся в плоскую ложбину; это притон черной, частиковой рыбы»; 2) пск. о лошади «норов, заминка, запинка». В этой же статье приведено относящееся к затону прилагательное *затонный* [7, с. 646]. В ином гидрографическом плане определено семантическое содержание термина в «Словаре церковнославянского и русского языка»: *затон* — «место в водополь понимаемое водою» [24, с. 65].

В наиболее полном объеме семантическое содержание гидрографического термина *затон* раскрыто в словаре Академии наук (1895–1929), где на общеславянское происхождение термина указывают примеры из славянских языков. Отмечены различные гидрографические и негидрографические значения, в которых термин известен в различных диалектных зонах русского языка. С региональным распространением термина связаны и отличия в гидрографическом содержании термина. *Затон* — 1) «вода, покрытая (весною) снегом» (Кологив.); 2) «залив реки, в особенности — глубоко вдавшийся в берег, резко отделившийся от реки» (Астрахань, Казань, Симб. и др.); 3) «длинный непроточный залив, отделяемый от реки наружною косой, которая примыкает одним концом к берегу» (Астрахань и Каспий); 4) «залив, образовавшийся из пролива (воложка), у которого верховье затянуло; поэтому в нем нет течения» (Слов. Остр.); 5) «залив, затишь, образовавшаяся от наплыва песку на засеившую корягу» (Томск); 6) «место в реке, где, по замечанию рыбаков, бывает много рыбы» (Вятск.); 7) «место зимовки или постоянной стоянки судов в заливе» (напр., на Волге); 8) «защищенное от ветра место на реке или озере» (Ростов); 9) «запруда, плотина через реку, устраиваемая для ловли рыбы» (Вологда, Углич и др.); 10) «закидывание тони (невода)» (Томск).

Среди негидрографических значений в этом словаре выделены следующие. *Затон* — 1) перен. «дом, семья, убежище»; 2) «тень» (Вологда); 3) «норов, заминка, запинка и вообще всякий недостаток лошади, напр., если она на ходу вдруг останавливается или бросается в сторону без всякой причины» (Псков).

Семантически близки другие приведенные в словаре гидрографические термины, относящиеся к этому же словообразовательному гнезду, но имеющие иную огласовку и ударение. Например, *затонье* — «место, где заканчивается тоня» (Заонежье), а также *затѣн* (Валдай) и *затѣна* (Владимир), известные в общем значении «тихая вода под крутым берегом на повороте реки». Термин *затин* кроме того имеет значение «прорубь для опускания сетей при зимней рыбной ловле» (Петрозаводск) [22, с. 2150–2151, 2129–2130]. Эта гидрографическая семантика была отмечена впоследствии М. Р. Фасмером, этимологически связавшим русск. *затѣн* и лит. *attlenis* — «край русла реки с медленным течением или стоячей водой». Автор указал также на негидрографические значения термина *затин* — 1) «пространство за крепостной стеной»; 2) «тенистое место»; 3) «затинщик — артиллерист при крепостном оружии» [28, с. 82–83].

Современные терминоведческие исследования свидетельствуют о широком распространении термина *затон* и синонимичных ему гидрографических обозначений в различных регионах. Так, В. П. Андросова указала на употребление термина *затон* в бассейне Каспийского моря в значении «длинный непроточный залив в реке, образуемый отделившейся от берегов наружною косой» [5, с. 54].

Э. М. Мурзаев наряду с этим значением выделил у термина *затон* следующую семантику: 1) «залив реки, защищенный от ледохода и ветров» (бас. Волги, Дона, Урала); 2) «совершенно спокойная вода, течению которой препятствует выше его коса, то есть обсохший и выдавшийся в реку берег» (Енисей); 3) «место, весной заливаемое водою»; 4) «замытая с одной стороны песчаными наносами протока» (Волга); 5) «место зимовки или постоянной стоянки судов в устьях притоков, старых руслах рек и других местах, защищенных от ледохода»; 6) «искусственная гавань для стоянки и ремонта кораблей» (Волга).

Относящийся к этому же словообразовательному гнезду термин *тоня* известен как обозначение не только речной, но и морской реалии: 1) «рыбалка, удобное место на реке или на побережье озера»; 2) «рыбачий поселок»; 3) «залив на море, где собирается рыба и успешно производится ее лов» [17, т. 1, с. 224–225; 17, т. 2, с. 250]. Таким образом, учитывая зоны распространения термина *затон* как в бассейнах европейских рек, так и в бассейнах сибирских рек, его следует признать общерусским гидрографическим термином (ср. также [16, с. 39]).

Для обозначения понятия «залив» в различных регионах используются и другие термины. Э. М. Мурзаев указал на бытование термина *бука* — 1) «залив» (Карелия, бас. Онеги); 2) «котловина, вымытая течением реки в крутых берегах в виде залива» (бас. Волги). В Смоленской области употребителен термин *дула* — «залив реки, соединяющийся с рекой или отделенный от реки наносным песком». Термин *забока* имеет в целом как гидрографическую, так и негидрографическую семантику, однако все его значения связаны с одним характерным признаком — искривлением речного русла. *Забока* — 1) «рукав реки, образующий остров»; 2) «залив» (Алтай); 3) «пойменный луг, образовавшийся в долине горной реки в результате ее меандрирования»; 4) «лесной выступ, мыс, уходящий в степь, лесная роща по реке или по берегу озера»; 5) «берег, обочина» (Сибирь).

Другой синонимичный *затону* термин — *заводь* — обозначает как речную, так и морскую реалию: 1) «залив между двумя мысами» (Волга); 2) «мелкий, поросший тростником и камышом залив в дельтах рек»; 3) «небольшой открытый морской залив»; 4) «глубокое тихое место в реке, омут»; 5) «яма на пойменных лугах, в которой вода остается до тех пор, пока не высохнет во время летней жары» (сев. обл.); 6) «глухой рукав реки, ерик»; 7) «небольшой открытый заливчик»; 8) «заворот воды за мысом».

Э. М. Мурзаевым было также указано на употребление семантически близких *затону* терминов: *затяг* — «залив, глубоко вдающийся в материк» (Белое м.); *ободина* — «залив, очень мало вдающийся в сушу» (бас. Касп. и Аральск. м.). Синонимичен термину *затон* и гидрографический термин *проран* — 1) «узкий залив, лиман, далеко вдающийся в сушу»; 2) «узкая длинная губа, фьорд в скалистых берегах» (Север) [17, т. 1, с. 106, 214, 216, 225; 17, т. 2, с. 86, 152].

Дополняет картину бытования гидрографического термина *затон* на всей территории русского языка материал сводного «Словаря русских народных говоров». Семантическое содержание термина отличается наличием целого комплекса гидрографических значений. *Затон* — 1) «залив, образовавшийся в реке во время половодья напротив изгиба противоположного берега» (Моск.); 2) «длинный непроточный залив, отделяемый от реки наружною косой, которая примыкает одним концом к берегу» (со ссылкой на Даля).

Примечательно, что в словаре проведено отличие *затона* от гидрографически сходного с ним в этом значении термина *заманиха* — «малозаметная, неширокая песчаная коса, идущая параллельно берегу реки и руслу и отделяющаяся от берега затоном» (Нижеволжск.). «Разнится с заманихой тем, что она закрыта, вся под водой, а затон явен и открыт (Астр., Касп.)» (архив ИРЯЗ РАН). Кроме того, подробно описан оттенок употребления термина в этом значении — «рукав реки» с указанием конкретных гидрографических отличий речных рукавов в бассейнах Волги и сибирских рек.

Среди других многочисленных гидрографических значений, в которых термин *затон* употребляется в различных диалектных зонах русского языка, отмечены следующие. *Затон* — 3) «залив, образовавшийся от наплыва песка на корягу» (Том.); 4) «место, заливаемое водой во время половодья» (Оренб.); 5) «естественная плотина из камней на реке». Каменный затон (Новорос); 6) «запруда, плотина в реке, озере для ловли рыбы» (Пск., Волог.); 7) «мель в реке» (Казан.); 8) «место в реке, где бывает много рыбы» (Вят.); 9) «вода, покрытая весной снегом» (Костром.); 10) «веревка, протянутая поперек реки, за которую весной привязывают „рюш“ [сети] для ловли рыбы» (Новг.); 11) «рыболовная сеть» (Твер.); 12) «баламутская рабочая лодка» (Волхов и Ильмень); 13) «закидывание невода» (Том.).

В современных воронежских говорах наряду с общим значением термина *затон* — «залив» представлена иная семантика — «расширенный рукав реки, который к концу лета может быть не соединен с рекой», указывающая на сдвиг в семантическом содержании термина. *Затон* обозначает здесь речной залив, который при известных условиях настолько отделяется от русла реки, что может превратиться в озерко. Термин также известен в значениях: «широкое место в реке»; «скопление льда на реке». В данном регионе употребительны и многие другие термины, указывающие на гидрографическую специфику речных заливов. Например, *заводь* — «залив, заросший водной растительностью»; *затбчина*, *затбчка* — «небольшой залив, образовавшийся в полую воду»; *перевлак* — «затон, соединяющий два водоема и пересыхающий летом» и др. [9, с. 62–63, 168; *прилож.*, с. 67–68]. Таким образом, рассмотренный материал позволяет считать термин *затон* общерусским обозначением соответствующих гидрографических реалий, но преимущественно — залива.

Среди слов, относящихся к тому же словообразовательному гнезду, что и термин *затон*, словарь приводит обозначения из рыболовной терминологии. *Затони* — «лодки, следующие за неводом» (Новг.); *затонить* — «забросить тоню, невод» (Пск.); *затонье* — «место, где оканчивается тоня» (Олон.); *затоню* — «позади рыболовной тони» (Волхов и Ильмень); *затоня* — «участок реки для лова рыбы» (там же). В плане негидрографической семантики отмечено два значения термина: *затон* — 1) «упрямство, нор» (Пск., Твер.), 2) «тьнь» (Волог.) [21, с. 98–99].

Сопоставление материала памятников письменности, учет подачи семантики гидрографического термина *затон* в лексикографических источниках, а также привлечение результатов современных диалектологических и терминоведческих разысканий позволяет сделать выводы о семантической эволюции термина.

Употребление термина *затон* в значении «речной залив», широко отмеченное в памятниках письменности с XVI в., сохранилось к настоящему времени без изменений. В этом значении термин известен в языке русской географической науки и в русском литературном языке. Толковые словари

русского языка обычно определяют *затон* только как термин гидрографии — «длинный непроточный залив реки»; «заводь» [27, с. 1054; 23, с. 671]. Также известно употребление термина с оттенком значения, возникшим на базе основного значения «речной залив». Этот оттенок обычно определяется в словарях как «участок на судоходной реке, приспособленный для стоянки и ремонта речных судов». Например: «Заводским буксирам пришлось немало потрудиться, чтобы вскрыть ледяной панцирь *затона* для проводки судна к достроечному пирсу» (из газет); «К Северному речному вокзалу из *Хлебниковского затона*, где зимуют корабли, подошел трехпалубный лайнер» (из газет); «В *затоне*, в могучих объятиях льда, теснились буксиры, трамвайчики, баржи, баркасы и все остальные суда» (из газет).

Синонимичный термину *затон* гидрографический термин *затонец*, употреблявшийся в памятниках письменности XVII в. как обозначение меньшей по сравнению с *затоном* гидрографической реалии, современными словарями не фиксируется.

Употребление термина *затон* в значении «угодье, место рыбной ловли» к настоящему времени сохранилось. В этом значении термин известен в литературном языке, однако наибольшей активностью его употребление отличается, как мы видели, в говорах: 6 значений у термина *затон* и 5 значений у слов, относящихся к тому же словообразовательному гнезду. Такая активность обусловлена конкретными гидрографическими особенностями рек, на которых ведется рыбная ловля, отличиями в орудиях и способах лова и многими другими причинами. В итоге это привело к развитию у термина *затон* новых значений, связанных с различными способами лова рыбы, как, например, не отмеченная в памятниках письменности семантика — «запруда, плотина для ловли рыбы». Употребление слова *затон* в этом значении было до недавнего времени свойственно и литературному языку [27, с. 1054], но Большой академический словарь русского языка этого значения уже не приводит [23, с. 671].

Употребление термина *затон* в значениях «морской пролив» и «морской залив», представленное немногочисленными примерами главным образом из памятников XVII в., показывает, что уже в то время данная семантика не была характерна для термина, являясь вторично-производной. Это обстоятельство и обусловило ее утрату в течение последующего времени. В процессе формирования языка русской географической науки в 1-й трети XVIII в. термин *затон* в этих значениях был вытеснен из употребления соответственно терминами *пролив* и *залив*. Как заметила по этому поводу Л. Л. Кутина, «с конца 20-х гг. начинает распространяться форма мужского рода [у термина *залив*. — А. Б.], а поскольку в это время происходит канонизация этого слова как научного географического термина, то утверждается в языке форма *залив* <...>. К 40-м гг. термин *пролив* (пролива) уже занял главное, опорное место в географической терминологии (к этому времени возобладала в языке и форма мужского рода)» [13, с. 164, 168]. В современном русском языке и его говорах следы употребления термина *затон* в этих двух значениях отсутствуют.

Таким образом, семантическая история гидрографического термина *затон* — это, с одной стороны, история сохранения ядра гидрографической (речной) семантики, история ее дальнейшего развития, конкретизации и, с другой стороны, история утраты вторичных значений, отмеченных в немногочисленных памятниках XVII в. и связанных с обозначением не речных, а морских реалий, что в целом, уже с эпохи XVII в. являлось «инородным» для семантического ядра гидрографического термина *затон*.

Литература

1. Акты Астраханской воеводской избу XVII в. Хран. в СПб. ФИРИ РАН. Ф. 178.
2. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России / Собр. и изд. А. Федотов-Чеховский. — Киев, 1863. — Т. 2.
3. Акты, относящиеся до юридического быта древней России / Изд. Археогр. комис. под ред. Н. Калачова. — СПб., 1857–1884. — Т. 2.
4. Акты Якутской воеводской избу 1639–1647 гг. Рукоп. СПб. ФИРИ РАН. Ф. 160. Оп. I. Карт. 1–3, 6, 7.
5. Андросова В. П. Местная терминология для побережий морей СССР // Учен. зап. МГУ. — 1937. — Вып. 16.
6. Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской украине Московского государства до царя Алексея Михайловича // Чт. ОИДР. — 1846. — № 4.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1955. — Т. 1.
8. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. — СПб., 1880–1901. — Т. 3.
9. Дьякова В. И. Географическая терминология Воронежской области. Дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 1973.
10. Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. — М.; Л., 1950.
11. Книга нарицаемая Козмография сиречь всемирное описание земель и наименования степнем во округах небесных. Рукоп. Пушк. д. Собр. В. Н. Перетца. Г. IV. 91. № 175.
12. Книга строельная города Синбирска / Изд. Симб. учен. арх. комис. под ред. П. Мартынова. — Симбирск, 1897.
13. Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки (терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII в.). — М.; Л., 1964.
14. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские акты. — Воронеж, 1887. — Т. 1.
15. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI–XVIII столетии, собранные в разных архивах и отредактированные Д. И. Багалеем. — Харьков, 1886.
16. Маштаков П. Л. Материалы для областного водного словаря. — Л., 1931.
17. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. — М., 1999. — Т. 1–2.
18. Приходо-расходная книга Синбирской приказной избу 1665–1667 гг. // Зерцалов А. Н. Материалы для истории Синбирска и его уезда. — Симбирск, 1896.
19. Проскинитарий Арсения Суханова / Под ред. Н. И. Ивановского // Правосл. палест. сб. — СПб., 1889. — Вып. 21. — Т. 7.
20. Псков и его пригороды. Кн. I. Писцовая книга по Пскову и его пригородам XVI в. // Сб. Моск. архива Мин-ва юстиции. — М., 1913. — Т. 5.
21. Словарь русских народных говоров. — Л., 1976. — Вып. 11.
22. Словарь русского языка, сост. 2-м отд. АН. — СПб.; Л., 1895–1929. — Т. 2.
23. Словарь современного русского литературного языка. — 2-е изд. — М., 1994. — Т. 5–6.
24. Словарь церковнославянского и русского языка, сост. 2-м отд. АН. — 2-е изд. — СПб., 1867. — Т. 2.
25. Список с Воронежских книг письма и дозору Григорья Киреевского с товарищи лета 7123 году // Мат-лы для истории Воронежской и соседних губерний. — Воронеж, 1891. — Т. 2.
26. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. — М., 1989. — Т. 1. — Ч. 2.
27. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1934. — Т. 1.
28. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — М., 1986. — Т. 2.
29. Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н. М. Шанского. — М., 1975. — Т. 2. — Вып. 6.

* * *

Гидрографический термин *губа* — «морской залив, бухта» — исконно известен как яркий севернорусский диалектизм, распространившийся впоследствии преимущественно для обозначения соответствующих реалий в бассейнах северных рек и морей России. П. Я. Черных квалифицировал этот термин как специфически русское образование, заимствованное в украинский и белорусский языки [41, с. 225], (ср. также белорус. диал. *губа* — «узкое болото»). По нашему мнению, термин представляет собой заимствование и в западнославянских языках, а в южнославянских неизвестен: ср. польск. *gęba* — «залив», н.-луж. *guba* — «устье», чешск. *huba mořska* — «залив».

А. С. Будилович сопоставил термин *губа* с русскими словами *залив*, *заводь*, западнорусск. *затока* и привел соответствия из некоторых славянских языков: болг. *залив*; сербск. *залив sinus*; хорв. *zалив id*; польск. *zalew id*; словацк. *zátoka*; чешск. *zátoka*; польск. *zátoka*; с.-хорв. *zaton*; словен. *chobot sinus maris*; польск. *odnoga* и др. [3, с. 67].

Этимология термина интерпретируется исследователями по-разному. А. С. Будилович рассматривал слово *губа* как областное русское название и связывал его происхождение с глаголом *гбняти* (под знаком?) [3, с. 67]. Однако такая этимология не имеет серьезных оснований, как и объяснение М. А. Елизаровского, который производит термин *губа* от «гнуть» (из гинуть) — сгибать» по причине изгиба, изогнутости предмета, т. е. *губа* — изогнутый, вогнутый берег (морской залив). Впрочем, автор никак не объясняет механизма фонетического изменения слов *гинуть* > *гнуть* > *губа* [9, с. 79].

М. Р. Фасмер отмечал, что термин *губа* обычно сравнивают со словами *губить*, *сугубый*, т. е. с первоначальным значением «складка, загиб» (Э. Бернекер, Е. Ф. Карский, А. Г. Преображенский). Но, по мнению М. Р. Фасмера, вероятнее считать первичным значение *губа* — «рот, устье» и связывать интересующий нас термин со словом *губа* — «часть рта». Ср. лтш. *guībs* — «бухта, залив» [38, с. 469]. Аналогичное мнение высказал Ф. П. Филин, считая, что гидрографический термин *губа* «является древним метафорическим преобразованием о.-сл. *губа* — „губа, рот“» [39, с. 536]; ср. также [41, с. 225]. Такую этимологию следует признать достаточно обоснованной прежде всего потому, что переход «анатомических» терминов, обозначающих части тела человека и животных, в сферу гидрографической терминологии — достаточно распространенная топонимическая закономерность, отмеченная нами выше при анализе термина *устье*.

В «Книге Большому Чертежу» употребление гидрографического термина *губа* отличается семантическим единством. Термин обозначает конкретную гидрографическую реалию — *морской залив с устьем впадающей в него реки* — в двух противоположных регионах: в бассейне Каспийского моря и преимущественно в бассейнах морей европейского Севера. В этом значении прослеживается употребление термина как апеллятива, так и в составе гидронимов. Например: «А от Салаяна 30 верст город Бака, на берегу в *губе* Хвалимского моря» [10, с. 89]; «А промеж того волоку у моря Мотоской наволоку; а меж морских пролив *Мотоская губа*» [10, с. 148]; «А от Кольские *губы* прямо от устья реки Нивы, те все реки морским берегом стали в *губе*, в заворотье Соловецкого моря» [10, с. 150]; «От речки Костылихи 25 верст речка *Губистая*. А от *Губистая губа морская*» [10, с. 159] и т. д.

В негидрографическом значении употребление слова *губа* в древнейших памятниках письменности прослеживается с XII в., причем большинство из них церковно-религиозного содержания. В таких памятниках слово представлено в анатомическом значении: *губа* — «часть лица». Например: «Губою и языкомъ отираху гнои от удовъ его» [30, л. 40б.]; «Губы юже омочиша во оцетъ и напоиша христа на кресте распята» [20, 1383 г.]; «Бесколеньни ноги слоновии ноздророгу рога на губе» [17, л. 310б.].

Начиная с XII в. в памятниках отмечено употребление слова *губа* как элемента сравнения и возникновение на этой основе метафорического переноса. Например: «Господи и губою милосердия твоего истреби прегрешения моя си» [30, л. 202]; «(955): Она же поклонивше главу стояше аки губа напаяема внимающе ученья» [12, л. 170б.].

Собственно гидрографическая семантика термина *губа* получает отражение в памятниках русской письменности, восходящих к спискам XIV в., а не с XV в. [42, с. 191]. Однако Ф. П. Филин считает, что в этом значении слово *губа* было известно севернорусскому населению и раньше [39, с. 536].

Во-первых, *губа* — «морской залив с устьем впадающей в него реки». В этом значении термин широко употреблялся и как апеллятив, и в составе гидронимов при описании русских (преимущественно севернорусских) и некоторых иностранных территорий. Например: «Съ Онига озера отъ двухъ Лощевъ островомъ поидеть миза водою <...> в островъ, что надъ Унои губои» [4, с. 286]; «(1480): И совокупишася князь Псковский со Псковичами и съ пригороды, <...> и сустрекли [встретились] на Пецкой губе въ озере» [28, с. 264]; «А падает де Енисей в морскую губу Студеного моря» [18, с. 232]; «Королевство Свицкое, земля невелика, стоять же грады тверды камены по губам морскимъ и по озеромъ» [11, с. 5].

Следует отметить наличие производного от термина *губа* прилагательного *губной*, обозначавшего невод, которым производили лов рыбы в заливах. Употребление этого прилагательного представлено в наших материалах единственным примером из памятника 2-й половины XVII в.: «Никита Белозер вязал губного невода сетей девятнацет сажень» [2, 1665 г.].

Во-вторых, *губа* — «административно-территориальная единица (уезд)». Это выделяемое нами значение связано с расширением гидрографической семантики, с переносно-метонимическим употреблением термина *губа* применительно к обозначению совокупности людей, живущих на территориях, примыкающих к заливам, а также и самих этих территорий. Примечательно, что сходный процесс метонимического развития значений был выше отмечен для термина *река*: *всею рекою* — «всем миром, всей общиной». В пользу именно такого пути развития семантики свидетельствует и тот факт, что территориальная атрибуция памятников, отражающих употребление термина *губа* как единицы административно-территориального деления, позволяет считать основным ареалом термина *губа* в данном значении — новгородские и псковские земли XV–XVII вв. — территории, близкие к севернорусскому ядру топонимического ареала термина *губа*. Вероятно, впоследствии термин утратил генетическую связь с гидрографической семантикой и стал применяться для обозначения территорий, не примыкавших непосредственно к заливам.

В этом значении употребление термина *губа* прослеживается в памятниках письменности с XV в. Например: «А что серебро и хлеб княземъ великимъ не добранъ в Торъжку или на губахъ, а то княземъ великимъ не надобе» [4, с. 42];

«(1373): Князь великийи Михайло Александровичъ Тферьскими волостями да Новоторжскими губами теми людьми около города Тфери валу ровъ выкопали и вальъ засыпали отъ Волги до Тмаки» [29, с. 104–105]; «(1471): Наша сила учала по зарубежно воевати, пригонивше Новгородцы изъ зарубежья съ Вышегорода, и въ Навережской губе и много хоромовъ пожгли» [28, с. 240].

Анализ памятников письменности свидетельствует о наличии большого числа производных образований от термина *губа* в этом значении и позволяет сделать вывод о том, что к XVI в. сложилось словообразовательное гнездо термина. Среди памятников, отражающих употребление производных, некоторые относятся к новгородско-псковским землям.

Губа, губляне (губляны) — «жители административно-территориального района (губы)». Например: «А косили всею губою, что была на оброке за крестьяны, Покровские губы за старостою за Васкою за Романовымъ сыномъ и за губляны» [26, с. 379]; «Те, государь, дети боярские и губляне выборы дали на старого земского диачка на Якуша на Самухина» [8, с. 225].

Губа, губная изба — «присутственное место, где производилось следствие и проходил суд». Например: «Истецъ слался на явки ильинского попа Якова въ съезжую избу да въ губную избу, что тотъ саодакъ [лук со стрелами] у попа Якова украли изъ клети подъ Николинъ день, осенней въ ноци» [16, с. 213]; «А будет которой вор и в роспросе учнет плутатца, и таких сажать в колоду или в железа и отсылать в губу с поличнымъ» [40, с. 117].

Губной (губский) староста; губной — «выборное лицо из дворян, ведающее судебно-административными делами». Например: «А которой изорникъ съ села збежить за рубежъ <...> старостъ губскихъ позвати, да тотъ животь изорникъ <...> государю попродади» [27, с. 17]; «А в розбоинномъ деле про розбоиниковъ обыскивають губные старосты по нашимъ губнымъ грамотамъ» [5, с. 112].

В-третьих, выделим значение *губа* — «межевой порубежный знак, географический ориентир; — от до, около». Важная роль, которую играли заливы, бухты для судоходства и рыбной ловли, а также закрепление права на владение ими за определенным физическим или юридическим лицом обусловила использование заливов (губ) в качестве своеобразных межевых знаков, ориентиров на местности. В этом значении употребление термина прослеживается в памятниках письменности с XIV в., в том числе при описании гидрографических регионов иностранных государств. Например: «Да съ Пиртьозира и съ Сивирной губы и съ Нуры поидить миза на болшую топную грязь» [4, с. 287]; «В реке в Коле рыбные ловли половина от морские губы до забора» [6, с. 438]; «И в роспросе имъ сказали Алтына царя и иныхъ земель люди, что Китайское государство стоит на край губы морские» [23, с. 280].

В аналогичном значении употреблялся термин *губка*, обозначавший меньшую по сравнению с *губой* гидрографическую реалию. Например: «Да подъ Люшинымъ островомъ на губке въ Липовой залахте [в заливе] у Большого у Чудцкого озера <...> ходить одинъ неводъ» [26, с. 91]; «На пустош на дикое поля в замише в Кривою луке против Малова Олховца на правои стороне по Малую губку и рубеж Михаила Потапова» [22, с. 253].

В произведениях отечественной лексикографии слово *губа* фиксируется с середины XVII в., однако его семантика первоначально раскрывалась в неполном объеме: значение «залив, бухта» представлено не было. В словаре Л. Зизания слово *губа* толковалось как обозначение части рта — «уста, устна», а слово *губка* в негидрографическом значении определялось как «морская губа», т. е. морская губка. Сходным образом семантическое содержание слова

губа в сочетании с определением *морская* раскрыто в лексиконах Е. Славинского и А. Корещко-Сатановского с привлечением лат. *spongia* — «губка; губковидный панцирь; пемза» [14, с. 108; 13, с. 378, 441].

Впервые в плане собственно гидрографической семантики слово *губа* в форме мн. ч. было истолковано в словаре Ф. П. Поликарпова и сближено с русск. *устье*: «губы, славенски устие, гр. τὰ χεῖλη, лат. *labium, labrum, labis*». Кроме того, у слова *губа* было выделено иное значение: «губа гречкая, губа морская — гр. σπογγος, лат. *spongia* — губка» [25, с. 80].

С середины XVIII в. словари стали полнее отражать семантическое содержание слова *губа*, выделяя как гидрографические, так и негидрографические значения. В материалах к «Российской грамматике» М. В. Ломоносова встречаем следующий синонимический ряд: «морская отнога, залив, губа, рукав, курья», что может свидетельствовать об отсутствии в системе гидрографической терминологии начала XVIII в. единого термина для обозначения понятия «залив» [15, с. 620]. В словаре Г. А. Полетики термин *губа* и синонимичный ему термин *залив* приведены в одной словарной статье. Их семантическое содержание раскрыто с помощью соответствий из других индоевропейских языков: гр. χόλπος; лат. *sinus*; фр. *golfe, baie*; нем. *Meerbusen*; англ. *bay*. Аналогичный подход к определению семантики термина *губа* встречаем и в словаре И. И. Нордстета [24, с. 10–11; 21, с. 148].

«Словарь Академии Российской» достаточно четко разграничил значения гидрографического термина *губа*, перечислив также некоторые гидронимы, содержащие этот термин. «Губа — 1) „небольшой морской залив, в берег вдавшийся“. Губа Онежская, Кольская, Мезенская. 2) в старину назывался известный округ земли, между реками находящийся. Губа Заудобская». Примечательно указание словаря на значение *губа* — «округ земли», подтверждающее метонимический перенос первичной гидрографической семантики. Однако употребление термина в этом значении уже классифицировалось словарем как устарелое [31, с. 416].

В. Н. Татищев в «Лексиконе Российском...» выделил у термина *губа* два значения: «Губа разумелась область или предел, над которым определен был Губной староста. Губа — залив морской, знатнейшие заливы в России, Пеншинская на Восточном, Тазовская в Северном Океане; в Азии Болвановская, и Вайгацкая в Балтийском море, и суть еще многия малые, во всех морях заливы» [35, с. 94–95]. Отсутствие в этом словаре каких-либо других синонимических обозначений для понятия «залив» свидетельствует о том, что к концу XVIII в. в языке русской географической науки синонимия в обозначении данного понятия была преодолена и гидрографический термин *губа* окончательно закрепился в значении «морской залив».

В. И. Даль отметил не только наличие у слова *губа* гидрографической и негидрографической семантики, но и привел однокоренные терминологические образования. «Губа — „морской залив, затон, заводь взморья“. Губовина, губовинка — 1) арх. „то же“; 2) стар. „страна, край, область, округ, уезд, волость“; новг., пск. „селение, усадьба, двор, изба, дача, заимка, мыза“». Иллюстративные примеры производных образований уточняют семантику термина: *губной берег, губной дяк, губной целовальник* и т. д. [7, с. 404–405].

Большой комплекс значений, в которых термин *губа* известен в различных терминологиях, отражен в словаре Академии наук, где приведены значения, не отмеченные вышедшими ранее словарями. «Губа — 1) „утолщение края

отверстия у раковин“; 2) рыбол. „передняя часть крючка, прикрепленного к лесе“; 3) плотн. „сруб“. Губа пятистенная, сруб в пять стен; 4) „руль у некоторых речных судов“; 5) „гриб“. Причем интересно, что от значения *губа* — «небольшой морской залив, вдающийся в материк» словарь дает отсылку к значению *губа* — «каждый из двух мясистых, подвижных краев отверстий рта у людей и животных». Очевидно, тем самым подчеркивается развитие у слова гидрографической семантики в результате метафорического употребления слова с анатомической семантикой [33, с. 931–932]. Традиционная гидрографическая трактовка термина *губа* была сохранена многими словарями конца XIX в. Так, например, в словаре Е. К. Тимченко *губа* — «затока морская, сага, заводь» [36, с. 87].

Терминоведческие исследования свидетельствуют о широком распространении гидрографического термина *губа* и производных образований. В. П. Андросова указала на употребление в бассейне Белого моря термина *губовина* — «небольшой залив» [1, с. 48]. Аналогично интерпретирует этот термин Э. М. Мурзаев: *губка, губовина* — «маленькая губа, заливчик» (Белое м.). Термин *губа* определяется автором как «залив с устьем реки в его глубине». При этом следует учесть, что «название губа широко распространено в арктических морях и применяется к разнообразным заливам, не всегда отвечающим всем характерным ее свойствам». Э. М. Мурзаевым были также указаны синонимичные термину *губа* обозначения аналогичной реалии, например: *бакаля* — «залив, губа в реке; лужа» (бас. Вятки); *вун, вуон* — «залив, фьорд, губа» (Кольский п-ов) [19, с. 168, 73, 138].

В сводном «Словаре русских народных говоров» слову *губа* посвящена обширная статья, в которой отмечена преимущественно негидрографическая семантика. *Губа* и *губа́* — 1) «съедобные грибы» (Арх., Волог., Вятск.). *Губа* — 1) «упрямый, своенравный человек» (Вятск., Костром.); 2) «бранное слово» (Курск.); 3) «подбородок» (Волог., Вятск.); 4) «рыболовный крючок» (Печор., Арх.); 5) «ременная петля, в которую вкладывается икумалка (костылек) в оленьей упряжи» (Арх.); 6) «край, кромка чего-л.» (Урал.); 7) «пагуба, трата, извод, гибель, порча, убийство» (без указ. места).

Губа́ — 1) «толща, масса» (без указ. места); 2) греч. «губка» (Твер.); 3) «болезненный нарост на теле» (Арх.). *Губа́* и *губа* — 1) «искривленное дерево, вырытое из земли с корнем, которое употребляется для постройки лодок и барок» (Казан.); 2) «рукоять большого носового или кормового руля (на речной барке)» (Волж., Яросл., Енис.). *Губа́ пдстная* — «поперечная жердь, вделанная в голову пасти. Также расщеп бревен, куда она вставляется» (Колым.). *Губа́ пятистенная* — «сруб, имеющий пять капитальных стен» (без указ. места).

Не совсем точно, на наш взгляд, определена в словаре гидрографическая семантика термина, почему-то представленного в акцентологической форме *губа* (а не *губа́*) — «полоса земли, вдающаяся в реку» (Пск.). Впрочем возможно, что авторы словаря, указав такую форму, хотели подчеркнуть узкодиалектное распространение термина, обозначающего не морскую, а речную реалию, в отличие от термина *губа́* как обозначения морской реалии — обозначения, широко известного в общелитературном языке. Именно так квалифицируют термин *губа́* авторитетные словари с указанием на регион его бытования: *губа́* — «морской залив» (преимущественно на севере СССР) [37, с. 635; 34, с. 376].

Тем не менее *губа* — это не столько речной, сколько морской залив, нередко с устьем впадающей в него реки. Его характерным признаком является

влияние впадающей реки, поскольку речной сток опресняет морскую воду залива, вследствие чего меняется ее цвет. Ложе залива представляет собой подобие речного русла, а берега губы, имеющие продолговатую форму, словно продолжают речные берега. Следовательно, термин *губа* нужно адекватно трактовать не как «полосу земли, вдающуюся в реку», а как «морской или речной залив нередко с устьем впадающей в него реки».

На переносное употребление гидрографического термина *губа* как обозначения типов поселений, расположенных в районах заливов, указывает 2-е значение термина, приводимое в словаре, — «мыза, дача, селение» (Новг., Пск.) [32, с. 191–193].

Таким образом, семантическая эволюция термина *губа* заключается в следующем.

Древнейшая гидрографическая семантика *губа* — «морской (речной) залив с устьем впадающей в него реки», представленная в памятниках письменности с XIV в., сохранилась к настоящему времени без изменений. В этом значении термин употребляется в языке русской географической науки как обозначение соответствующих реалий преимущественно в бассейнах арктических морей и частично — в бассейнах морей Тихого океана (Дальний Восток). Ядро ареала термина *губа* расположено полосой с юго-запада на северо-восток в бассейнах Балтийского, Белого, Баренцева и Печорского морей.

Гидрографический термин *губа* известен и в современном русском литературном языке как обозначение речной или морской реалии. Например: «Все местные ребяташки с учителями — школа там у самой *губы* — высыпали на берег, пытаясь хоть как-то помочь попавшей в беду птице» (из газет); «На буксире снегохода „Буран“ передвижная лаборатория <...> гидрологов совершает поход по Невской губе» (из газет); «Седьмой раз покидает Авачинскую губу научно-исследовательское судно „Вулканолог“» (из газет); «Устье реки Свири, *Свирская губа* Ладоги оттаивают раньше, а замерзают позже, чем остальная часть озера» (из газет).

Употребление термина в значении «административно-территориальная единица», возникшем на базе переноса отмеченной выше семантики, в современном русском языке и его говорах не сохранилось по причине утраты самой реалии вследствие изменений в укладе общественно-экономической жизни. Термин *губа* в этом значении — историзм, частично сохранившийся в трансформированном виде в новгородских и псковских говорах в значении «мыза, дача, селение».

Употребление термина *губа* как «географического ориентира» прослеживается в настоящее время в русском литературном языке и в говорах русского языка, что свидетельствует о сохранении той важной роли, которую играли заливы северных морей для судоходства и рыболовства с древнейшей поры.

Комплекс различных негидрографических значений слова *губа* широко представлен в русских народных говорах Европейской части России, а также в говорах Урала и Сибири.

Литература

- Андросова В. П. Местная терминология для побережий морей СССР // Учен. зап. МГУ. — 1937. — Вып. 16.
- Архив Онежского Крестного монастыря. Хран. в РГАДА. Ф. 1195. Оп. 1.

- Будилович А. С. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. — Киев, 1878. — Ч. 1. — Вып. 1.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. — М.; Л., 1949.
- Грамоты Двинского уезда // Сб. грамот Коллегии экономии. — Пг., 1922. — Т. 1.
- Грамоты Кольского уезда XVI–XVIII вв. // Сб. грамот Коллегии экономии. — Л., 1929. — Т. 2.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1955. — Т. 1.
- Дела Тайного приказа. Кн. 4 // Русск. ист. б-ка. — Л., 1926. — Т. 38.
- Елизаровский И. А. Лексика беломорских актов XVI–XVII вв. — Архангельск, 1958.
- Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. — М.; Л., 1950.
- Книга глаголемая космография, сложена от древних философов, преведена с Римского языка // Временник Имп. Моск. ОИДР. — 1853. — Кн. 16.
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. — Л., 1926–1928. — Т. 1.
- Лексикон латинский Е. Славинецкого. Лексикон словено-латинский Е. Славинецкого та А. Корецкого-Сатановского. — Київ, 1973.
- Лексис Лаврентія Зизанія. Синоніма славеноросская. — Київ, 1964.
- Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. — М.; Л., 1952. — Т. 7.
- Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские акты. — Воронеж, 1887. — Т. 1.
- Мерило праведное. Рукоп. РГБ. Ф. № 304 (Тр.-Серг.). № 15.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. — М.; Л., 1941. — Т. 2.
- Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. — М., 1999. — Т. 1.
- Надписи на серебряном ковчеге страстей христовых в ризнице Благовещенского собора в Москве, 1383 г. // Михайлов М. И. Памятники русской вещевой палеографии. — СПб., 1913.
- Нордстет И. И. Словарь российский с немецким и французским переводами. — СПб., 1780–1782. — Ч. 1–2.
- Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги / Изд. подг. С. И. Котков, Н. С. Коткова. — М., 1977.
- Покровский Ф. И. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году // Известия ОРЯС. — 1913. — Т. 18. — Кн. 4.
- Полетика Г. А. Словарь на шести языках: Российском, Греческом, Латинском, Французском, Немецком и Английском... — СПб., 1763.
- Поликарпов Ф. П. Лексикон трехязычный... — М., 1704.
- Псков и его пригороды. Кн. 1. Писцовая книга по Пскову и его пригородам XVI в. // Сб. Моск. архива Мин-ва юстиции. — М., 1913. — Т. 5.
- Псковская судная грамота / Изд. Археогр. комис. — СПб., 1914.
- Псковские летописи / Приг. к печ. А. Насонов. — М.; Л., 1941. — Вып. 1.
- Рогожский летописец // ПСРЛ. — 2-е изд. — Пг., 1922. — Т. 15. — Вып. 1.
- Сборник (Торжественник). Рукоп. РГБ. Ф. 304 (Тр.-Серг.). № 12.
- Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный. — СПб., 1789. — Ч. 2.
- Словарь русских народных говоров. — Л., 1971. — Вып. 7.
- Словарь русского языка, сост. 2-м отд. Имп. АН. — СПб., 1891. — Т. 1. — Вып. 1.
- Словарь современного русского литературного языка. — 2-е изд. — М., 1992. — Т. 3.
- Татищев В. Н. Лексикон Российской, исторической, географической и гражданской. — СПб., 1793. — Ч. 1–3.
- Тимченко Е. К. Русско-малороссийский словарь. — Киев, 1897. — Т. 1.
- Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1934. — Т. 1.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — М., 1986. — Т. 1.

39. Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. — 3-е изд. — М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2009.
40. Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. Хозяйство боярина Б. И. Морозова. Ч. 1 // Мат-лы по истории феод.-крепостнич. хоз-ва. — М.; Л., 1933. — Вып. 1.
41. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. — 2-е изд. — М., 1994. — Т. 1.
42. Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н. М. Шанского. — М., 1972. — Т. 1. — Вып. 4.
43. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. — М., 1980. — Вып. 7. — С. 164–165.

СВОЕ И ЧУЖОЕ В ТЕРМИНОЛОГИИ

От моря-окняна — к морю и океану

На старости я сызнава живу,
Минувшее проходит предо мною —
Давно ль оно неслось событий полно,
Волнуясь, как море-окнян?

А. С. Пушкин. Борис Годунов

Внимательно вчитаемся в знакомые с детства строки из «Сказки о царе Салтане...» и «Сказки о рыбаке и рыбке» [22, с. 403, 426]:

Князь им вымолвил тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по окняну
К славному царю Салтану...»

«<...> Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мне в окняне-море,
Чтоб служила мне рыбка золотая <...>»

Задумаемся над тем, почему автор в добром напутствии князя Гвидона купцам-мореплавателям употребил выражение «по морю по окняну», а не просто по морю или по океану? Что означает окнян-море, в котором так хотела поселиться сварливая старуха? Чтобы ответить на эти вопросы, пойдем от простого к сложному и рассмотрим сначала судьбу слов море и океан отдельно.

В составе географической лексики русского языка эти слова принадлежат к числу древнейших — они зафиксированы в памятниках письменности уже с XI в. Известный в славянских языках термин море представлен в русском языке не только в значении «море», но и «озеро», сохранившемся к настоящему времени в диалектах. Примечательно, что название рек Моравы в Польше, Чехии, Словакии и бывшей Югославии, а также название исторической области Моравия, данное по названию реки, и некоторые подобные географические названия родственны морю, поскольку отражают генетически первичное древнее значение — «большое водное пространство».

Интересно, что в латинском языке термин море (mare) употреблялся не только как нарицательное существительное, но и в сочетаниях, близких к именам собственным. Например, сочетания mare nostrum (наше море), mare internum (внутреннее море) обозначали Средиземное море, что отражено в трудах Юлия Цезаря. Ионическое и Адриатическое моря именовались у Марка Туллия Цицерона mare superum (верхнее море) в противоположность mare infernum (нижнему морю) — Тирренскому (Этрусскому). Сочетания mare Oceanus

у Юлия Цезаря и Корнелия Тацита, как и *mare externum* (внешнее море) у Плиния Старшего, обозначали Атлантический океан. Подробнее о судьбе терминов *море* и *океан* в эпоху античности см.: [5, с. 110–113; 25, с. 114–125].

Термин *океан* восходит к греческому Ὠκεῖνός — «океан, море, река». Его происхождение в греческой мифологии связано с именем одного из богов-титанов — *Океана*, сына Урана и Геи, обладавшего властью над мировым потоком, который окружал, по верованиям древних, всю Землю. В таком значении *Океан* встречается в произведениях Гомера, Гесиода, Эсхила. Кроме того, у этих авторов, а также в трудах «отца истории» Геродота *Океаном* называлась некая великая река, омывающая всю Землю. *Океан* известен и как обозначение более конкретных географических объектов: так древние греки именовали Атлантический океан и Нил, самую большую из известных им рек в эпоху Геродота.

Как видим, термины *море* и *океан* в разных языках были многозначными, что наглядно отражает нерасчлененность (синкретизм) географических представлений о водном устройстве Земли, характерных для эпох античности и раннего Средневековья. Данное обстоятельство не могло не повлиять на судьбу терминов *море* и *океан* в русском языке. Действительно, унаследованные русским Средневековьем представления античности об океане как огромном водном пространстве, окружающем Землю, отражено в древнейших памятниках письменности. Например, в «Изборнике великого князя Святослава Ярославича» (1073) читаем: «Ти одрѣжати отъ Еюпта доже и до *Окиана*» [И владеют местностями от Египта до *Океана*] [10, л. 138об.]. В Ермолинской летописи (XVI в.) сказано: «Доиде же Александръ до утренихъ Индианъ и до ре(ки) *Акиянь*, идуще округъ всея земля» [6, с. 169]. Наряду с этим в русских источниках отмечено употребление термина *океан* для обозначения Атлантического океана и в составе древнего названия Северного Ледовитого океана — *Полунощный океан*, возникшего на собственно русской почве.

Термин *море* употреблялся в памятниках русской письменности XI–XVII вв. в нарицательном значении «большое водное пространство». Например, в «Остромировом евангелии» (1056–1057) сказано: «Подобно есть царствие небесное неводу въвѣржену въ *море*» [17, с. 227]. В «Задонщине», памятнике XIV в., есть такой пассаж: «Уже бо <...> возвѣяли силнии ветри по *морю* на усть Дону и Непра <...>» [1, с. 200]. Наряду с этим термин широко представлен и в составе древнейших названий конкретных морей: море *Евксинское*, *Понтийское*, *Русское* (совр. Черное); море *Меотийское* (совр. Азовское); море *Дербентское*, *Хвалынское* (совр. Каспийское); море *Варяжское* (совр. Балтийское); море *Студеное* (совр. Белое); море *Пежское* (совр. Охотское); море *Великое*, *Среднее* (совр. Средиземное) и др.

Однако в целом в языке русской практической географии XI–XVII вв. не существовало вполне четкого разграничения между понятиями «океан», «море», «озеро», а следовательно, и между соответствующими терминами, которые во многих случаях осмысливались как синонимы. Поэтому Индийский и Атлантический *океаны* именовались Индейским и Атланским *морями*, а Чудское озеро и Байкал — тоже *морями*. Напротив, Каспийское *море* считали озером. Интересно, впрочем, что к XVII в. уже наметилась слабая тенденция разграничения обширных водных пространств Земли — океанов — от менее обширных — морей. Так, в памятниках письменности XVII в. Северный Ледовитый океан назван *Большим морем*, *Студеным морем*; Атлантический океан —

Великим морем. Наличие таких определений к термину *море*, как *большое*, *великое*, *океанское*, с одной стороны, указывало на родственную связь моря с океаном, а с другой — отражало попытку разграничить понятия «море» — «океан» как видовое и родовое. Любопытный пример осмысления и толкования этих понятий встречаем в одном из Хронографов начала XVII в.: «*Окиянь море* всехъ водъ болши, потому что всю землю окружило, и отъ всехъ странъ напояетъ землю. А иные все моря проходить посреди земли, и въ те во все моря изъ *окияна* источники истекають, и въ томъ *море окияне* бывають волны великия <...>» [20, с. 96].

Вместе с тем в полном объеме такого разграничения в XVII в. осуществлено не было, так как еще продолжалось причудливое бытование старых и новых географических представлений, получивших наиболее широкое отражение в русских космографиях. В одной из них, так называемой «Краткой космографии», читаем: «Кругомъ же всехъ техъ трехъ частей обходить *великое море* зовомое *Окиянь*: и те убо три части всего света земли на воде яко же на блюде простерты силою прелюбимаго Творца» [12, с. 2]. «Космография» А. Ортелиуса сообщает: «Въ семь описании указать про весь светъ и про весь земляной [земной] кругъ и про *окиянское большое море*, что обошло около всего земляного круга» [13, с. 477]. В сокращенном варианте «Космографии 1670 г.» сказано: «[остров великая Британия] всюду облиянь *моремъ великого окияна*» [11, с. 526].

Таким образом в русской письменности XVI–XVII вв. получила широкое распространение смешанная (контаминированная) форма двух терминов — *море-окиан*, возникавшая, по-видимому, из словосочетания *море окияна*, выражавшего принадлежность, отношение моря к океану. Впрочем, памятники русской письменности фиксируют это сочетание уже начиная с XV в., но только как обозначение Северного Ледовитого океана и его морей: «Се биша челомъ игумень Ивоня и все старце святаго Спаса и святаго Николы с Соловчевъ, с *моря Акиана*» [3, 152]; «Город Архангельской недобре великъ, толко славень. Близ *моря окиана* стоит над Двиною рекою» [14, с. 269]; «Европа <...> протязается отъ Средняго моря [Средиземного] и до великого *моря Окияна*» [16, с. 465]. Примечательно, что аналогичные формы представлены в латинском (*mare Oceānus*) и английском (*ocean sea*) языках как свидетельство общечеловеческих поисков истинного понимания сущности морей и океанов.

Употребление смешанной формы *море-окиан* прослеживается в языке русской практической географии даже в первые десятилетия XVIII в. — в начальный период формирования языка русской географической науки, когда отличия между понятиями «море» и «океан» только еще начинали устанавливаться. Поэтому не случайно в «Лексиконе трехязычном...» (1704) Ф. П. Поликарпова зафиксировано только *море*, а термин *океан* отсутствует. Форма *море окиан* трактуется в этом словаре посредством греческих и латинских параллелей Ὠκεῖνός, *oceanus*. Но в качестве примеров ее употребления даны словосочетания с термином *море* или производные от него образования: «Черное, <...> Каспийское *море окиан*; <...> моредержавствующую, морежителствующую, морянин <...>» и т. п. [19, с. 173]. Характерно в этом отношении замечание, сделанное в одной из первых научных книг того времени — переведенной с немецкого языка «Географии 1719 г.», известной под названием «Земноводнаго круга краткое описание»: «Море называется великая часть онаго [океана], однако два сия слова *океан* и *море* часто переменяются, понеже говоритца океан атлантический и море атлантическое» [9, с. 7].

В языке русской практической географии начала XVIII в. не было четкого отличия и между понятиями «море» и «озеро». Нередко на географических картах того времени *Аральское море* именовалось *Аральским озером*, а *озеро Байкал* — *морем Байкал*. Тем не менее в процессе накопления и осмысления сведений о сущности океанов, морей и озер эти понятия и соответствующие им термины к середине XVIII в. начинают различаться.

Несмотря на то, что форма *море-окиян* (*окиян-море*) не закрепились в научном обиходе, она продолжала сохраняться в древнем народно-поэтическом сознании, превратившись в типичный элемент фольклора, достаточно образный и выразительный. Особенно широкое распространение эта форма получила в языке художественных произведений XVIII–XIX вв., нередко стилизованных под народную речь. Так, в «Повести о новомодном дворянине» из сборника В. А. Лёвшина «Русские сказки», опубликованного в конце XVIII в., встречаем ее в заговоре от нечистой силы: «*На море, на окияне, на острове на Буяне*» [18, с. 469]. А в известной былине о Садко читаем: «А как ведь проснулся Садке купец богатый новгородский / А и в *Окиян-мори* да на самом дни <...>» [2, с. 60]. Выражение *море-окиян* (*окиян-море*) как название таинственной сказочной местности впоследствии стало широко использоваться в разнообразных заговорах: от лихорадки, от зубной боли, от бешеной собаки, от укуса змеи и т. п. В книге М. Забылина среди прочих приводится интересный заговор от «укушения змеи»: «*На море на Окияне, на острове на Буяне, стоит дуб. Под тем дубом стоит ракитов куст, под тем кустом лежит бел камень Алатырь; на том камне лежит рунец, под тем рунцем лежит змея, скорпия; есть у ней сестры: Арина, Катерина. Мы Богу помоляемся, на все четыре стороны поклоняемся; возьмите свою лихость от раба (имя) или от его скотины (указан цвет шерсти), по сей день, по сей час. Крестообразно дунуть*» [8, с. 395].

Старое именование озера Байкал *морем* также встречается в фольклоре, например, в популярной и ставшей народной песне Д. П. Давыдова «Думы беглеца на Байкале»: «Славное море — привольный Байкал, / Славный корабль — омулёвая бочка...» [23, с. 541].

Теперь становится понятно, почему А. С. Пушкин не мог пройти мимо образа *моря-окияна* в своих «Сказках...». Этот поэтический образ встречается и в других его произведениях, отражая древнюю контаминацию понятий «море» и «океан»:

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан [22, с. 127].

Следы древнейших географических представлений, связанных с неразличением понятий «море» и «озеро», обнаруживаются и в современной географической терминологии. Но соответствующие этим понятиям термины выступают уже как устойчивые обозначения водных объектов в конкретных регионах. По свидетельству словаря Э. М. Мурзаева, на юге Западной Сибири и в Алтайском крае *морем* называется свободная от растительности часть озера. Уменьшительное образование *морцо* обозначает большие озера на Урале, а также мелководные озера, заливы на побережье Каспия и дельтовые озера, окруженные мелями, косами, в низовьях Волги [15, с. 374]. Заглянув в сводный «Словарь русских народных говоров», можно убедиться в том, что

море имеет обширный комплекс местных значений, являющихся результатом развития древнейшего исходного значения этого термина [24, с. 267].

В русском языке с древнейших времен употребляются целые серии образно-метафорических выражений, включающих слова *море* и *океан*. Так, например, о водовороте жизни в «Житии Нифонта» (1219) сказано следующее: «<...> даруй намъ безбурье въ лукавнѣ *мори* суетнаго и мързкаго житія» [7, с. 348]. В «Похвальном слове Сергию Радонежскому» (XV в.) встречаем выражение «многомутное житейское *море*» [21, с. 147]. «Космография 1670 г.», характеризующая природные особенности Московского государства, отмечает: «А леса великие страшные дикие непроходимые. Во всем свете таких лесов мало. Те леса *подобны морю*» [14, с. 270]. М. Ю. Лермонтов, восхищаясь природой России, любил «разливы рек ее, *подобные морямъ*» («Родина»). Ср. также фразеологизмы: *море разливанное, море слез, море света, море по колено, капля в море, ждать у моря погоды; океан страстей, океан слез, людской океан* и мн. др. В. И. Даль в своем словаре среди подобных многочисленных фразеологизмов приводит загадку: «Промеж двух *морей*, по мясным горам гнутый мостик лежит (коромысло с ведрами)» [4, с. 353].

В нашем бытовом представлении понятия «море» и «океан», конечно же, различаются в общем виде по соотношению «меньшее — большее». Однако в современной географии эти понятия и соответствующие им термины различаются специально, что закреплено в географических словарях и энциклопедиях. *Океан* — это «мировой океан, непрерывная водная оболочка Земли, окружающая материки и острова и обладающая общностью солевого состава». *Море* — «часть океана, более или менее обособленная от него сушей или возвышениями подводного рельефа».

Примечательно, что по традиции в современной географии *морями* называют также некоторые открытые части *океана*, имеющие специфику. Это, например, отличающееся обилием водорослей Саргассово море в Атлантическом океане, а кроме того, некоторые крупные *озера* (Аральское, Каспийское и т. п.) и *водохранилища* (Московское, Рыбинское, Жигулевское, Братское моря). Напротив, некоторые *моря* именуются *заливами* (Мексиканский, Гудзонов и др.). Истоки таких представлений, как мы убедились, восходят к глубокой древности, а найти эти истоки помогает анализ памятников письменности русского языка. Именно в них отражено развитие нерасчлененного обозначения *море-окиян* по линии противопоставления *море* — *океан*, ставшего достоянием языка русской географической науки в Петровскую эпоху.

Литература

1. Адрианова-Перетц В. П. Задонщина. Текст и примеч. // Тр. отдела др.-русс. лит.-ры. — Л., 1947. — Т. 5.
2. «Гой еси вы, добры молодцы»: Русское народно-поэтическое искусство. — М., 1979.
3. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — М.; Л., 1949.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1935. — Т. 2.
5. Доватур А. И. Обозначение морей у Геродота // Вестник древней истории. — 1982. — № 3.
6. Ермолинская летопись, прил. // ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т. 23.
7. Житіє преподобного и богоносного отца нашего Нифонта, мниха // Мат-ли з історії візантійско-слов'янської літератури та мови. — Одеса, 1928.
8. Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, придания, суеверия и поэзия. — М., 1880.
9. Земноводнаго круга краткое описание. Чрез Ягана Гибнера собраное. — М., 1719.
10. Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. — СПб., 1880.

11. Избрание вкратце от книги глаголемая Космография, еже глаголется описание всего света, изыскана и написана от древних философ и преведена с Римского языка на Словенский // Попов А. [Н.] Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. — М., 1869.
12. Книга глаголемая космография, сложена от древних философ, преведена с Римского языка // Временник Импер. Моск. об-ва истории и древностей российских. — Кн. 16. — Смесь. — М., 1853.
13. Космография сиречь всемирное описание земель в едино пребывание и назнаменование степенем во округах небесных // Попов А. [Н.] Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. — М., 1869.
14. Космография 1670 г. Книга глаголемая космография, сиречь описание сего света земель и государств великих / Изд. ОЛДП. — СПб., 1878–1881. — Вып. 21, 57, 68.
15. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. — М., 1984.
16. О географических сведениях древних россиян // Моск. Телеграф. — 1831. — Ч. 42. — № 24.
17. Остромирово евангелие 1056–1057 года. — СПб., 1843.
18. Повести разумные и замысловатые. Популярная бытовая проза XVIII века. — М., 1989.
19. Поликарпов Ф. П. Лексикон треязычный. Сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище из различных древних и новых книг собранное. — М., 1704.
20. Попов А. [Н.] Обзор Хронографов русской редакции. — М., 1869. — Вып. 2.
21. Похвальное слово преподобному Сергию, написанное Епифанием // Древние жития преподобного Сергия Радонежского. — М., 1892.
22. Пушкин А. С. Соч.: в 3 т. — М., 1955. — Т. 1.
23. Русские народные песни. — М., 1988.
24. Словарь русских народных говоров. — Л., 1982. — Вып. 18.
25. Шишова И. А. Представление об океане у античных авторов // Вестник древней истории. — 1982. — № 3.

Буква, ставшая термином

Изучите азы науки прежде, чем пытаться
взойти на ее вершины.

И. П. Павлов. Письмо к молодежи

На уроках физики или химии при проведении различных опытов всем, конечно же, приходилось пользоваться *U-образными* и *Г-образными трубками*. Преподаватель автошколы, объясняя устройство двигателя, обязательно скажет вам, что существуют двигатели с *V-образным* расположением цилиндров. И в названиях многих предметов, окружающих нас в повседневной жизни, отражены названия букв из русского алфавита и алфавитов других языков. Например, в правилах дорожного движения есть понятие *Т-образный* перекресток, наглядно представленное в рисунке соответствующего дорожного знака. А чтобы проще объяснить местонахождение нужного здания, мы нередко обращаем внимание нашего собеседника на то, что оно построено в виде буквы *Л*. В таком способе номинации нет ничего удивительного, поскольку людям свойственно называть что-то новое, непривычное с помощью давно знакомых, привычных слов. Этот способ именования предметов основан на ассоциации по сходству формы, т. е. на метафорическом переносе значения.

Вспомним также, что в школе давно существует ставшее традиционным обозначение классов с помощью букв. В каком классе вы преподаете: в 8 «А», в 9 «Б», в 10 «Г»? А дом, в котором вы живете, имеет наряду с номером и букву? Становится понятно, что в жизни современного человека буквы играют далеко не последнюю роль. А как было раньше?

В русском языке названия букв с древнейших времен использовались для создания новых слов и выражений. Например, еще в прошлом веке активно употреблялось книжное выражение *альфа и омега*, взятое из Апокалипсиса — одной из книг Нового завета, где сказано: «Азъ есмь *альфа* и *омега*, начало и конец». Это выражение исконно имело значение «начало и конец чего-нибудь», но впоследствии стало обозначать «самое главное, существенное в чем-либо; основу чего-либо». Оно образовано от названий первой и последней букв греческого алфавита, как и похожее выражение *от альфы до омеги* — «от начала до конца». В этом же значении употреблялось ставшее теперь устаревшим выражение *от аза до ижицы*, образованное от названий первой и последней букв старого русского алфавита. Сейчас в этом значении употребляется синонимичное выражение *от а до я*. Кстати, и само слово *алфавит* образовано от названий первых двух букв греческой азбуки: α (альфа) и β (бета). А слово *азбука* в свою очередь также образовано от старинных названий первых двух букв русской азбуки: **А** (аз) и **Б** (буки).

Название первой буквы старинной русской азбуки отражено в таких фразеологизмах, как *начинать с азов* — «начинать с самого простого, элементарного» и *не знать ни аза* — «совершенно ничего не знать». Помните, в конце I тома поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» рассказывается о детстве и юности Павлуши Чичикова, о том, как он поступил в училище. «Большой любви-

тель тишины и хорошего поведения», учитель Павлуши весьма своеобразно оценивал знания своих учеников. Он часто повторял: «Способности и дарования — все это вздор!.. Я смотрю только на поведение. Я поставлю полные баллы во всех науках тому, кто *ни аза не знает*, да ведет себя похвально» [9, с. 227–228].

В XIX в. дети обучались грамоте по старой русской азбуке, и для них названия букв становились со временем вполне привычными. Яркие впечатления детства надолго сохранились в памяти М. Горького. В повести «Детство», составляющей первую часть автобиографической трилогии, автор вспоминал о том, как Алеша Пешков начинал овладевать азами грамоты в домашних условиях.

«Вдруг дедушка, достав откуда-то новенькую книжку, громко шлепнул ею по ладони и бодро позвал меня:

— Ну-ка, ты, пермяк, солены уши, поди сюда! Садись, скула калмыцкая. Видишь фигуру? Это — аз. Говори: аз! Буки! Веди! Это что?

— Буки.

— Попал! Это?

— Веди.

— Врешь, аз! Гляди: глаголь, добро, есть, — это что?

— Добро.

— Попал! Это?

— Глаголь.

— Верно! А это?

— Аз.

Он обнял меня за шею горячей, влажной рукою и через плечо мое тыкал пальцем в буквы, держа книжку под носом моим. <...> Я почти задышался, а он, приходя в ярость, хрипел и кричал в ухо мне:

— Земля! Люди!

Слова были знакомы, но славянские знаки не отвечали им: «земля» походила на червяка, «глаголь» — на сутулого Григория, «я» — на бабушку со мною, а в дедушке было что-то общее со всеми буквами азбуки. Он долго гонял меня по алфавиту, спрашивая и в ряд и вразбивку <...>» [1, с. 259–260].

Название последней буквы старого русского алфавита — *ижицы* (У) отражено в устаревшем выражении *прописать ижицу* — «проучить, строго наказать кого-либо». Это выражение возникло в конце XVIII — начале XIX в. в речи бурсаков — воспитанников бursы (училища, семинарии). Для них начертание этой буквы У, похожей на римскую цифру V, ассоциировалось с пучком розг, которыми их нередко наказывали. Н. В. Гоголь, создавая портрет одного из героев своей известной повести, обратил внимание на такие детали: «У Ивана Ивановича большие выразительные глаза табачного цвета и рот несколько похож на букву *ижицу* <...>» [9, с. 192]. Даже в конце XIX в. *ижица* еще не была забыта, и ее начертание могло, например, образно напоминать позу человека, которого обмеряет портной. В рассказе А. П. Чехова «Тайный советник» читаем: «Егор Алексеевич должен был откинуть назад голову и расставить ноги в виде опрокинутой *ижицы*, то поднимать руки, то опускать» [10, с. 19]. В. И. Даль приводит в своем словаре наряду с выражением «*не суйся ижица наперед аза*» и производное прилагательное *ижицеобразный* — «развилистый, виллообразный, вильчатый» [2, с. 6].

По мнению Н. В. Гоголя, от названия другой старой буквы русского алфавита — *фиты* (Ф), имевшей то же звуковое значение, что и буква Ф, образовано

слово *фетюк*. Как вы помните, в поэме «Мертвые души» «исторический человек» Ноздрев использовал это слово как ругательство в адрес своего безвольного зятя Мижухева и несговорчивого Чичикова. По-видимому, Н. В. Гоголь осознавал, что *фетюк* — слово малознакомое для читателя, поэтому в своей поэме он пояснил: «Фетюк — слово обидное для мужчины, происходит от Ф [фиты], буквы, почитаемой некоторыми неприличною буквою» [9, с. 75]. Однако долгое время оставалось неясным расхождение в буквенном составе слов *фита* и *фетюк*: ведь от фиты должно было бы образоваться *фитюк*, а не более позднее *фетюк*. Как убедительно доказано И. Г. Добродомовым, слово *фетюк* следует возводить к венгерскому заимствованию *fattyú* — «внебрачный ребенок, незаконнорожденный». Это слово бытовало в жаргоне венгерских гусар, и его легко мог подхватить бесшабашный Ноздрев наряду с другими жаргонными словечками из речи шулеров и военных [3, с. 75–78; 4, с. 263–265].

Буквы оставили свой след и в истории терминологии многих современных наук — их участие в образовании терминов вполне очевидно. Так, в терминологии ядерной физики используются термины *альфа-частица* (α-частица) — «ядро атома гелия, содержащее два протона и два нейтрона»; *бета-распад* (β-распад) — «самопроизвольное превращение ядер»; *гамма-излучение* (γ-излучение) — «коротковолновое электромагнитное излучение, возникающее при распаде радиоактивных ядер и элементарных частиц». При лечении различных заболеваний медики применяют лекарство *гамма-глобулин* и *гамма-терапию* как вид лучевой терапии. В математической физике известен термин *дельта-функция* (δ-функция). Это символ, применяемый при решении задач, в которые входят сосредоточенные величины: нагрузка, заряд и т. п.

Как видим, «география букв» в разных терминологиях весьма обширна. И в географической терминологии есть термин, образованный от названия прописной греческой буквы Δ — это *дельта*: «устье реки». Интересно, что само название четвертой буквы греческого алфавита «восходит к др.-евр. *dāleth* с первоначальным значением „вход в шатер“, затем — с более широким — „пространство в форме Δ“» [12, с. 62; 5, с. 29]. Происхождение интересующего нас термина обязано счастливому случаю...

Самой большой рекой, известной грекам в V в. до н. э., был Нил, который и в наше время справедливо считается самой длинной рекой в мире. Он протекал и протекает через безводную пустыню, создавая по своим берегам оазисы жизни с пресной водой. Во время сезонных разливов Нил выходил из берегов, оставляя на прибрежных полях толстый слой ила — плодородной почвы, принесенной им с истоков в горах Экваториальной Африки. В течение столетий ил накапливался не только в долине Нила — очень много его накапливалось вблизи устья, где река течет совсем медленно и где не бывает средиземноморских приливов, мешающих илу выпадать в осадок. Так долина Нила и особенно его устье с зоной плодородных земель стали одним из центров древней египетской цивилизации. Именно на эту особенность реки обратил внимание «отец истории» древнегреческий ученый Геродот. Устьева часть Нила с многочисленными рукавами и озерами, имеющая треугольную форму, вызвала у него ассоциацию с начертанием четвертой буквы греческого алфавита. Это прописная (заглавная) буква *дельта* Δ. Так в качестве обозначения устья реки родился географический термин *дельта*, получивший затем широкое распространение.

Судя по памятникам письменности, в русский язык название греческой буквы *дельта* и образованный от нее одноименный термин были заимство-

ваны в начале XVII в., хотя не исключено, что они стали известны русским книжникам раньше. Название этой буквы встречаем в «Книге глаголемой гречески алфавит» (XVII в.), где она поясняется с помощью старого названия буквы Д — «добро»: «Делта, словенски добро» [8, с. 210]. В собственном географическом значении слово *дельта* отмечено в одном из переведенных с польского языка памятников русской письменности начала XVII в., где этому термину дается правильное объяснение: «Делта называется место, где <...> Ниль делится надвое, ниже Каира двадцать верст; по семь <...> едина та его отного [рукав] на четыре, а другая на три части делятся, и тако, яко седмию устьями въ море впадаетъ» [8, с. 210]. Еще более определенно раскрыто значение термина в переведенной с немецкого так называемой «Географии 1719 г.»: «Надлежит приметить великую делту, ибо тако земля при Ниле, где онный не далеко от моря два жерла простираетъ, что сочиняет фигуру яко бы греческая литера *делта*» [6, с. 379].

В словарях русского языка термин *дельта* фиксируется сравнительно поздно, с середины 30-х гг. XIX в., что дало весьма слабый повод считать его заимствованием XIX в. (!), предположительно из французского языка [11, с. 69]. Однако выше мы смогли убедиться в том, что слово *дельта* в географическом значении стало известно русскому языку уже в начале XVII в., причем не следует исключать возможность польского посредства при заимствовании этого слова. К настоящему времени термин представлен во многих славянских языках (ср., например: укр. *дельта*, белорус. *дэльта*, польск. *delta*, чешск. *delta*, словацк. *delta*, болг. *делта*, с.-хорв. *делта*).

Учебная литература по географии, которой мы сейчас пользуемся, отражает современные научные знания о Ниле и его дельте. Обратившись к этой литературе, мы можем, в частности, узнать, что площадь бассейна Нила составляет 2870 тысяч км², а площадь его дельты — 24 тысячи км²; воды Нила широко используются для орошения, на реке с помощью советских гидростроителей построена Асуанская ГЭС, а в долине и дельте Нила сосредоточено почти все население и хозяйство Египта.

Примечательно, что термин *дельта* употребляется в современной географии уже не в том значении, каким его наделил Геродот. *Дельта* — это не просто «устье реки», а особый тип устья, т. е. «низменность в низовьях реки, сложенная речными наносами и расчлененная разветвленной сетью рукавов и протоков». В «Словаре общегеографических терминов» (1975) на этот счет есть интересное указание: «Не все реки образуют дельты, и не все дельты имеют форму той греческой буквы, по наименованию которой Геродот в пятом веке до н. э. назвал <...> равнину в устье Нила...» [7, с. 269]. Действительно, географы нашего времени различают не только треугольные дельты (Нил), но и дугообразные, или веерообразные (Лена, Рейн); пальцеобразные, или лопастные (Кура, Миссисипи); клювообразные (Тибр), а также блокированные (Камчатка), заполненные (Кубань) и выдвинутые (Волга, Урал).

Несмотря на то, что термин *дельта* употребляется в современной географии в уточненном, строго научном значении (у него есть четкая дефиниция), мы должны быть благодарны Геродоту за то, что он изобрел такой удачный термин и ввел его в научный оборот. Термин *дельта* имеет устойчивую, многовековую традицию своего употребления не только в языке русской географической науки, но и в языке мировой географии (ср., например: англ. и фр. *delta*, нем. *Delta*). От этого термина образовано название науки, изучающей различные дельты рек, — *дельтология*. Термин дал жизнь и таким новым

терминам-словосочетаниям, как *дельтовые озера*, *дельтовый берег*, *дельтовые отложения*, *дельтообразное крыло самолета* и т. п. «Прощупывается» термин и в анатомической терминологии — это *дельтовидная мышца*.

Древняя греческая буква *дельта* не забыта до сих пор. От нее образовано название сравнительно нового вида спорта — *дельтапланеризм*, который стал особенно популярен в последние годы. Ведь по форме своих крыльев сверхлегкие планеры *дельтапланы* напоминают треугольное начертание этой буквы.

Так по воле Геродота буква стала термином, и по сей день живущим в языке науки. История географического термина *дельта* еще раз подтверждает справедливость мнения современных ученых-терминоведов об уникальной природе каждого термина.

Литература

1. Горький М. Собр. соч.: В 16 т. — М., 1979. — Т. 8.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1935. — Т. 2.
3. Добродомов И. Г. Ноздревское слово фетюк // Русский язык в школе. — 1995. — № 3.
4. Добродомов И. Г. Венгерское ругательство в эпистолярной Батюшкова (дополнение к комментарию) // Philologica. — 1995. — Т. 2. — № 3–4.
5. Етимологічний словник української мови. — Київ, 1985. — Т. 2.
6. Земноводного круга краткое описание. Чрез Ягана Гибнера собраное. — М., 1719.
7. Словарь общегеографических терминов / Под ред. Л.-Д. Стампа. — М., 1975. — Т. 1.
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. — М., 1977. — Вып. 4.
9. Сочинения Н. В. Гоголя / Под ред. Н. С. Тихонравова. — 15-е изд. — СПб., 1900. — Т. 5.
10. Чехов А. П. Собр. соч.: В 12 т. — М., 1985. — Т. 5.
11. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. — М., 1994.
12. Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н. М. Шанского. — М., 1973. — Т. 1. — Вып. 5.

Архипелаг, но не ГҮЛАГ

Я стоял, кажется, на одном из тех островов, которые составляют на нашей земле греческий Архипелаг...

Ф. М. Достоевский.
Сон смешного человека

Многим, конечно, известно стихотворение «Воспоминания в Царском Селе», написанное юным Пушкиным в 1814 г. для выпускного лицейского экзамена по русской словесности. Но не все, по-видимому, помнят, что у поэта есть еще одно стихотворение с аналогичным названием, созданное в 1829 г. В нем он, в частности, вспоминал о флотоводцах екатерининского времени, победоносно завершивших Русско-турецкую войну 1768–1774 гг.:

Вот, вот могучий вождь полуношного флага,
Пред кем морей пожар и плавал, и летал,
Вот верный брат его, герой Архипелага,
Вот наваринский Ганнибал [14, с. 278].

Современники А. С. Пушкина легко узнавали из этого описания, что речь идет о графе А. Г. Орлове-Чесменском, под командованием которого была уничтожена турецкая эскадра в сражении под Чесмой, а это обеспечило русскому флоту господство на Эгейском море. Узнавали они и «верного брата» А. Г. Орлова-Чесменского — Ф. Г. Орлова, также участвовавшего в этом бою. «Наваринский Ганнибал» — это предок А. С. Пушкина по матери — И. А. Ганнибал (старший сын «Арапа Петра Великого» — А. П. Ганнибала), который командовал взятием турецкой крепости Наварин в 1770 г. Ему в Царском Селе поставлен памятник — колонна с надписью «Победам Ганнибала».

Современному читателю трудно без специальной подготовки разобраться в этом калейдоскопе «зашифрованных» имен, как и в том, почему поэт назвал Ф. Г. Орлова «героем Архипелага» и что, собственно, обозначало слово *архипелаг* в начале XIX в. Можно лишь смутно догадываться, что, поскольку это слово дано в написании с прописной буквы, оно, вероятно, обозначало какую-то местность. Эти догадки могут получить развитие и стать реальной гипотезой, если обратиться к одному фрагменту из остросюжетного романа А. Дюма «Граф Монте-Кристо». Его главный герой дает великолепный обед, стремясь удивить приглашенных парижан разнообразием и обилием редким заморских яств и напитков. В обширном гастрономическом реестре значатся «все вина *Архипелага*, Малой Азии и Южной Африки в дорогих сосудах, чьи причудливые формы, казалось, делали их еще ароматнее <...>» [4, с. 50].

Ситуация несколько прояснилась: можно смело предполагать, что *Архипелаг* — это название местности, но какой? Чтобы ответить на этот вопрос, нам не обойтись без всестороннего лингвистического анализа самого слова, и в этом нам поможет обращение к различным словарям.

Прежде всего обратим внимание на форму этого слова. Она имеет начальное *а-* и конечное *-аг*, что нетипично для исконно русских слов, как учили

нас на уроках русского языка. Значит, это слово заимствованное, что подтверждает «Обратный словарь русского языка» (1974), в котором насчитывается всего лишь около 40 слов с исходом *-аг* и подавляющее большинство из них — иноязычные [11, с. 119]. Начиная с «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1934), где *архипелаг* возводится к греческому «Archipelagos» [17, стб. 62], во всех словарях современного русского языка и словарях иностранных слов дается сходное объяснение его происхождения: греческие *ἀρχή* — «начало, главенство» и *πέλαγος* — «море». Согласно этим лексикографическим источникам, так в древнегреческом языке называлось «главное море» — *Эгейское море* с множеством расположенных на нем островов. Аналогичная трактовка, но с указанием на немецкое посредство при заимствовании этого слова дается в «Этимологическом словаре украинского языка» (1982) [5, с. 90].

Однако весь парадокс заключается в том, что в древнегреческом языке форма «Archipelagos» нигде не зафиксирована. Нет ее ни в 5-м издании «Греческо-русского словаря» А. Д. Вейсмана (1899) [1, с. 202–203], ни в «Древнегреческо-русском словаре» И. Х. Дворецкого (1958) [3, с. 46]. Название самого Эгейского моря в древнегреческом языке представлено в ином виде — *Αἰγαῖον πέλαγος* наряду с *Αἰγαῖον πόντος*, поэтому остается неясным, как из этой формы могло получиться название «Archipelagos»? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к анализу памятников русской письменности.

Одну из наиболее ранних фиксаций слова *Архипелаг* (в составе названия *Архипелага море*) обнаруживаем в «Космографии 1670 г.» при описании бассейна Средиземного моря, причем слово дано здесь и в латинизированной форме *Архипелагум*: «В западной стране называли *архипелагумъ* [Средиземное море] что то море, къ егенскому морю равняется, потому что на томъ море, також де острова, цикладибуть [совр. Киклады], спорадисъ [совр. Спорады], и иными многими острова наполнено, а по *италианску* имянуетъ *архипелаго море* <...>» [7, с. 445]. Приведенный контекст показывает, что действительно в эпоху позднего Средневековья имя собственное *Архипелаг* обозначало Эгейское море, т. е. его акваторию с многочисленными островами — древнюю колыбель европейской цивилизации.

Становится понятным, что именно в таком значении употребил это слово А. С. Пушкин, назвав Ф. Г. Орлова «героем Архипелага», подразумевая под этим его участие в Чесменской битве, обеспечившей русскому флоту выход в Эгейское море. В этом же значении следует воспринимать название *Архипелаг* и в романе А. Дюма, где идет речь о многочисленных островах Эгейского моря (или, как его еще называли, Греческом архипелаге), жители которых были известны как искусные виноделы. В целом в русской оригинальной и переводной историко-географической литературе XVIII — начала XIX в. название *Архипелаг* в рассмотренном значении было широко известно. Например, в сочинении 1786 г., отразившем пребывание русского флота в Архипелаге и составленном по запискам М. Г. Кокорцова, читаем: «Архипелагские острова, в землеописании под именем *Архипелага* известные, рассеяны по Греческому или Эгейскому морю» [12, с. 1; 9; 18]. Интересно, что уже в начале XVIII в. этим названием по аналогии стали обозначать акватории других морей — Средиземного, Индийского и расположенные вблизи них местности. Пример такого употребления слова в латинизированной форме встречаем в «Географии 1719 г.»: «*Архипелагус*, называется страна, в которой много ост-

ровов в близости обретается, такие суть на индийском море [океане] между азиєю и америкой» [6, с. 7].

Для определения происхождения слова *Архипелаг* особенно важным представляется указание «Космографии 1670 г.» на то, что «архипелаго море» — это итальянское название Эгейского моря. В связи с этим реально предположить посредство итальянского языка при возникновении и закреплении на русской почве формы *Архипелаг*. Из исторических источников известно, что в итальянском языке «Arcipelago» как название Эгейского моря употреблялось венецианскими мореплавателями уже в XIII в. По-видимому, эта форма названия возникла в результате неточной передачи греческих слов *Αἰγαίων πέλαγος* (*Aigaion pélagos*), ошибочно осмысленных в виде сложения итальянских компонентов *arci* — «главный, основной» (по ассоциации с греческими *ἀρχή* (*archē*) — «начало, главенство; старший, главный») и *πέλαγος* (*pélagos*) — «открытое море».

Именно на такое происхождение итальянской формы указывают все отечественные энциклопедические издания и словари географических терминов XIX–XX вв. Например, в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (1894) читаем: «Это название явилось одновременно с началом венецианского господства в греческих водах, но оно даже у самих греков не в употреблении. На него смотрят как на искажение» [19, с. 266–267; 8]. Ложноэтимологическому осмыслению названия *Архипелаг* могло способствовать и влияние обширной группы греческих слов с «реальной» приставкой *архи-* — «старший, главный»: *архидьякон*, *архимандрит*, *архистратиг* и т. п. Таким образом, становится ясно, что слово *Архипелаг*, заимствованное русским языком книжным путем в конце XVII в., следует возводить к итальянскому языку-посреднику, который фактически является языком-источником. Поэтому указание на немецкое происхождение данного слова, встречающееся в некоторых словарях, нужно признать ошибочным.

Параллельное бытование в русской письменности XVII–XVIII вв. латинизированных форм *Архипелагум*, *Архипелагус* объясняется тем, что первоначально это слово закрепилось в русском языке через переводы космографий — западноевропейских географических сочинений. А эти переводы осуществлялись согласно принятой в то время традиции главным образом с ученого языка средневековой Европы — латинского. Такое употребление указанных форм наряду с *Аршипелаг*, *Архипелаг* (а на картах даже *Архипеллах*) прослеживается вплоть до середины XVIII в., когда в языке русской географической науки название стабилизировалось как *Архипелаг*, что отражено и на географических картах того времени (рис. 5). Именно в этой форме оно было впервые зафиксировано «Словарем российским...» И. И. Нордстета (1780) в значении «Эгейское или Греческое море» [10, с. 8].

В течение последующего времени имя собственное *Архипелаг* в своем первичном значении «акватория Эгейского и других морей с множеством островов» постепенно выходит из употребления. У этого слова становится актуальным другое, обобщенно-нарицательное значение — «совокупность морских островов, расположенных вблизи друг от друга». Так постепенно название *Архипелаг* превращалось в географический термин *архипелаг*. Примечательно, что примеры такого нарицательного употребления слова, поставленного в один синонимический ряд со словами *полк*, *собрание* [островов], встречаются уже в начале XVIII в. «География генеральная» (1718) повествует об этом так: «На-

Рис. 5. Архипелаг

речемъ именемъ генералнымъ то есть общимъ *полкъ* или *собрание* островов, понеже приличнаго наречения не имеемъ. Трактъ моря, на которомъ острова сия лежать, нарицается *архипелагъ*» [13, с. 67]. В словаре В. И. Даля термин *архипелаг* трактуется как «купа островов, сборище многих островов в единой общей черте; многоостровье, соостровье, островняк, островник», а первичное значение этого слова справедливо помещено на втором месте как явно устаревшее к середине XIX в.: «восточная, островитая часть Средиземного моря» [2, с. 25].

В современной географии это первичное значение также считается устаревшим, что отражено в географических энциклопедиях, словарях терминов и справочниках [15, с. 87]. Напротив, термин *архипелаг* — «совокупность морских островов» прочно вошел в научный обиход и употребляется в мировой географической науке (ср.: англ. *archipelago*, нем. *Archipel*, фр. *archipel*, ит. *arcipelago*). Данный термин — вполне конкретное обозначение соответствующего научного понятия, отражающего степень изученности самого географического объекта. В учебниках физической географии обычно указывается, что острова, входящие в *архипелаг*, имеют общее основание, одинаковое происхождение и сходное геологическое строение. В качестве примеров архипелагов материкового, кораллового и вулканического происхождения приводят соответственно *Канадский Арктический архипелаг*, *Маршалловы острова*, *Гавайские острова*.

К настоящему времени термин *архипелаг* стал для нас привычным словом, вполне освоенным русским литературным языком. Об этом может свидетельствовать хотя бы удачный факт его образно-метафорического осмысления в названии известного произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Такая форма названия не только запоминается фонетически, но и хорошо

согласуется с новым и старым значениями слова, вызывая у читателя ассоциации по линии реальной множественности «островов» ГУЛАГа, разбросанных как бы на обширном «морском пространстве» страны-архипелага — «государства в государстве».

История термина *архипелаг* убедительно доказывает настоятельную необходимость внесения соответствующих уточнений, исправлений в этимологические справки, которыми обычно сопровождается слово в современных толковых словарях русского языка и словарях иностранных слов. Указание на итальянское происхождение термина *архипелаг* позволит преодолеть сложившееся несоответствие в интерпретации его этимологии энциклопедиями, лексикографическими источниками географического и лингвистического характера. Такие уточнения было бы целесообразно учесть и в случае переиздания наиболее авторитетных Большого и Малого академических словарей русского языка, в которых, к сожалению, продолжает тиражироваться ошибочная греческая этимология [16, с. 241]. Критического осмысления требует трактовка термина в зарубежных энциклопедических изданиях XIX–XX вв. типа «Британской энциклопедии», «Большого Ларусса» и др.

Литература

1. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. — М., 1991.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1955. — Т. 1.
3. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. — М., 1958. — Т. 1.
4. Дюма А. Граф Монте-Кристо. — М., 1977. — Т. 2.
5. Этимологічний словник української мови. — Київ, 1982. — Т. 1.
6. Земноводного круга краткое описание. Чрез Ягана Гибнера собраное. — М., 1719.
7. Космография 1670 г. Книга глаголемая космография, сиречь описание сего света земель и государств великих / Изд. ОЛДП. — СПб., 1878–1881. — Вып. 21, 57, 68.
8. Коронелли В. М. Записки историогеографическия о Мореи, покоренной оружием Венецианским... / Пер. с ит. Я. Княжнина. — СПб., 1769.
9. Новейшее описание Архипелага, сочиненное на голландском языке Г. Ван Кингбергенем, а с оного с присовокуплением некоторых примечаний, переведенное на немецкой, на российской же сокращенно преложенное Иваном Карповым. — М., 1793.
10. Нордстет И. И. Российский, с немецкими к французскими переводами, словарь. — СПб., 1780. — Ч. 1.
11. Обратный словарь русского языка. — М., 1974.
12. Описание Архипелага и Варварийскаго берега; изъясняющее положение островов, городов, крепостей, пристаней, подводных камней и мелей; число жителей, веру, обряды и нравы их с присовокуплением древней истории, и тремя чертежами. — СПб., 1786.
13. Поликарпов Ф. П. География генеральная. Небесный и земноводный круги купно с их свойства и действа. — М., 1718.
14. Пушкин А. С. Соч.: В 3 т. — М., 1955. — Т. 1.
15. Словарь общегеографических терминов / Под ред. Л.-Д. Стампа. — М., 1975. — Т. 1.
16. Словарь современного русского литературного языка. — 2-е изд. — М., 1991. — Т. 1.
17. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1934. — Т. 1.
18. Шхонебек А. История о ординах или чинах воинских паче же кавалерских обдержавшая уставления поведения действ, и великомагистерских, с оружием, их фигурами / Пер. с фр. — М., 1710. — Ч. 1.
19. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. — СПб., 1894. — Т. 2.

Ильмень и лиман

Ай пошел Садко да ко Ильмень он ко озеру,
Ай садился он на синь на горюч камень,
Ай как начал играть он во гусли во яровчаты,
А играл с утра как день топерь до вечера.

Былина о Садко

Огромная территория, прилегающая к Азовскому морю, занятая лиманами, болотами, плавнями и камышами.

Д. А. Фурманов. На Черном Ереке

Посмотрим на географическую карту Европейской части России. Мы легко найдем на ней географические термины *ильмень* и *лиман*, которые известны в двух противоположных регионах. На севере один из них представлен лишь в топонимии как название новгородского озера — *Ильмень*, а на юге, в бассейне Каспийского моря и по низовьям впадающих в него рек, бытует похожая форма, но с иным ударением: *ильмѣнь* — «озеро». В бассейнах Азовского и Черного морей в составе географических названий употребляется термин *лимѣн* — «морской залив с устьем впадающей в него реки», например, *Ейский, Бейсугский, Днепровский, Днестровский лиманы*. Внешне термины *ильмень* и *лиман* очень похожи, поэтому возникает вопрос: действительно ли это формы одного и того же слова или разные слова?

В древнерусском языке термин *ильмень* известен, во-первых, в значении «озеро», т. е. как название новгородского озера. В летописной «Повести временных лет» читаем: «И бе путь из варяг въ грекы. а изъ грекъ по днепру и верхъ днепра до ловати. а по ловати внити в *илмерь* озеро великое» [14, с. 3]. В этом фрагменте описан знаменитый водный торговый путь «из варяг в греки», который проходил в IX–XII вв. через озеро *Ильмень*. Оно у древних славян именовалось также *Словенским морем*, поскольку здесь и в бассейнах рек Волхова, Ловати, Мсты в VI–X вв. жили *словене* — самая северная группа восточных славян. В исторической науке используется и другое название для этой этнической группы, по месту расселения, — *Ильменские славяне (словене)*. К началу XVII в. в русском языке уже прослеживается бытование производных образований от термина-названия *ильмень*. Например, в «Таможенных книгах...» содержится запись 1626 г.: «Новгородец Путило [явил] рыб 12 бочек плотиц *ирмецких*, 140 сигов свежих, 700 лещов да 1000 *илменских* лещиков» [18, № 3, л. 162об.].

Во-вторых, термин *ильмень* имел значение «мелкое озеро в дельте реки». В южнорусском памятнике письменности начала XVII в. сказано: «<...> Вода в *ылмѣнях* <...> вымелела, а стоим у соли без дела» [1, № 3]. «Книга Большому Чертежу» (1627) свидетельствует о том, что этот термин обозначал не только материковые водные объекты, но и объекты моря. *Ильмень* — «морской залив с устьем впадающей в него реки»: «В Чорное море, проливу морскую в *Ыльмень* пала река Днепр, от Перекопи верст с 70 <...>» [10, с. 96].

В «Толковом словаре...» В. И. Даля указывается на южнорусское распространение термина *ильмень*. Его значения представлены так: на астраханской территории — «озеро (иногда соленое), образующееся от широкого разлива реки; озеро, в которое впадает река и из него снова вытекает»; в новороссийских землях — «разливы, поймы среди камышей». Особого внимания заслуживает пояснительное замечание В. И. Даля: «Вообще же у ильменя берега в камышовых, тростниковых, мокрых зарослях; голое озеро не ильмень» [4, с. 39]. Именно эта особенность *ильменей* — наличие камышовой растительности, заболоченность — и явилась основной причиной осмысления значений и происхождения термина *ильмень* по линии народной этимологии. Даже в научной литературе он трактовался как производное образование от слова *ил*. Такое мнение придерживался, в частности, А. И. Попов, который в своей книге (1957) утверждал, что в происхождении и значениях южнорусского *ильмень* отразилось название новгородского озера *Ильмень*. Однако сам процесс изменения слова *ил* в слова *ильмень* и *Ильмень* объяснен автором не был [13, с. 70].

Сходное мнение несколько ранее было высказано М. Р. Фасмером в «Этимологическом словаре русского языка». Он считал, что название новгородского озера *Ильмень* (до XVI в. оно именовалось *Ильмерь*, *Илмерь*) «превратилось в речи новгородцев в нарицательное и распространилось благодаря новгородской колонизации» [20, с. 128]. Такое толкование термина *ильмень* не совсем убедительно, так как основной регион его бытования — русский Юг. Кроме того, территории расселения новгородцев, как известно, охватывали русский Север, а не Юг.

Термин *лиман* в памятниках русской письменности фиксируется сравнительно поздно, с начала XVII в. Впервые он представлен в одном из списков 3-го издания «Книги Большому Чертежу», предпринятого Д. И. Языковым в 1838 г. [9, с. 99]. В более древних памятниках отмечено употребление форм близких слову *лиман*: *лимень*, *лименъ*. Например, в «Хоженье игумена Данила» 1113 г. (список XV в.) встречаем форму *лимень*: «*Лимень добръ*» [17, стб. 22]. И. И. Срезневский в «Словаре древнерусского языка» определял *лимень* как «лиман» (гавань), иллюстрируя его употребление примером из «Повести временных лет», где под 988 г. записано: «И ста Володимиръ обь онъ полъ города в лимени <...>» [И стал Владимир на другой стороне города в лимане-гавани] [17, стб. 22]. В другом памятнике письменности, относящемся к XII в., греческое слово *limēnas* (λίμνη) переведено на древнерусский язык как «пристанище», т. е. «гавань, убежище»: «И пристанища имоуши, и луки [заливы] различныя обьдръжящи» [17, стб. 50]. Становится понятно, что приведенные русские формы — это ранние заимствования из греческого языка, восходящие к слову *λίμνη* — «гавань, убежище» и получившие «распространение в древних южнорусских диалектах», на что указывал Ф. П. Филин [21, с. 530].

Географы XIX в. обратили внимание на явное несходство водных объектов, обозначаемых терминами *ильмень* и *лиман*. В 1869 г. Н. Я. Данилевский впервые указал на неправомерность отождествления этих терминов в научной терминологии. В своей статье он акцентировал внимание на том, что, хотя термин *лиман* в основном распространен на побережьях Черного и Азовского морей, а *ильмень* — только в низовьях рек, впадающих в Каспийское море, в народном употреблении эти слова означают одно и то же. Изучив специфику водных объектов, автор пришел к выводу, что волжские *ильмени* — «побочные озеровидные расширения рукавов Волги», а кубанские *лиманы* — «морские

заливы, отделенные от моря косами». Первые являются речными пресноводными образованиями, а вторые представляют собой образования, в которых участвуют как река, так и море, поэтому вода в них солоноватая. Н. Я. Данилевский справедливо предлагал упорядочить употребление терминов в языке русской географической науки XIX в. и определять *ильмень* как видовой термин относительно родового — *озеро*, а *лиман* как видовой термин относительно родового — *залив*. Важен и другой вывод ученого: *ильмень* и *озеро* по происхождению никак не связаны — ни *озеро* в *ильмень*, ни *ильмень* в *озеро* перейти не могут. Напротив, *лиманы* весьма часто превращаются в *ильмени*, будучи отрезаны от моря намытыми, сомкнувшимися с материком косами. Например, Ахтанизовский лиман фактически стал *ильменем* [5, с. 125–138].

Несмотря на убедительность данных выводов о географической специфике *ильменей* и *лиманов* языковеды почему-то продолжали рассматривать их как нечто общее. Так, академик Я. К. Грот в «Заметке о топографических названиях вообще» (1867) предполагал, что *ильмень* и *лиман* — это одно слово «в двух разных формах, из которых последняя представляет только перемещение звуков в начале слова и другую гласную в середине его» [3, с. 627]. Свое утверждение Я. К. Грот подкрепил ссылкой на краткий комментарий, данный к слову *лиман* Г. И. Спасским в указателе предпринятого им в 1846 г. 4-го издания «Книги Большому Чертежу»: «лиман, а по старинному *ильмень*» [3, с. 627]. Кроме того, Я. К. Грот полностью отказался от этимологического сближения формы *ильмень* с финскими *yli-meri* — «верхнее море»; *ilmeinen* — «открытый, обширный» и с греческим *λίμνη* (*limnē*) — «озеро, пруд».

Некоторые этимологи, напротив, считали реальной возможность видоизменения слова *лиман* в *ильмень*, хотя никаких этапов такого видоизменения указано не было. По этой причине М. Р. Фасмер вообще признавал невозможным обнаружить сходство между этими словами [20, с. 128]. Однако этимологическая связь терминов достаточно очевидна: *ильмень* и *лиман* были заимствованы из греческого при участии тюркских языков. На это указывает и основной регион бытования терминов — русский Юг, граничащий с тюркоязычными территориями. Русское *ильмень*, как это убедительно доказано И. Г. Добродомовым, является грецизмом, заимствованным через посредство тюркских языков, поскольку зафиксированная в них форма *limen* на древнерусской почве могла измениться в *ильмень*. Дело в том, что «начальное *л* нехарактерно для тюркских языков. Обычно перед начальным *л* тюркские языки развивают протетический [вставной] гласный, поэтому половецкое *limen* могло также звучать как *илимән* или *илимен*. Сравним турецкое *iliman* = *liman*. От этого предполагаемого тюркского *илимен* с редуцированным [сверхкратким] *и* в древнерусском языке легко могло получиться *ильмень*» [6, с. 258–259]. Ситуация прояснилась, и теперь мы можем согласиться с этимологами, которые возводят русское *лиман* к турецкой и крымско-татарской форме *liman*. С ней обнаруживают явное родство и формы из других языков, если сравнить укр. *лиман*, польск. *līman*, болг. *лиман*, сербск. *лиман*, рум. и алб. *liman*.

Таким образом, предложенное М. Р. Фасмером этимологическое сближение названия озера *Ильмень* и южнорусского *ильмень* следует считать неубедительным. Ведь новгородское *Ильмень* восходит к западно-финно-угорскому *Ильмерь* с позднейшей заменой конечного *рь* на *нь*: сравним эст. *ilm-järv*, финск. *ilma-järvi*. Совершенно ясно, что термин *ильмень* имеет финно-угорское происхождение [12, с. 107–108] в отличие от терминов *ильмень* и *лиман*,

являющихся грецизмами, вошедшими в русский язык через тюркское посредство. Причем последние два термина, как мы уже убедились, обозначают абсолютно разные водные объекты.

В настоящее время термин *ильмень* распространен в качестве местного обозначения в гидрографии русского Юга и частично на Южном Урале. Комплекс значений южнорусского *ильмень* в целом характеризуется единством, отличия касаются частностей. В словаре Э. М. Мурзаева (1984) указаны следующие значения этого термина: 1) «мелкое озеро в дельте реки с берегами, заросшими тростником и камышом»; 2) «старое речное русло, заполненное водой»; 3) «понижения между буграми, грядами, залитые водой»; 4) «пресное, заросшее растительностью озеро, образованное весенним половодьем» (дельта Волги); 5) «озеро среди размывов в пойме» (Урал); 6) «длинный залив»; 7) «пойменные разливы, озерные окна в тростниковых зарослях» (Дон, Днепр) [11, с. 233]. По-видимому, термин отражен в названии группы хребтов на Южном Урале в Челябинской области — *Ильменские горы*, так как в долинах этих гор имеются заболоченные озера, т. е. *ильмени*, а южнее гор — озеро *Ильменское* и знаменитый *Ильменский заповедник*. Г. К. Валеев считает, что «название южноуральского озера <...> было перенесено на смежный объект — гору, а затем на весь хребет» [2, с. 128–129].

Большой академический словарь русского языка, отмечая у слова *ильмень* значение «низменное место, покрытое водой от разлива реки», не дает к нему никаких ограничительных помет [16, стб. 291]. Но в «Толковом словаре...» под редакцией Д. Н. Ушакова слово в этом значении сопровождается пометой *областное* [19, стб. 1191]. Такой подход к слову разных по времени издания словарей отражает процесс утраты термином диалектного характера и его вхождение в литературный язык. Впрочем, слово *ильмень* и относящиеся к нему производные продолжают жить в диалектах. Например, *ильменёк* — «небольшое озеро или небольшой водоем, заросший травой, камышом»; *ильмёнка* — «частая сеть для лова рыбы, обитающей в иле, в тине»; *ильменный арбуз* — «арбуз, растущий на сыром низменном месте» [15, с. 185–186]. Не забыт термин и в современной художественной литературе. Так, в историческом романе В. Д. Иванова «Русь изначальная» читаем: «Этот Днепр-река, который течет на триста верст меж востоком и севером, кончается большим озером-разливом. Верст на двадцать пять то озеро-ильмень разливается, чтобы Днепр сошелся с многоводной Самарь-рекой. От Самарьского ильменя Днепр поворачивает прямо на полудень. Верст через семьдесят набегают на остров лесистый. И тут его спирают каменные берега» [8, с. 88].

Термин *лиман* также имеет южнорусское распространение. Он обозначает вытянутые мелководные заливы с извилистыми невысокими берегами, а также временные мелководные озера, образующиеся весной в низинах и пересыхающие летом. В таких значениях термин известен в бассейнах рек Северного Причерноморья, Приазовья и Каспийского моря. В частности, на бытование этого термина в Приазовье обратил внимание писатель Д. А. Фурманов. В рассказе «На Черном Ереке» он так пояснял особенности незнакомой ему местности: «Лиманами здесь называют небольшие водные вместилища наподобие наших крупных прудов и мелких озер, а плавнями называют болотистые места, покрытые камышом, где почти совершенно нет прохода» [22, с. 6].

Термин *лиман* отражен не только в названиях морских лиманов, но и в названиях одноименных поселков *Лиман* в Лиманском районе Астраханской об-

ласти и в Змиёвском районе Харьковской области, поселка *Лиманское* в Одесской области и т. д. Особенно широко представлен этот термин в названиях населенных пунктов и гидронимах южной и юго-восточной Украины, в бассейне Донца-Северского.

Примечательно, что под влиянием украинских говоров термины *лимдн*, *лимёнь* и производное *залимдн* продолжают сохраняться в воронежских говорах, отражающих компактный массив их значений. Ворон. *лимдн* — 1) «низкое место, часто залитое водой, нередко с богатой растительностью»; 2) «озеро, степная западина с водой в поле»; 3) «болото»; 4) «лес, затопляемый водой». Ворон. *лимёнь* — 1) «лиман, озеро»; 2) «луг в излучине реки, низина». Ворон. *залимдн* — «озеро, водоем» [7, прил. с. 104–105, 63].

Несмотря на свое местное происхождение термин *лиман* давно освоен русским литературным языком. Уже в «Толковом словаре...» под редакцией Д. Н. Ушакова, отразившем литературную лексику 30-х гг., он помещен без всяких ограничительных помет [19, стб. 61]. Люди старшего поколения, наверное, еще помнят популярную песню о моряке Мишке, которую пел Л. О. Утёсов. В ней есть строки, иллюстрирующие факт вхождения термина в общее употребление:

Широкие лиманы, одесские каштаны.
Качается шаланда на рейде голубом.
В красавице Одессе мальчишка голоштаный
Мечтает стать заправским моряком.

В настоящее время в русском языке наметилась тенденция к еще более широкому употреблению этого термина безотносительно к основной зоне его бытования. Например, термин используется в составе названия залива в северной части Берингова моря: «Ледокол „Василий Поярков“ привел вчера через ледовые поля в *Анадырский лиман* теплоход „Бодайбо“ с лесом» (из газет).

Таким образом, история термина *ильмень* заключается в сохранении «озерных» значений и в утрате значения «морской залив» (в этом значении термин *ильмень* был вытеснен термином *залив*). Смысловое содержание термина *лиман* сохранилось в современном русском языке без изменений. Интересно, что этот русский термин употребляется в английской, немецкой и французской географической литературе (*liman*) наряду с другими географическими терминами, заимствованными из русского, например, *taiga*, *tundra*, *steppe* и др. Международное использование имеют термины *лимнология* — «озероведение» (от греческих *λίμνη* — «озеро» + *λόγος* — «учение») и *лимнион* — «зона свободной воды в озерах» (от греческого *λίμνιον* — «маленькое озеро»). В таком же употреблении известны термины: *лимниграф* (мареограф) — «прибор для регистрации колебаний уровня воды в море, озере или реке»; *лимнобионты* — «растения и животные, обитающие в озерах»; *лимнофилы* — «растения и животные, предпочитающие озера как среду обитания».

Новгородский озерный гидроним отражен в названии *Ильменский проезд* на севере Москвы, которое иногда неверно произносят как *Ильменский*.

Заканчивая рассказ о терминах *ильмень* и *лиман*, обратим внимание на то, как важно при воссоздании истории слов рассматривать их значения и этимологию не изолированно друг от друга, а параллельно, комплексно, не забывая о материальной специфике слов, в нашем случае — географической. Только при таком подходе можно получить правильное представление о древней и современной жизни терминов.

Литература

1. Акты Астраханской воеводской изд. XVII в. Рукоп. — СПб. ФИРИ РАН, ф. 178.
2. Валиев Г. К. Откуда «пришли» Ильмены? // Русская речь. — 1988. — № 5.
3. Грот Я. К. Заметка о топографических названиях вообще // Журнал Министерства нар. просв. — 1867. — Ч. 136. — № 11.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1935. — Т. 2.
5. Данилевский Н. Я. Несколько мыслей о русской географической терминологии по поводу слов: лиман и ильмень // Записки Русск. геогр. об-ва по общей геогр. — СПб., 1869. — Т. 2.
6. Добродомов И. Г. О некоторых русских словах, заимствованных из греческого языка через тюркское посредство // Лексикология и словообразование древнерусского языка. — М., 1966.
7. Дьякова В. И. Географическая терминология Воронежской области. Дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 1973.
8. Иванов В. Д. Русь изначальная. — М., 1979. — Т. 1.
9. Книга Большому Чертежу или Древняя карта Российского государства, поновленная в Розряде и списанная в книгу 1627 года. — СПб., 1838.
10. Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. — М.; Л., 1950.
11. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. — М., 1984.
12. Попов А. И. Топонимическое изучение Восточной Европы // Уч. зап. ЛГУ. Серия востоковедч. наук. — Л., 1948. — Вып. 2.
13. Попов А. И. Из истории лексики языков Восточной Европы. — Л., 1957.
14. Радзивилловская, или Кенигсбергская летопись / Изд. ОЛДП. — СПб., 1902. — Вып. 118.
15. Словарь русских народных говоров. — Л., 1977. — Вып. 12.
16. Словарь современного русского литературного языка. — М.; Л., 1956. — Т. 5.
17. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. — М., 1989. — Т. 2. — Ч. 1.
18. Таможенные книги Успенского Тихвинского монастыря (Рукоп.) — СПб. ФИРИ РАН, ф. 132, оп. 2.
19. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1934 — Т. 1. — М., 1938. — Т. 2.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — М., 1986. — Т. 2.
21. Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. — 3-е изд. — М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2009.
22. Фурманов Д. А. Рассказы. Повести. Заметки о литературе. — М., 1984.

Как горло превратилось в гирло

Дорог был каждый день, чтобы успеть догнать по высокой воде тяжелые корабли до гирла Дона.

А. Н. Толстой. Пётр I

Современная географическая карта показывает нам, что термин *горло* распространен на европейском Севере России как обозначение пролива между внутренним — Белым и внешним — Баренцевым морями. В Восточной Сибири термин известен в значениях «устье реки при ее впадении в озеро; узкое место реки с сильным течением» [14, с. 153–154]. На южнорусской территории, в бассейне Волго-Каспия, *горлом* называют различные устройства и приспособления в орудиях рыбной ловли: «идушая внутрь воронкообразная сеть вентеря; вход у секретов и вентерей» [12, с. 16]. Кроме того, этот термин употребляется в значениях, не связанных с водой: «ущелье, по которому проложена дорога в горах; горный проход». Все значения географического термина *горло* несомненно свидетельствуют о том, что он имеет метафорическое происхождение, так как образован от анатомического термина *горло* — «передняя часть шеи». А этот термин в свою очередь восходит к общеславянской форме **gordlo* и родствен по значению соответствующим словам из современных славянских языков. Сравним: болг. *гърло* — не только «горло», но и «устье реки», а также «ущелье»; чешск. *hrdlo*, польск. *gardlo* и т. п. Как мы уже убедились ранее, метафорический способ образования терминов достаточно распространен в географической терминологии.

Термин *гирло*, напротив, известен в основном на южнорусской территории, в бассейнах Азовского и Черного морей, бассейнах Дона, Днепра, Кубани. Здесь он используется для обозначения таких понятий гидрографии, как 1) «речной фарватер при выходе из реки к морю»; 2) «подводная часть дельты»; 3) «дельтовый рукав реки, пролив, узкий водный проток, чаще всего соединяющий лиман с морем» [14, с. 143].

Поскольку термины *горло* и *гирло* обозначают похожие водные объекты и по своей форме отличаются друг от друга лишь одной буквой, логично предположить, что они имеют общее происхождение. Попробуем выяснить, так ли это на самом деле и как из *горла* могло получиться *гирло*? В этом нам поможет обращение к памятникам письменности русского языка и различным словарям.

В памятниках письменности термин *гирло* отражен сравнительно поздно, в начале XVII в. Самая ранняя его фиксация — в «Книге Большому Чертежу» (1627)*, где он употреблен как существительное среднего рода в значении «морской пролив южных морей». Например: «А от Халкидона до Костянтинополя города промеж ими прошло *гирло морское* [совр. пролив Босфор] из Белого [совр. Мраморное море] в Черное море»; «А от усть реки Кубы <...> до *морские*

* Курьезным недоразумением следует считать глухое дезориентирующее указание В. Я. Дерягина на то, что *гирло* встречается у Афанасия Никитина (XV в.). Если имеется в виду «Хождение за три моря», то в этом памятнике слова *гирло* нет [29, с. 127].

гирлы, что протока [Керченский пролив] из Азовского моря в Черное море, и до Кафы 90 верст» [11, с. 96, 87]. В этом значении термин представлен также в других источниках, например, в памятнике письменности 1653 г.: «Отъ Царяграда все шли <...> на запад, и вышедши на широкое море блиско *гирла* [пролив Дарданеллы], отъ правой стороны на запад жилой островъ Ибро [совр. Имроз] съ холмами <...>» [18, с. 19]. В одной из космографии конца XVII в. читаем: «Мраморное море названо: „*Гирло*, ходъ до Царяграда“» [15, с. 477].

Термин *гирло* с XVII в. был известен и в другом значении — «судоходный рукав в речной дельте, затопленный морем». В одном из памятников встречаем запись 1641 г.: «<...> Пришли подъ Азовъ моремъ Турские многие люди <...> и стали на море въ *гирле* реки Дону, а мелкими судми <...> пришли *гирломъ* рекою Дономъ къ Азову» [10, с. 200]. В «Письмах и бумагах императора Петра Великого» (1702–1703) встречаем такое разъяснение по поводу строительства оборонительных сооружений в устье Дона: «*Донския гирлы* перебиваютъ сваями, только безмерно земля крепка. Камня зело много поидеть на морской шанецъ, а безъ камню *гирль* запирасть невозможно» [16, с. 319–320].

Как видим, термин *гирло* в древности служил обозначением соответствующих морских или речных объектов преимущественно на южнорусской территории. Поэтому, учитывая регион его бытования, можно предположить, что термин имеет какое-то нерусское происхождение. Но не будем спешить с выводами и посмотрим, а что же известно об этом термине в словарях.

Напрасно искать *гирло* в словарях XVI–XVIII вв., таких, например, как «Лексис» Лаврентия Зинания (1596) или «Лексикон трехязычный...» Ф. П. Поликарпова (1704). Там встречаются лишь близкие ему по значению слова *горло*, *гортань* как названия передней части шеи. Это и понятно, поскольку многие древние слова обычно попадали в словарь намного позднее времени своего появления в языке. Так случилось и с термином *гирло* — впервые он зафиксирован в «Энциклопедическом лексиконе», изданном А. Плюшаром (1838). Известный русский историк и археолог Д. И. Языков в статье, посвященной этому термину, сопоставил по значению русское слово *горло* с *гирлом*, указав на украинское происхождение последнего: «малороссияне называют „гирлом“ устье реки». Автором предположительно было выделено и другое значение термина — «морской пролив» [31, с. 249].

В «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847) термин представлен как в единственном — *гирло*, так и во множественном числе — *гирла* с уверенной подачей его значений: 1) «морской, пролив»; 2) «устье реки» [23, с. 545]. В своем словаре В. И. Даль отмечал распространение термина *гирло* в значении «одно из речных устьев» только на южнорусской территории. Кроме того, он также указал на существование у термина другого значения — «морской пролив», причем, без определения места употребления термина в этом значении, но с перечислением других слов, выражающих это значение: *беломор. шар, проток; касп. прорва, проран* [9, с. 351].

Наиболее полно все значения термина *гирло* были раскрыты в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (1893). Профессор Киевского университета П. И. Броунов в интересной статье к этому термину указал на его украинское происхождение и связь с русским *горло*. Автор справедливо считал, что в широком употреблении термин *гирло* неоправданно смешивают с термином *устье*, рассматривая их как синонимы. В этом случае оба термина «обозначают некоторую, обыкновенно неопределенную

часть дельты со всеми протекающими в нее рукавами». Однако, по мнению П. И. Броунова, *устье* и *гирло* имеют совершенно различное гидрографическое содержание. *Устье* — это ширина реки при ее впадении в море, лиман или залив. Если река не имеет разветвлений, рукавов, т. е. дельты, ее устье будет там, где оканчиваются ее берега и начинается море. Напротив, у реки, имеющей разветвления, т. е. дельту, устье находится там, где оканчивается ее надводная часть и начинается подводная. Такое непосредственное продолжение реки и ее рукавов в подводной дельте и называется *гирлом*. П. И. Броунов пояснил, что Днепровские *гирла* лучше всего «показывают различие между словами *устье* и *гирло* и вполне определяют последнее». Днепр впадает в Днепровский лиман Черного моря двумя рукавами — это собственно Днепр и река Конка. А непосредственным продолжением этих рукавов в подводной дельте и будут судоходные *гирла*: северное — Белогрудское, южное — Збирьевское. Теперь нам становится совершенно ясно, что *гирло* — это подводное продолжение речной дельты, находящееся не в реке, а в лимане, заливе или море [32, с. 756].

Сходным образом трактуется термин *гирло* и в современных энциклопедиях, сохранивших без особых изменений подход к определению его значений и происхождения. Термин последовательно рассматривается как *украинизм*, сопоставляемый по значению с русским словом *горло*. В соответствующих томах 1-го и 2-го изданий БСЭ (1930, 1952) у термина *гирло* выделяется следующий комплекс значений с указанием зоны его бытования: 1) «рукав или протока надводной части дельты» (*гирла* Дуная); 2) «подводное русло — бывший рукав в дельте, затопленный морем» (*гирла* Дона); 3) «пролив, соединяющий лиман с морем» (Днепровский, Днестровский и т. п. лиманы); 4) «пролив между внутренним и внешним морями», например, при выходе из Белого моря [1, с. 95; 2, с. 428]. Из последнего, 3-го издания БСЭ (1971) термин *гирло* таинственно исчез [3], нет его и в «Украинской советской энциклопедии» (1960) [27]. Аналогично, но более кратко, чем в энциклопедиях, термин объясняется в Большом академическом словаре русского языка и в сводном «Словаре русских народных говоров», в котором указаны варианты: *гирло* и *гирло́* [21, с. 109; 19, с. 174]. Краткая и менее детальная характеристика термина содержится в последних по времени издания «Географическом энциклопедическом словаре» (1988), где указано на украинское происхождение термина, а также в «Большом энциклопедическом словаре» (1991) [7, с. 70; 4, с. 307]. Без указания ударения и языковой принадлежности этот термин подан в новейшем академическом географическом словаре [34, с. 135].

Наверное, вы уже обратили внимание на то, что значительно активнее, чем в русском языке, термин *гирло* употребляется в украинском. Он присутствует в составе названий многочисленных рек и ручьев — это, например, река *Гирла*, впадающая в озеро Катлабуг в Измаильском районе Одесской области; одноименные названия ручьев *Гирло* в бассейнах нижнего течения Днепра и Днестра и т. д. Естественно, что термин представлен и во многих словарях украинского языка. В «Русско-малороссийском словаре» Е. К. Тимченко (1899) слово *гирло* было дано в качестве толкования к русскому синонимической параллели устье — *гырло (рички)* [26, с. 232]. Так же раскрыто значение термина в «Словаре украинского языка» под редакцией Б. Д. Гринченко (1907): «гирло, одно из устьев реки». Употребление термина и производного прилагательного *гирловий* хорошо иллюстрировано в этом словаре примерами из разнообразных литературных источников XIX в. В частности, приводится интересный фрагмент из украинского фольклора:

Жалуется Лиман морю,
 Что Днепр навязывает ему свою волю:
 Свои *гирла* прочищает,
 А лимановы закидывает [22, с. 283–286].

Заметим, кстати, что в данном словаре, как и в некоторых других словарях, изданных в конце XIX — начале XX в., термин подается то в форме *гирло*, то в форме *гірло*. Такая неустойчивость в орфографии обусловлена недостаточно четким противопоставлением «и восьмеричного» и «і десятеричного», хотя написание термина в форме *гірло* точнее отражает систему украинско-русских соответствий типа *гірло* — *горло*, *гірка* — *горка*, *гірний* — *горный*.

Если термин *гирло* широко распространен в украинском языке, значит, его легко можно считать словом украинского происхождения? Но не будем спешить с выводами, тем более, что существуют разные мнения относительно происхождения этого слова.

Известный русский языковед Ф. И. Буслаев в своей хрестоматии (1861), предположительно сопоставляя слова *гирло* и *горло*, указал на то, что форма *гирло* могла возникнуть на южнорусской почве, т. е. в украинском языке: «гирло морское, а также устье реки (вероятно, *горло*, с изменением О на И по южнорусскому произношению)» [5, с. 1068]. Академик Я. К. Грот в словаре русского языка (1892) убежденно рассматривал термин *гирло* как искаженную форму слова *горло*, употребленного в значениях: 1) «морской пролив»; 2) «устье реки, рукав, которым река впадает в море». Свое мнение об искажении Я. К. Грот подкрепил ссылкой на неоконченный «Словарь малорусского наречия» А. С. Афанасьева-Чужбинского (1855), доказывая тем самым, что и в украинском языке слова *гирло* нет. Он процитировал следующее высказывание автора этого словаря: «Произношение *гирло* вместо *горло* неправильно приписано этому [малороссийскому] наречию по недостаточному знакомству с ним великорусов. Нигде <...> ни один малороссиянин не скажет: *гирло*» [20, с. 801, 866]. Однако точка зрения Я. К. Грота не получила дальнейшего развития. Напротив, широко распространилось мнение об украинском происхождении термина *гирло*, которое высказал еще Д. И. Языков в уже упоминавшемся «Энциклопедическом лексиконе». Это мнение было развито не только русскими, но и зарубежными учеными, начиная с первого этимологического словаря славянских языков австрийского и словенского языковеда Франца Миклошича, изданного в Вене в 1886 г. Указание на украинское происхождение термина находим в «Сравнительном этимологическом словаре русского языка» Н. В. Горяева (1896). Автор объяснил *гирло* как «горло, устье реки» с попутной ссылкой на румынское соответствие *gerle*, так и оставшееся нераскрытым [8, с. 67]. Аналогичное объяснение происхождения этого термина встречаем во многих современных словарях, общих и географических энциклопедиях. Но можно ли считать такое объяснение верным?

Нельзя, поскольку законы фонетики украинского языка свидетельствуют о невозможности перехода древнего сверхкраткого гласного звука [э] в украинские звуки [і], [у] — из общеславянской формы **gordlo* не могло получиться украинское *гірло*. А вот переход звука [э] в [о] фонетически закономерен для украинского языка — из общеславянского **gordlo* могло получиться только украинское *горло*. Еще А. С. Афанасьев-Чужбинский справедливо отмечал в своем словаре, что произношение *гірло* вместо *горло* неверно считается украинским. Исторический словарь украинского языка (1977) также указывает

на отсутствие термина *гірло* (*гирло*) в памятниках староукраинской письменности [24, с. 242, 251]. И в словарях современного украинского языка форма *гірло* не зафиксирована, в отличие от существующей формы *гирло* — «устье, рукав реки». Этот факт может свидетельствовать о проникновении термина в украинский язык в качестве заимствования. Именно на это указывал А. Г. Преображенский в «Этимологическом словаре русского языка» (1959), предполагая, что слово *гирло* возникло под влиянием румынского *gerle*. Однако в статье к слову *горло* он помещает *гирло* — «устье реки», считая это слово украинизмом [17, с. 161–162]. В румынском происхождении термина был убежден М. Р. Фасмер, сопоставляя в своем словаре южнорусское *гирло* с румынским *girila* — «устье, река», хотя развернутого объяснения дано не было, поскольку его словарь рассчитан на специалистов [28, с. 408]. Этимологические справки о румынском происхождении термина встречаем и в ряде современных лингвистических трудов [19, с. 174; 30, с. 258; 29, с. 127].

На наш взгляд, наиболее вероятно считать термин *гирло* молдавско-румынским заимствованием. Ведь молдавское *гырлэ* и румынское *garla* имеют идентичные значения: 1) «речка»; 2) «гирло, рукав реки»; 3) «ручьями, потоками течь». Вполне реально, что это заимствование могло легко закрепиться на южнорусской территории и получить отражение в таких названиях, как *Георгиевское*, *Сулинское*, *Кикийское гирла* Дуная; *Белоградское* и *Збировское гирла* Днепра. По свидетельству Э. М. Мурзаева, «в нижней части Дуная местное румынское население *Гырлой* называет Дунай» [13, с. 134].

Интересно, что молдавско-румынское *garla* в свою очередь является древним заимствованием из славянских языков, восходящим к общеславянской форме **gordlo*, имеющей, как мы указали выше, смысловые соответствия в ряде современных славянских языков. Поэтому и на украинской почве термин *гирло* не может быть сопоставлен с русским *горло* и не является его искажением, а представляет его молдавско-румынскую обработку. В пользу такого происхождения термина свидетельствуют и законы фонетики украинского языка. Не следует удивляться и тому факту, что молдавско-румынское *garla* было заимствовано в древнейшую эпоху из языка славян — это довольно часто встречается в истории слов. Кроме того, отсутствие слова *гирло* в списке румынских заимствований из славянских языков может объясняться тем, что слово является именно обратным заимствованием, сохранившим архаичную структуру. Учет механизма заимствования позволяет считать неверным указание на то, что *гирло*, «кроме русского языка, не встречается ни в одном из славянских языков» [33, с. 81]. Как мы могли убедиться, термин известен и украинскому, и русскому языкам.

Эволюция термина *гирло* в русском языке заключается в сохранении его общих значений: «рукав речной дельты; пролив, соединяющий лиман с морем». А вот в значении «морской пролив» термин *гирло*, как и *горло*, известен в настоящее время только на севере в качестве обозначения пролива между Белым и Баренцевым морями. На южнорусской территории *гирло* в этом значении сейчас не употребляется. Уже в конце XVII — начале XVIII в., в период становления языка русской географической науки, термин *гирло* — «морской пролив южных морей» был вытеснен термином *пролив* (*пролива*), имевшим аналогичное значение. Этому способствовало и то, что с XVII в. в памятниках русской письменности указанные слова употреблялись в одном значении. Например, в памятнике письменности (1642) читаем: «И сентября въ 6 день,

въ морской *проливе* въ *гирле* приезжалъ къ посламъ <...> Турскаго Султана посоль Арсланъ ага» [25, с. 119].

Однако в живой народной речи термин *гирло* в уменьшительно-ласкательной форме *гирлушку* продолжал бытовать на донских территориях в «морском» значении даже в XIX в. В народных песнях, собранных А. И. Соболевским, мы встречаем это слово в фольклорном рассказе о плавании *насосиков* — так, по-видимому, назывались *насады* — суда, изготовлявшиеся из одного цельного дерева с набитыми бортами из досок:

По морюшку, морю синему,
По тому-то *гирлушку*, братцы, государеву,
Как там плыли-воспывали, братцы, три насосика,
Как не три-то насосика, — все пятсот славных кораблей [6, с. 662].

Рассмотрев историю превращения термина *горло* в *гирло*, мы могли убедиться в том, насколько сложным бывает поиск истинного происхождения слова. Чтобы получить правильное представление об истории слова, необходимо привлекать обширный фактический материал, данные различных словарей, знать законы фонетики и попытаться все это оценить критически. Установленная этимология гидрографического термина *гирло* и выявленные особенности его функционирования в современном языке географической науки не только убеждают в том, что термин искаженно трактуется в произведениях лексикографии, но и доказывает настоятельную необходимость внесения соответствующих исправлений в этимологические справки, которыми он обычно сопровождается в словарях и энциклопедиях.

Литература

1. Большая советская энциклопедия. — 1-е изд. — М., 1930. — Т. 17.
2. Большая советская энциклопедия. — 2-е изд. — М., 1952. — Т. 11.
3. Большая советская энциклопедия. — 3-е изд. — М., 1971. — Т. 6.
4. Большой энциклопедический словарь. — М., 1991. — Т. 1.
5. Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. — М., 1861.
6. Великорусские народные песни. Собранные А. И. Соболевским. — СПб., 1902. — Т. 7.
7. Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины. — М., 1988.
8. Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. — Тифлис, 1896.
9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1955. — Т. 1.
10. Донские дела. — СПб., 1906. — Кн. 2.
11. Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. — М.; Л., 1950.
12. Копылова Э. В. Рыбачья лексика. Материалы для словаря рыбаков Волго-Каспия // Литературное краеведение. — Астрахань, 1967. — Вып. 3.
13. Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. — М., 1974.
14. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. — М., 1984.
15. О географических сведениях древних Россиян // Московский Телеграф. — 1831. — Ч. 42. — № 24.
16. Письма и бумаги императора Петра Великого. — СПб., 1889. — Т. 2.
17. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. — М., 1959. — Т. 1.
18. Проскинитарий Арсения Суханова (1649–1653 гг.) // Православный палестинский сборник. — СПб., 1889. — Т. 7. — Вып. 3 (21).
19. Словарь русских народных говоров. — Л., 1970. — Вып. 6.
20. Словарь русского языка / Сост. 2-м отд. АН. — СПб., 1892. — Т. 1. — Вып. 2.
21. Словарь современного русского литературного языка. — М.; Л., 1954. — Т. 3.

22. Словарь украинского языка / Под ред. Б. Д. Гринченко. — Киев, 1958. — Т. 1. (Ранее издан в 1907 г.).
23. Словарь церковнославянского и русского языка / Сост. 2-м отд. АН. — СПб., 1847. — Т. 1.
24. Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. — Київ, 1977. — Т. 1.
25. Статейный список о посольстве Ильи Даниловича Милославского <...> в Царьград в 7150 г. // Временник ОИДР. — М., 1850. — Кн. 8.
26. Тимченко Е. К. Русско-малороссийский словарь. — Киев, 1899. — Т. 2.
27. Українська радянська енциклопедія. — Київ, 1960. — Т. 3.
28. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — М., 1986. — Т. 1.
29. Филин Ф. П. Историческая лексикология русского языка. — 2-е изд. — М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2008.
30. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. — 5-е изд. — М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2009.
31. Энциклопедический лексикон, изд. А. Плюшаром. — СПб., 1838. — Т. 14.
32. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. — СПб., 1893. — Т. 8 А.
33. Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н. М. Шанского. — М., 1972. — Т. 1. — Вып. 4.

* * *

34. Котляков В. М., Комарова А. И. География: понятия и термины: пятиязычный академический словарь. — М., 2007.

Похож ли ерик на ъ (ер)?

Мы лётели над пустынными берегами, над дельтою Волги, похожей сверху на географическую карту, разрисованную извилистыми линиями бесчисленных ериков и протоков.

И. С. Соколов-Микитов.
Последнее путешествие

Писатель Л. Я. Боровой в своей популярной книге «Путь слова» (1963) считал слово *ерик* «привлекательным по звучанию, картинным и забавным», рассматривая его в одном ряду с существительным *ёрничанье* — «озорство» и глаголом *ёрзать*. Происхождение слова *ерик* писатель объяснял тем, что «первоначально оно сближалось с начертанием буквы *ер* (ѣ)» [1, с. 244–245]. Действительно, в современном русском алфавите есть буква *твёрдый знак*, которая по-старому называлась *ер*, так что этимология, предложенная Л. Я. Боровым, внешне выглядит вполне правдоподобно. Можно подумать, что *ерик* — это какой-то маленький *ѣ* (*ер*), тем более, что в нашей разговорной речи встречается немало уменьшительных форм: *шарик*, *офицерик*, *словарик* и т. п. Кстати, и в некоторых словарях современного русского языка *ерик* трактуется как устаревшее уменьшительное образование от названий букв *ѣ* (*ер*) и *ѥ* (*ерь*) [22, стб. 835; 21, с. 43; 19, с. 466].

Однако у нас возникает сомнение в том, могло ли отразиться само начертание буквы *ѣ* (*ер*) на образовании слова *ерик*(?). Это сомнение получит поддержку, если проанализировать один фрагмент из рассказа А. С. Серафимовича «Оглянулся» (1914). В нем показана сцена суда, на котором малограмотный свидетель-крестьянин так описывает поиски пропавшей отары овец:

«Пробѣг сколько-то, гляжу, маячит. Я зараз тулуп с себе, на пузо, и пополиз, а тут *ерик*, я — через...

Член суда, слегка приподнявшись, вежливо спрашивает:

— Господин свидетель, что же вам сказал господин *Ерик*?

Мужик вытарашил глаза, в публике — подавленный смех, а председатель, слегка обернувшись, говорит предупредительно:

— *Ерик* на местном наречии — небольшой овраг, овражек.

— А-а!

С тех пор член суда потерял свою фамилию, имя <...> — в суде, в городе, среди знакомых, сослуживцев его знали и звали только „господин *Ерик*“. У него была дочка. Она чудесно танцевала, третий год уже танцевала, окончив институт.

Никандр смотрел мимо нее, думал: „*Ерик*... Почему *Ерик*? Что за чушь! Саботеева... Ольга Александровна Саботеева, красиво и звучно. *Ерик*... черт знает что! Дубье!...“

Но странно, как он ни отдира, это „*Ерик*“ плотно пристало к девушке. В толпе глазеющей молодежи всегда одобрительно стояло: „Ну, и здорово *Ерик* танцует!“ И, — что всего хуже, — это подлое „*Ерик*“, в котором девушка была не повинна, как-то, неизвестно как, принижало ее, обесценивало» [16, с. 34].

Как видим, незнание значения слова может привести к курьезам и даже к потере человеком своего собственного имени. Что же скрывается в загадочном слове *ерик*, что же оно обозначает на самом деле? Ответить на эти вопросы нам помогут памятники письменности и словари русского языка.

Наиболее ранний случай употребления слова *ерик* отмечен в воронежском документе (1615): «Рыбные ловли звено реки Дону, <...> озерко Белое съ *ерком* да озерко Подполное съ *еркомъ*» [11, с. 91]. Контекст в приведенном примере позволяет предположить, что слово *ерик* обозначает здесь ручей или проток из одного озера в другое в бассейне Дона. В «Книге Большому Чертежу» (1627) при описании бассейна Донца-Северского употребление слова *ерик* (*ерек*) представлено примерами, из которых ясно, что это слово является частью названий различных водных объектов, речек и ручьев: «Пала в Донец речка *Ерек Каменной*»; «<...> Пал в Северской Донец колодезь *Лихой Ерек*, звался врагом [оврагом] ис под Муравской дороги» [8, с. 75, 69]. Приведенные примеры и материалы других памятников письменности указывают на то, что с начала XVII в. термин *ерик* (*ерек*) употребляется в языке русской практической географии как обозначение небольших рек, ручьев, протоков, рукавов реки на части южнорусской территории. В пользу такого утверждения свидетельствует наличие синонимов-толкований, сопровождающих термин в отмеченных случаях: *речка* — «небольшая река» и *колодезь* — «ручей».

Следовательно, *ерик* обозначал в целом небольшой водоток, иногда берущий начало в овраге, на что и обратил внимание в своем рассказе А. С. Серафимович, хорошо знавший гидрографические особенности донской территории. Интересный пример употребления термина в составе названий речки и поселка в бассейне нижнего течения Кубани встречаем в рассказе Д. А. Фурманова «На Черном Ереке»: «За поселком *Черноерковским Черный Ерек* изгибается вправо, а слева в него стекает какая-то другая речка, так что получается нечто вроде якоря <...>. Река глубокая, мостов нет, перебраться невозможно. Кругом плавни, лиманы, густые заросли камыша» [24, с. 7]. Гидрографическая специфика кубанских ериков была ясна географам уже в XIX в. Так, Н. Я. Данилевский отмечал: «От главных рукавов Кубанской дельты отделяется бесчисленное множество мелких рукавов, называемых *ериками*, которые или опять соединяются с давшим им начало рукавом, или сливаются между собой, чтобы потом снова иным образом разделиться, или впадают в озеровидные расширения — лиманы, питая их пресною водою» [4, с. 17].

Таким образом, становится совершенно ясно, что к названию буквы *ѣ* (*ер*) *ерик* не имеет никакого отношения, хотя не исключено, что многие слишком извилистые *ерики*, например, в форме якоря, могут образно напоминать некоторым людям с чересчур развитым воображением начертание буквы *ѣ* (*ер*). Но такое объяснение происхождения слова будет весьма далеко от объективно-научного, так как возникло оно под влиянием народной этимологии. Ведь не случайно в словарях современного русского языка *ерик* — «старое название букв *ѣ* (*ер*) и *ѥ* (*ерь*)» и *ерик* — «небольшой проток, соединяющий два озера или реку с озером» помещены в разных словарных статьях, поскольку справедливо считаются омонимами. Что касается употребления географического термина *ерик* для обозначения человека, то это следует признать курьезным недоразумением. Впрочем, заметим, что подобные случаи ситуативного использования некоторых малознакомых географических терминов вместо имен людей или для экспрессивной оценки человека известны, хотя и редки. На-

пример, в русских народных говорах *рассоха* — не только «раздвоение речного русла», но и «неуклюжий, неловкий человек».

Словари XVIII–XX вв. последовательно указывают на локальное, южнорусское распространение термина *ерик*. Так, в «Словаре Академии Российской...» (1789) дано следующее объяснение: «*Ерик*. На низовой Волге и по берегам так называют небольшие ручьи» [17, с. 1013–1014]. В. И. Даль, апробируя материалы к своему будущему словарю, с помощью термина *ерик* пояснял значения термина *старица*: «покинутое рекою русло — сухое, сухая старица, или мокрое, собственно *ерик*» [10, с. 31]. А в словаре он определял слова *ерик*, *эричек* уже как юго-восточные и отмечал их употребление в трех значениях: 1) «старйца, речйше, <...> глушица, часть покинутого русла, куда по весне заливается вода и остается в долгих яминах»; 2) «глухой непроточный рукав реки, образовавшийся из старйцы»; 3) «узкий, глубокий пролив из реки в озеро, между озерами и ильменями» [5, с. 521]. «Донской словарь...» А. В. Миртова (1929) отмечает у слова *ерик* значение «неглубокий длинный овраг, ручей, проток» [12, с. 88].

Специалисты в области исторической лексикологии русского языка указывают на широкое распространение термина *ерик* в воронежских документах XVII в. и в современных воронежских говорах. В. И. Хитрова установила, что воронежский диалектизм *ерик* повсеместно сохранился в этих говорах в основном с теми же значениями, в которых он был известен в старорусском языке: «небольшой ручей; водоем; болото». Термин употребляется в речи всех возрастных групп жителей Воронежской области [25, с. 73, 366]. В. И. Дьякова, рассмотревшая особенности употребления термина *ерик* в географической терминологии Воронежской области, не только выделила у термина целый комплекс значений, но и указала на бытование термина в иной огласовке — *ерок* и связанные с этим отличия в его значениях. *Эрик* — 1) «проток в пойме реки, соединяющий два и более водоемов»; 2) «небольшой рукав»; 3) «залив»; 4) «старое русло»; 5) «небольшой ручей»; 6) «болото на месте протока»; 7) «низина, луг на месте старого русла». *Ерок* — 1) «ручей»; 2) «овраг, промытый водой и часто с водотоком»; 3) «луг на пойме»; 4) «небольшой водоем» [6, с. 107, прил. с. 55–56].

Почему же термин *ерик* имеет лишь локальное, южнорусское распространение, на какой территории он первоначально закрепился, каково его происхождение?

Существенным для понимания истории термина *ерик* представляется материал исследования А. Н. Качалкина, рассмотревшего употребление термина в донских документах XVII в. Автор определил, что *ерик* был известен на Дону в значениях: 1) «рукав, проток»; 2) «искусственный канал, соединяющий судоходные рукава Дона в его устье». А. Н. Качалкин считает местом возникновения термина не Воронежскую землю, а Дон. Его аргументация достаточно убедительна: «На верхний Дон слово пришло с нижнего, где первоначально обозначало (в отличие от протоки) лишь „искусственный канал“. В низовьях Дона казакам нередко приходилось прорывать на мелководье канал, чтобы обойти занятый неприятелем [турками. — А. Б.] Азов. Впоследствии этот канал стал называться Казачьим ериком» [7, с. 287]. Примечательно, что указанное значение термина *ерик* — «искусственный канал, прокопанная ложбинка» сохранилось в нижнедонских говорах и не прослеживается в верхнедонских.

В пользу донского пути проникновения термина *ерик* в русский язык может свидетельствовать его несомненная этимологическая связь с крымско-татарским и ногайским тюркизмом *jaruq* — «трещина, щель», на что обратил внимание известный лингвист М. Р. Фасмер в своем словаре [23, с. 24]. Эта связь обусловлена языковыми контактами донских казаков с тюркоязычным населением русского Юга, в частности — с крымскими татарами. Не случайно поэтому в «Словаре русского языка...» (1897) наряду с подробнейшей характеристикой всех значений термина *ерик* были даны тюркские соответствия: татарск. *арык*, тюркск. *йырмак* — «прорывать, прокатывать» [20, стб. 127–128]. Однако существует и другая этимология, выдвинутая Г. К. Конкашпаевым, согласно которой русское *ерик* восходит к казахскому *žaryq* — 1) «местность, изрезанная текучими водами»; 2) «проток или рукав реки», а термин *žaryq* в свою очередь образован от глагола *žar* — «раскалываться, растрескаться» [9, с. 16]. В сущности формы *jaruq* и *žaryq* отражают одно и то же слово, поскольку общетюркскому звуку [j-] соответствует в казахском языке звук [ž-].

Анализ времени появления тюркизма *ерик* в русском языке, оценка территориальной принадлежности текстов, отражающих заимствование, фактор историко-географический — все это позволяет считать этимологию Г. К. Конкашпаева менее надежной. Более убедительным представляется рассмотрение иного пути проникновения этого тюркизма в русский язык. Ведь заимствование могло первоначально закрепиться на нижнедонских территориях как обозначение искусственного канала, вырытого казаками для судоходства. Затем, как указывает А. Н. Качалкин, началось распространение тюркизма *ерик* «с Дона на Воронеж, в земли астраханского, волжского, уральского казачества. Одновременно происходило движение этого слова к Центру, но далее Курской области оно не пошло» [7, с. 288–289]. В связи с этим как маловероятную следует отвергнуть гипотезу П. Н. Черменского о финно-угорском происхождении термина *ерик*. На наш взгляд, явно недостаточно лишь одного внешнего созвучия финно-угорского слова *Ирг* (*Ирк*), присутствующего, по мнению автора, в названии реки *Иргис*, с современным мордовским словом *эрке* — «озеро», чтобы утверждать, что из этих форм могло быть образовано русское *ерик* [26, с. 138]. Мы уже убедились при рассмотрении соотношения слов *ер* (в) и *ерик*, что внешнее созвучие — это далеко не надежный аргумент в пользу родства слов.

В русском языке наряду со словом *ерик* известны и другие близкие ему по значению тюркизмы: *арык* — «искусственный канал»; *джарык*, *жарык* — «трещина, проток», представляющие собой, как и *ерик*, позднейшие заимствования из тюркских языков, и более древнее *яруга* — «овраг, ручей в овраге». Факт смысловой близости этих слов объясняется исследователями по-разному. В частности, Е. Н. Шипова в «Словаре тюркизмов...» (1976) не соглашается с этимологией термина *ерик*, предложенной М. Р. Фасмером. Она считает, что *jaruq* и *jarык* ближе по значению к термину *арык*, и поэтому соотносит термин *ерик* — «вместилище талых вод» с мягкой основой слов *арја* — «русло реки»; *арін* — «таять»; *ару* — «растаявший» [27, с. 40, 134]. Но даже отвлекаясь от деталей этимологического анализа, можно с уверенностью утверждать, что термины *ерик*, *арык*, *яруга* являются тюркизмами. Это убедительно подтверждается как прошлыми этимологическими разысканиями, так и работами последнего времени, свидетельствующими о широком распространении указанных терминов в тюркских языках с древнейшей поры [15, с. 257–258; 14, с. 190].

Возникновение русской формы *ерик* в эпоху XVII в. может быть объяснено условно-фонетической передачей (на слух) тюркских слов *jarıŭ, jarık* как *арык*. Затем в результате отталкивания от русских диалектных форм с твердым [р] появились формы со смягченным [р']: *эрик* — и с переносом ударения: *эрик*, так как в русских диалектах известно бытование слов типа *крынка* и *кринка*, *кряница* и *кряница*. Тюркское слово *jarıŭ*, оформившееся на древнерусской почве окончанием *-а*, обусловило появление термина *ярүга*.

Таким образом, термин *ерик* начиная с эпохи XVII в. следует рассматривать как яркий южнорусский диалектизм тюркского происхождения. Поэтому не прав писатель Л. Я. Боровой, считающий это слово (со ссылкой на В. И. Даля) общерусским, ведь и в словаре В. И. Даля *ерик* квалифицируется именно как *юго-восточное* слово. По-видимому, нет достаточных оснований считать *ерик* словом, полностью вошедшим в русский литературный язык лишь по той причине, что оно широко распространено в художественной литературе и не сопровождается никакими ограничительными пометами в академических словарях современного русского языка.

В настоящее время слово *ерик* употребляется в русском языке как местный географический термин, распространенный преимущественно в бассейнах Кубани, Волги, Каспия, в низовьях Урала и на Дону. В этих регионах, по свидетельству Э. М. Мурзаева, термин известен в значениях: «залив, старица, глухой проток, мертвое русло, заливаемое вешними водами; ложбины временных потоков на пойме, в высокую воду служащие руслами рек»; «глубокий проток из реки в озеро, из озера в озеро». В Жигулях — «овраг, молодое русло в древних долинах» [13, с. 78–79]. Наиболее полно весь комплекс значений термина *ерик* и производных от него образований типа *эричек*, *эричная рыба*, *эрка* представлен в сводном «Словаре русских народных говоров» [18, с. 26–27]. В современной топонимии известны многие названия, включающие термин *ерик*: реки *Ерик* (левый приток Боровой, бассейн Донца-Северского), *Ерик Иловатый* (левый приток Волги выше г. Камышина); населенные пункты *Казачий Ерик* близ Азова, *Сухой Ерик* на Дону и др. Очевидно, термин отражен и в названии поселка *Ерки* в Черкасской области Украины.

Весьма интересен факт, отмеченный в комментариях к русскому изданию «Путешествия в Россию» французского писателя XIX в. Теофиля Готье: река Фонтанка в годы строительства Петербурга называлась *Безымянным Ериком* [3, с. 41]. Действительно, эта река представляет собой проток, вытекающий из Невы и впадающий в Неву при выходе в Финский залив, что и послужило мотивом такого названия [2, с. 159–160]. По-видимому, термин *ерик* «привезли с собой» строители — выходцы из южнорусских областей, и он ввиду своей экзотичности для северной столицы закрепился на время в составе рабочего, «проектируемого» названия реки. Впоследствии гидроним *Безымянный Ерик* был заменен в народном употреблении *Фонтанной рекой*, так как через реку были проложены трубы, по которым подавалась вода из Лиговского канала к фонтанам Летнего сада. И, наконец, в сокращенной народно-разговорной форме река стала называться *Фонтанкой*.

Литература

- Боровой Л. Я. Путь слова. — 2-е изд. — М., 1963.
- Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Почему так названы? О происхождении старинных названий в Ленинграде. — Л., 1962.

- Готье Т. Путешествие в Россию. — М., 1990.
- Данилевский Н. Я. Исследования о Кубанской дельте // Записки Русск. геогр. об-ва по общей геогр. — СПб., 1869. — Т. 2.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1955. — Т. 1.
- Дьякова В. И. Географическая терминология Воронежской области. Дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 1973.
- Качалкин А. Н. Из наблюдений над словарным составом русского языка XVII в. (на материале памятников донской казачьей письменности). Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1968.
- Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. — М.; Л., 1950.
- Конкашпаев Г. К. Казахские народные географические термины // Известия АН Каз. ССР. Серия геогр. — 1951. — № 99. — Вып. 3.
- Луганский В. [Даль В. И.] Русский словарь // Иллюстрация, еженедельное издание всего полезного и изящного. — СПб., 1845. — Т. 1. — № 2. — Смесь.
- Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. — Т. 1.: Воронежские акты. — Воронеж, 1887.
- Миртов А. В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. — Ростов н/Д, 1929.
- Мурзаев Э. М. и В. Г. Словарь местных географических терминов. — М., 1959.
- Наджип Э. Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. — М., 1979. — Кн. 1.
- Пенжиев М. Об ирригационной терминологии туркменского языка // Тюркская лексикология и лексикография. — М., 1971.
- Серафимович А. С. Собр. соч.: В 7 т. — М., 1959. — Т. 5.
- Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный. — СПб., 1789. — Ч. 2.
- Словарь русских народных говоров. — Л., 1972. — Вып. 9.
- Словарь русского языка. — 2-е изд. — М., 1981. — Т. 1.
- Словарь русского языка / Сост. 2-м отд. АН. — СПб., 1897. — Т. 2. — Вып. 1.
- Словарь современного русского литературного языка. — 2-е изд. — М., 1994. — Т. 5.
- Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1934. — Т. 1.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — М., 1986. — Т. 2.
- Фурманов Д. А. Рассказы. Повести. Заметки о литературе. — М., 1984.
- Хитрова В. И. Местная лексика в языке воронежских рукописных памятников XVII — первой четверти XVIII вв. Дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 1972.
- Черменский П. Н. К истории гидронимов Дона и его притоков // Всесоюз. конф. по топонимике СССР. Тезисы докл. и сообщ. — Л., 1965.
- Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. — Алма-Ата, 1976.

Узень — не узкая река

Южнорусские территории с древнейших времен были зоной контактов русского населения с тюркоязычными народами. В XVI–XVII вв. в связи с присоединением к Русскому государству обширных территорий, включавших земли чувашей, татар, башкир и других народов, эти контакты значительно расширились и активизировались. Известный в прошлом историк науки Т. И. Райнов указывал на большое значение стран Востока и Юго-Востока в жизни Московского государства: «Именно в направлении этих стран международно-военная и экономическая политика Москвы была всего активнее и успешнее в XVI в. и в первой половине XVII в.» [14, с. 376]. Данное обстоятельство не могло не отразиться на характере источников русской географической терминологии и топонимии допетровской эпохи — в ее формирование тюркские географические термины и возникшие на их основе топонимы внесли заметный вклад. Тюркизмы такого рода выявляются по разнообразным памятникам русской письменности, также выявляется посредство тюркских языков при заимствовании терминов в русский язык (см. выше историю терминов *ильмень*, *лиман*, *ерик*).

Наряду с интерпретацией тюркизмов *буерак*, *яр*, *яруга*, *яндова* [4], известных в памятниках русской письменности XVI–XVII вв., особого внимания заслуживает оригинальная этимологическая версия тюркского происхождения термина *мыс*, сопоставляемого с др.-тюрк. *mīŷüz* — «рог животного» и полонецк. *mīž*. В пользу такой этимологии свидетельствует зафиксированный в одном из памятников русской письменности начала XVI в. вариант *мызз* с финальным звонким согласным, а также русские диалектные формы *мызе* — «мысы», *мызокз* — «небольшой мыс, выступ берега», *мыз* — «косой затес от топора на конце бревна» [2, с. 38–39]. Отражение термина *мыс* в русских космографиях XVII в. позволяет считать его полностью освоенным в языке русской практической географии этого периода: «Кралество папаяна земля [Эфиопия] велика и пространна, на *мысу* великаго моря» [7, с. 10; 8, с. 23].

Значительный интерес представляет рассмотрение географических терминов тюркского происхождения, слабо отраженных в памятниках русской письменности XVI–XVII вв., но вошедших в этот период в систему русской географической терминологии и топонимии. Термин *узень* по нашим материалам впервые зафиксирован в «Книге Большому Чертежу» (1627) при описании бассейна низовьев Волги — он отмечен в составе гидронимов Саратовского Заволжья: «А с луговые стороны выше Камышенки реки пала в Волгу река Уруслан, а в Уруслан пала река *Узень*. А Уруслан река потекла от реки *Узени Деревянные* <...>; В то же реку *Деревяную Узень* пали з другие стороны 2 речки, обе *Узени Малые* <...>; А река *Деревяная Узень* потекла на двое и как сошлись и те обе реки Камыш Самар» [6, с. 143, 144].

Этимологическая интерпретация термина *узень* позволяет рассматривать его как тюркизм, восходящий к форме *özen/özön* — «река, речка, ручей, долина» [18, с. 154] и представленный в тюркских языках рядом деривативных соответствий: *özön*, *özön*, *özin*, *üzän*, *uzön*, *uzen*, *vazan*, *ösön* [10, с. 89–90]. Э. В. Севортян отмечает обширный комплекс значений термина *özen*, известного многим

тюркским языкам: 1) «река, речка; проток; ручей; очень маленький источник; местность, богатая водой»; 2) «течение»; 3) «русло реки»; 4) «ложбина, лог; лощина; овраг; обрыв»; 5) «долина; низкое место; низменность»; 6) «ущелье; борозда; межа»; 7) «участок суши в середине реки»; 8) «степь». По его мнению, основной и, по-видимому, исходной следует считать семантику, связанную с I-й группой значений. На этом основании предложена вполне убедительная этимология термина, в соответствии с которой *özen* следует считать «производным, образовавшимся от глагола *öz* „течь“ с помощью афф. *-(a)n* в значении носителя процесса» [15, с. 511–512].

Первоначальному закреплению тюркизма *узень* в составе русской географической терминологии и топонимии XVI–XVII вв. могло способствовать то немаловажное обстоятельство, что в собственно южнорусском регионе сосредоточен массив славянских гидронимов с исходом *-ень*, который, по свидетельству академика О. Н. Трубачева, «может быть в большинстве случаев истолкован как славянский формант с гидронимической функцией (*-*enъ* или *-*ьnъ*): *Ястребень* <...>, *Сербень* <...>, *В. Дубень*» [17, с. 231–232]. В связи с этим славянский ареал гидронимов указанного типа мог пополниться в XVI–XVII вв. за счет заимствования термина *özen/özön*, имевшего с русскими гидронимами внешнее словообразовательное сходство, что в итоге повлияло на его осмысление в качестве гидронима. Данный тюркизм был освоен на русской почве в условно-фонетической форме *узень* и представлен в настоящее время рядом топонимизированных обозначений. Подводя итоги этнолингвистической интерпретации гидронимов Поднепровья, О. Н. Трубачев выявил характер древнего соотношения ранней славянской и тюркской гидронимии: «Тюркская гидронимия практически не заходит в основную область древней славянской гидронимии, а лишь подступает к ней с юга и юго-запада» [17, с. 273].

В собственно южнорусском регионе термин *узень* достаточно четко прослеживается в составе гидронимов и ойконимов бассейна Днепра. Например, *Озница* (пр. пр. Хорола), *Узин/Узень* (лев. пр. Роси), *Узун-Каир* (часть рукава Каира), г. *Узин* (Киевская обл.). М. Р. Фасмер высказал вполне вероятное предположение о связи термина с топонимом *Изюм* Харьковской области [18, с. 124]. Определенный массив гидронимов, включающих данный термин, сосредоточен на Крымском полуострове в бассейнах рек, впадающих в Черное море: *Куру-Узень*, *Кучук-Узень*, *Узень*, *Узень-Чешме*, *Узень-Баш*, *Улу-Узень* [16, с. 304, 307, 579, 580]. в Саратовском Заволжье сохранились географические реалии, отмеченные в «Книге Большому Чертежу», хотя их названия известны сейчас в иной форме: *Большой(ая) Узень*, *Малый(ая) Узень* — реки, впадающие в Камыш-Самарские озера. В этом же регионе интересующий нас термин отражен в русифицированных формах ойконимов *Малый Узень*, *Озинки*, *Новоузенск*.

Южнее ареал термина *узень* прослеживается на тюркоязычных территориях. В частности, термин представлен в составе ойконимов *Узень*, *Новый Узень*, названия урочища *Озен* (Казахстан). На территории Дагестана в бассейнах рек Каспийского моря известны гидронимы *Таракли-Озень*, *Шура-Юзень*, *Караозень*, *Черкесозень*.

Восточная зона ареала представлена употреблением термина в составе гидронима *Узень* (пр. пр. Ика) и ойконима *Усень-Ивановское* на территории Башкирии. Рассматривая этническую историю башкир, проживающих в долинах реки Большой Ирғиз и ее притоков Камьялека, Карьялека и др., У. Ф. Надергулов и Р. З. Шакуров отмечают, что данные территории были заселены

башкирами уже в X в. Эти исследователи проанализировали особенности разговорного языка иргизо-камьялекских башкир в связи с делением данной этнической группы на «старую» и «новую» и пришли к выводу о том, что «„старые“ башкиры Большого Иргиза по языку и территории расселения составляют единое целое с башкирами, носителями демского говора, тукского и частично соранского подговоров. Основная масса „новых“ обосновалась на Большом Иргизе в первой половине XIX в. Ранее они были расселены в верховьях рек Большая Узень и Малая Узень и по берегам двух речек Чижа (Сяде), к юго-западу от Большого Иргиза» [11, с. 210]. Бытование среди иргизо-камьялекских башкир гидронимов *Желтая Узень* и *Черная Узень* как вариантов гидронимов *Б.* и *М. Узень* может свидетельствовать как о хронологии заселения долин Большого Иргиза «новыми» башкирами, так и о том, что они «являются „новыми“ только в отношении к бассейну реки Большой Иргиз, но не прежнего места обитания» [11, с. 210].

Интересный факт употребления термина *узень* в современных русских говорах Пермской области отмечен Е. Н. Поляковой, которая сопоставляет его с тюрк. *өзен*. Однако исследователь не обратил внимания на отличие в ударении: тюркизм *узень* — пермск. *у́зень*, что может указывать на контаминацию пермской формы со словом *узкий*, ср. также др.-русс. *у́змень* — «узкое место; узкий залив». Приведенный Е. Н. Поляковой контекст употребления термина подтверждает наше предположение: «у́зень — участок реки, где сужается русло: *Ричка в узень переходит*» [12, с. 159]. Чтобы доказать былое распространение тюркизма *узень* в данном регионе, необходимо более детально аргументировать механизм его заимствования с учетом надежности фактического материала.

Термин *узень* прослеживается в составе гидронимов зоны Алтайского края: *Узень* (Бараба), *Сары-Озен* и оронимов *Аралу-Озен*, *Холозэн* (Хакасия) [10, с. 89–90]. По-видимому, сюда же следует отнести алтайские ойконимы *Кебезень*, *Каразер*. Н. А. Баскаков указывает на распространенный в тюркской топонимии Горного Алтая гидрографический термин *өзök*, который употребляется параллельно с вариантом *өздн* — «проток, ручей». Кроме того, «с общетюркским географическим номенклатурным названием *өзök* „река“, „речка“ тесно связаны другие номенклатурные названия в том же значении: *өзен* „русло реки“, „река“, „проток“, встречающиеся, например, в киргизском языке, и *уёус~дгёус* „река“, „речка“, „русло реки“ — в древнеуйгурском языке» [1, с. 65–66]. Определенные коррективы в понимание гидрографической принадлежности термина *узень* внесла О. Т. Молчанова, которая считает, что этот «столь обычный для Северного Казахстана речной индикатор в алтайской топонимии существует лишь как составная часть названий гор: *Аралу өздн* и *Ташту өздн*. Можно предположить существование и одноименных речек, где *өздн* имеет значение протоки, однако само слово встречается только в северных диалектах алтайского языка, южным алтайцам оно не знакомо» [9, с. 199].

Следовательно, именно общетюркский характер термина *өзен/өздн*, освоенного русским языком в форме *узень*, способствовал его первоначальному закреплению на собственно южнорусских территориях, бывших зоной древнейших контактов с тюркоязычным населением. Окончательное закрепление термина в русской географической терминологии и топонимии происходит в XVI–XVII вв., когда за период 1533–1689 гг. к Русскому государству были присоединены территории тюркского этноса и межэтнические контакты значительно расширились. Причины освоения термина *узень* заключается

не только в его фонетическом и словообразовательном сходстве со словами *узкий*, *узмень* и славянскими гидронимами на *-ень*, но и в специфике обозначаемых им гидрографических реалий, характерных для территорий тюркского этноса. Современный ареал термина и сформировавшихся на его базе топонимов (Украина, Крым, Саратовское Заволжье, Дагестан, Башкирия, Алтай) дает наглядное представление об истории вхождения термина в систему русской географической терминологии и топонимии. Отметим также единичное производное образование от термина *узень* в воронежских говорах: *усыночек* — «маленький заливчик» [18, с. 173], хотя в иной интерпретации *усыночек* < *усынок* — «ответвление от реки, оврага, леса».

Аналогична история другого гидрографического термина — *узёк*, восходящего к общетюркской форме *өзек/өзök* — «река, речка, проток реки», ср. др.-тюрк. *өз* — «долина, проход между горами»; *өзäk* — «узкий проход в горах, ущелье»; *өзи* — «узкий проход между горами» [5, с. 395, 675]. Э. В. Севортян указал на комплекс значений термина *өзек/өзök*, в которых он прослеживается во многих тюркских языках: 1) «река, речка, ручей; ручей, соединяющий в виде естественного канала озера, ильмени; приток»; 2) «русло; безводная долина; маленькая долина; ложбина»; 3) «промоины; овражек, рывтина»; 4) «залитое водой поле, напоминающее озеро»; 5) «шум, рокот, бушевание моря». В аспекте этимологии *өзек* «гомогенно с *өзен* и образовано от *өз* „источник“ и пр. с помощью афф. *-(а)к* в уменьшительном и, вероятно, в увеличительном значении» [15, с. 510]. В. И. Даль отмечает татарскую форму *узек* — «ерик, глушица, богот, колдобина из старицы, бывшего протока» [3, с. 478]. На тюркское происхождение термина *узек* указывает М. Р. Фасмер [18, с. 154].

В собственно южнорусском регионе термин отражен в гидрониме бассейна Днепра *Озак* (лев. пр. Терна, пр. пр. Сулы). Э. М. Мурзаев приводит топоним *Озек-Суат* на р. Куме в Ставропольском крае, гидроним *Ачиозек* в Дагестане, название канала *Асанас-Узек* в бассейне Жаныдарьи, название протока *Кандузяк* у Кунграда в дельте Амударьи [10, с. 89]. К этой же группе названий относятся ойконимы *Томар-Озек*, *Кара-Узяк* в бассейне Амударьи, а также гидроним *Ачиозек* в Западном Казахстане, ойконимы *Терень-Узяк* северо-западнее Кызыл-Орды (совр. написание — *Кызылорда*) и *Сарыозек* в Талды-Курганской области. По свидетельству Э. М. Мурзаева, термины *узак*, *узяк* известны как обозначения дельтовых протоков Амударьи и Сырдарьи, а также в оронимии Башкирии как обозначения оврагов, например, овраг *Ташузек* на горе Шайтантау.

Анализируя гидрографическую терминологию Павлодарской области, В. Н. Попова выделяет в ее составе термин *озен*, имеющий в казахском языке общее значение реки, и термин *озек*, обозначающий небольшие пересыхающие речки, протоки, логи, балки. Причем в данном регионе термин *озен* функционирует в форме *взен* и представлен многочисленными гидронимами центра и юга области, а термин *озек* в форме *взек* выявляется преимущественно в гидронимах на западе и юго-востоке области [13, с. 180, 181].

Восточная зона ареала термина *узёк/өзёк* — Алтай, где известны гидронимы типа *Сарыозек* и ойконимы *Озек*, *Кызылозек*, *Караозек*. Н. А. Баскаков сопоставляет термин *өзök* с якутск. *у́рех* — «речка, ручей, русло реки» и приводит в качестве примеров алтайские гидронимы *Кöк өзök* «Синяя речка» и *Кызыл өзök* «Красная речка». Известный тюрколог отметил любопытное семантическое соответствие между основами в тюркских и монгольских языках:

«с одной стороны, в тюркских языках: *дзѡк/дзек* 1) „сердцевина, стержень, ось, стебель, середина“ и т. д. и 2) „речка, ручей, русло реки“ и с другой — в монгольском языке: *гол* 1) „середина, центр, стержень, ось, сердцевина, основа“ и т. д. и 2) „река, долина реки“» [1, с. 65–66]. О. Т. Молчанова, выявляя специфику употребления термина *дзѡк* в гидрографической терминологии Горного Алтая, указала на то, что «*дзѡк* со значением „пересыхающая небольшая река“, близким к казахскому, встречается на Алтае только в 6 названиях рек и то не повсеместно. В двух случаях нами зафиксирована форма *дзѡ*, появившаяся в результате дестимологизации» [9, с. 199].

В целом современный ареал термина *узѣк/озѣк* на собственно южнорусских территориях и территориях, присоединенных к Русскому государству в XVI–XVII вв., частично совпадает с ареалом термина *узѣнь*: Украина, Ставрополье, Западный Казахстан, Башкирия. Южная зона ареала охватывает преимущественно тюркоязычные территории: Дагестан, нижнее течение Сырдарьи и Амударьи, Талды-Курганская область, Павлодарская область, Алтай.

Таким образом, сочетание диахронического и синхронического подхода к интерпретации рассмотренных географических терминов тюркского происхождения позволяет получить целостное представление об истории их закрепления в составе русской географической терминологии и топонимии, а также установить их ареалы. Заимствование терминов-тюркизмов обогатило язык русской практической географии допетровской эпохи, привело к освоению названий, возникших на базе этих терминов. В Петровскую эпоху (1-я треть XVIII в.) происходит окончательное формирование языка русской географической науки, унаследовавшего и закрепившего все наиболее актуальные термины и понятия. Современная русская топонимия сохранила следы языковых контактов минувших эпох. Примечательно, что эти контакты протекали в естественных условиях, когда не существовало столь злободневной в настоящее время проблемы необоснованных переименований географических объектов.

Литература

1. Баскаков Н. А. Географическая номенклатура в топонимии Горного Алтая // Топонимика Востока. — М., 1966.
2. Богатова Г. А., Дерягин В. Я., Романова Г. Я. Славянская историческая лексикография и проблемы региональной характеристики слова // Вопросы языкознания. — 1982. — № 3.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1980. — Т. 4.
4. Добродомов И. Г. География и этимология // Вопросы географии. Сб. 94. Топонимия Центральной России. — М., 1974.
5. Древнетюркский словарь. — Л., 1969.
6. Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. — М.; Л., 1950.
7. Книга глаголемая космография, сложена от древних философов, преведена с Римского языка // Временник Императорской Академии наук. Моск. об-ва истории и древностей российских. Кн. 16. Смесь. — М., 1863.
8. Космография 1670 г. Книга глаголемая космография, сиречь описание сего света земель и государств великих. — СПб., 1878–1881.
9. Молчанова О. Т. О гидрографических терминах Горного Алтая // Вопросы географии. Сб. 81. Местные географические термины. — М., 1970.
10. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. — М., 1999. — Т. 2.
11. Надергулов У. Ф., Шакуров Р. З. Башкирские топонимы бассейна реки Большой Иргиз // Ономастика Поволжья. — Саранск, 1976. — Вып. 4.
12. Полякова Е. Н. От «араины» до «яра». Русская народная географическая терминология Пермской области. — Пермь, 1988.

13. Полова В. Н. Информационная роль местных географических терминов в составе топонимов // Вопросы географии. Сб. 81. Местные географические термины. — М., 1970.
14. Райнов Т. [И.] Наука в России XI–XVII вв.: Очерки по истории донаучных и естественно-научных воззрений на природу. — М.; Л., 1940. — Ч. 1–3.
15. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. — М., 1974.
16. Словник гідронімів України. — Київ, 1979.
17. Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. — М., 1968.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — М., 1987. — Т. 2, 4.

Проголина и проталина

Проголины, проселки,
Просторный небосклон,
Суровый холод елки,
Осинок перезвон.

В. Шошин

В русском языке немало слов очень похожих внешне, по образованию, но различающихся по значению или оттенкам значения. К таким словам относятся, например, обозначения различных погодных явлений. *Гололед* — «голый, не покрытый снегом лед», а *гололедица* — «тонкий слой льда, образующийся на земле в мороз после дождя или оттепели» (на дорогах гололедица). *Изморозь* — «иней, возникающий на поверхности в туманную морозную погоду», а *изморось* — «мелкий, моросящий дождь».

Слова *прогалина* и *проталина* также очень похожи по составу. В разговорной речи наблюдается частое смешение их значений: одно слово употребляется вместо другого как абсолютный синоним (дублет). Оправдано ли такое употребление, действительно ли это одинаковые по смыслу слова?

Проголина считается словом диалектного происхождения, как и однокоренные *прогалинка*, *прогаль*, *пробгаль*, *прогальзина*. В русском языке оно имеет ряд значений, объединенных общим признаком: «голое, чистое место на поверхности воды или земли». «Словарь церковнославянского и русского языка» (1847) выделяет у термина *прогалина* два значения: 1) «место на воде, очистившееся ото льда; полынья»; 2) «сквозное место посреди леса, не поросшее деревьями, или очищенное от деревьев: просека». Примечательно, что термин *прогалина* использован в словаре для толкования значений *проталины* — «земля, показавшаяся из-под растаявшего снега; прогалина» [9, с. 321, 360]. Примерно так же объяснял слово В. И. Даль: *прогалина* — «полынья во льду; проход между торосами, плавучими льдами; незамерзающее место на реке; поляна в лесу; просека, прочисть». Интересно, что одно из значений слова *прогалина* — «большая проталина, лобное место, которое ранее очищается от снега» раскрыто В. И. Далем через слово *проталина* [2, с. 475].

Проталина — тоже диалектное по происхождению слово. Вместе с однокоренными *проталь*, *проталок* оно определено В. И. Далем как «плешина среди снега, прогалина, солнопок; местечко, где снег стаял» [2, с. 517]. И здесь, как видим, одно слово истолковано посредством другого как полный синоним. Смысловое сближение слов *прогалина* и *проталина* в народном употреблении, отмеченное словарями XIX в., обусловлено прежде всего влиянием общего признака «голое, чистое место», который объединяет комплекс значений двух слов. Не случайно известный историк языка А. И. Соболевский, рецензируя первый этимологический словарь славянских языков Ф. Миклошича, упрекал автора за отсутствие указания на родство слов *прогалина* и *голый* [10, с. 146]. Сходную трактовку двух интересующих нас терминов сохранили некоторые словари начала XX в. Например, в словаре П. Л. Маштакова читаем: «*Проголина*, *прогальзина* — 1) „полынья“; 2) „проход между торосами, плавучими

льдами“; 3) „продушина, промоина, незамерзающее место на реке, от ключей“; 4) „большая проталина, лобное место, которое рано очищается от снега“» [4, с. 97].

Сближению семантики данных слов в немалой степени способствует и общность их словообразовательной модели. *Проголина* и *проталина* — существительные, образованные с помощью суффикса *-ин(а)* от процессуальных глаголов *прогдлть* — «прочистить, открыть, оголить» и *протаять* (*протаивать*) — «очиститься от снега или льда» и обозначающие опредмеченный результат в развитии действия, процесса (то, что оголилось или оттаяло). Именно поэтому в словаре В. И. Даля *прогалина* и *проталина* помещены в словарных статьях к соответствующим глаголам.

Однако при всем словообразовательном сходстве *прогалина* и *проталина* образованы от разных глаголов и имеют разную этимологию. *Проголина* — слово, широко известное во всех восточнославянских языках: наряду с русским это укр. разг. *прогдіна* и белор. разг. *прогдіна*. Этимологию слова исследователи обычно связывают с чередованием гласных *o||a* в корнях *гол / гал* (*голый* — *прогальть* — *прогалина*), на что одним из первых обратил внимание известный русский филолог А. А. Потебня [5, с. 163]. Родственные соответствия слову *прогалина* находим во многих славянских языках. Сравните польск. диал. *golina* — «голое, не заросшее деревьями место в лесу»; чешск. разг. *holina* — «прогалина»; в.-луж. *holina* — «голое, открытое пространство в лесу»; болг. *голинá* — «голое место, не покрытое растительностью или снегом»; словен. *golina* — «голая, каменистая вершина горы»; с.-хорв. *прбгала*, *прбгалина* — «лесная прогалина» [11, с. 107].

Слово *проталина* в этимологических словарях встречается редко. Его происхождение обычно рассматривается слишком обобщенно, как, например, в словаре Н. В. Горяева (1896), где от слова дана лишь отсылка к глаголу *таять* и прилагательному *талый*, а само оно подробно не объяснено [1, с. 283, 361]. Кроме русского, слово *проталина* встречается только в украинском (*протдіна*) и белорусском (*пратдіна*) языках, что позволяет предположительно считать его общевосточнославянским образованием, хотя глагол *таять* известен во всех группах славянских языков [12, с. 30–31].

Диалектизм *прогалина* к настоящему времени частично утратил свой местный характер и вошел в литературный язык. Большой академический словарь русского языка отмечает у слова два значения и не дает к нему никаких ограничительных помет: 1) «свободное от деревьев место, поляна или лужайка в лесу» (с оттенком значения «голое, лишенное покрова место на какой-нибудь поверхности»); 2) «промежуток, свободное место между чем-либо». Однако относящиеся к этому же словообразовательному ряду слова *прогдл*, *прогдлок*, *прогдлочек* стилистически квалифицированы как *просторечные* [8, с. 989–990]. Аналогичный процесс вхождения в лексический состав литературного языка испытал диалектизм *проталина*. В современном русском литературном языке он известен в значениях «место, где стаял снег и обнажилась земля» (с оттенками значения: «место на реке, где растаял лед; полынья»; разг. «протаявшее место на замерзшем стекле») [8, с. 1428–1429].

Проголина и *проталина*, употребляясь как в современных русских народных говорах (наряду с многочисленными родственными образованиями), так и в литературном языке и сохраняя объединяющий их значения признак «голое, чистое место», все-таки имеют различное смысловое содержание. Так,

в воронежских говорах известны слова: *прогáлина* — 1) «поляна между двух лесных массивов»; 2) «место на реке, свободное от льда»; *прогáл, прогáлок* — «поляна между двух лесных массивов»; *прóгаль* — «редкий лес, находящийся между густым лесом» [3, с. 159]. Но в русском литературном языке *прогалина* и некоторые однокоренные слова употребляются лишь для обозначения поляны, незаросшего места в лесу, а значение «место на реке, свободное от льда» не представлено. Например: «Никто из специалистов не поинтересовался, сколько же будет вырублено сосен и нельзя ли уменьшить рубку, приурочив проектируемые постройки к существующим *прогалинам*, полянам, рединам»; «В *прогалах* на земле мы увидели рубчатые глубокие вмятины» (из газет).

Слово *проталина* в народных говорах и литературном языке имеет значительно меньше значений, чем *прогалина*. Так, в воронежских говорах употребительны во множественном числе слова *протáлины, протдины* — «места на покрытой льдом реке, которые оттаивают первыми». В Пинежском районе Архангельской области отмечено бытование слов *талíна, талíнка*, относящихся к тому же, что и *проталина*, словообразовательному гнезду и обозначающих оттаявшее место на поверхности земли: «Когда везде еще снег, а земля кое-где видна, это местечко *талíнами* и называют» [6, с. 99]. Интересно, что в современном языке русской географической науки закрепилось употребление в качестве термина областного по происхождению слова *талик* — «участок талого грунта». Термин заимствован в некоторые западноевропейские языки (ср. англ., фр. *talik*) [13, с. 437].

В русском литературном языке слово *проталина* однозначное, причем оно обозначает оттаявшее место не на поверхности воды, а только на поверхности земли. Например, «У весны есть тысячи примет и много календарей. По численнику она начинается первого марта, для астронома — в день весеннего равноденствия, для фенолога — с первой *проталины*» (из газет).

Не верите — спросите у грачей,
Что, как пилюли, дождичек глотают.
Снег похудел за несколько ночей,
И воцарилась чернота *проталин*.
(В. Боков)

В детском стихотворении И. Токмаковой читаем:

К нам весна шагает	Черные <i>проталины</i>
быстрыми шагами,	на полях видны,
и сугробы тают	Верно, очень теплые
под ее ногами.	ноги у весны.

Используется слово и для характеристики неожиданных изменений в зимнем пейзаже города. В газетной заметке «Весна в декабре», посвященной оттепели, сообщается: «Показались *проталины* в парках, а на дорогах — чистый асфальт» (из газет).

Слова *прогалина* и *проталина* употребляются и в узкопрофессиональной сфере — в составе русской гидрографической терминологии. *Прогалина* — «чистая вода между плавучими льдами; полынья», а *проталина* — «оттаявшее место на поверхности льда». Примечательно, что, различаясь в целом по значению, эти два термина испытывают процесс смыслового сближения, который обусловлен проявлением отмеченного выше признака «голое, чистое место».

Результат такого сближения — случаи синонимического употребления терминов. По замечанию специального словаря, «иногда *прогалинами* называют *проталины*» [7, с. 97, 105]. В связи с этим необходимо заметить, что синонимия в терминологии — явление крайне нежелательное, поскольку в этом случае нарушается четкая закреплённость термина за конкретным научным понятием.

Таким образом, становится совершенно ясно, что диалектные по происхождению слова *прогалина* и *проталина* прочно вошли в русский литературный язык, известны в составе специальной терминологии. Их употребление в настоящее время отличается достаточной активностью. Несмотря на общий признак «голое, чистое место», эти два слова имеют разное смысловое содержание и разную этимологию, а следовательно, они должны различаться как в устной, так и в письменной речи.

Литература

1. Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. — Тифлис, 1896.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1955. — Т. 3.
3. Дьякова В. И. Географическая терминология Воронежской области. Дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 1973.
4. Маштаков П. Л. Материалы для областного водного словаря. — Л., 1931.
5. Потебня А. А. Этимологические заметки // Русский филолог. вестник. — Варшава, 1880. — Т. 3. — № 2.
6. Сими́на Г. Я. Географические названия. По материалам письменных памятников и современной топонимии Пинежья. — Л., 1980.
7. Словарь морских и речных терминов / Под ред. М. И. Чернова. — М., 1956. — Т. 2.
8. Словарь современного русского литературного языка. — М., 1961. — Т. 11.
9. Словарь церковнославянского и русского языка / Сост. 2-м отд. АН. — СПб., 1847. — Т. 3.
10. Соболевский А. И. Этимологические заметки // Журнал Министерства нар. просвещ. — 1886. — сент.
11. Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. — М., 1969.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — М., 1987. — Т. 4.
13. Щукин И. С. Четырехязычный словарь терминов по физической географии. — М., 1980.

ТОПОНИМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Топонимика и топонимия (ложная дублетность в терминологии)

В истории развития каждой науки периодически возникает потребность рационально осмыслить терминологическое «хозяйство» и навести в нём порядок. Это может быть связано не только с полным отказом от некоторых терминов, утративших свою актуальность (*педология*), но и с уточнением содержания употребляемых терминов (*диалектическое слово* — *диалектное слово*; *семинарий* — *семинар*; *мультипликация* — *анимация*), поскольку обозначаемые ими понятия находятся в процессе непрерывной эволюции. Показательна в этом отношении история термина *этимология*, который на рубеже XIX–XX вв. обозначал в русском языке «науку о происхождении слов», а также «грамматику без синтаксиса и правописание слов» как предмет школьного преподавания [35].

Сознательное вмешательство в терминологический репертуар наук предполагает исключение синонимов, преодоление полисемии и омонимии, придание терминам языковой формы, оптимальной для их функционирования, и решение ряда других вопросов, имеющих важное практическое значение. Например, как правильно: режиссер *озвучания* или *озвучивания*; средство для *похудания* или *похудения*?

Особенно актуальным такое упорядочение оказывается для терминологий гуманитарных (общественных) наук, чутко реагирующих на изменения, происходящие в обществе (ср. историю терминов *советский народ* — «новая историческая общность», *развитой социализм*, *перестройка*, *гуманитарная помощь* и т. п.). Терминологии «молодых» наук, сравнительно недавно сформировавшихся, в том числе гуманитарных, также время от времени нуждаются в пересмотре и уточнении. К таким наукам относится *топонимика*, изучающая комплекс проблем, связанных с географическими названиями (топонимами). Однако термин *топонимика* не сразу закрепился в научном обиходе, несмотря на свою этимологически прозрачную внутреннюю форму: греч. τόπος (*tópos*) — «место, местность» + ὄνομα (*ónoma, ónuta*) — «имя, название» + -к(а).

История развития и становления терминологии *топонимики*, как и любой другой терминологии, непосредственно связана с историей формирования самой науки и ее методов. Интерес к изучению географических названий возник в России уже в XVIII в., хотя первые попытки лингвистической интерпретации топонимов носили преимущественно наивно-реалистический характер и нередко ограничивались рамками народной этимологии. Так, современник М. В. Ломоносова В. К. Тредиаковский весьма своеобразно объяснял происхождение некоторых названий зарубежных государств: *Британия* < *Приста-*

ния — «здесь пристали кельты»; *Норвегия* < *Наверхия* — «лежит на верху карты к северу»; *Италия* < *Удалия* — «удаленная от севера» и т. п. [7, с. 205–207].

Большой вклад в разработку методологических основ изучения географических названий внес один из создателей сравнительно-исторического метода в языкознании известный ученый А. Х. Востоков, современник А. С. Пушкина. В своей небольшой статье А. Х. Востоков впервые указал на суффиксы (топоформанты) *-ва*, *-ба*, *-га* и др., регулярно повторяющиеся в названиях рек типа *Протва*, *Витба*, *Пинега* [1, с. 204–215], поэтому его справедливо считают основоположником формантного метода в топонимике. Между тем ни в работе А. Х. Востокова, ни в русской научной литературе XIX в. термины *топонимика* и *топонимия* известны не были.

В течение последующего времени географические названия становятся объектом более пристального и разноаспектного изучения. Топонимический материал охотно используют в своих работах историки З. Доленга-Ходаковский, Д. П. Европеус, И. А. Износков; географы Н. И. Надеждин, Ф. П. Саваренский, П. П. Семенов-Тянь-Шанский; лингвисты Я. К. Грот, А. И. Соболевский, Н. Я. Марр. Но впервые употребление термина *топонимика* встречаем лишь в брошюре идеолога «нового учения о языке» Н. Я. Марра (1926). Примечательно, что, хотя в тексте самой брошюры термин фигурирует трижды (например, *грузинская топонимика*), его содержание не раскрыто. Тем не менее автор оперирует производными от него образованиями: *топонимический термин* (Волга!), *топонимический материал*, *топонимическое подтверждение* [16, с. 5, 15, 20]. Содержание таких контекстов позволяет считать, что термин *топонимика* трактуется Н. Я. Марром в значении «совокупность географических названий какого-либо региона, в том числе, по их языковой принадлежности», но не как название науки. В аналогичном значении этот термин используется в одной из ранних работ В. А. Никонова, где он сочувственно цитировал Н. Я. Марра [18, с. 12–17].

В конце 30-х годов у семантически неясного термина *топонимика* появляется конкурент — *топонимия*. Этот термин вполне корректно употребил А. М. Селищев в своей статье «Из старой и новой топонимии» (1939), подразумевая под ним «совокупность старых и новых географических названий Московской области» [29]. Дублетное сосуществование двух терминов продолжалось, и даже в наше время название статьи А. М. Селищева часто цитируют в искаженной форме, заменяя *топонимию* на *топонимику*.

Осмысление данных терминов в общей и отраслевой отечественной лексикографии наглядно отражает историю их развития и становления в языке ономастической науки. Впервые эти термины зафиксированы в «историческом» с современной точки зрения «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, где они хотя и считаются специальными, но никак не различаются и поэтому объединены в одном значении — «совокупность географических названий» [33, стб. 744–745]. Такая же трактовка терминов дана в Большом академическом словаре русского языка, в котором, кроме того, указано, что *топонимика* — «раздел лексикологии, занимающийся изучением географических названий», а *топонимия* — «наука, изучающая топонимику» (логический круг!) [32, стб. 642–643].

Впрочем, в научной литературе 40–50-х годов XX в. слабо, но уже намечалась тенденция к закреплению термина *топонимика* в качестве обозначения науки о географических названиях. Об этом свидетельствуют работы ученых,

настойчиво стремившихся придать *топонимике* статус исторической или, напротив, географической науки. В этом отношении весьма показательны сами названия статей: Веселовский С. Б. «Топонимика на службе у истории» (1945) [8]; Попов А. И. «Топонимика, как историческая наука» (1957) [23]; Маракуев А. В. «Краткий очерк *топонимики* как географической дисциплины» (1954) [15] и др.

По-видимому, уже в эти годы исследователи стали осознавать неудобство, связанное с дублетным употреблением терминов *топонимика* и *топонимия*. Во избежание их двусмысленного понимания В. А. Никонов в одной из своих работ впервые предложил разграничить термины, закрепив за *топонимикой* значение «процесса изучения топонимического материала», т. е. название науки, а за *топонимией* — значение «совокупности географических названий». Однако примечательно, что автору не удалось последовательно выдержать свою рекомендацию, поскольку в силу сложившейся негативной традиции он в этой же работе употреблял выражения типа *топонимика мери*, *топонимика Армении* [19, с. 393, 395, 401]. Терминологическая неопределенность двух терминов отразилась и на появлении в эти годы тавтологичного, а поэтому неудачного термина *топонимические названия* (наряду с другим неудачным обозначением — *гидронимические названия*), фигурирующего, в частности, в статье Б. А. Серебренникова «О методах изучения топонимических названий» (1959) [30]. К сожалению, этими терминами продолжают оперировать и некоторые современные исследователи.

Своего расцвета отечественная топонимика достигла в 60–70-е годы XX в. благодаря трудам В. А. Никонова, А. И. Попова, Э. М. Мурзаева, Е. М. Поспелова и других ученых. В этот период термин *топонимика* начинает постепенно закрепляться в значении «наука о географических названиях», что отражено в одном из основополагающих трудов — в книге В. А. Никонова «Введение в топонимику» (1965) [20], где справедливо указано: *топонимика* — изучение *топонимии*. Тем не менее в языке ономастической науки термин *топонимика* был перегружен еще двумя значениями: 1) «совокупность географических названий определенной территории» (например, *псковская топонимика*); 2) «совокупность географических названий определенной языковой принадлежности» (например, *славянская топонимика*), о чем можно судить по некорректной констатации данного факта в работе А. И. Попова [24, с. 7].

Лексикографическая разработка терминов продолжала отставать от реального терминопотребления. Так, в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой (1966) *топонимика* трактуется как «совокупность географических названий», а «раздел лексикологии, изучающий географические названия», обозначен серией синонимичных дублетных терминов: *топонимика*, *топонимия*, *топономастика* [2, с. 477–478]. Как видим, терминологическая ситуация осложнялась тем, что в эти же годы в научный оборот вводится термин *топономастика*, призванный объединенно отразить в одном обозначении названия двух наук — *топонимики* и *ономастики* как науки о собственных именах вообще [25, с. 9–34; 13]. Очевидно, термин *топономастика* появился в языке русской ономастической науки под влиянием его употребления в ряде ведущих языков, на которых активно публиковались топонимические труды (ср. англ. *toponomastics* наряду с *place-name study*; нем. *Toponomastik* наряду с *Ortsnamenkunde*; фр. *toponomastique*). Впрочем, данный термин недолго просуществовал в терминосистеме науки о собственных именах. Уже в конце 60-х

годов XX в. он попадает в разряд nereкомендуемых, поскольку в этот период ясно обозначились тенденции к дифференциации наук и, соответственно, их терминологий как одно из проявлений начавшейся НТР.

Не случайно поэтому, что тогда же *топонимика* и *топонимия* наконец получают свой четкий терминологический статус базовых, узловых терминов науки о географических названиях. *Топонимика* — обозначение самой науки, а *топонимия* — обозначение совокупности географических названий конкретного региона [21, с. 142]. Своевременная разработка ясных дефиниций для данных терминов, приобретавших к тому же характер интернациональных обозначений, позволила избежать их двусмысленного понимания и употребления. В противном случае, как справедливо заметил немецкий ученый Т. Витковский, «коммуникация затрудняется <...>, когда оба термина, например *Toponymie* и *Toponymik* <...>, могут относиться либо к собранию имен данного типа, либо к области исследования той науки, которая ими занимается» [9, с. 35].

Однако в словарях иностранных слов и энциклопедических словарях, изданных в 60-е годы, продолжало иметь место смешение двух терминов. Например, в «Энциклопедическом словаре» (1964) *топонимии* вообще нет, а *топонимика* объясняется как «совокупность (!) местных географических названий» [34, с. 513]. Похожую ситуацию наблюдаем и в отраслевой лексикографии: так, переводной «Словарь общегеографических терминов» (1976 г.) включает лишь *топонимию* (*toponymy*), сопровождая термин глухим пояснением — «изучение названий мест» [31, с. 299].

Несмотря на достаточно корректное понимание данных терминов, предложенное «Большой советской энциклопедией» и энциклопедией «Русский язык» (1977–1979 гг.) [5, стб. 264; 28, с. 352], в толковых словарях русского языка, переизданных в последующее время, сохранялась дублетная трактовка *топонимики* и *топонимии* (ср., например, подход к терминам в Малом академическом словаре и в словаре С. И. Ожегова). К сожалению, такое понимание отражено и в справочной литературе, адресованной непосредственно учителю, — это «Словарь-справочник лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой (1985) и «Словарь трудностей русского языка» тех же авторов (1987) [26, с. 361; 27, с. 364].

В современной отраслевой лексикографии, начиная со «Словаря русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской (1978, 2-е изд. — 1988), термины *топонимика* и *топонимия* благодаря объективным дефинициям получили наконец четкий терминологический статус [22, с. 132, 134–135]. Их понятийное содержание без искажений воспроизведено в «Географическом энциклопедическом словаре. Понятия и термины» (1988), в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (1990) и в «Терминологическом словаре по физической географии» под редакцией Ф. Н. Милькова (1993) [11, с. 309; 14, с. 515–516; 17, с. 251].

Как ни парадоксально, новейшая справочная энциклопедическая литература продолжает настойчиво фиксировать устаревшие значения двух терминов или просто не замечает один из них. Так, в «Большом энциклопедическом словаре» (1991) *топонимии* нет, а *топонимика* архаично объясняется как «совокупность (!) географических названий» [6, с. 484]. По-видимому, этот факт в определенной степени негативно поддерживает еще встречающееся дублетное употребление терминов как в устной профессиональной речи, так и —

наиболее часто — в краеведческой литературе и даже в диссертационных работах [10; 3; 4; 12].

Рассмотренный материал показывает, насколько сложно и своеобразно протекал процесс формирования и закрепления базовых терминов сравнительно молодой науки о географических названиях — *топонимики*. Примечательно, что прямо противоположный результат паронимического отталкивания терминов наблюдается в соотношении *филологика* — «корпус исследований в области филологии» (ср. название издающегося в настоящее время журнала «*Philologica*») и *филология* — «название содружества гуманитарных наук, изучающих письменные тексты».

Учет изложенного материала, вероятно, будет полезен в практике школьного и вузовского преподавания русского языка, истории, географии. Употребление рассмотренных терминов в строго заданном современной ономастической наукой значении позволит учителю избежать возможных ошибок и неточностей, например, при акцентологической характеристике терминов: *топонимия* (не *топонимья*), *топоним* (не *топоним*). А значит, учитель сможет достаточно грамотно проводить не только аудиторную, но и внеаудиторную работу в топонимических и краеведческих кружках, тем более, что учебно-научная деятельность в области топонимического краеведения в последние годы заметно оживилась на фоне общего интереса к истории и географии России.

В связи с этим и общая лексикография не должна отставать от фиксации реального терминопотребления. Назрела настоятельная необходимость во внесении соответствующих исправлений в словарные статьи, посвященные *топонимике* и *топонимии* в переиздающихся толковых словарях русского языка (особенно — в Большом академическом словаре), словарях иностранных слов и энциклопедических словарях. К сожалению, в новейшем академическом географическом словаре *топонимика* архаично (= искаженно) трактуется как «совокупность географических названий...», а *топонимии* вообще нет [36, с. 548].

Литература

1. А. В. [Востоков А. X.] Задача любителям этимологии // Санкт-петербургский вестник. — 1812. — № 2.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — 5-е изд. — М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2010.
3. Байрамкулов А. М. К истории аланской ономастики и топонимики. — Черкесск, 1995.
4. Барашков В. Ф., Дубман Э. Л., Смирнов Ю. Н. Самарская топонимика. — Самара, 1996.
5. Большая советская энциклопедия. — 3-е изд. — М., 1977. — Т. 26.
6. Большой энциклопедический словарь. — М., 1991. — Т. 2.
7. Булич С. К. Очерк истории языкознания в России // Записки ист.-филол. ф-та Имп. С.-Петерб. ун-та. — Ч. 75. — СПб., 1904. — Т. 1.
8. Веселовский С. Б. Топонимика на службе у истории // Ист. записки. — М., 1945. — Т. 17.
9. Витковский Т. Проблемы словаря ономастической терминологии // Перспективы развития славянской ономастики. — М., 1980.
10. Вопросы топонимики Подвinya и Поморья. — Архангельск, 1991.
11. Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины. — М., 1988.
12. Кукушкина В. В. Топонимика Санкт-Петербурга первой половины XIX в. по планам города. — СПб., 1996.
13. Лингвистическая терминология и прикладная топонимика. — М., 1964.
14. Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.

15. Маракуев А. В. Краткий очерк топонимики как географической дисциплины // Уч. зап. Казахск. ГУ. — Алма-Ата, 1954. — Т. 18. — Вып. 2.
16. Марр Н. [Я.] Из переживания до-исторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике. — Чебоксары, 1926 (на обложке — 1925 г.).
17. Мильков Ф. Н., Бережной А. В., Михно В. Б. Терминологический словарь по физической географии / Под ред. Ф. Н. Милькова. — М., 1993.
18. Никонов В. А. Об изучении местных географических названий // Советское краеведение. — 1935. — № 6.
19. Никонов В. А. Топонимика за пятилетие 1950–1954 гг. Указатель литературы // Изв. Всесоюз. геогр. об-ва. — 1958. — Т. 90. — Вып. 4.
20. Никонов В. А. Введение в топонимику. — М., 1965.
21. Подольская Н. В., Супранская А. В. Терминология ономастики // Вопросы языкознания. — 1969. — № 4.
22. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — 2-е изд. — М., 1988.
23. Попов А. И. Топонимика, как историческая наука // Мовознавство. — 1957. — № 14.
24. Попов А. И. Географические названия (Введение в топонимику). — М.; Л., 1965.
25. Реформатский А. А. Топономастика как лингвистический факт // Топономастика и транскрипция. — М., 1964.
26. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. — 3-е изд. — М., 1985.
27. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь трудностей русского языка. — 6-е изд. — М., 1987.
28. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ф. П. Филин. — М., 1979.
29. Селищев А. М. Из старой и новой топонимии // Избр. труды. — М., 1968.
30. Серебренников Б. А. О методах изучения топонимических названий // Вопросы языкознания. — 1959. — № 6.
31. Словарь общегеографических терминов / Под ред. Л.-Д. Стампа. — М., 1976. — Т. 2.
32. Словарь современного русского литературного языка. — М.; Л., 1963. — Т. 15.
33. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 1940. — Т. 4.
34. Энциклопедический словарь. — М., 1964. — Т. 2.
35. Этимология русского языка для низших классов гимназий (применительно к правописанию). — 44-е изд. — М., 1911.

* * *

36. Котляков В. М., Комарова А. И. География: понятия и термины: пятиязычный академический словарь. — М., 2007.
37. Матвеев А. К. Ономастика. — М., 2006.

Нерешенные вопросы орфографии топонимов

Среди сложных проблем современной орфографии особое место занимают вопросы раздельного, дефисного (полуслитного) и слитного написания некоторых категорий географических названий, а также случаи употребления в них прописных букв. Нерешенность этих вопросов объясняется, с одной стороны, тем, что теоретическому осмыслению в лингвистической литературе они стали подвергаться сравнительно недавно, с начала 30-х годов XX в., а с другой — тем, что вышедшие в 1956 г. единые общеобязательные «Правила русской орфографии и пунктуации», естественно, не смогли охватить всех случаев правописания географических названий и полностью устранить разноречивость. К сожалению, вопросы орфографии топонимов не были выделены в «Правилах...» в специальный раздел, иллюстративный материал представлен в них недостаточно полно и без учета структурных особенностей конкретных моделей топонимов.

Проблемы правописания географических названий, касающиеся главным образом употребления прописных букв, оживленно обсуждались в литературе в период орфографической дискуссии 1962–1964 гг. [18, с. 34–37; 14, с. 298–300, 386–388]. Однако ни одно из вышедших впоследствии орфографических пособий, ни один из словарей не содержат целостных рекомендаций относительно раздельного, дефисного, слитного написания топонимов и употребления в них прописных букв. С момента выхода ныне действующих «Правил...» прошло полвека, за это время шире стал круг топонимов, подлежащих орфографической унификации. Между тем отмеченные выше факторы продолжают отрицательно сказываться в написании отдельных категорий географических названий, приводя к увеличению числа неунифицированных форм.

Рассмотрим правописание трех типов топонимов, отличающееся особой неупорядоченностью.

I. Большой разноречивостью наблюдается в правописании сложных топонимов, начинающихся на *Старо-*, *Ново-*, *Больше-*, *Мало-*; *Верхне-*, *Нижне-*, *Средне-*, *Красно-*, *Центрально-*, и в производных от них. По своей структуре данные словообразовательные элементы подразделяются на бессуффиксные (*стар-ый*, *нов-ый* и т. п.) и суффиксальные (*верх-н-ий*, *центр-альн-ый* и т. п.). Примечательно, что из всех типов рассматриваемых топонимов названия с препозитивной частью *Ново-* значительно преобладают. Эта модель хотя и включает бессуффиксный элемент *Ново-*, тем не менее представляет собой суффиксально-сложный тип словообразования на основе имен прилагательных: *Куйбышев > куйбышев-ск-ий > Ново-куйбышев-ск*. Как отмечает В. В. Лопатин, «основа мотивирующего прилагательного на *-ский*, мотивированного в свою очередь наименованием территории или крупного города, сочетается в таких сложениях с основой прилагательного *новый <...>*» [10, с. 35].

В современном русском языке данная словообразовательная модель достаточно продуктивна. На наш взгляд, это обусловлено важным экстралингвистическим фактором: бурным ростом городов-спутников, укрупнением на-

селенных пунктов в результате их слияния. Анализ топонимов, содержащихся в официальном справочнике «СССР. Административно-территориальное деление союзных республик» (М., 1987), свидетельствует о том, что наибольшее количество названий с элементом *Ново-* было присвоено новым городам и поселкам в 50–60-е годы: более 50-ти названий. Именно в этот период на карте СССР появились топонимы *Новокуйбышевск* (1952), *Новорайчихинск* (1956), *Новоенисейск* (1962), *Новополоцк* (1963), *Новомаклаково* (1966), *Новоульяновск* (1967) и мн. др. [1]. Не случайно, что тогда же, в конце 50-х гг., обострилась проблема орфографической унификации топонимов на *Ново-* и т. п., получившая отражение в литературе [5, с. 13; 28, с. 60–61; 27, с. 47–48, 57–58; 2, с. 54–55].

Продуктивность рассматриваемого способа номинации была усилена и за счет того, что названия с *Ново-* типа *Новоржев*, *Новохоперск*, функционировавшие в русском языке с XVIII в., хорошо «вписались» в современную топонимическую систему, будучи соотнесены с топонимами на *Ново-*, возникшими в русском языке послеоктябрьского периода. Названия данного типа удобны тем, что во многих случаях позволяют показать преемственную ретроспективную связь с более древними топонимами, от которых они образованы, и достаточно четко выражают ориентирующий (адресный) признак. Так, *Новополоцк* расположен в 12 км от *Полоцка*, *Новочебоксарск* — в 20 км от *Чебоксар* и т. д. Как показывают наши подсчеты, всего существует более ста названий городов и поселков с элементом *Ново-*, возникших с 1920 по 1987 г.

В самых разнообразных изданиях топонимы указанного типа и производные от них (а также топонимы, образованные по модели *новый бакинский > Новобакинский*) встречаются в противоречащих друг другу написаниях: то в слитном, то в дефисном, причем нередко на одной и той же странице. Например: *Новолипецкий металлургический комбинат — Ново-Стерлитамакская ТЭЦ* (Советская Россия, 15.10.77); *Новоазовск* (Правда, 16.02.79) — *Ново-Талицы* (там же, 19.10.81); *Новоодесский район — Ново-Бакинский* нефтеперерабатывающий завод (Труд, 04.06.80); *Нижнекамская ГЭС* (Труд, 22.08.82) — *Нижне-Мальцевский* химический завод (там же, 30.05.80); *Малокурильск* (Труд, 11.03.83) — *Мало-Курильск* (Правда, 16.09.81) и т. д.

В учебниках географии встречаем аналогичные примеры разноречивых написаний: *Центральнаякутская равнина — Центрально-Камчатское* понижение, *Центральночерноземный район — центрально-черноземные* области, *Верхне-Силезский бассейн — Среднегерманский* канал. В научной монографии однотипные топонимы даны в разной форме: *Среднерусская возвышенность — Средне-Сибирское* плоскогорье [9, с. 13, 396, 440, 445]. Подобные написания, ставящие пишущего в тупик, достаточно многочисленны и в литературе последних десятилетий, даже в научных академических изданиях, например: *Верхнетагдинский район — Верхне-Чебульский* район (Словарь русских говоров Сибири. — Новосибирск, 1999. — Т. 1. — Ч. 1. — С. 17).

Такая же непоследовательность обнаруживается в правописании топонимов на *Северно-* (*Северо-*), *Южно-* (*Юго-*), *Западно-*, *Восточно-*. На карте важнейших строек, содержащейся в учебнике географии, встречаем противоречивые написания: *Южноукраинская* электростанция — *Южно-Таджикский* территориально-производственный комплекс. В целом как для учащихся, так и для учителей абсолютно непонятно, почему однотипные названия нужно писать по-разному: *Среднесибирская* магистраль, но *Северо-Сибирская* магистраль;

Дальневосточный экономический район, но *Восточно-Сибирский* район; *Центральноказахстанский* железорудный район, но *Южно-Казахстанский* район и др.? Ср. также: *Северомуйск* — *Северо-Муйский* хребет (Труд, 03.08.82); *Северобайкальск* (Правда, 18.01.83) — *Северо-Байкальский* район (там же, 29.01.83).

Как показывает анализ, слитное написание топонимов указанных типов в целом преобладает в географической литературе, а дефисное — в газетно-публицистических текстах. Очевидно, это объясняется тем, что в современной картографии с 1961 г. официально узаконено слитное написание названий с начальными элементами *Старо-*, *Ново-* и т. п. [16, с. 11], которое практически отражено не только на всех изданных с этого времени географических картах, но и в справочнике «СССР. Административно-территориальное деление союзных республик» (с 1960), а также в «Словаре географических названий СССР» (1968, 2-е изд. — 1983). Впрочем, данное правило не распространяется на топонимы с начальными элементами *Северно-(Северо-)*, *Южно-(Юго-)*, *Западно-*, *Восточно-*, которые предложено писать через дефис.

Преобладание дефисных написаний топонимов данного типа на страницах газет обусловлено, по-видимому, тем, что дефисное написание облегчает чтение сложных и незнакомых названий, а газетные тексты должны быть информативно четкими и доходчивыми. Так объективно возникает противоречие между логикой пишущего (для которого удобнее слитное написание, без отрыва руки) и логикой читающего (в соответствии с ней легче воспринимать сложное слово, орфографически разделенное на морфемы, например, *Центрально-Черноземный* район). Как же преодолеть это противоречие в широкой практике современной печати?

Ныне действующие «Правила русской орфографии и пунктуации», к сожалению, не дают однозначного ответа на поставленный вопрос. В них предусмотрено во всех случаях писать топонимы на *Старо-*, *Ново-* и т. п. через дефис, «кроме тех [названий]. — А. Б.], слитное написание которых закрепилось в справочных изданиях, на географических картах и т. п. <...>» [17, с. 39]. Однако критерий «закрепленности», т. е. традиционности, в данном случае оказывается чересчур шатким, поскольку пишущий не способен запомнить и учесть всех закрепившихся написаний, а практика печати слишком противоречива и, самое главное, — указывает на отсутствие какой-либо прочной традиции для рассматриваемой орфограммы.

Так же непоследовательно решается проблема в пособиях по орфографии. Например, Д. Э. Розенталь в практическом руководстве «Вопросы русского правописания» (1970) предлагает для топонимов данного типа дефисное написание, но одновременно указывает, что элемент коррелятивной пары без *Ново-*, *Старо-* и т. п. «не всегда употребляется отдельно». (Очевидно, имеется в виду, что в современной русской топонимии нет названий *Алтайск*, *Вятск*, *Волынск* — есть *Новоалтайск*, *Нововятск*, *Нововолынск*). Здесь же отмечено, что «в соответствии с закрепившимся написанием» некоторые (какие?) топонимы пишутся слитно [20, с. 22–23]. Автор, по-видимому, сознавал противоречивую непоследовательность своих рекомендаций и поэтому вообще не включил правило о написании топонимов на *Старо-*, *Ново-* и т. п. в одно из своих последних пособий для работников печати, рассмотрев лишь орфографию топонимов, начинающихся на *Верх-*, *Соль-*, *Усть-* [21, с. 17]. Орфографическая нерешенность проблемы отрицательно сказывается и на правописании прилагательных, производных от топонимов указанного типа. Так, необоснованные разноречивые написания вроде *нижне-ангарский* (Нижне-Ангарск),

средне-колымский (Средне-Колымск) достаточно часто встречаются в практике современной печати.

Для позитивного решения проблемы, на наш взгляд, необходимо прежде всего учитывать структуру топонимов с начальными компонентами *Старо-*, *Ново-* и т. п. Эти названия представляют собой словообразовательные модели, в которых господствуют *подчинительные* отношения (связи) между компонентами. Причем можно не принимать во внимание характер производящей мотивирующей основы для топонимов данного типа (например, *Центральная Якутия* или *Центральная Якутская* > *Центральная якутская* равнина), поскольку в обеих моделях отношения между компонентами строятся на основе подчинения. Следовательно, орфографическим выражением подчинительных связей в структуре названий рассмотренного типа и должно стать их слитное написание — показатель цельнооформленности названий, тем более, что дефисное написание свидетельствует о тяготении к такой цельнооформленности.

Введение слитного написания для данных категорий топонимов ликвидировало бы их искусственный орфографический разрыв с большой продуктивной группой однотипных с ними нарицательных прилагательных (*новогреческий*, *старославянский*, *верхневолжский* и т. п.), для которых в современной орфографии установлено слитное написание [17, с. 41; 21, с. 43, 44]. Кроме того, принятием слитного написания будет устранен разрыв с правилами, действующими в картографии. Это в значительной мере облегчит практическое усвоение соответствующих правил. В пользу слитного написания свидетельствует и такой немаловажный факт, как функционирование топонимов рассмотренного типа вне языкового контекста — например, на географических картах, где они должны быть поданы также в цельнооформленном виде; показательно в этом отношении сравнение орфографии личных имен *Карл Маркс*, *Лев Толстой*, *Михаил Коцюбинский* и т. п. с орфографией образованных от них названий районов и населенных пунктов, подписываемых на географических картах: поселок *Карло-Марксово* Донецкой области, *Лев-Толстовский* район Липецкой области, поселок *Михайло-Коцюбинское* Черниговской области (ср. также орфографию сложных прилагательных типа *ильфо-петровский* стиль).

К сожалению, неизбежным, хотя и единственным исключением из данного правила является написание названий крупных физико-географических объектов, административно-территориальных единиц с начальными компонентами *Северно-(Северо-)*, *Южно-(Юго-)*, *Западно-*, *Восточно-*, которые следует писать через дефис. Например, *Восточно-Европейская* равнина, *Северо-Казахстанская* область, *Южно-Сахалинск*, поселок *Юго-Камский* и др. Исключение обусловлено длительной традицией употребления подобных топонимов в дефисном написании в научной и учебной литературе, на географических картах, а также тем, что первые компоненты в топонимах этого типа семантически относительно самостоятельны, так как обозначают одну из четырех стран света — важный ориентирующий признак. Это исключение нашло отражение в учебной и справочной литературе [21, с. 46]. Однако вряд ли целесообразно микротопонимы на *Старо-*, *Ново-*, *Нижне-*, *Красно-*, *Средне-* и т. д. типа *Новокубанский* район, *Нижнекамский* район писать через дефис — ведь это названия, которые должны быть написаны по общему правилу: слитно, что, в частности, отражено в справочнике «СССР. Административно-территориальное деление союзных республик» (М., 1987).

Рассмотренная орфографическая проблема уже давно положительно решена в современном украинском языке, где для русских и украинских топо-

нимов типа *Новокуйбышевск* и производных от них узаконено слитное написание. Примечательно, что в орфографическом Своде украинского языка вопросы орфографии топонимов и производных от них образований рассмотрены в специальном разделе [30, с. 136, 127–137].

II. Вторая проблема, создающая значительные трудности в практике школьного и вузовского преподавания русского языка и для работников печати, касается орфографии двухкомпонентных топонимов и микротопонимов типа поселок *Пушкинские Горы*, улица *Кузнецкий Мост*, включающих географический термин (*горы* и т. п.) или слово, обозначающее объект, существовавший лишь в прошлом, но не существующий в настоящее время (*мост* и т. п.). В учебной и научной литературе, на страницах газет и журналов названия данного типа встречаются в противоречивых формах. Например, в учебниках географии встречаем написание: *Беловежская пуща* — *Беловежская Пуца*. Ср. также: поселок *Ладожское озеро* (Труд, 04.03.82) — поселок *Край леса* (там же, 20.10.82); поселок *Красное село* (Правда, 29.07.81) — селение *Толстый Нос* (там же, 25.08.81); микрорайон *Вишневая Балка* (Труд, 25.08.82) — урочище *Бобровый лог* (там же, 31.03.83) и мн. др. Часты случаи противоречивых написаний типа улица *Кашёнкин луг* — улица *Кашёнкин Луг*, проезд *Марьиной рожи* — проезд *Марьиной Рожи* и т. д.

Как свидетельствуют примеры, разноречивость касается употребления строчной и прописной буквы во втором компоненте названия. «Правила русской орфографии и пунктуации» дают совершенно четкую формулировку: «Существительные, входящие в состав сложных собственных наименований и условно [подчеркнуто нами. — А. Б.] называющие предмет, пишутся с прописной буквы, например, *Золотой Рог* (бухта), *Чешский Лес* (горы), *Красное Село* (город), *Малые Кочки* (улица) <...>» [17, с. 57]. Действительно, в структуре названий данного типа присутствуют так называемые «ложные» географические термины, употребляющиеся условно. Они не отражают современной специфики конкретных географических объектов, а лишь ориентированы в прошлое, обозначая некогда существовавшие объекты и сохраняя при этом форму топонимов на момент первичной номинации. В связи с этим вторые компоненты указанных названий (*Рог*, *Лес*, *Село*, *Кочки*) предложено писать с большой буквы, что является ярким показателем десемантизации слова. Не случайно употребление прописной буквы в этих топонимах связано с закономерным проявлением *символического* (разграничительного) принципа русской орфографии (по другой, менее удачной терминологии этот принцип называют *морфологическим* или *семантическим*). Ср. также случаи типа *А. Сакс* — *саксофон*.

Причина разноречия, по-видимому, заключается в недостаточности иллюстративного материала, содержащегося в упомянутых «Правилах...», а также в том, что названная орфограмма комментируется лишь в единичных пособиях [15, с. 24; 4, с. 25]. Кроме того, важно учесть, что данная словообразовательная топонимическая модель продуктивна в современном русском языке, причем возникновение названий указанного типа сопровождается неустойчивой орфографией. В этой связи показателен следующий контекст: «Весной и осенью здесь [на озере. — А. Б.] останавливаются на отдых птицы почти 60 видов. Поэтому и назвали омичи это место [озеро. — А. Б.] птичьей гаванью» (Труд, 29.06.82). Ср. возможные орфографические варианты названия в зависимости от рода географического объекта: *Птичья гавань*, поселок *Птичья Гавань*.

Активное появление топонимов, включающих «ложный» географический термин, обусловлено самой природой народных географических терминов, от-

ражающих специфические признаки физико-географических объектов и формирующих значительный пласт лексики общенародного языка. В составе русской, а также иноязычной географической терминологии исследователи выявили достаточно регулярно проявляющуюся топонимическую закономерность — переход нарицательного термина в имя собственное (топоним) [12, с. 94–125; 13]. Например, *мыс Дежнёва* — порт *Зеленый Мыс*.

Когда потребовалось применить формулировку вышедших в 1956 г. «Правил...» к большому массиву названий, в том числе — к топонимам, возникшим в последние десятилетия, практика печати оказалась в затруднительном положении: количество разноречивых написаний продолжает расти. Проблема упорядочения написания топонимов данного типа неоднократно обсуждалась в лингвистической литературе, однако позитивного окончательного решения до сих пор не найдено [28, с. 63–64; 29, с. 38; 11, с. 131; 19, с. 131–140]. Этому в немалой степени препятствует непоследовательный подход к проблеме в справочных орфографических изданиях. Так, Д. Э. Розенталь, в целом высказываясь за написание «ложных» терминов с *прописной* буквы в составе топонимов типа бухта *Золотой Рог*, настойчиво доказывает необходимость употребления *строчной* буквы во втором компоненте многочисленных микротопонимов этого же типа (улица *Кузнецкий мост*) на том лишь логически слабом основании, что они отражают историческое прошлое Москвы [21, с. 17; 23, с. 291]. Однако этот критерий представляется недостаточно убедительным, а если учесть, что подобных микротопонимов едва ли не больше, чем одностипных с ними топонимов (в составе которых «ложный» термин пишется с прописной буквы), то правило в целом оказывается лишенным какого-либо прочного основания и перестает действовать. На неудобство исключений, расшатывающих данное правило, неоднократно указывалось в учебной литературе. Именно этим обстоятельством, вероятно, обусловлен тот факт, что Д. Э. Розенталь — автор раздела (регламентирующего употребление прописных букв) учебного пособия для студентов гуманитарных вузов в методических целях (чтобы не нарушить целостности восприятия правила студентами) — не привел ни одного примера многочисленных исключений [4, с. 25]. Компромиссное решение вопрос и в «Справочной книге корректора и редактора» (М., 1974. С. 42, 45). Более оправданные и убедительные рекомендации даны Л. К. Чельцовой в «Справочной книге редактора и корректора» (2-е изд. — М., 1985. — С. 46).

Достаточно очевидно, что в названиях улиц типа *Кузнецкий Мост*, *Каретный Ряд*, *Чистые Пруды*, *Бутырский Вал* и др. нарицательные слова *мост*, *ряд*, *пруды*, *вал* употреблены условно-символически. Они действительно отражают лишь исторически первичную номинацию, никак не соотносясь с современной реальностью — *улицы*, что и должно закономерно отразиться в их написании с прописной буквы, тем более, что такая орфография несколько не препятствует восприятию древнего происхождения подобных микротопонимов. Было справедливо замечено: «<...> Если мы пишем: „Кузнецкий Мост“ и „Кузнецкий мост“, то в первом случае речь идет о чем угодно, но только не о мосте, а во втором — только о мосте, называемом Кузнецким» [8, с. 25].

Для облегчения выбора написания следует практически рекомендовать следующее. Когда неизвестно, с какой буквы писать второй компонент в топонимах и микротопонимах данного типа, можно использовать методический прием: подставить к названию термин, отражающий современный характер.

географического объекта. Если подстановка невозможна, значит термин употреблен в своем прямом значении и его следует писать со строчной буквы. Например, неизвестно, как писать: *Голодная степь* или *Голодная Степь*? Узнаём, что современный географический объект, имеющий это название, является *степью*, а затем производим подстановку: *степь Голодная степь*. Подстановка невозможна — возникает тавтология, свидетельствующая, что термин в составе топонима употреблен в своем прямом значении, следовательно, его необходимо писать со строчной буквы. Другой пример: *Лихоборские бугры* или *Лихоборские Бугры*? Узнаём, что так называется улица, и производим подстановку, которая оказывается возможной — *улица Лихоборские Бугры*, следовательно, термин в составе микропонима употреблен условно («ложно»), поэтому его необходимо писать с большой буквы. Рассмотренное написание узаконено в современной картографии [16, с. 14–15], и к настоящему времени в пользу написания «ложных» терминов с прописной буквы высказано подавляющее большинство аргументов [6, с. 89; 14, с. 386–388], однако полемическое обсуждение данной орфографической проблемы продолжается [2, с. 149–151; 22, с. 156–159].

III. Значительная непоследовательность наблюдается в правописании двух- и трехкомпонентных микропонимов, состоящих из существительного и постпозитивного прилагательного (прилагательных). К ним относятся названия железнодорожных станций и депо типа *Москва-Товарная*, *Москва-Товарная-Курская*. На страницах различных изданий, в специальной литературе подобные микропонимы встречаются в самых противоречивых написаниях — разноречиво касается употребления строчной и прописной буквы в постпозитивных прилагательных. Например: станция *Люблино-Сортировочная* (Веч. Москва, 27.02.79) — станция *Люблино-сортировочная* (там же, 07.02.79); станция *Ростов-Товарный* (Труд, 18.01.79) — станция *Пенза-товарная* (там же, 13.03.79); станция *Москва-Сортировочная* (Веч. Москва, 06.04.83) — станция *Ермак-грузовая* (Правда, 06.04.85); станция *Ленинград-Пассажирский-Московский* (Правда, 15.06.85) — станция *Москва-пассажирская-Киевская* (Веч. Москва, 14.05.79); станция *Москва-Сортировочная-Рязанская* (Веч. Москва, 28.11.79) — станция *Москва-пассажирская-Казанская* (там же, 06.04.83) и др.

Одна из причин возникшего разноречия, по-видимому, связана с тем, что «Правила русской орфографии и пунктуации» более подробно регламентируют употребление дефиса в топонимах и микропонимах данного типа (§ 79, п. 86, с. 38), чем употребление прописных букв: в § 100 (с. 57) приведен единственный пример — *Новгород-Северский*. Аналогичный подход к орфографии рассматриваемых названий сохранили «Правила написания на картах географических названий СССР» (М., 1967) [16, с. 12], где также приведен единственный пример — *Гусь-Хрустальный*. Отсутствие надежного иллюстративного материала негативно отразилось на орфографии названий, привело к увеличению количества непоследовательных написаний в широкой практике печати. В учебных и справочных пособиях по русскому языку практическому усвоению данной орфограммы уделяется крайне мало внимания. В формулировках правил и в единичных упражнениях обычно фигурируют одни и те же примеры: *Москва-Товарная* и *Гусь-Хрустальный* [15, с. 34; 7, с. 79].

Как показывает анализ структуры указанных названий, они представляют собой словообразовательную модель *существительное + прилагательное*. Такой инверсированный порядок слов в целом не характерен для нарицательной лексики современного русского языка и встречается главным образом

в терминологических сочетаниях, например, в сортовых названиях типа *чернослив козловский*, *щавель якутский*, *тополь берлинский*. Подобные названия — лексикализованные единицы, изменение порядка слов в которых ведет к их десемантизации: ср. *козловский чернослив*, *якутский щавель*, *берлинский тополь*.

Рассматриваемые имена собственные — крайне многочисленные микропонимы типа *Москва-Товарная* (ср. *товарная станция Москва*) — соотносимы со словообразовательной группой топонимов, достаточно продуктивной в русской топонимии: *Новгород-Северский*, *Спасск-Дальний*, *Покровск-Уральский* и т. п. Второй компонент в подобных топонимах — относительно самостоятельная, равноправная часть названия, выражающая не только важный ориентирующий (адресный) признак, но и позволяющая отличать конкретный географический объект от однотипных с ним. Например: *Новгород* Новгородской области — *Новгород-Северский* Черниговской области; *Спасск* Кемеровской области — *Спасск-Дальний* Приморского края; *Покровск* в Якутии — *Покровск-Уральский* Екатеринбургской области и т. д.

Отмеченные структурно-семантические особенности важно учесть применительно к многочисленным названиям железнодорожных станций, которые в большинстве случаев соотносимы с расположенными вблизи населенными пунктами и отграничиваются от них только благодаря наличию ориентирующего прилагательного (ср.: город *Москва* — станция *Москва-Товарная* — станция *Москва-Пассажирская*; город *Приморск* Калининградской области — станция *Приморск-Новый*; поселок *Никель* Мурманской области — станция *Никель-Мурманский* и т. п.).

Таким образом, вполне очевидно, что постпозитивные прилагательные в топонимах и микропонимах рассмотренного типа — вполне относительно самостоятельный и полноправный компонент названия, что и должно быть последовательно отражено в их написании с большой буквы. Заметим также, что постпозитивные прилагательные в составе подобных названий должны обязательно согласовываться с существительными в роде и числе: *Москва-Пассажирская-Киевская*, *Днепропетровск-Грузовой-Второй*, *Дебальцево-Сортировочное*, *Барановичи-Центральные* и т. п.

Современная практика школьного и вузовского преподавания русского языка, а также практика печати настоятельно требуют позитивного решения рассмотренных вопросов орфографии топонимов. Нельзя допустить увеличения числа неупорядоченных написаний, что может неизбежно привести к расшатыванию правил, к утрате их нормирующего воздействия. Проблемы орфографии топонимов могут быть решены не только уточнением соответствующих формулировок в новой редакции «Правил русской орфографии и пунктуации», но и комментированием их в издающихся и переиздающихся справочниках и пособиях по орфографии. Введение оправданных, стабильных написаний в справочники типа «Слитно или раздельно?», в «Орфографический словарь русского языка» и другие нормативные издания значительно облегчит пишущему выбор единственно правильной формы, приведет к полной стабилизации написаний. Не утратили своей актуальности замечательные высказывания академика Л. В. Шербы: «<...> Смысл и ценность орфографии в ее единстве. Чем идеальнее это единство, тем легче взаимопонимание»; «Писать безграмотно — значит посягать на время людей, к которым мы адресуемся, а поэтому совершенно недопустимо в правильно организованном обществе» [31, с. 57].

Литература

1. Барандеев А. В. Новые названия на карте СССР // Русская речь. — 1977. — № 5.
 2. Бондарук Г. П., Комков А. М. Об упорядочении правописания географических названий // Нерешенные вопросы русского правописания. — М., 1974.
 3. Бондарук Г. П. Кузнецкий Мост или мост? // Русская речь. — 1986. — № 4.
 4. Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Орфография и пунктуация. Правила и упражнения. — М., 1970.
 5. Волостова М. Б., Тюрин С. А. Работа по транскрипции географических названий в Главном управлении геодезии и картографии // Транскрипция географических названий. — М., 1960.
 6. Грот Я. К. Русское правописание. — 13-е изд. — СПб., 1898.
 7. Ковалев В. П. Практикум по современному русскому языку. — М., 1974.
 8. Кочкин М. Новые технико-орфографические правила // Полиграфическое производство. — 1929. — № 2.
 9. Лебедев Д. М., Есаков В. А. Русские географические открытия и исследования. — М., 1971.
 10. Лопатин В. В. Словообразовательная структура названий населенных пунктов в современном русском языке // Ономастика и грамматика. — М., 1981.
 11. Мельников Е. И. Заметки о морфологии и правописании чешских собственных имен в русской передаче // Топономастика и транскрипция. — М., 1964.
 12. Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. — М., 1974.
 13. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. — М., 1984.
 14. Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.). — М., 1965.
 15. Орфография и пунктуация русского языка. — Ростов н/Д., 1962.
 16. Правила написания на картах географических названий СССР. — М., 1967.
 17. Правила русской орфографии и пунктуации. — М., 1956.
 18. Предложения по усовершенствованию русской орфографии. — М., 1964.
 19. Протченко И. Ф., Суперанская А. В. Прописные буквы (проект правил для орфографического свода) // Проблемы современного русского правописания. — М., 1964.
 20. Розенталь Д. Э. Вопросы русского правописания. — 3-е изд. — М., 1970.
 21. Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке. — 4-е изд. — М., 1985.
 22. Розенталь Д. Э. И, конечно же, улица Кузнецкий мост! // Русская речь. — 1987. — № 5.
 23. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь трудностей русского языка. — 6-е изд. — М., 1987.
 24. Словарь географических названий СССР. — 2-е изд. — М., 1983.
 25. Справочная книга корректора и редактора. — М., 1974.
 26. Справочная книга редактора и корректора. — 2-е изд. — М., 1985.
 27. Сталтмане В. Э. Раздельное, слитное и дефисное написание собственных названий // Орфография собственных имен. — М., 1965.
 28. Суперанская А. В. Вопросы орфографии географических названий // Транскрипция географических названий. — М., 1960.
 29. Суперанская А. В. Прописная и строчная буква в собственных именах разных категорий // Орфография собственных имен. — М., 1965.
 30. Украинский правопис. — Київ, 1960.
 31. Щерба Л. В. Безграмотность и ее причины / Избр. работы по русскому языку. — М., 1957.
- * * *
32. Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке. — 12-е изд. — М., 2007.

Склоняются ли топонимы на -а (-я)?

В языках флективно-синтетического строя, к которым относится русский язык, словоизменение выражается с помощью окончаний (флексий), что в равной мере справедливо как для имен нарицательных, так и для имен собственных. Исключение составляет активно пополняющаяся новыми словами группа иноязычных заимствований типа *ампула, антраша, баккара, хиппи, каратэ; Капри, Миссури, Тарту, Токио* и т. п. Большинство разрядов собственных имен должно склоняться, поскольку склоняемость / несклоняемость является важнейшим смысловозначительным средством (ср., например, конструкции «Быть ли музею Кармена?» / «Быть ли музею Кармен?» — режиссер и оператор документального кино / литературный герой).

Однословные топонимы на -а (-я) ударное и безударное типа *Ки́лий, Ни́цца, Болбо́ня* формируют в современном русском языке достаточно большую и продуктивную группу и принадлежат к первому субстантивному типу склонения [5, с. 217]. В речевой практике и широкой практике печати наблюдается значительный разнореч, связанный с наличием или отсутствием склонения таких топонимов. Например (из газет): «Вдоль реки *Камчатки* ярко горят огромные костры» — «[Мост] соединил берега реки *Белянка*»; «Замена бракованных зеркал покупательнице Гостевой, проживающей в г. *Луге*, произведена» — «Канал длиной 65 км начинается у села *Ерзовка*»; «В рукотворное озеро устремились сегодня воды реки *Ясельды*» — «„Красный“ стык сварен в районе реки *Рудня*»; «[Каменный поток] миновал жилые дома, но перегородил обычно немногочисленную речку *Гульча* <...>» и мн. др.

При выявлении причин создавшегося разноречия следует учитывать грамматическую специфику топонимов, на функционирование которых оказывают воздействие разнородные, но взаимообусловленные факторы. Как справедливо отмечает Л. П. Калауцкая, «в отличие от апеллятивов ономастика представляет собой периферийную группу лексики, что делает ее более проницаемой для разного рода влияний как экстралингвистического характера, так и чисто лингвистических» [6, с. 219].

Анализ литературы вопроса показывает, что проблема склонения однословных топонимов на -а (-я) не получила до настоящего времени сколько-нибудь полной и однозначной нормативной оценки. Более подробно в лингвистической литературе рассмотрено склонение топонимов других типов [9, с. 81–87; 26, с. 131–146; 3, с. 140–164; 4, с. 122–145; 27, с. 171–174]. В справочниках по правописанию и практических пособиях указаны, как правило, лишь единичные, стабильные случаи склонения топонимов какого-либо одного типа [19, с. 187; 20, с. 73, 84, 174, 313, 327].

Важно учитывать, что понятие языковой нормы не является чем-то застывшим и неизменным — развитие языка, сопровождающееся борьбой узуса и закона, наполняет это диалектически подвижное понятие новым содержанием. Примечательно, что если в Академической грамматике русского языка 1952 г. топонимы типа *Алма-Ата, Йошкар-Ола* были отнесены к разряду иноязычных и несклоняемых, то в соответствии с указаниями Академической грамматики 1980 г. «топонимы на -а, -я, называющие города и населенные

пункты СССР, например *Лиеная, Сигулда, Нида*, склоняются <...>. Заимствованные иноязычные топонимы, оканчивающиеся на -а и называющие малоизвестные города и местности за пределами СССР, обычно не склоняются; исключения редки (*Окинава* — на *Окинаве*). Названия широко известных городов и местностей склоняются: *в Геную, под Женевой*» [2, с. 179; 21, с. 506].

Однако в формулировке правила, предложенного Академической грамматикой 1980 г., не учитывается, должны ли склоняться освоенные русским языком топонимы на -а (-я) типа *Сигулда, Лиеная* в зависимости от наличия или отсутствия при них географических терминов. Кроме того, исключения из правила о несклоняемости малоизвестных иноязычных топонимов, обозначающих географические объекты за пределами России, не так уж редки. В русском языке последних десятилетий активно употребляются и склоняются такие названия, как *Айова, Алабама, Ангола, Виргиния, Дакота, Ливия, Хиросима* и мн. др. События современной международной жизни, активная политическая деятельность различных государств вносят существенные коррективы в критерий известности / неизвестности географических названий. Неизвестный или малоизвестный в прошлом топоним, регулярно употребляющийся в языке СМИ, может стать широко известным. В частности, в русском языке последних десятилетий значительная группа иноязычных топонимов устойчиво склоняется: «Советские шахматисты <...> обеспечили себе золотые медали на шахматной Олимпиаде в *Люцерне*»; «Тайфун потопил у берегов *Окинавы* панамское грузовое судно <...>»; «Мастера <...> балета выступают также в *Осаке, Фукуоке* <...>» (из газет) и т. д.

Как правило, отсутствие склонения свойственно малозначительным в географическом отношении топонимам, недостаточно известным большинству носителей современного русского языка, или топонимам, имеющим ситуативную активность употребления. Например: «<...> Жители деревни *Илага* (индонезийская провинция Ириан Джая) были напуганы, когда <...> крестьянские дома, деревья, посевы неожиданно скрылись под „белым покрывалом“»; «<...> в палестинских лагерях *Сабра* и *Шатила* <...>»; «Крупнейшая в истории Боливии автомобильная катастрофа произошла недалеко от города *Кочабамба*»; «Наводнение произошло в японском городе *Касэда* на острове Кюсю» (из газет) и т. п.

Определенное влияние на выработку нормативной оценки склонения топонимов на -а (-я) оказывает в настоящее время такой важный лингвистический процесс, как резкое повышение роли аналитических черт в грамматическом строе русского языка. Примечательно, что еще в 1922 г. на это обратил внимание В. И. Ленин, который в «Планах статьи „Заметки публициста“» писал: «Русский язык прогрессирует в сторону английского. Нэпо, — ком, — проф, — сов, — рабкооп, etc» [12, с. 503]. Особую активность данный процесс приобретает в русском языке с середины 50-х гг., затрагивая и географические названия. Данная тенденция была отмечена в целом ряде специальных работ [16, с. 221–224; 15, с. 155, 156, 170, 173; 31, с. 37–59; 32, с. 8, 20, 101; 7, с. 111–124] и в капитальном социолого-лингвистическом исследовании «Русский язык и советское общество». Один из авторов этого исследования, И. П. Мучник, на основании статистического анализа пришел к интересному выводу: «Различие в употреблении [топонимов на -ово, -ино. — А. Б.] часто связано с возрастом говорящих: представители старшего поколения эти слова изменяют, молодежь их употребляет обычно в неизменном виде» [22, с. 56].

Впрочем, более 40 лет тому назад некоторые исследователи весьма скептически оценивали развитие аналитизма в современном русском языке. Так, Г. А. Качевская, справедливо указавшая на вспомогательный характер аналитических средств в системе выражения падежных окончаний, сделала категоричный вывод о том, что мнение «о развитии аналитизма в области русского словоизменения вообще не представляется достаточно обоснованным» [7, с. 123]. Напротив, Л. Б. Селезнева не менее категорично утверждала, что несклоняемость топонимов на -ово, -ево, -ино, -ыно закономерна, «как закономерна в целом несклоняемость географических имен в русском языке» (?) [25, с. 131].

Анализ тенденций развития грамматического строя современного русского языка последних десятилетий убедительно свидетельствует о том, что проявление аналитизма — достаточно очевидный факт, который нельзя не учитывать [11; 23; 8; 29; 30]. Этот процесс наглядно проявляется не только в резком росте несклоняемых заимствований типа *ауди, видео, гуру, ноу-хау, профи, шоу, яппи* и активном функционировании большого количества новых аббревиатур типа *ВИЧ, ВПК, ГКО, ГНИ, ЕЭС, МРОТ, НЛО*, но также обуславливает вариативную несклоняемость топонимов на -ово, -ево, -ино, -ыно: *Иваново, Болшево, Болдино, Голицыно* [13, с. 70–77] и вариативную несклоняемость топонимов других типов.

При выработке нормативной оценки склонения топонимов на -а (-я) важно учитывать особенности их функционирования в различных стилях и жанрах письменной и устной речи. В частности, в официально-деловом стиле, в специальных военных документах (приказы, рапорты, сводки, донесения, лоции и т. п.), а также в документах юридического характера топонимы всех типов склонять не принято во избежание ошибок, неточностей и двусмысленностей. Такое употребление топонимов известно с времен Великой Отечественной войны [14, с. 105]. Например, «Бои при отражении контрудара противника в районе *Ахтырка* носили весьма ожесточенный и динамичный характер» [1, с. 73]; «110-я гвардейская стрелковая дивизия <...> штурмом овладела городом и крупным железнодорожным узлом *Знаменка* и прорвала полосу обороны в 10–12 км восточнее *Кохановка* и *Константиновка*» [24, с. 25].

Аналогичная ситуация наблюдается в языке современных военных документов: «Двумя танковыми взводами атаковать противника на южной окраине *Матвеевка*, одним танковым взводом обойти *Матвеевка* с востока и атаковать противника с тыла, а затем совместными действиями очистить *Матвеевка* от противника» [28, с. 52]; «Замечено выдвижение колонны противника <...> из Брун по дороге на *Березовка*» [28, с. 142]. Мнение о том, что официально-деловой стиль «не согласуется с нормами русского литературного языка, а в ряде случаев и противоречит им» [27, с. 172], вряд ли правомерно, поскольку не учитывает функциональных особенностей данного стиля и целевой установки в организации топонимов как речевых средств.

Несклоняемость топонимов на -а (-я) в сочетании с термином *станция* является типичной и для профессионально-терминологической речи железнодорожников, топографов, картографов: у станции *Боярка*, до станции *Шексна*, на станции *Навля*. Следует заметить, что профессионально-терминологическая речь оказывает заметное влияние на употребление топонимов в газетно-публицистическом стиле. Например, «Есть в Московской области два карьера: один возле станции *Елизаровка* рядом с Клином, другой — на станции Чесмена»; «Избавить путевых рабочих от тяжелого физического труда помогут

автоматы, серийный выпуск которых начат в локомотивном депо на станции *Основа* близ Харькова» (из газет). Наличие несклоняемых форм топонимов на -а (-я) в других стилях и жанрах следует квалифицировать как речевую ошибку. Например, в пособии для учителей топонимы даны в следующей форме: «Царево-Кокшайск был переименован в *Йошкар-Ола*, <...> Верный — в *Алма-Ата* <...>, Петровск-Порт — в *Махачкала*» [18, с. 51].

Имена собственные, в том числе географические названия, в общем подчиняются тем же грамматическим закономерностям, что и нарицательные. Однако в книжных стилях и стилях разговорной речи склонение топонимов может иметь существенные различия. Так, в книжных стилях в топониме *Москва-река* склоняются обе части: за *Москвой-рекой*, на *Москве-реке*, а в разговорной речи наблюдается устойчивое склонение только второй части топонима, являющейся географическим термином-приложением, с переносом основного ударения на первую часть топонима: за *Москвд-рекой*, на *Москвд-реке*. Более 50 лет тому назад С. И. Ожегов указывал на обязательность склонения обеих частей топонима *Москва-река* [16, с. 224], но современная практика русской разговорной речи уже не соответствует его рекомендациям.

Грамматике как основному структурному ярусу языка присуща большая строгость и большая нормативность, в отличие от орфоэпии и акцентологии. Между тем изменение норм зарождается именно в этих ярусах языка, и прежде всего — в разговорной речи. Например, нормой родовой принадлежности слова *кофе* в книжных стилях по-прежнему остается мужской род, тогда как в разговорной речи уже допустимо употребление этого существительного в среднем роде [17, с. 224]. Примечательно, что это слово заимствовано в русский из голландского или английского языка в начале XVIII в. в форме м. р. — *кофий*. Разговорные произносительные варианты влияют и на орфографическое оформление слов. Так, в новейших орфографических словарях дается два варианта написания некоторых слов: *матрац* и *матрас*, *обуславливать* и *обулавливать*. Следовательно, комплексный учет всех отмеченных выше структурно-грамматических и стилистических особенностей функционирования топонимов на -а (-я) крайне важен для установления объективной нормативной оценки их склонения.

В основном структурный тип однословных топонимов на -а (-я) формируют названия известных географических объектов Российской Федерации и ряда зарубежных стран. По происхождению они являются как исконно русскими, так и освоенными русским языком названиями из языков народов бывшего СССР, а также в большей или меньшей степени освоенными названиями из других языков. Топонимы данного типа в соответствии с требованиями современной грамматики должны склоняться в общелитературном языке независимо от наличия или отсутствия при них географических терминов, независимо от ударного или безударного характера флексий -а (-я). Анализ языка газеты доказывает справедливость этого положения: «В глухих костромских лесах <...>, что неподалеку от речки *Ветлуги*, сразу после войны работал Павел Попов на лесоучастке»; «Новый Дом культуры украсил старинное башкирское село *Осиновку*»; «Здесь, в излучине *Ваги*, купается все село» (из газет) и т. п.

Однако в тех случаях, когда топоним и относящийся к нему географический термин употреблены в форме родительного и предложного падежей, наблюдается несклоняемость топонима, что обусловлено необходимостью из-

бежать двусмысленности в восприятии топонима и отграничить его от возможной омонимии с топонимами, функционирующими только в форме множественного числа. Например (из газет): «В передвижных вагончиках в районе села *Люблинка* разместились сто водителей большегрузных автопоездов»; «В нашем селе *Бабурка* в последнее время почему-то часто отключают свет»; «Вот и эта пара [лебедей] попала к жителям села *Покровка* случайно»; «Ночной звонок из села *Курсавка* <...>» (ср. омонимичные названия населенных пунктов типа *Люблинки*, *Бабурки*, *Покровки*, *Курсавки*). Склонению топонимов данного типа препятствует наличие географического термина, который и предписывает в указанных контекстах употребление топонимов только в форме именительного падежа. При отсутствии географического термина эти топонимы склоняются: ср. «Вот и эта пара лебедей попала к жителям *Покровки* случайно».

Анализ употребления однословных топонимов на -а (-я) в газетно-публицистической речи показывает, что в этом жанре, отражающем живое современное словоупотребление, значительно преобладают склоняемые варианты. Случаи вариативной несклоняемости топонимов могут быть обусловлены стремлением к преодолению омонимии, а также влиянием профессиональной речи военных, топографов, картографов и железнодорожников.

При выработке нормативной оценки склонения топонимов на -а (-я), как и топонимов других типов, необходимо учитывать особенности их функционирования в трех различных стилистических сферах, что справедливо было отмечено Л. К. Граудиной: строго литературное (письменное) употребление; устно-разговорное употребление; профессиональное употребление [4, с. 143]. Предлагаемые нами правила могут быть сформулированы следующим образом.

В строго литературном (письменном) употреблении однословные топонимы с финалями -а (-я) по действующим грамматическим нормам русского языка должны склоняться:

1. Если топонимы употребляются без географических терминов: на *Ваге*, в *Сигулде*, в *Гайане*; на *Сходне*, около *Лиенау*, в *Гамбии*.
2. Если топонимы употребляются в функции приложения (т. е. в сочетании с географическими терминами) и род географического термина совпадает с родом топонима: в деревне *Ольховке*, на реке *Висле*, в пустыне *Сахаре*, на реке *Темзе*; в реке *Буре*, за рекой *Ворей*; в столице Филиппин *Маниле*, в столице Индонезии *Джакарте*.
3. Если топонимы употребляются в сочетании с географическими терминами мужского рода *райцентр*, *город* и род географического термина не совпадает с родом топонима: в *райцентре Истре*, из *города Симлы*; у *города Вереи*, в *городе Софии*.

В строго литературном письменном употреблении однословные топонимы с финалями -а (-я) не склоняются в функции приложения:

1. Если женский род топонимов не совпадает со средним или мужским родом таких географических терминов, как *болото*, *урочище*, *село*, *селение*, *местечко*, *озеро*, *государство*; *курорт*, *остров*, *штат* и т. п.: в *урочище Барвиха*, около *села Добринка*, на *озере Имандра*; около *курорта Гагра*, на *острове Куба*, в *штате Алабама*.
2. Если топонимы обозначают малозначительные или малоизвестные географические объекты и возможно омонимичное совпадение таких топо-

нимов с названиями группы *pluralia tantum*: у села *Бабурка*, в селе *Ерзовка*, от села *Ралевка*.

В устно-разговорном употреблении однословные топонимы с финалями *-а (-я)* должны склоняться независимо от наличия или отсутствия при них географических терминов, в том числе терминов *райцентр*, *город*: в *райцентре Истре* — в *Истре*; в *городе Кремоне* — в *Кремоне*.

Топонимы указанного типа не склоняются в случае несовпадения рода географического термина с родом топонима: в *штате Алабама* (но в *Алабаме*), на *острове Куба* (но на *Кубе*).

В профессиональном употреблении однословные топонимы с финалями *-а (-я)* не склоняются во избежание возможных ошибок, неточностей и двусмысленностей в их восприятии (различные документы официального-делового стиля и профессиональная разговорная речь).

В трех названных стилистических сферах склонение однословных русских и иноязычных топонимов типа *Цна*, *Пра* и двусловных типа *Йка*, *Йза*, *Йла*, *Йя*, *Ёя*, *Зёя*, *Исá*, *Мяя* должно подчиняться указанным правилам, хотя в отдельных случаях важно учитывать благозвучность конкретной формы склонения топонима (в *реку Пру* и т. п.).

В трех названных стилистических сферах не склоняются:

1. Иноязычные топонимы, оканчивающиеся на звуко сочетания, не подвергающиеся в русском языке грамматикализации: *-аа* (*Сáаремаа*, *Бекáа*); *-оа* (*Самбáа*, *Баракáа*, *Дáалоа*); *-иа* (*Самтрéдиа*, *Бразилéиа*); *-еа* (*Медéа*, *Нумéа*, *Голéа*); *-уа* (*Никардéуа*, *Мандéуа*, *Акарéуа*).
2. Однословные иноязычные топонимы типа *Ра*, *Сна*.

Таким образом, при выработке нормативной оценки склонения однословных топонимов на *-а (-я)* необходимо учитывать возможные проявления активно действующего в русском языке последних десятилетий процесса аналитизма, который обуславливает (в меньшей степени) несклоняемость топонимов рассмотренного типа и (в большей степени) несклоняемость топонимов на *-ово*, *-ево*, *-ино*, *-ыно*.

Приходится констатировать, что нормативная оценка склонения однословных топонимов на *-а (-я)* еще далека от абсолютной точности и однозначности. Для выработки объективных и достаточно надежных рекомендаций необходимы серьезные лингвистико-статистические и социологические исследования, поскольку различные возрастные и профессиональные группы носителей русского языка по-разному решают проблему склонения географических названий. Не утратил своей актуальности вывод, сделанный более 40 лет назад О. И. Лабунько: «Иногда невозможно формулировать какие-либо законы, правила, можно лишь говорить о намечающихся тенденциях. Несомненно, что географические названия в их отношении к склонению ожидают большой и широкой нормализаторской работы» [10, с. 11–12].

Литература

1. Армейские операции. Примеры из опыта Великой Отечественной войны. — М., 1977.
2. Грамматика русского языка. — М., 1960. — Т. 1. (Доп. тираж — 2-е изд.).
3. Граудина Л. К. Норма употребления топонимов с финалями *-ов(о)*, *-ев(о)*, *-ёв(о)*, *-ин(о)*, *-ын(о)* // Ономастика и норма. — М., 1976.
4. Граудина Л. К. Современная норма склонения топонимов (в сочетании с географическим термином) // Ономастика и грамматика. — М., 1981.

5. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. — М., 1967.
6. Калакуцкая Л. П. О склонении имен собственных (морфологический тип на *-а* неударное) // Актуальные проблемы культуры речи. — М., 1970.
7. Качевская Г. А. Нужно ли склонять географические названия типа *Рожино*, *Шувалово*? // Нормы современного русского литературного словоупотребления. — М.; Л., 1966.
8. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. — М., 1997.
9. Лабунько О. И. Склонение географических названий на *-а* в современном русском литературном языке (названия населенных пунктов) // Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской. — М., 1963. — Т. 138. — Вып. 8.
10. Лабунько О. И. Склонение географических названий в современном русском языке (наименование населенных пунктов). Автореф. дис... канд. филол. наук. — М., 1964.
11. Ларионова Е. В. Новейшие англицизмы в современном русском языке. Автореф. дис... канд. филол. наук. — М., 1993.
12. Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 44.
13. Лопатин В. В. Новое в русском языке советской эпохи // Русский язык в школе. — 1987. — № 5.
14. Миртов А. В. Из наблюдений над русским языком в эпоху Великой Отечественной войны // Вопросы языкознания. — 1953. — № 4.
15. Мучник И. П. Неизменяемые существительные, их место в системе склонения и тенденция развития в современном русском литературном языке // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. — М., 1964.
16. Ожегов С. И. Склоняется ли Москва-река? // Вопросы культуры речи. — М., 1955. — Вып. 1.
17. Орфоэпический словарь русского языка / Под ред. Р. И. Аванесова. — М., 1983.
18. Поспелов Е. М. Топонимика в школьной географии. — М., 1981.
19. Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке. — 4-е изд. — М., 1985.
20. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь трудностей русского языка. — 6-е изд. — М., 1987. Ср.: 12-е изд. — М., 2007.
21. Русская грамматика. — М., 1980. — Т. 1.
22. Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. — М., 1968.
23. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). — М., 1996.
24. Сборник боевых примеров из опыта Великой Отечественной войны. — М., 1982.
25. Селезнева Л. Б. Аналитизм в системе собственных географических имен русского языка // Грамматика русского языка. — Иркутск, 1972. — Вып. 1.
26. Суперанская А. В. Склонение собственных имен в современном русском языке // Орфография собственных имен. — М., 1965.
27. Суперанская А. В. Что такое топонимика? — М., 1985.
28. Тактика в боевых примерах. Рота. — М., 1974.
29. Шапошников В. Н. Число и падеж: новые явления в русском языке // Русский язык в школе. — 1997. — № 2.
30. Шапошников В. Н. Русская речь 1990-х: Современная Россия в языковом отображении. — 3-е изд. — М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2010.
31. Шведова Н. Ю. Об аналитических конструкциях в системе словосочетаний // Вопросы культуры речи. — М., 1966. — Вып. 7.
32. Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание). — М., 1966.

* * *

33. Максимова Л. К. О склонении некоторых групп собственных имен, оканчивающихся на *-а* // Ономастика. — М., 1969.

Традиционная форма иноязычных топонимов

В топонимической лексике русского языка особую группу составляют иноязычные топонимы, известные русскому языку в различные периоды его истории и характеризующиеся в настоящее время прочной закрепленностью и активным употреблением в речи. К этой группе относятся некоторые названия государств, больших городов, рек, заливов, островов, горных систем и других широко известных географических объектов. Например, *Финляндия*, *Гамбург*, *Дунай*, *Гудзонов залив*, *Азорские острова*, *Альпы* и др.

Специфика подобных топонимов проявляется в том, что все они фиксируются в русском языке в форме, существенно отличающейся от их современного произношения и написания в языке-источнике соответствующей страны. Поэтому такие географические названия с точки зрения принятых сейчас правил передачи иноязычных топонимов на русский язык рассматриваются как «неправильности», «искажения». Учитывая давность их вхождения в русский язык и устойчивое употребление в закрепившейся «искаженной» форме в течение длительного времени, эти названия не совсем точно именуют «традиционными». Правильнее было бы считать традиционными не сами названия, а формы их передачи на русский язык, так как любое «традиционное» название можно «переделать» по ныне действующим правилам, и тогда форма перестанет быть традиционной. Например, с давних пор в русском языке известен топоним *Неаполь*, однако название итальянской футбольной команды передается в современном виде — «*Наполи*». Впрочем, термин «традиционные названия» уже прочно вошел в лингвистическую терминологию, несмотря на то, что в 70-е гг. XX в. под влиянием зарубежной практики терминопотребления был предложен другой термин — *экзoним* (греч. ἔξω — «вне, снаружи отечества» + ὄνομα (*оним*) — «имя собственное») — «традиционная для данного языка форма топонима <...>, относящегося к объекту вне родной языковой территории, не совпадающая по фонемному составу, произношению и написанию с современной формой, принятой в языке-источнике» (см.: Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — 2-е изд. — М., 1988. — С. 149).

Традиционные географические названия по своему репертуару и структуре в целом представляют сравнительно многочисленную и пеструю группу. Некоторые исследователи подразделяют всю совокупность таких топонимов на названия, закрепившиеся в традиционной форме, и на названия, переданные по-русски с помощью способов, ставших традиционными. К последним относятся «морфологическая передача, перевод, искажение транскрипции и т. п.» [9, с. 37].

В современном русском языке бытует незначительное количество названий иностранных государств, исторически закрепившихся в латинизированном виде, что отличает их от национальных «самоназваний» этих государств в наиболее распространенных там языках. Например: *Австрия* — нем. *Эс-*

террайх (*Österreich*), *Австралия* — англ. *Острейлия* (*Australia*), *Швеция* — шв. *Сверье* (*Sverige*), *Швейцария* — нем. *Швайц* (*Schweiz*) — фр. *Сюис* (*Suisse*) и др.

Основную и самую многочисленную группу составляют иноязычные топонимы, вошедшие некогда в русский язык через язык-посредник, или оформленные при заимствовании по устаревшим к настоящему времени правилам передачи и употребляющиеся в такой якобы неправильной форме. Сюда относятся названия типа *Неаполь* — ит. *Наполи* (*Napoli*) через греческую форму *Νεάπολις*; *Париж* — фр. *Пари* (*Paris*) через германскую форму *Paris*, в которой старый германский звонкий согласный [s] произносился как звук средний между [ж] и [з], но был передан славянами через звук [ж] — ср. польск. *Paryż*; *Рим* — ит. *Рома* (*Roma*); *Гудзон* — англ. *Хадсон* (*Hudson*); *Курдистан* — тур. *Кордестан* (*Kordestān*); *Бавария* — нем. *Байерн* (*Bayern*); *Киото* — яп. *Кёто* (*Kyōtō*); старое фр. *Марсель* — совр. фр. *Марсей* (*Marseille*) и т. п.

Значительную группу составляют географические названия, вошедшие в русский язык путем дословного перевода (калькирования) — древнейшего способа передачи топонимов, имеющего в некоторых случаях международный характер. Таковы, например, названия-кальки: *мыс доброй Надежды* (англ. *Cape of Good Hope*, афр. *Kaap die Goede Hoop*), *мыс Невольничий* (англ. *Slave Point*), *Долина Смерти* (англ. *Death Valley*), *Большое Солёное озеро* (англ. *Great Salt Lake*), *Асбестовые горы* (афр. *Asbesberge*), *Драконовые горы* (афр. *Drakensberge*), *Рейнские Сланцевые горы* (нем. *Rheinisches Schiefergebirge*), *остров Медвежий* (норв. *Bjørnøya*), *Лазурный берег* (фр. *Côte d'Azur*).

Особую группу представляют иноязычные топонимы, при заимствовании которых в русский язык применялась морфологическая передача, т. е. географическое название оформлялось по законам русской грамматики. Можно выделить несколько способов такой передачи.

Во-первых, некоторые топонимы, имеющие в своем составе географический термин, поясняющий род объекта, употребляются в форме родительного падежа, хотя в языке-источнике они имеют форму именительного падежа. Например, *архипелаг Бисмарка* (англ. *Bismark Archipelago*), *пролив Географа* (англ. *Geographe Channel*).

Во-вторых, следует выделить названия, оформленные в русском языке присоединением к транскрибируемой иноязычной форме русских суффиксов и окончаний. Такие топонимы представлены в русской передаче именами прилагательными относительными с суффиксом *-ск-* и притяжательными на *-ов* с постпозитивным географическим термином. Например, *Висмарская бухта* (нем. *Wismarbucht*), *Парижский бассейн* (фр. *bassin de Paris*), *Гондурасский залив* (исп. *Bahia de Honduras*), *Лигурийское море* (ит. *Mare Ligure*); *Гудзонов залив* (англ. *Hudson Bay*), *Магелланов пролив* (исп. *Estrecho de Magallanes*) и т. д.

В-третьих, к данной группе относятся названия, оформленные для вхождения в морфологическую систему русского языка присоединением к транскрибируемой иноязычной форме окончания женского рода ед. ч. *-а* или мн. ч. *-ы*: *река Сомма* (фр. *Somme*), *департамент Сарта* (фр. *Sarthe*), *река Гаронна* (фр. *Garonne*); *горы Апеннины* (ит. *Appennino*), *Альпы* (ит. *Alpi*) и т. п.

Рассматривая все перечисленные категории названий в общей системе иноязычной топонимической лексики русского языка, следует признать, что функционирование таких топонимов в традиционной форме противоречит современным принципам передачи иноязычных географических названий на русский язык и создает препятствия в деле стандартизации географических названий (см.: Комков А. М. Проблемы стандартизации (нормализации)

географических названий в национальном и международном аспектах // Ономастика и норма. — М., 1976. — С. 5–11). Но с другой стороны, топонимы в традиционной форме — своеобразные памятники старины, и проанализировать причины появления наиболее древних из них небезынтересно для языковеда-историка.

При общей оценке статуса традиционных форм иноязычных топонимов, бытующих в современном русском языке, необходимо учитывать, по нашему мнению, следующие факторы. Показательно, что сама проблема практически точной передачи иноязычных топонимов с одного языка на другой возникает именно тогда, когда экономические, политические, культурные контакты между государствами значительно расширяются, быстро растет поток взаимной информации. В этот период контактирующие литературные языки приобретают нормированный характер, формируется понятие языковой нормы. При этом возникает естественное стремление носителей одного языка, особенно ученых, по возможности точнее и ближе к оригиналу передать своими национальными средствами заимствуемое географическое название. Постепенно складываются нормы практической транскрипции.

В более ранние эпохи этой проблемы не существовало, поскольку географические названия с чужих языков передавали в большинстве случаев по упрощенно-фонетическому принципу: «как слышим — так и пишем». Интересно в этом плане сравнить название столицы Швеции, зафиксированное в ряде памятников древнерусской письменности в форме *мужского* рода (!) — *Стекол(ь)н*, с современной формой — *Стокгольм*. В Никоновской летописи под 1496 г. читаем: «Августа 19, въ пятокъ, приидоша Немци изъ замориа, изъ *Стеколна* Свейскаго государства <...>» [6, с. 244]. В отчете русского посла в Швеции И. М. Воронцова о посольстве 1567–1569 гг. сказано: «И того же дни в *Стекольне* у пристанища на берегу встретили послов бояре королевские <...>» [10, с. 8]. Бытующее мнение о том, что форма *Стекольна* возникла якобы потому, что московских послов удивили оконные стекла вместо слюды в домах шведской столицы, относится к числу новейших топонимических легенд и является результатом ложной этимологии, хотя, к сожалению, эта легенда была поддержана авторитетом В. А. Никонова [5, с. 395]. На самом деле форма этого топонима — один из многих примеров упрощенно-фонетического освоения иноязычного названия.

В отчете о посольстве 1600–1601 гг. в Англию русского посла Г. И. Микулина встречаем английские топонимы, так же переданные на русский язык в основном упрощенно-фонетическим путем, с английского произношения: «А город *Лунда* *Вышегород* камен, не велик, стоит на высоком месте <...>; а через реку *Темзь* меж посадов мост камен» [7, с. 25]. Транскрипция данных топонимов настолько далека от современной, что, пожалуй, только контекст и учет написания в языке-источнике позволяют «узнать» достаточно известные сейчас названия: *Лондон* (*London*) со знаменитым лондонским кремлем *Тауэром* (*The Tower*), который переведен как *Вышегород*, и *Темзу* (*The Thames*).

Таким образом, становится понятным исторический разрыв, неизбежно существующий между древней и современной формами одного и того же географического названия. Ведь способы передачи иноязычных топонимов на русский язык в различные эпохи были различными, поскольку оба контактирующих языка исторически менялись, поэтому говорить о транскрипционных нормах применительно к XV–XVII вв. весьма проблематично. В связи

с этим некорректно, на наш взгляд, рассматривать старые формы иноязычных топонимов как «неправильные», а их современные аналоги как «правильные» [2, с. 246–247]. Бесспорно, что «правильное» со временем может снова стать «неправильным», так как полного и абсолютно точного сближения оригинальной и транскрибируемой форм топонимов достичь никогда не удастся: фонетические системы даже близкородственных языков имеют ряд заметных расхождений, а сама фонетическая (произносительная) норма — понятие исторически изменчивое и подвижное.

Необходимо также учитывать, что все языки находятся в процессе постоянного развития, и, следовательно, те сближения и поправки, которые достигаются усовершенствованием транскрипционных правил, могут впоследствии привести к еще большему разрыву между национальной и транскрибируемой формами одного и того же топонима. Поэтому едва ли оправданной оказалась замена закрепившейся традиционной формы достаточно известного топонима *Лос-Анжелос* на *Лос-Анджелес* [1, с. 60–61], хотя последняя форма к настоящему времени стала вполне привычной. Э. М. Мурзаев справедливо считает естественным, что «Москва звучит у немцев *Moskau*, у англичан *Moscow*, у французов *Moscou*. Любопытно, что гидроним Москва и у немцев и у англичан сохранился в форме оригинала *Moskwa*, *Moskva*. Китайцы нашу столицу называют *Мосыкэ*» [4, с. 212].

Проблема разграничения иноязычных топонимов по принципу «традиционное — нетрадиционное» осложняется тем, что четкого критерия для определения самого понятия «географическое название в традиционной форме» пока не выработано. Как отмечает Е. М. Поспелов, до сих пор «нет полной определенности в вопросе о том, что дает право какому-нибудь названию считаться традиционным, какая степень известности для этого требуется, где кончаются собственно традиционные названия и начинаются просто ошибки и искажения» [8, с. 15].

Среди исследователей данной проблемы единого мнения нет — предлагаются крайне противоположные решения. Одни высказываются за полное исключение указанных форм топонимов из числа традиционных и передачу названий по соответствующим правилам. Показательна в этом отношении позиция А. П. Ющенко, который более 70-ти лет тому назад считал «все случаи традиционных названий „искажениями“ и предложил заменить их новыми транскрипциями: не *Париж*, *Рим*, *Вена*, *Неаполь*, а *Пари*, *Рома*, *Вин*, *Наполи*, не *Англия*, *Испания*, *Франция*, а *Ингленд*, *Эспанья*, *Франс* и т. п.» [11, с. 46]. Другие предлагают сохранить все без исключения традиционные формы географических названий [9, с. 38].

Очевидно, оба подхода следует признать односторонними и антиисторичными, поскольку в этих случаях не учитываются важные признаки географического названия в традиционной форме — длительность и частота его употребления в заимствующем языке и образование от топонима ряда производных слов. Как подчеркивает в этой связи А. А. Реформатский, «образование производных, и в частности нарицательных, — верный признак того, что производящее слово — факт данного языка, и если такое слово существует сто — двести — триста лет, то вычеркнуть его и его производные из данного языка уже невозможно <...>» [11, с. 47]. Действительно, невозможно исключить из словарного состава русского языка такие, например, оттопонимные прилагательные, как *неаполитанский* (< Неаполь), *парижский* (< Париж); названия

жителей: *римляне* (< Рим), *австрийцы* (< Австрия); устойчивые фразеологические сочетания типа *римский папа*, *римское право*, *китайская стена* и т. п., хотя полвека назад В. А. Никонов считал ссылки на подобные примеры фразеологизмов «смехотворными» [12, с. 97].

Таким образом, в вопросе определения традиционности формы географического названия наиболее рациональным представляется строгий учет давности заимствования иноязычного топонима, степени его известности и активности его словопроизводства в современном русском языке. Иными словами, необходим детальный топонимический анализ каждого конкретного названия. Формы географических названий, отвечающие данным требованиям, по нашему мнению, могут быть признаны традиционными. Напротив, формы топонимов, не имеющие столь давней транскрипционной традиции, обусловленные транскрипцией, не соответствующей современным правилам передачи иноязычных топонимов, или недостаточными знаниями о языке-источнике, должны быть исключены из числа традиционных. А сами такие названия целесообразно передавать на русский язык по современным правилам соответствующих инструкций. Причем важно обеспечить стабильность в передаче иноязычных топонимов на русский язык и не вносить научно не обоснованных изменений в транскрипцию. Уместно вспомнить замечательное высказывание М. В. Ломоносова: «Ежели для точного произношения разных иностранных речений вымышлять новая писмена, то российская азбука <со временем> вдвое прибудет, и людей занадобится снова грамоте переучивать» [3, с. 600].

Литература

1. Добродомов И. Г. Как писать собственные имена? // Русская речь. — 1969. — № 5.
2. Литвин И. П. О так называемых «традиционных» названиях // Ономастика и норма. — М., 1976.
3. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. — М.; Л., 1952. — Т. 7.
4. Мурзаев Э. М. Топонимика и география. — М., 1995.
5. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. — 2-е изд. — М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2010.
6. Никоновская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1901. — Т. 12.
7. Посольство в Англию дворянина Григория Микулина в 1600 и 1601 гг. / Публикация Н. В. Чарыкова. — М., 1878.
8. Поспелов Е. М. Транскрипция географических названий. — М., 1957.
9. Поспелов Е. М. Топонимика и картография. — М., 1971.
10. Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. — М.; Л., 1954.
11. Реформатский А. А. О подаче и передаче географических названий на русских картах // Транскрипция географических названий. — М., 1960.
12. Транскрипция географических названий. — М., 1960.

* * *

13. Ермолович Д. И. Методика межязыковой передачи имен собственных. — М., 2009.

Нужно ли переименовывать географические объекты?

...Нынче пуше чем когда
Безумных развелось людей,
и дел, и мнений.

А. С. Грибоедов.
Горе от ума

Названия нужно уважать. Меняя их в случае крайней необходимости, следует делать это прежде всего грамотно, со знанием страны и с любовью к ней. В противном случае названия превращаются в словесный мусор, рассадник дурного вкуса и облачают невежество тех, кто их придумывает.

К. Г. Паустовский. Книга скитаний

После распада СССР и вследствие изменений на политической карте Европы проблема переименования (деминации) географических объектов приобрела в ряде государств особую актуальность и социальную остроту. Исторически для большинства цивилизованных государств эта проблема существовала всегда и затрагивала преимущественно населенные пункты и внутригородские объекты. Так, например, неоднократно менялось название бывшей столицы Турции: *Бизант* — *Новый Рим* — *Константинополь* — *Истамбул* — *Стамбул*. Столица древнего Китая *Пекин* (*Бэйцзин* — «северная столица») также не раз меняла свое название: *Шуньтхяньфу* — *Даду* — *Дасин* — *Чжунду* — *Яньшань* — *Синьцзин* и др. Примечательно, что смена правящей династии в древнем Китае обычно сопровождалась переименованием городов [7, с. 215]. Современный *Санкт-Петербург* в прошлом по известным причинам назывался *Петроградом* и *Ленинградом*. Эти факты наглядно свидетельствуют о традиционно важной социальной функции топонимов — функции номинативно-характерологической (идентифицирующей).

Главные причины переименований — причины *экстралингвистические*, а именно: войны, социальные революции, смена идеологии и экономического уклада, изменение государственного статуса территорий, деколонизация. В связи с этим в мотивах деминации обычно отражается стремление ликвидировать старые географические названия, вызывающие нежелательные ассоциации с понятиями-наследиями «проклятого прошлого», и внедрить новые названия, отражающие идеи нового общественного строя. К сожалению, в этот процесс нередко вовлекаются идеологически нейтральные топонимы, ошибочно зачисляемые в разряд вредных и неприемлемых [13, с. 54]. Среди собственно лингвистических причин деминации — отказ от географических названий эстетических ушербных, неблагозвучных по своей форме или образованных с нарушением лексических, словообразовательных и граммати-

ческих норм, действующих в конкретном современном языке, а также отказ от одноименно-дублирующих топонимов.

В дореволюционной России переименования географических объектов не имели глобального характера, в отличие от России после октября 1917 г. Взяв на вооружение опыт Великой французской революции 1789–1794 гг., советская власть стала активно уничтожать топонимы религиозного происхождения и топонимы, в которых были слова *царь*, *император* и царские имена. Например, в советский период были переименованы наряду с другими следующие географические объекты: г. *Воскресенск* (назван по церкви Воскресения Христова) — с 1930 г. *Истра* (Моск. обл.); г. *Богородск* (образован как город в праздник Покрова Пресвятой Богородицы) — с 1930 г. *Ногинск* (Моск. обл.); г. *Царевосанчурск* — с 1923 г. *Санчурск* (Кировск. обл.); с. *Большая Царевщина* — с 1961 г. *Волжский* (Самарск. обл.); залив *Императорская Гавань* — с 1923 г. *Советская Гавань* (Хабаровск. кр.); г. *Екатеринодар* — с 1920 г. *Краснодар* (Краснодарск. кр.); г. *Сергиев Посад* — с 1930 г. *Загорск* (Моск. обл.) и т. д.

Многие топонимы-советизмы также не избежали деноминации: в советский и постсоветский периоды их сменили старые, но возрожденные названия. Причем некоторые населенные пункты переименовывались от четырех до пяти раз (!), что резко нарушало стабильность топонимической системы русского языка. Среди многочисленных цепочек переименований такого рода выделим следующие: *Пермь — Молотов — Пермь, Бердянск — Осипенко — Бердянск, Нижний Новгород — Горький — Нижний Новгород, Тверь — Калинин — Тверь, Екатеринбург — Свердловск — Екатеринбург; Луганск — Ворошиловград — Луганск — Ворошиловград — Луганск; Рыбинск — Щербаков — Рыбинск — Андропов — Рыбинск, Дзауджикау — Владикавказ — Орджоникидзе — Дзауджикау — Орджоникидзе — Владикавказ* и др. В итоге такой деноминации некоторые населенные пункты, полностью сменив свои исконные названия, стали абсолютно исторически неузнаваемыми, утратив генетическую связь с исходно-мотивирующей формой древнего топонима, с его языковой принадлежностью. Например, *Царицын* (< тюркск. *сары* — «желтый» + *су* — «вода») — *Сталинград* — *Волгоград*; *Саарское село* (< финск. *saari* — «остров») — *Царское Село* — *Детское село* — *Пушкин*; *Юзовка* (< англ. антропоним *Хьюз*) — *Сталино* — *Донецк* и т. п. Всего, по подсчетам специалистов, на карте России и зарубежной Европы за советский период было переименовано около 2,5 тысяч географических объектов.

Топонимы-советизмы как памятники ушедшей эпохи сохранились и на современной карте России. Некоторые из них неоднократно повторяются в разных регионах: *Заветы Ильича, Красный Октябрь, Восток Октября, Красный Пахарь, Красный Балтиец, Новый Мир* и т. д. А некоторые образованы по достаточно редким топонимическим моделям номинативно-лозунгового характера: *Серп и Молот* (Влад. обл.), *Плуг и Сеялка, За Темпы* (Пенз. обл.). В отдельных российских регионах топонимы-советизмы до сих пор представлены достаточно компактным массивом названий. Например, только в восточной части побережья Волгоградского водохранилища встречаем топонимы *Искра, Ленинское, Комсомолец, Светлый Быт, Маяк Октября, Путь Ильича* и др.

Для выработки надежных критериев деноминации географических объектов следует прежде всего учитывать социально-лингвистическую сущность топонима. Многочисленные топонимические исследования доказали, что географические названия, особенно древние, поистине уникальны. Они заклю-

чают в себе ценную культурно-историческую информацию, указывая на время заселения территорий определенными этносами, на физико-географическую специфику заселяемых территорий, на свою языковую принадлежность, на господствующую идеологию и на многое другое. Топонимическая лексика, накопленная развитыми литературными языками к настоящему времени, представляет собой совокупность актуальных слов. Эта совокупность обладает мощным коммуникативным потенциалом, поэтому в каждом функциональном стиле современного русского литературного языка употребление топонимов отличается высокой частотностью. Однако в повседневном общении носители языка используют топонимы преимущественно в адресно-ориентирующей функции, являющейся для них прагматически важной. Ведь для каждого человека естественно знать не только свое имя и отчество, а также фамилию, но и название родного города, поселка, села, деревни и улицы, название государства, в котором он живет. Феномен географических названий заключается в том, что они заботливо сопровождают жизнь человека от его рождения до последних дней и даже после них. Действительно, определенным маршрутом названий человек едет на работу, учебу или в отпуск, посылает письма, назначает свидание на *Пушкинской площади*, у памятника великому поэту, или *На краю леса, где Аринушку волки съели* (это тоже географическое название, только «развернутое»).

В последние десятилетия напряженная языковая ситуация сложилась в российском обществе относительно проблемы переименования географических объектов, имеющих названия-советизмы. Весьма назойливы и агрессивны беспочвенные стремления отдельных топонимически необразованных общественных деятелей и общественных движений в угоду собственным политическим амбициям (особенно в период предвыборной кампании!) во что бы то ни стало избавиться от идеологического наследия советской эпохи. В пределах московского и других регионов России (например, Северодвинск, Саратов, Киров, Пермь, Тобольск) предлагается переименовать города и улицы, связанные с именами деятелей мирового революционного движения, с именами советских партийных деятелей и вообще с реалиями советского времени. В разряд репрессируемых попадают имена К. Маркса, Р. Люксембург, Ф. Э. Дзержинского, С. М. Кирова и мн. др.

В Москве одно из последних предложений по деноминации затрагивало внутригородские объекты, связанные с фамилией советского партийного деятеля П. Л. Войкова, участника убийства семьи последнего российского императора Николая II. Предлагалось переименовать *ул. Войкова*, район, с 1-го по 5-й проезды с названием *Войковский* и станцию метро *Войковская* (кстати, названия станций метрополитена должны быть написаны без кавычек: см. ниже с. 197). Если бы данное предложение по деноминации было принято, пришлось бы сменить таблички с названиями этих внутригородских объектов, менять названия на планах-схемах метро, на указателях, на географических картах и атласах, в почтовых справочниках с учетом международного использования этих документов. Граждане, проживающие в Войковском районе САО Москвы, вынуждены были бы изменить прописку в паспортах и других документах. Процесс такой деноминации потребовал бы немалых финансовых затрат и преодоления моральных неудобств. Не каждый гражданин легко согласится, проживая по одному адресу не один десяток лет, с легкостью поменять его на другой, никуда не переезжая, как и вряд ли кто из адекватно

ориентированных людей согласится в зрелом возрасте одновременно сменить имя, отчество и фамилию.

Инициаторы переименований данные обстоятельства не учитывают, не утруждая себя пониманием природы и сущности языка, в котором функционируют географические названия. Одно из важнейших качеств язык — *традиционность*, которая придает ему стабильность и позволяет успешно осуществлять коммуникацию между поколениями, в том числе с помощью топонимов. Неудачные, по мнению «реформаторов», топонимы-советизмы возникли в определенную эпоху на основе конкретных мотивов (принципов) номинации, а следовательно, являются памятниками духовной и материальной культуры многих поколений людей, живших при советском строе. Истинное понимание патриотизма не должно иметь ничего общего с ложно трактуемой демократизацией языка, как будто позволяющей запрещать идеологически вредные топонимы, искоренять их и вообще нарушать любые языковые нормы. Однако бездумное и безумное разрушение памятников — это вандализм, недостойный цивилизованного социума начала XXI в.

Волонтаристское исключение каких-либо названий из топонимической системы языка с заменой их другими нарушает систему, приводит к смысловым сбоям и недоразумениям. В ряде случаев название-заменитель оказывается по топонимическим критериям намного хуже прежнего. Например, *Сталинград*, переименованный в 1961 г. в *Волгоград*, получил обезличенное, бессмысленное название со значением «город на Волге, какой-то один из многих волжских». В повседневной коммуникации мы не обращаем внимания на семантически ущербную форму подобных топонимов, поскольку для носителей языка прежде всего важна адресно-ориентирующая функция топонима, которая доминирует над другими функциями. А подлинно научную оценку внутренней и внешней формы топонима как лексической единицы может дать только специалист.

Именно в силу традиционности языка и непрерывности языковых контактов в его топонимической системе функционируют многочисленные генетически иноязычные топонимы, в большинстве случаев полностью освоенные. Например, в 1991 г. северной столице России было возвращено название *Санкт-Петербург*, хотя в процессе дискуссии предлагались к утверждению и другие формы — *Петербург* и *Петроград*. Примечательно, что А. И. Солженицын, возражая против восстановления названия в форме *Санкт-Петербург*, предложил альтернативную калькированную форму *Свято-Петроград* или новую форму *Невоград*. Однако инициатива писателя была справедливо отвергнута, поскольку первая из предложенных им форм вообще не имеет аналогов в русской топонимии, а вторая, аналогичная с моделью *Волгоград*, — явно неудачный неологизм-советизм, в чем мы уже убедились [14, с. 442–443]. Таким образом, в современной русской топонимии оказалась представлена немецкая топонимическая модель, хотя, на наш взгляд, лучше было бы именовать город на Неве по-русски и не так громоздко — *Петроградом*. Любое переименование в той или иной степени нарушает сбалансированную стабильность сложившейся топонимической системы. В связи с этим специалисты не могут не заметить некоторых парадоксальных несоответствий: *Санкт-Петербург* — областной центр *Ленинградской области*; губернатор *Ленинградской области*.

Топонимы, ставшие основой для образования других категорий собственных имен и отражающие эпохальные события, навсегда останутся в мировой

истории, несмотря на негативную оценку личных имен, представленных в таких названиях. Ср., например, *Сталинградская битва*, *Ленинградская блокада*, *Ленинградский фронт*, *Калининская операция* (1941–1942 гг.). Историческая память языка оказывается прочнее каких-либо идеологических пристрастий. В ней для носителей языка с прочными фоновыми знаниями топонимы аккумулируют ценную культурно-историческую информацию: *Троя*, *Византия*; *Киевская Русь*; *Бородино*, *Царское Село*; *Тегеран* — *Ялта* — *Нюрнберг*; *Хиросима* и *Нагасаки*, *Чернобыль* и т. п. Топонимы оставили заметный след и в богатой фразеологии русского языка, старой и новой: *вавилонское столпотворение*, *все пути ведут в Рим*, *белгородский кисель*, *казанская сирота*, *коломенская верста*, *кричать во всю ивановскую*, *Москва слезам не верит*, *в Греции все есть* и др.

В советский и постсоветский периоды проблемы номинации и деноминации географических объектов (населенных пунктов и внутригородских образований) решались и решаются на федеральном уровне и местными органами власти [15; 16; 3; 6]. В Москве данные проблемы входят в компетенцию Городской межведомственной комиссии, которая работает при Правительстве Москвы, руководствуясь соответствующим Законом, где в статье 15-й записано: «Изменение наименований территориальных единиц, улиц и станций метрополитена производится *в исключительных случаях* [курсив наш. — А. Б.], а именно:

- при восстановлении исторически сложившихся наименований, имеющих особую культурно-историческую ценность;
- при изменении статуса и/или функционального назначения соответствующего объекта;
- в целях устранения дублирования наименования в пределах территории города» [9, с. 10–11].

К сожалению, географические названия иногда оказываются беззащитными перед произволом чиновников разных рангов, нарушающих гармонию топонимической системы. Например, в 2005 г. станция Московского метрополитена *Измайловский Парк* «по просьбе трудящихся» была переименована в *Партизанскую*, хотя прежнее название точно ориентировало пассажиров (рядом расположен Измайловский парк), что не было принято во внимание, как и то, что новое название оказалось одноименным с ул. *Партизанской* (расположенной в районе Кунцева), а значит, географически дезориентирующим.

И все-таки в отдельных случаях топонимическую деноминацию можно использовать как удачный инструмент для устранения одноименных названий, значительно затрудняющих почтово-телеграфную связь в пределах одного или нескольких регионов. Так, например, в Ярославской области 21 топоним *Ильинское* и 30 топонимов *Ивановское*, во Владимирской области 14 топонимов *Горки* и 20 топонимов *Высоково* и т. д. Деноминация может оказаться практически полезной и для объектов, имеющих названия, внешне похожие по написанию и произношению и поэтому часто смешиваемые в употреблении. Например, *Фрязино/Фрязево* (Моск. обл.); *Бунаково/Бураково*, *Нармочь/Нармучь* (Влад. обл.); *Маклаково/Маклоково*, *Тарандаево/Тарантаево* (Яросл. обл.) и т. п.

Топонимическая деноминация применима и к объектам, имеющим формы названий, неблагозвучные по современным эстетическим представлениям. Действительно, в советский период возникло немало названий населенных пунктов, образованных при различных производственных, сельскохозяй-

ственных и животноводческих объединениях. Однако вряд ли будет приятно современному человеку прочитать в графе «место рождения»: пос. *Кролико-ферма*, пос. *Крольчатник* (Моск. обл.); пос. *Заготскот* (Астрах. обл.); пос. *Госплемстанции*, пос. *Коровинского спиртзавода* (Ряз. обл.); пос. *Бензоперегонной станции* (Тамб. обл.) и т. д.

В целом корпус топонимов, квалифицируемых как «неблагозвучные и неэстетичные», сравнительно невелик в современной русской топонимии. Это, например, *Голохвостово*, *Брехово*, *Мочилы*, *Вонякино* (Моск. обл.); *Волосатое*, *Гусово* (Влад. обл.); *Хреновка*, *Самодуровка*, *Безобразовка* (Тамб. обл.); *Пупкино*, *Хламово*, *Паники* (Ряз. обл.); *Мусорка* (Самарск. обл.) и др. Впрочем, при углубленном топонимическом анализе неблагозвучность таких названий может оказаться мнимой, привнесенной поздними фонетико-словообразовательными изменениями (нередко под влиянием каких-либо ассоциаций), что в итоге и обусловило сдвиги в семантической структуре топонима. Тем не менее социальная оценка формы подобных названий, рожденных в недрах народного языка, может быть весьма строгой с позиций образованного общества. Так, еще в конце XVIII в. «Законом о межевании 1767 г.» определялось, что, если будут обнаружены географические объекты «под названиями непристойными, а особливо срамными, в межевых книгах и планах писать иными званьями, исключая из прежних названий или прибавляя вновь некоторые литеры по пристойности, чтобы через то имели они уже не срамное звание» [11, с. 376].

От советской эпохи внутригородская топонимия Москвы унаследовала два названия, которые по причине своей иноязычной экзотичности до сих пор никак не вписываются в русскую топонимическую систему: ул. *Хулидна Гримду* (ЮЗАО) и пл. *Амйлкара Кабрала* (ВАО). В письменной и особенно устной речи их употребление сопряжено с известными трудностями, с возникновением нежелательных ассоциаций у народа-языкотворца. В разговорно-просторечном употреблении эти названия вообще могут редуцироваться в вульгарных вопросах, задаваемых в общественном транспорте: «На *Хулиане* сойдете?», «Как проехать до *Кабрала*?» (ср. также «На *Комиссарах* сойдете?» — ул. 26 Бакинских Комиссаров). Такие топонимы, попадающие в русский язык в разряд неблагозвучно-экзотических, явно претендуют на деноминацию. Коммуникативная нагрузка географических названий в современном социуме достаточно велика, вследствие чего их социальная значимость по достоинству оценена во многих цивилизованных странах. Например, во Франции в связи со строительством парижского делового квартала *la Defense* составлен перечень находящихся на его территории старых названий улиц, площадей, кварталов и башен, не подлежащих переименованию. Языковая политика в отношении топонимов на территории России должна учитывать международный опыт и базироваться не только на бережном отношении к ним (в том числе к оставшимся топонимам нежилых поселений), исключая волюнтаристские переименования. Географические названия России заслуживают полной каталогизации и всестороннего изучения, которое должно начинаться в школе и продолжаться в вузе. Инициативный учитель может удачно раскрыть сущность объясняемых явлений с помощью анализа топонимов на уроках русского языка и литературы, истории и географии, а также в кружковой работе, умело используя топонимическую литературу. Положительный опыт такого рода уже накоплен в ряде российских школ, например в Московской средней школе № 112 (с 2008 г. — Центр образования № 1441 «Бронная Слобода»).

Топонимия России представляет в распоряжение учителя богатейший и уникальный учебно-воспитательный материал, который при содействующей интерпретации поможет убедительно ответить на актуальные вопросы «Почему так названо?», «Нужно ли переименовывать географический объект?» и т. п. На карте современной России алмазно сияют замечательные по своей внешней форме топонимы *Добрая Слобода*, *Пустое Рождество* (Моск. обл.); *Кузьма-Демьян*, *Лапушка*, *Любилки* (Яросл. обл.); *Лихая Пожня*, *Митины Деревеньки* (Влад. обл.); *Потерянный Рай*, *Сново-Здорово*, *Мыс Доброй Надежды* (Ряз. обл.); *Блинные Кучи* (Смол. обл.); *Беломестная Двойня*, *Сошки-Кривки*, *Мой Приют* (Тамб. обл.); *Вольная Солянка* (Самарск. обл.); *Бойкие Дворики* (Волгогр. обл.) и мн. др. Действительно, как метко заметил Н. В. Гоголь, «... иное название еще драгоценней самой вещи».

Ведущие отечественные топонимисты в принципе отрицательно оценивают необоснованную деноминацию, замечая, в частности, следующее: «Переименования обедняют не только географическую карту, но и историю общества и историю языка, так как именно в топонимии сохраняется много забытых слов, переименования лишают нас ценного народного архива. А простительно ли забвение отечественной истории?» [7, с. 220–221]. Характеризуя современную языковую ситуацию применительно к географическим названиям, А. К. Матвеев констатирует: «Изменения в обществе ведут к калейдоскопу переименований городов и селений. Имя беззащитно. <...> Можно изменить имя, исказить его или вообще упразднить. Но вот парадокс — магия имен продолжает жить. Более того, во времена культурной деградации она получает широкое распространение в паранаучной форме» [4, с. 7]. Совершенно очевидно, что в результате необоснованных переименований языковая картина мира для многих социумов окажется значительно искаженной и обедненной.

Литература

1. Бельская В. Д. Современные тенденции в наименовании населенных пунктов (к вопросу о методе синхронии в топонимике) // Вопросы географии. Сб. 94. Топонимия Центральной России. — М., 1974.
2. Голубева И. Н. Переименования в Калмыкии // Топонимика и межнациональные отношения. — М., 1991.
3. Ефремов Ю. К. О ходе и принципах наименования московских улиц // Вопросы географии. Сб. 126. Географические названия в Москве. — М., 1985.
4. Матвеев А. К. Ономотология. — М., 2006.
5. Мезенко А. М. Мотивы номинации улиц белорусских городов // Топонимика и межнациональные отношения. — М., 1991.
6. Морозова М. Н. Процедура присвоения официальной формы названиям географических объектов // Вопросы географии. Сб. 132. Современная топонимика. — М., 2009.
7. Мурзаев Э. М. Девятый вал переименований / Топонимика и география. — М., 1995.
8. Никитин С. А. Лингвистические аспекты переименований географических объектов. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2003.
9. О наименовании территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы. Закон города Москвы от 8 октября 1997 года № 40–70. — М., 1998. (В ред. Закона г. Москвы от 02.07.2003 № 44.)
10. Подольская Н. В. Урбанонимия центральных областей РСФСР // Вопросы географии. Сб. 94. Топонимия Центральной России. — М., 1974.
11. Полное собрание законов Российской империи. Т. XVIII. — СПб., 1830.
12. Посталов Е. М. Урбанизация и топонимика // Теория и практика топонимических исследований. — М., 1975.

13. Поспелов Е. М. Переименования городов и сел в СССР // Топонимика СССР. — М., 1990.
14. Поспелов Е. М. Иллюстрированный атлас мира. География мира: новейший топонимический словарь. — М., 2007.
15. Суперанская А. В. Наименования и переименования в городах // Вопросы географии. Сб. 70. Изучение географических названий. — М., 1966.
16. Суперанская А. В. Типология именования внутригородских объектов Москвы // Вопросы географии. Сб. 126. Географические названия в Москве. — М., 1985.

Правописание топонимов

1. Употребление прописных букв

1.1. С прописной буквы пишутся все простые однословные русские и освоенные русским языком топонимы и микротопонимы. Сопровождающие подобные названия термины, отражающие географическую специфику объектов, пишутся со строчной буквы.

Например: озеро Глубокое, река Учами, Черное море, Мессинский пролив, Кадисская бухта; остров Скотта, хребет Черского, гора Чимтарга, плато Ордос; город Пржевальск, город Перуджа, село Георгиевка, поселок Суворово; Пронская улица, Промысловый тупик, Омутнинский район; историческая область Прованс, штат Массачусетс и т. п.

1.2. С прописной буквы пишутся все знаменательные компоненты в составе сложных и составных русских, а также освоенных русским языком топонимов и микротопонимов, пишущихся раздельно или через дефис. Термины, отражающие географическую специфику объектов, а также служебные слова (предлоги и союзы) пишутся в составе названий данного типа со строчной буквы.

Например: озеро Большой Вагильский Туман, река Большая Хета; Москва-река, село Бедеева Поляна, вулкан Ключевская Сопка, село Вторые Тербуны; поселок Абрау-Дюрсо, поселок Алексеево-Дружковка, город Каменск-Шахтинский, город Славянск-на-Кубани, ж.-д. ст. Никель-Мурманский, ж.-д. ст. Новгород-на-Волхове, Клинско-Дмитровская гряда; город Джалал-Абад, город Солт-Лейк-Сити, историческая область Гиень и Гасконь, город Стратфорд-на-Эйвоне и т. п.

1.3. С прописной буквы в составных двух- и трехкомпонентных топонимах и микротопонимах пишется второй компонент — «ложный» географический термин, не отражающий современной специфики географического объекта и употребляющийся условно-символически. «Ложные» географические термины отражают географическую специфику объектов только на момент первичной номинации этих объектов.

Например: мыс Край Леса; село Сухой Отрог, город Горячий Ключ, курорт Ижевские Минеральные Воды, ж.-д. ст. Белое Море; улица Лихоборские Бугры, улица Можайский Вал и т. п.

Примечание. 1. Не следует смешивать названия указанного типа с названиями, в составе которых географические термины употреблены в своем прямом значении и поэтому пишутся со строчной буквы. Например, бугры Чогат, отрог Восточный, ключ Звонкий, Белое море, Камер-Коллежский вал и т. п. 2. Географический термин в значении «искусственное водохранилище» в составе топонимов по традиции пишется со строчной буквы, хотя он и употреблен в этом значении условно-символически. Например, Московское море, Липецкое море, Жигулевское море и т. п.

1.4. С прописной буквы пишутся однокомпонентные названия стран света, если они обозначают географо-политические области и административно-территориальные единицы.

Например: освоение Севера, промышленность Востока, страны Запада и т. п.

1.5. С прописной буквы пишутся все слова (за исключением географических терминов) в составе двух- и многокомпонентных топонимов, один из компонентов которых — имя прилагательное, образованное от названия стран света, или прилагательное, входящее в коррелятивные пары типа *Старый — Новый, Верхний — Нижний, Большой — Малый* и т. п.

Например: город *Западная Двина*, *Нижнее Приобье*, *Южный Алтай*, *Северная Ирландия*, государство *Западное Самоа*, *каменноугольный бассейн Новый Южный Уэльс* и т. п.

Примечание. Следует контекстуально различать случаи употребления слов в нарицательном и собственном значении.

Например: зарево на *востоке* — языки народов *Востока*; часть Альп к *западу* от линии, соединяющей озера Боденское и Комо, называется *Западные Альпы*.

В некоторых случаях колебания в написании отражают тенденцию к превращению имени нарицательного в собственное имя — топоним. Во всех подобных случаях важно учитывать контекст (ср. *западный* участок БАМа — *Западный* участок БАМа; юг Африки — положение на *Юге* африканского континента; станции метро на линии *Север—Юг*).

1.6. С прописной буквы пишутся титулы, должности, звания, а также все прочие слова, употребленные в составе русских и освоенных русским языком иноязычных топонимов и микротопонимов условно-символически. Как правило, подобные географические названия имеют мемориальный характер. Все географические термины в составе названий данного типа пишутся со строчной буквы, кроме термина *Земля*, условно употребляемого в значении «территория».

Например: остров *Октябрьской Революции*, пик *Коммунизма*, поселок *Заветы Ильича*, мост *Лейтенанта Шмидта*, улица *Академика Янгеля*, улица *Проспект Мира*; *Земля Принцессы Елизаветы*, река *Святого Лаврентия*, острова *Королевы Шарлотты*, мыс *Доброй Надежды*, государство *Объединенные Арабские Эмираты*, государство *Коморские Острова* и т. п.

1.7. С прописной буквы в составе мемориальных топонимов и микротопонимов, содержащих цифры, пишутся все знаменательные слова, кроме географических терминов, поясняющих род объекта, и сокращенной формы слова *имени* — *им*.

Например: поселок *Памяти 13 Борцов*, улица *8 Марта*, поселок им. *Панфилова*, улица *9 Января* и т. п.

1.8. С прописной буквы в составе сложных иноязычных топонимов, освоенных русским языком, пишутся препозитивные (*Рио-*, *Риу-* — «река»; *Сьерра* — «горная цепь») и постпозитивные (*-Ола* — «гора»; *-Ривер* — «река») иноязычные географические термины, не употребляющиеся в современном русском языке как нарицательные слова.

Например: река *Рио-Бермехо*, река и город *Риу-Бранку*, город *Рио-де-Жанейро*, река *Рио-Негро*, город *Рио-Куарто*, горы *Сьерра-Морена*, горы *Сьерра-Мадре*; река *Ред-Ривер*, река *Сноун-Ривер*, город *Йошкар-Ола* и т. п.

Примечание. Географические термины иноязычного происхождения, употребляющиеся в современном русском языке как термины, пишутся в составе топонимов и микротопонимов со строчной буквы. Например: *Варангер-фьорд* — «Варяжский залив» (норв. *fjord* фьорд — «узкий и длинный морской залив с крутыми и высокими берегами»);

Бэкер-стрит (англ. *street* стрит — «улица»); *Беркли-сквер* (англ. *square* сквер — «небольшой общественный сад в городе»).

1.9. С прописной буквы в составе образно-метафорических названий зарубежных государств пишется только стержневое, опорное слово словосочетания.

Например: туманный *Альбион* (Англия), *Остров свободы* (Куба), *Страна восходящего солнца* (Япония); *Страна тысячи озер* (Финляндия), *Страна утренней свежести* (Корея), *Страна семи тысяч островов* (Филиппины) и т. п. Преимущественная сфера употребления топонимов данного типа — художественно-публицистические стили.

Примечание. Написание топонимов данного типа окончательно не стабилизировалось — еще встречаются разноразличные написания. Ср., например, *древняя Эллада* — *Древняя Эллада* (Греция).

2. Раздельное написание

Пишут **раздельно** немногочисленные русские и освоенные русским языком иноязычные топонимы, состоящие из имени и отчества или имени и фамилии.

Например: пик *Карла Маркса*, поселок *Лев Толстой*, берег *Харитона Лаптева*, острова *Сергея Кирова*, пролив *Дмитрия Лаптева*, берег *Ларса Кристенсена* и т. п.

Примечание. Прилагательные, образованные от топонимов указанного типа, **пишутся через дефис**. Такое написание отражает цельнооформленность названий. Например, *Лев-Толстовский* район Липецкой области (поселок городского типа *Лев Толстой*).

Не следует смешивать топонимы указанного типа с двухкомпонентными топонимами, образованными по модели **имя + фамилия**, первый компонент которых имеет соединительную гласную *-о-*. Такие топонимы пишутся **через дефис**. Например, поселок *Карло-Марксово* Донецкой области, поселок *Михайло-Коцюбинское* Черниговской области.

3. Дефисное написание

3.1. Через дефис пишутся русские и освоенные русским языком сложные двухкомпонентные топонимы, начинающиеся на *Северно-* (*Северо-*), *Южно-* (*Юго-*), *Западно-*, *Восточно-*, а также производные от них. Как правило, топонимы данного типа обозначают **крупные** физико-географические и административно-территориальные объекты.

Дефисное написание подобных топонимов традиционно, оно сложилось исторически и закрепилось как в учебной, так и в научной географической литературе. Однако практика печати показывает, что это правило соблюдается далеко не всегда, вследствие чего появляются разноразличные, противоречивые написания (ср., например: *Северомуйск* — *Северо-Муйский хребет*).

Было бы целесообразно оставить дефисное написание лишь для небольшого числа **наиболее крупных и широко известных** названий физико-географических и административно-территориальных объектов (моря, заливы, равнины, низменности, возвышенности, плоскогорья, горы, географо-политические области и т. д.), поскольку первый компонент в подобных названиях семантически относительно самостоятелен и обозначает одну из стран света.

Названия менее крупных физико-географических и административно-территориальных объектов (города, поселки, районы, каналы, территориально-производственные комплексы, месторождения, железные дороги, паромостов, заводы и т. п.) следовало бы писать **слитно**, так как они представляют собой структурный тип сложных топонимов и микротопонимов, отношения между компонентами которых строятся на основе подчинения (см. п. 4.1.).

Например: Северобайкальск, Южноуральск, Западновинский район, Северокрымский канал, Южноуральская АЭС и т. п. Однако практика печати противоречива: Северодонецк, но Северо-Задонск; Северовинск, но Северо-Двинский канал; Южноуральск, но Южно-Сахалинск и мн. др.

В целом для названий указанного типа следует рекомендовать **слитное написание**, если название не закрепилось в дефисном написании.

3.2. Через дефис пишутся сложные топонимы, состоящие из двух равноправных компонентов, первый из которых имеет соединительные гласные **-о-, -е-**.

Например: поселок Александро-Невский, курорт Архипо-Осиповка; горная страна Памиро-Алай, Кумо-Манычская впадина, село Троице-Лыково и т. п.

3.3. Через дефис пишутся сложные русские и освоенные русским языком иноязычные топонимы, состоящие из двух равноправных компонентов — прилагательных, первый из которых представляет собой основу имени прилагательного с суффиксами **-ск-, -цк-** и соединительной гласной **-о-**.

Например: Зейско-Буреинская равнина, Беломорско-Кулойское плато, поселок Грузско-Зорянское, Клинско-Дмитровская гряда и т. п.

3.4. Через дефис пишутся сложные производные микротопонимы — названия административно-территориальных единиц, образованные от сложных двухкомпонентных топонимов, пишущихся раздельно. Первый компонент сложных двухкомпонентных топонимов содержит суффиксы **-н-, -ск-, -ов- (-ев-), -ян-** и др. Основа первого компонента сложных микротопонимов осложнена соединительной гласной **-о-**.

Например: Базарно-Карабулакский район (< поселок Базарный Карабулак); Вятско-Полянский район (< город Вятские Поляны); Гаврилово-Посадский район (< город Гаврилов Посад); Газимурско-Заводский район (< село Газимурский Завод) и т. п.

Исключение: Кесовогорский район (< село Кесова Гора) Тверской области; Липоводолинский район (< поселок Липовая Долина) Сумской области; Минераловодский район (< город Минеральные Воды).

3.5. Через дефис пишутся сложные производные микротопонимы — названия административно-территориальных единиц, образованные от сложных двухкомпонентных топонимов, пишущихся **через дефис**. Первый компонент сложных двухкомпонентных топонимов содержит суффикс **-ов** и в некоторых случаях соединительную гласную **-о-**.

Например: Кирово-Чепецкий район (< город Кирово-Чепецк); Родионово-Несветайский район (< слобода Родионово-Несветайская); Гаврилов-Ямский район (< город Гаврилов-Ям) и т. п.

3.6. Через дефис пишутся сложные русские и освоенные русским языком иноязычные топонимы, состоящие из двух равноправных существительных или из двух равноправных субстантивированных прилагательных.

Например: мыс Сердце-Камень, поселок Курорт-Дарасун, поселок Станция-Термез, город Катав-Ивановск, поселок Ильинское-Хованское, город Форт-Лодердейл и т. п.

Примечание. Сложные двух- и трехкомпонентные русские и освоенные русским языком топонимы, включающие в свой состав прилагательные **Старый — Новый, Малый — Большой, Верхний — Нижний, Средний** и т. п., пишутся **раздельно**. Например: озеро Среднее Холодное, поселок Нижняя Малая Салья, поселок Русская Старая Монья, Большие Зондские острова и т. п.

3.7. Через дефис пишутся сложные русские и освоенные русским языком иноязычные топонимы и микротопонимы, состоящие из существительного и постпозитивного прилагательного.

Например: город Белгород-Днестровский, город Рава-Русская, поселок Покровск-Уральский, хутор Сухов-Второй, село Чегем-Первый и т. п.

Аналогично должны быть написаны сходные с вышеназванными микротопонимы — названия железнодорожных станций, станций метрополитена и депо типа Москва-Товарная, Ярославль-Главный, Дебальцево-Сортировочное, Гатчина-Товарная-Балтийская, Барановичи-Центральные; Белорусская-Кольцевая, Курская-Радиальная и т. п.

Примечание. Постпозитивные прилагательные в составе названий железнодорожных станций и депо должны согласовываться с существительными в роде и числе. Однако при наличии в контексте термина *станция* постпозитивное прилагательное согласовывается в роде и числе с термином, а не с определяемым существительным. Например: станция Люблино-Сортировочная. Практика печати свидетельствует, что окончательного решения данная проблема еще не получила — компоненты в составе названий данного типа согласовываются друг с другом по-разному.

3.8. Через дефис пишутся сложные производные двухкомпонентные микротопонимы — названия административно-территориальных единиц (районов и областей), образованные от сложных двухкомпонентных топонимов, пишущихся **через дефис**.

Например: Александров-Сахалинский район (< город Александров-Сахалинский) Сахалинской области; Базар-Курганский район (< село Базар-Курган) Омской области; и т. п.

3.9. Через два дефиса пишутся русские и освоенные русским языком сложные иноязычные двухкомпонентные топонимы и микротопонимы, содержащие предлоги **-на-, -над-**.

Например: город Камень-на-Оби, город Николаевск-на-Амуре, ж.-д. станция Новгород-на-Волхове, ж.-д. станция Нахичевань-на-Араксе, город Франкфурт-на-Майне и т. п.

Данная топонимическая словообразовательная модель была особенно продуктивной в древнерусской топонимии — топонимы данного типа указывали на реку, где расположен город (ср., например, древнерусские топонимы *Иванов на Метлице, Коршов на Сосне, Городец на Немане, Стародуб на Клязьме* и мн. др. — топонимы даны в старой орфографии). В современной топонимии эта модель представлена слабо: названия указанного типа в целом малочисленны. (Подробнее об этом см. далее: с. 239–242.)

Примечание. Русские и освоенные русским языком сложные иноязычные топонимы и микропонимы, содержащие предлоги *с, к, у, а* также союз *и*, пишутся **раздельно**. Например: колхоз «Путь к коммунизму»; *Дадра и Нагархавели* (союзная территория Индии); *Тринидад и Тобаго* (республика); *Джамму и Кашмир* (штат в Индии) и т. п.

3.10. Через два дефиса пишутся освоенные русским языком сложные иноязычные топонимы, содержащие в своем составе служебные слова: предлоги, союзы, артикли, частицы типа *-да-, -де-, -ди-, -ду-, -дю-, -дас-, -дель-, -ла-, -ле-, -сан-, -сен-, -сюр-, -э-, -эс-, -эль-*.

Например: вулканические острова *Тристан-да-Кунья*; пролив *Па-де-Кале*; город *Жуис-ди-Фора*; хребты *Серра-ду-Эспиньясу*, город *Можу-дас-Крузис*; город *Винья-дер-Мар*; город *Херес-де-ла-Фронтера*; город *Нуэва-сан-Сальвадор*; карстовая пропасть *Пьер-сен-Мартен*; город *Булонь-сюр-Мер*; город *Дар-эс-Салам*; *Баб-эль-Мандебский* пролив и т. п.

Примечание. Частицы *Де-, Эль-*, стоящие в начале иноязычных топонимов, пишутся с прописной буквы. Например, город *Де-Мойн*, река *Эль-Газаль* и т. п.

3.11. Через дефис пишутся освоенные русским языком сложные иноязычные топонимы и микропонимы, содержащие в качестве первого компонента служебные слова: артикли, предлоги, частицы типа *Де-, Ла-, Ле-, Лас-, Лос-, Мак-, Сан-, Санта- (Санту-), Сен-, Сент-, Эль-*.

Например: залив *Де-Кастри*, парк *Ла-Верандри*; остров *Ле-Сент*, город *Лас-Тунас*, город *Лос-Анджелес*, вершина *Мак-Кинли*, штат *Сан-Бернардино*, город *Санта-Ана*, город *Санту-Андре*, перевал *Сен-Готард*, город *Сент-Джонс*, гора *Эль-Увейнат* и т. п.

Примечание. Первые компоненты *Нью-, Порт-* в составе сложных иноязычных топонимов и микропонимов пишутся **по-разному: через дефис или слитно**. Написание таких названий следует устанавливать по орфографическим словарям и официальным справочникам.

Например:

город <i>Нью-Бедфорд</i> ,	но город <i>Ньюарк</i> ;
город <i>Нью-Бритен</i> ,	но город <i>Ньюпорт</i> ;
штат <i>Нью-Джерси</i> ,	но город <i>Ньюкасл</i> ;
город <i>Порт-Саид</i> ,	но город <i>Портсмут</i> и т. п.

4. Слитное написание

4.1. Слитно пишутся русские и освоенные русским языком иноязычные сложные двухкомпонентные топонимы и микропонимы, начинающиеся на *Старо-, Ново-, Большие-, Мало-, Велико-, Верхне- (Верхо-), Нижне-, Средне-, Центральнo-, Красно-, Горно-, Ближне-, Дальне-*, а также производные от них географические названия. В структуре названий данного типа господствуют **подчинительные** отношения между компонентами, что находит свое выражение в слитном написании.

Например: *Нижнекамск* — Нижнекамская ГЭС; *Старобельск* — Старобельский район; *Новоазовск* — Новоазовский племзавод; *Среднеколымск* — Среднеколымский район и т. п.

Аналогично пишутся производные топонимы и микропонимы (хотя и образованные по другой модели: в качестве производящих они имеют не существительное, а прилагательное), в структуре которых господствуют **подчинительные** отношения между компонентами.

Например: *Новобакинский* нефтеперерабатывающий завод (< *Новый Бакинский* — топонима *Новобакинск* нет); *Среднеамгуньский* леспромхоз (< *Средний Амгуньский* — топонима *Среднеамгуньск* нет) и т. п.

Примечание. Сложные двухкомпонентные топонимы, начинающиеся на *Усть-, Верх-*, пишутся **через дефис**. Например, *Усть-Каменогорск*, *Усть-Камчатск*; *Верх-Ирмень*, *Верх-Нейвинский* и т. п.

Сложные двухкомпонентные топонимы, начинающиеся на *Соль-*, пишутся **по-разному: Сольвычегодск**, но *Соль-Илецк*.

4.2. Слитно пишутся сложные двухкомпонентные топонимы и микропонимы, первая часть которых — основа имени числительного с соединительной гласной *-о-, -е-*: *Перво-, Второ-, Третье-, Трое-*.

Например: город *Первоуральск*, поселок *Первомайский*, *Первореченский* район, поселок *Первоавгустовский*; сельсовет *Второпокровский*; поселок *Требратский* и т. п. В целом подобные названия немногочисленны.

4.3. Слитно пишутся сложные двухкомпонентные топонимы и микропонимы, первая часть которых — имя числительное в прямом или косвенном падежах.

Например: поселок *Двуреченск*, поселок *Двуречье*, город *Пятихатки*, город *Семилуки*; мыс *Столетия*, остров *Четырехстолбовой* и т. п. В целом подобные названия немногочисленны.

4.4. Слитно пишутся топонимы, являющиеся сложносокращенными словами, а также образованные сложением основ.

Например: поселок *Трудармейск*, поселок *Трудфронт*, поселок *Свирьстрой*, поселок *Красный Профинтерн*, поселок *Гидроторф*, поселок *Металлострой*; город *Сольвычегодск*, город *Электроугли*, город *Юнокоммунаровск*. В целом подобные названия немногочисленны.

4.5. Слитно пишутся сложные двухкомпонентные производные микропонимы с соединительной гласной *-о-, -е-* — названия административно-территориальных единиц, образованные от сложных двухкомпонентных топонимов, пишущихся **раздельно**. Первая часть топонимов — имя прилагательное.

Например: *Белоцерковский* район (< город *Белая Церковь*); *Быстроистокский* район (< поселок *Быстрый Исток*); *Великолукский* район (< город *Великие Луки*) и т. п.

4.6. Слитно пишутся сложные двухкомпонентные топонимы, образованные по модели: слово (корень) русского или иноязычного происхождения + русский географический термин.

Например: гора *Мелгора*, озеро *Водлозеро*, озеро *Окуньозеро*, остров *Пирьостров*, река *Кузрека*; поселок *Пуксоозеро*, село *Ругоозеро*, поселок *Вирандозеро* и т. п.

Географический термин, поясняющий род объекта и стоящий впереди топонима, пишется **раздельно и со строчной буквы**.

Топонимы указанного типа распространены преимущественно на северо-западе Европейской части России: в Карелии и Архангельской области.

Примечание. Географический термин *наволоч* в составе топонимов аналогичного типа пишется **через дефис** (по традиции) и с **прописной буквы**, так как является «ложным» (см. п. 1.3). Например, мыс *Уст-Наволоч*.

5. Употребление кавычек

Русские и освоенные русским языком топонимы и микротопонимы мемориального характера, присвоенные географическим объектам в честь первооткрывателей, исторических деятелей, знатных лиц, кораблей, органов печати, научных и общественных организаций и т. п., **на географических картах кавычками не выделяются.**

Например: совхоз *Прогресс*, желоб *Садко* (по названию ледокола «Садко»), остров *Жанетты* (по названию корабля «Жанетта»), острова *Комсомольской Правды* и т. п.

Примечание. В широкой практике печати топонимы — названия колхозов и совхозов, а также микротопонимы — названия внутригородских объектов, присвоенные в честь органов печати и т. п., **кавычками выделяются.** Например: улица «*Правды*», совхоз «*Сад-гигант*», проезд Завода «*Серп и Молот*».

6. Склонение географических названий*

Имена, фамилии, названия кораблей, научных и общественных организаций и т. п. в составе мемориальных топонимов русского и иноязычного происхождения должны быть употреблены в форме **родительного падежа.**

Например: котловина *Макарова*, бухта *Нагаева*, гора *Невельского*, берег *Правды* (в честь газеты «Правда»), остров *Земля Александры*, море *Амундсена*, *Гудзонов пролив* и т. п.

Исключение составляют немногочисленные русские и иноязычные мемориальные топонимы, закрепившиеся в употреблении в форме именительного падежа: остров *Чкалов*, мыс *Челюскин*, пик *Москва*, пролив *Рюрик* (в честь крейсера «Рюрик»), поселок *Мыс Лазарев*, река *Гумбольдт*, пик *Боливар*, горный массив *Фритьоф Нансен*.

7. Употребление буквы ё

Следует считать строго обязательным употребление вполне законной буквы русского алфавита *ё* в русских и освоенных русским языком топонимах во избежание их неправильного употребления в письменной и устной речи.

Например: город *Костерёво*, город *Сычёвка*, поселок *Линёво*, ж.-д. станция *Савёлово*, мыс *Дежнёва*, река *Псёл*, гора *Нёройка*; город *Гёйтепе*, город *Дьёр*, город *Ле-Крёзо* и др.

* В настоящем разделе рассмотрены далеко не все случаи правописания географических названий, связанные с их склоняемостью или несклоняемостью, поскольку данная проблема окончательно не решена.

Правописание топонимов в новой редакции «Правил русской орфографии и пунктуации»

Эффективность прагматического функционирования топонимов в современном социуме предъявляет в нем вполне конкретные требования: четкая адресность, негромоздкость, прозрачность внешней формы, эстетическая благозвучность и др. Среди них особую социальную значимость приобретает требование стабильной орфографии, адекватно согласуемой с действующими языковыми нормами. Поэтому не случайно проблемы орфографии топонимов неоднократно обсуждались в отечественной лингвистической литературе, особенно активно — в начале 60-х гг. XX в., в период намечавшейся, но так и не состоявшейся, к сожалению, реформы русского правописания [14; 17; 16; 20; 26; 27]. Деятельность Орфографической комиссии ИРЯ АН СССР в 1960-е гг. была достаточно продуктивной, о чем убедительно свидетельствуют подготовленные ею конструктивные «Предложения по усовершенствованию русской орфографии» (М., 1964) и «Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.)» (М., 1965). Эти предложения до сих пор не утратили своей актуальности и возможностей практической реализации. По мере развития литературных языков периодически возникает объективная потребность в изменении отдельных написаний, отражающих прошлое состояние языка и тем самым противоречащих современным нормам, что затрудняет практическое освоение родного языка и тем более — иностранного. Особую актуальность данная проблема приобретает для языков, в орфографии которых ведущим является традиционно-исторический принцип, например, в английском и французском. Естественно, общество в целом и его отдельные представители могут по-разному реагировать на предлагаемые изменения: принимать их полностью, частично или не принимать вообще. Так, в последнее десятилетие внесены изменения в немецкую и французскую орфографию [3; 4; 7; 8; 18; 22; 24; 30], причем представители старшего поколения немецкого общества оценили нововведения резко негативно.

В целом орфографические изменения затрагивают преимущественно сферу нарицательной лексики, хотя в отдельных случаях им подвержены некоторые пласты лексики ономастической. Примечательно, что достаточно болезненно в недалеком прошлом в русском языке была изменена орфография некоторых иноязычных топонимов, согласованная с действующими транскрипционными нормами: *Амударья*, *Сырдарья* (вместо стар. *Аму-Дарья*, *Сыр-Дарья*); *Лос-Анджелес* (вместо стар. *Лос-Анжелос*). Сравнительно недавние транскрипционно-орфографические изменения в структуре топонимов заключаются в следующем: зал. *Кызылагъдж* (Каспийское море, Азербайджан) — с 1991 г. (вместо стар. *Кызыл-Агъдж*); г. *Алматы* (вместо стар. *Алма-Ата*), г. *Кызылорда* — с 1997 г. (вместо стар. *Кзыл-Орда*), аналогично — *Кызылординская область*. Форма топонима *Таллинн*, принятая в 1989 г. Эстонией на своей территории для всех русскоязычных изданий, справедливо отвергнута в современном русском языке, для которого нехарактерно удвоение согласных в конце слов. Поэтому в русской топонимической системе топоним

продолжает функционировать в традиционной форме — *Таллин*. Ср. также: г. *Страсбург* (ист. обл. Эльзас, Франция) <совр. фр. *Strasbourg*, но под влиянием немецкого языка топоним в русском языке также употребляется в традиционной форме — Страсбург <нем. *Strasburg*, восходящей к пушкинской эпохе. В тексте романа «Евгений Онегин» фигурирует название модного французского кушанья «Страсбурга пирог нетленный» (1-я гл., XVI стр.), а в послании «К Щербинину [М. А.]» (1819 г.) — оттопонимное прилагательное «страсбургский пирог».

К сожалению, транскрипционно непоследовательными продолжают оставаться формы отдельных иноязычных топонимов, функционирующих в современном русском языке, поскольку такие формы базируются то на переводе, то на транскрипции. Например, г. *Франкфурт-на-Майне*, г. *Франкфурт-на-Одере* (Германия); но г. *Стратфорд-он-Эйвон* (на р. Эйвон, Великобритания), г. *Сток-он-Трент* (на р. Трент, там же). На наш взгляд, для топонимов данного типа традиционно предпочтителен перевод, позволяющий системно соотнести их с русскими топонимами, образованными по древнерусской модели *город-на-реке*, законсервированно представленной и в современной русской топонимии (см. этюд «Город на Каме, где — не знаем сами...»). Примечательно, что в авторитетном «Англо-русском словаре» В. К. Мюллера (14-е изд. — М., 2007. — с. 923) в качестве равноправных вариантов даны и переводная форма — *Стратфорд-на-Эйвоне*, и транскрипционная — *Стратфорд-он-Эйвон*, а в некоторых словарях добавлена еще одна форма — *Стратфорд-апон-Эйвон* [9, с. 1040].

В 2006 г. опубликована новая редакция (действующих! — нонсенс) «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г., оформленная в виде полного академического справочника, который подготовлен Орфографической комиссией РАН и заодно ею же, как указано на титульном листе, одобрен — без участия независимых экспертов-рецензентов. Логичнее было бы ожидать на титульном листе указания на то, что правила в новой редакции общеобязательны для всех пишущих на современном русском литературном языке. На обороте титула указаны 6 авторов новой редакции, но не указано, какой конкретно раздел «отредактирован» каждым из них.

Непрофессиональная организация обсуждения проблем правописания в СМИ, в частности в виде беспомощных телешоу, отсутствие принципиальных дискуссий в филологических изданиях — все это не способствует адекватному пониманию сущности новой редакции «Правил...» в обществе в целом и даже в среде филологов. Некоторые из них наивно полагают, что произошла реформа русского правописания, или считают новую редакцию новым сводом «Правил...» [23]. Запоздалые комментарии слабо проясняют сущность проблемы [5]. В процессе подготовки новой редакции «Правил...» не была всесторонне учтена лингвистическая литература, посвященная нерешенным вопросам орфографии топонимов [1; 2; 6, и др.], вследствие чего формулировки некоторых правил в новой редакции оказались противоречивыми и неубедительными, лишенными логики. По этой же причине отдельные справочники по правописанию, вышедшие после новой редакции «Правил...», продолжают тиражировать ошибки. Например, в новейшем издании справочника Д. Э. Розенталя приводятся необоснованные написания «ложных» географических терминов со строчной буквы: «<...> *Кузнецкий мост*, *Земляной вал*

(улицы), *Никитские ворота* (площадь) <...>» [21, с. 20], что противоречит установкам новой редакции «Правил...» (§ 169, прим. 1) [19, с. 172].

К сожалению, правописание топонимов не выделено в новой редакции «Правил...» в специальный раздел, а рассеяно среди правил слитного, дефисного, раздельного написания и правил употребления прописных и строчных букв [19, с. 131–134, 171–176]. Тем не менее в лингвистической литературе неоднократно указывалось на целесообразную необходимость наличия такого раздела со ссылкой на обоснованный прецедент в «Українському правописі» (Київ, 1960) [14, с. 50; 1, с. 83; 2, с. 14]. Следовало также учесть удачный опыт компактно-систематизирующей подачи правил орфографии топонимов в некоторых действующих справочниках для работников печати [13; 25, с. 40–47].

Неудачной представляется не только структура подачи правил орфографии топонимов в новой редакции, но и трактовка некоторых из них. Абсолютно нелогичным, на наш взгляд, является примечание к п. 2 § 125, в котором постулируется правописание топонимов с первыми компонентами *Старо-, Ново-, Верхне-, Нижне-* и т. п. Согласно данному примечанию, «первая часть *Ново-* может писаться в таких названиях как слитно, так и через дефис, напр.: *Новомосковск*, *Нововязники*, но: *Ново-Переделкино*, *Ново-Косино*, *Ново-Огарёво*» [19, с. 131], хотя ранее авторами новой редакции «Правил...» в данном случае предлагалось только слитное написание [12, с. 242]. Остается неясным, на основании какого критерия топонимам, приведенным в качестве примеров (а значит, и всем подобным?), дана привилегия быть написанными как слитно, так и через дефис. Такое примечание (исключение?) в итоге расшатывает единое устоявшееся правило, требующее только слитного (цельнооформленного) написания топонимов указанного типа во всех текстах, в том числе на географических картах с 1960 г. Применительно к московской топонимии Закон г. Москвы устанавливает только слитное написание для данной категории названий [15, с. 36–37]. Показательно, что крайне негативные последствия несовершенной формулировки данного правила уже проявились в картографической практике. Например, в атласе «Рязань. Рязанская область» (М., 2008. — Вып. 4. — С. 20, 60) достаточно велико число разноречивых написаний типа *Новоуваровка* — *Ново-Мальцево*.

По-видимому, в формулировке данного примечания отражено активное, но беспочвенное стремление отдельных авторов новой редакции «Правил...» «умягчить [*устар.* и *разг.* — А. Б.] нравы русской орфографии», поскольку, по их мнению, «они до фанатизма жестки», для этого бездумно предлагается широко внедрить варианты написаний, что якобы «поможет избавиться от проявления „самодурства“ ревнителей строгой орфографии» [11, с. 406, 411; 10]. Не лучше ли в таком случае следовать рекомендациям В. К. Третьяковского, предлагавшего писать «по звонам»? Тогда получится совсем просто: «как слышим, так и пишем». Некорректно рассматривать современную орфографию по признаку строгости/нестрогости, поскольку орфография строга к полуграмотным носителям языка — грамотные почти не задумываются над написанием слов, доводя процесс письма до автоматизма или полуавтоматизма. Необходимо понимать логику правил орфографии и уметь их осознанно применять, чему и нужно качественно учить в школе и вузе, не забывая квалификации, данной М. В. Пановым русской орфографии: «И все-таки она хорошая!»

Согласно § 175 «Правил...», «названия станций метро, остановок наземного городского транспорта заключаются в кавычки <...>» [19, с. 175].

В этом нет никакой необходимости, учитывая, что кавычки в непунктуационной функции используются как знак привлечения дополнительного внимания к словам, употребленным в несвойственном им значении или в особой функции (подробнее об этом см. в [17; 28; 29]). Против употребления кавычек в данной категории названий свидетельствует и тот факт, что однотипные с ними названия наземных железнодорожных станций пишутся без кавычек (ср. ж.-д. ст. *Москва-Пассажирская*, ст. метро *Проспект Мира*), что последовательно отражено в топонимическом словаре-справочнике «Улицы Москвы. Старые и новые названия» (М., 2003) и в топонимическом словаре «Имена московских улиц» (М., 2007).

Следует также учесть, что употребление кавычек в топонимах указанного типа приводит к их загромождению, усложнению и создает неудобство для их подачи на картах и схемах, указателях и табло. Если следовать рекомендациям § 175, то в орфографической практике окажется закрепленным абсолютно ничем не обоснованное противопоставление написаний названий железнодорожных станций и станций метрополитена: ж.-д. ст. *Электровозовская* — ст. метро «Электровозовская», ж.-д. ст. *Выхино* — ст. метро «Выхино». Возражение против употребления кавычек в таких названиях Топонимическая комиссия МЦ РГО в свое время в письменном виде направила в адрес Орфографической комиссии РАН, однако возражение не было принято во внимание без какой-либо аргументации.

В п. 2 § 126 содержится правило о дефисном написании двухкомпонентных топонимов, состоящих из существительного и постпозитивного прилагательного, например, *Москва-Товарная* [19, с. 132]. При этом совершенно неясно, как писать трехкомпонентные названия железнодорожных станций и двухкомпонентные названия станций метрополитена типа *Москва(-)(Т, т)оварная(-)(К, к)иевская*; *Белорусская(-)(К, к)ольцевая*, *Белорусская(-)(Р, р)адияльная*, поскольку соответствующие правила в справочнике отсутствуют, хотя он претендует на полноту и академизм.

Лишено нормализующего воздействия прим. 5 к § 169: «Слова, обозначающие участки течения рек, пишутся со строчной буквы, если не входят в состав названий, напр.: *верхняя Припять*, *нижняя Березина*, но: *Верхняя Тура*, *Нижняя Тунгуска* (названия рек)» [19, с. 173]. Однако носители языка не в состоянии без специальной подготовки определить, входит или не входит определение в состав гидронима. Поэтому, учитывая важную ориентирующую функцию определений *Верхняя*, *Нижняя* и т. п., их следовало бы писать с большой буквы как полноправные компоненты названий данного типа, тем более что предлагаемое нами правило органично согласуется с действующей картографической практикой. Ср. реки *Верхняя Ангара*, *Нижняя Таймыра*; города *Нижний Новгород*, *Верхний Тагил* и т. п.

Сфера применения буквы *ё* в топонимах рассмотрена в п. 3 § 5, озаглавленного «Употребление буквы *ё* в текстах разного назначения» [19, с. 20–21]. К сожалению, случаи топонимического употребления этой вполне законной буквы русского алфавита имеют в данном параграфе выборочно-рекомендательный, а не строго обязательный характер, что может привести к ошибочному употреблению топонимов как в устной, так и в письменной речи. Вполне очевидно, что в целях успешной коммуникации употребление буквы *ё* в русских и заимствованных топонимах должно быть строго обязательным, не факультативным, реализованным и орфоэпически, и в текстах

различного функционального назначения, в том числе — на географических картах. В противном случае неизбежны коммуникативные помехи и сбои, хотя в целом пласт таких топонимов в современной русской топонимии не многочислен. Например, *Чёшская губа* (Баренцево море), но *Чешский Лес* (горы в Чехии и Германии); *мыс Дежнёва* (Чукотский п-ов), г. *Белёв* и г. *Венёв* (Тульская обл.), г. *Очёр* (Пермская обл.), пгт *Мстёра* (Владимирская обл.), р. *Оленёк* (Оленёкский зал. моря Лаптевых); г. *Гёйтенё* (Азербайджан), г. *Гётеборг* (Швеция), г. *Гёттинген* (Германия), г. *Чёске-Будёёвице* (Южн. Чехия) и др. Последовательное употребление буквы *ё* в подобных названиях позволит четко отграничить их от топонимов, пишущихся с *е*, а не с *ё*: *Алчёвск* (Луганская обл., Украина), г. *Гудермес* (Чечня), г. *Мёленки* (Владимирская обл.); *Дёбрецен* (Венгрия), г. *Дёнвер* (США), г. *Грённинген* (Нидерланды) и т. д.

Поскольку соответствующие правила в § 126–127 отсутствуют [19, с. 132–134], абсолютно неясно, как писать двухкомпонентные топонимы типа *Александр(Селькирк)* (о-в в архипелаге Хуан-Фернандес, Тихий ок., влад. Чили), *Робинзон(Крузо)* (о-в, там же) — раздельно или через дефис? Как писать топонимы типа *Ерофей(Павлович)* (пгт, Амурская обл.), *Лев(Толстой)* (пгт, Липецкая обл.), а также названия административно-территориальных единиц типа *Лев(Толстовский) район* — раздельно или через дефис?

Рассмотренные формулировки и содержание правил в разделах, посвященных орфографии топонимов, убеждают в том, что авторы (автор?) этих разделов новой редакции «Правил...» не довершили своей услуги, предлагая пишущим пользоваться несовершенными правилами, допускающими орфографический произвол и тем самым снижающими прагматическую эффективность функционирования топонимов в современном социуме.

Литература

1. Барандеев А. В. Нерешенные вопросы орфографии топонимов // Русский язык в школе. — 1983. — № 6.
2. Барандеев А. В. Трудные случаи правописания географических названий. — М., 1989.
3. Бахирев Ю. Г. Коротко о новых правилах французской орфографии. — М., 2000.
4. Богатов А. А., Кудинова В. И. Немецко-русский словарь. Новое правописание. — М., 2001.
5. Борунова С. Н., Валгина Н. С., Еськова Н. А. и др. Русское правописание сегодня: О «Правилах русской орфографии и пунктуации». — М., 2007.
6. Букчина Б. З. Орфография некоторых образований, производных от географических названий // Жизнь языка. — М., 2001.
7. Гак В. Г. Французская орфография. — 3-е изд. — М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2010.
8. Домашнев А. И. Новая немецкая орфография // Вопросы языкознания. — 1999. — № 1.
9. Жданова И. Ф. Англо-русский и русско-английский словарь географических названий. — М., 2008.
10. Кузьмина С. М. Орфографическая комиссия 90-х годов и новая редакция Свода правил русского правописания // Язык: изменчивость и постоянство. — М., 1998.
11. Кузьмина С. М. Об умягчении нравов русской орфографии (к проблеме вариативности написаний) // Жизнь языка. — М., 2001.
12. Лопатин В. В., Нечаева И. В., Чельцова Л. К. Как правильно? С большой буквы или с маленькой? Орфографический словарь. — М., 2002.
13. Мильчин А. Э., Чельцова Л. К. Справочник издателя и автора. — 2-е изд. — М., 2003.
14. Нерешенные вопросы русского правописания. — М., 1974.
15. О наименовании территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы. Закон города Москвы от 8 октября 1997 года № 40–70. Комментарий. — М., 1998.

16. Орфография собственных имен. — М., 1965.
17. Пахомов В. М. Употребление кавычек в собственных наименованиях // Русский язык в школе. — 2007. — № 5.
18. Петроченкова М. А. Новая немецкая орфография. Учебный словарь-справочник. — М., 2007.
19. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. — М., 2006. [Переизд. — М., 2009].
20. Проблемы современного русского правописания. — М., 1964.
21. Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке. — 12-е изд. — М., 2007.
22. Россихина Г. Н., Ульянова Е. С. Новые правила правописания немецкого языка. — М., 1998.
23. Синичкина Н. Е. О новом своде правил в контексте методики русского языка будущим учителям-словесникам // Русский язык в школе. — 2007. — № 3.
24. Словарь нового написания слов в немецком языке. Обязательны к изучению с 1 авг. 1998 г. — М., 2001.
25. Справочная книга редактора и корректора. — 2-е изд. — М., 1985.
26. Топономастика и транскрипция. — М., 1964.
27. Транскрипция географических названий. — М., 1960.
28. Шварцкопф Б. С. О факультативных случаях употребления кавычек // Нерешенные вопросы русского правописания. — М., 1974.
29. Шварцкопф Б. С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. — М., 1988.
30. Ярцев В. В. Коротко о новых правилах немецкой орфографии. — М., 1999.

* * *

31. Лингвистические основы кодификации русской орфографии: Теория и практика / Под ред. В. В. Лопатина. — М., 2009.

Новые топонимические словари

Словарь помогает незнанию, памяти и соображению, помогает тем более, чем лучше составлен.

И. И. Срезневский

За истекшие полвека отечественная топонимическая лексикография прошла плодотворный путь активного развития. От первых опытов 2-й половины XX в. по созданию топонимических словарей чисто каталогизирующего типа топонимисты-лексикографы обратились к созданию произведений, решающих более сложные задачи в контексте достижений современной топонимики. В комплекс таких задач входит прежде всего установление официальной формы топонимов, их акцентологическая и орфографическая характеристика, передача на русский язык формы иноязычных топонимов, а самое главное — оценка существующих этимологий топонимов и разработка наиболее надежных этимологий с учетом всех культурно-исторических изменений в жизни этносов и социумов. Значительный вклад в развитие современной топонимической лексикографии внес доктор географических наук, профессор Е. М. Поспелов (1923–2007). В его обширном топонимическом наследии представляют интерес работы, посвященные внедрению топонимических знаний в практику школьного и вузовского преподавания. Это, например, пособие для учителей «Топонимика в школьной географии» (М., 1981) [1, с. 101–104] и «Школьный топонимический словарь» (М., 1988) [2, с. 102–104]. В последние годы своей жизни ученый особенно плодотворно работал над созданием ряда словарей, адекватно отразивших современный уровень топонимических знаний о географических объектах и ставших заметным событием в развитии отечественной топонимической лексикографии. К их числу относится топонимический словарь «Географические названия мира» (2-е изд. — М., 2001), включающий около 5 тыс. топонимов.

На базе этого словаря впоследствии был создан словарь «География мира: Новейший топонимический словарь» (М., 2007). В нем собрано более 8 тыс. географических названий мира, многие из них читатель легко найдет в иллюстрированном атласе мира, завершающем словарь. Достаточно разветвленная структура словаря, снабженного содержательным научно-справочным аппаратом, отличается продуманной целесообразностью. Словарь состоит из предисловия, имеющего самостоятельное исследовательское значение; перечня принятых сокращений (в том числе названий языков, диалектов, народностей); списка терминов с их дефинициями; подробного библиографического списка отечественных и зарубежных источников словаря, однако, к сожалению, в нем отсутствует топонимическая литература, изданная в 2003–2006 годах. Далее расположены собственно словарь (с. 25–596), именной указатель и, наконец, иллюстрированный атлас мира. Разработанный автором тип словаря (в едином блоке с атласом) позволяет считать его оригинальным произведением топонимической лексикографии, продолжающим традицию создания толково-этимологических словарей начиная с весьма популярного «Краткого

топонимического словаря» В. А. Никонова (М., 1966). Однако примечательно, что этот словарь Е. М. Поспелова вдвое превышает по объему словарь В. А. Никонова.

В предисловии автор раскрывает замысел и структуру словаря, включающего названия важнейших географических объектов мира: материков, океанов, стран, городов, рек, гор и т. д., что дает в распоряжение читателя мощный информационный блок. Пользуясь словарем, можно не только получить сведения о современной форме топонимов и местонахождении обозначаемых ими географических объектов, но и понять, как изменялись топонимы в далеком и недалеком прошлом.

В связи с этим указаны наиболее убедительные, по мнению автора, этимологии топонимов с выборочным указанием на использованную литературу. Причем этимологически слабые любительские догадки в словаре не отражены, а народные этимологии и легенды приведены лишь в исключительных случаях.

При формировании словника в качестве основополагающего выбран принцип *важности* географического объекта. Этот принцип понимается автором достаточно гибко. В частности, «для территории России важными считались все города и ряд наиболее известных поселков городского типа; для государств, ранее входивших в состав СССР, — все города областного (республиканского) подчинения и лишь отдельные — из числа городов районного подчинения и поселков, для остальных государств мира отбирались их столицы и наиболее крупные города: административные центры, города с населением свыше миллиона, основные промышленные центры, важные морские порты, узлы путей сообщения» (с. 4). Учителя должен привлечь и тот факт, что в словаре содержится ряд названий небольших географических объектов, но весьма значимых в культурно-историческом отношении и являющихся обязательным компонентом фоновых знаний учащихся. Например, города *Вифлеем* и *Назарет*, *Верден* и *Славков* (Аустерлиц), *Пушкин* (Царское Село) и *Эрзурум* (Арзрум), *Лермонтов* и *Белинский*, *Чехов* и *Горький*; горы *Голгофа* и *Олимп* и др.

Географические названия расположены в словаре в алфавитном порядке, каждому из них посвящена отдельная словарная статья, которая содержит в качестве заголовочного слова само географическое название с указанием его вариантов и параллельных форм. Затем дана характеристика объекта (государство, город, поселок городского типа, река, вершина и т. п.), его географическая привязка, показан административный статус. Собственно топонимическая квалификация названия включает сведения о времени, условиях и причинах его появления, языковой принадлежности и значении. Этимологические справки отражают современный уровень топонимических знаний о происхождении географических названий и в целом отличаются высоким научным качеством. Если объект за время своего существования имел более одного названия, рассмотрено каждое из них. В необходимых случаях интерпретируемые названия сопровождаются оригинальным написанием в кириллице или латинице. Несомненным достоинством словаря является последовательное проведенная в основных (не отсылочных) статьях акцентологическая характеристика топонимов, что позволит избежать их ошибочного употребления в устной речи. Для установления правильного ударения использованы авторитетные нормативные издания географического и лингвистического профиля. Однако в процессе установления ударения автором выявлено противоречие

между стремлением отразить произношение иноязычных названий в языке-источнике, что справедливо объясняется активизацией изучения иностранных языков, и традиционным российским произношением. Так в русском языке возникают акцентологические варианты типа *Балтимор* и *Балтимёр*, *Гётеборг* и *Гётёборг*, *Сидней* и *Сиднэй*, которых насчитывается около 30. В таких случаях в словаре указаны два ударения, поскольку рекомендации русистов-нормализаторов нередко противоречивы и строгая орфоэпическая норма применительно к таким топонимам, к сожалению, отсутствует.

Другой важной проблемой, которую пришлось решать автору, является передача иноязычных топонимов на русский язык: «старая» или «новая» транскрипция, транслитерация или перевод? С одной стороны, можно следовать рекомендациям нормативных изданий (инструкций) бывшего Главного управления геодезии и картографии. Они ориентированы преимущественно на «новую» транскрипцию и предельно сокращают количество названий, передающихся в традиционной форме. С другой стороны, сила традиции достаточно велика и некоторые названия продолжают функционировать в русском языке в традиционной (в том числе переводной) форме: например, *мыс Доброй Надежды*, а не англ. Cape of Good Hope [ˈkeɪpəvˈɡʊdˈhoʊp]. Е. М. Поспелов обоснованно сделал частичные отступления от «новых» транскрипционных форм — некоторые привычные для нас названия сохранены в традиционном виде: например, *Гейдельберг*, *Виндзор*, а не *Хайдельберг*, *Уинсор*. Впрочем, в единичных случаях на страницах словаря соседствуют транскрипционная и переводная формы; г. *Сток-он-Трент* в Великобритании, но г. *Франкфурт-на-Майне* в Германии (с. 482, 534). Аналогичная ситуация наблюдается в современных двуязычных словарях, допускающих сосуществование параллельных форм типа г. *Стратфорд-он-Эйвон*, *Стратфорд-на-Эйвоне* [6, с. 923] и даже г. *Стратфорд-апон-Эйвон* [4, с. 1040].

Обратившись к словарю, читатель узнает о новых нормативных формах некоторых иноязычных топонимов, принятых в современном русском литературном языке. Например, *Алматы* (вместо *Алма-Ата*), *Кызылорда* (вместо *Кзыл-Орда*), *Таллин* (вместо *Таллинн* — формы, узаконенной в 1989 г. Эстонией для всех русскоязычных изданий на своей территории). В именной указатель к словарю (с. 597–607) включены имена «авторов» географических названий — путешественников, землепроходцев, мореплавателей, а также имена выдающихся людей, оставивших заметный след в мировой истории, политике, науке и технике, искусстве. В их честь и были названы те или иные географические объекты.

В целом данный словарь отличается хорошим издательско-полиграфическим исполнением. Единичные ошибки не снижают общего положительного впечатления. Топоним *Струги Красные* (с. 482) следует писать не раздельно, а через дефис, как и все названия подобного типа (ср. *Покровск-Уральский*, *Спасск-Дальний*). В топониме *Юрьев-Польской* (с. 590) ударение во втором компоненте должно быть на последнем слоге — *Польско́й*, как и в аналогичных топонимах этого типа — *Полевско́й* и т. п. (с. 404).

Другой топонимический словарь Е. М. Поспелова — «Географические названия Московской области» (М., 2008) — так же обобщает предыдущие разыскания автора [7] и адресован самому широкому кругу читателей. Он ставит своей задачей объяснение происхождения более 3,5 тыс. названий географических объектов Московской области. В их числе города, поселки,

деревни, реки, озера, болота, лесопарки, железнодорожные станции, остановочные пункты. Все категории объектов сопровождаются информацией об их административном статусе и местоположении. В кратком предисловии, датированном 2005 г., автор раскрывает содержание словаря и акцентирует внимание на ценности географических названий как важного источника культурно-исторической информации.

Словарь состоит из двух частей: в первой наряду со списком литературы, доведенным до 2004 г., в очерковой форме дан общий обзор географических названий Подмоскovie (с. 5–110), а вторая часть представляет собой топонимический словарь (с. 111–570). В общем обзоре детально охарактеризованы все разряды топонимов по отдельным рубрикам: названия населенных пунктов; названия рек и озер; названия, отражающие природные особенности Московской области; и, наконец, названия, отразившие социально-экономические явления прошлого. Очерки, составляющие обзор, написаны интересно и в доступной форме. В связи с этим их можно рекомендовать для использования в качестве текстов сочинений, изложений, диктантов, источников рефератов, а также во внеклассной и кружковой работе.

Источниковедческая база словаря вполне надежна. При его создании автор использовал материалы русских летописей, писцовых книг XV–XVI вв., «Списки населенных мест Российской империи», картографические произведения и другие источники. Для установления надежных этимологии топонимов привлечены авторитетные толковые, ономастические и этимологические словари русского языка.

Содержательная сущность словаря заключается в толковании и объяснении происхождения топонимов Подмоскovie. В словаре преимущественно представлены названия населенных пунктов: все города, рабочие и дачные поселки, большая часть сел и деревень. Не включены в словарь названия прозрачные по своей внутренней форме, связанные по происхождению с широко известными календарными личными именами, например, топонимы типа *Алексеево, Алешино*. Среди названий физико-географических объектов преобладают названия рек, имеющих значительную протяженность, а также крупных для Московской области озер.

Словарные статьи по своей структуре идентичны статьям вышерассмотренного словаря, но дополнены ценными указаниями на раннюю фиксацию подмосковных топонимов в памятниках письменности. Этимологические справки, сопровождающие названия, в целом имеют систематический характер, хотя в ряде случаев отличаются непоследовательностью и субъективизмом. Так, в серии словарных статей о топонимах, образованных на базе географического термина *рамень(е)* — *Раменка, Раменки, Раменское* и др. (с. 451–453), отсутствуют ссылки на обширную литературу, посвященную этимологии данного апеллятива [5, с. 77–87; 3, с. 51–73]. Аналогичного замечания заслуживают словарные статьи о топонимах *Звенигород, Сходня* (с. 257–258, 505) и некоторых других. Используемое автором выражение «названия топонимов» (с. 115–116) ввиду его тавтологичности представляется некорректным.

В качестве 1-го приложения к словарю дан перечень примерно 150 названий населенных пунктов, вошедших в состав Москвы после 1960 г. (с. 571–596) и продолжающих функционировать в современной московской городской топонимии: *Алтуфьево, Бескудниково, Братеево, Выхино* и т. д. Заметим, однако, что культивируемое автором написание одноименных названий станций Московского метрополитена в кавычках нецелесообразно (избыточно), учитывая

одну из функций этого знака препинания, привлекающего дополнительное внимание к «необычным» словам. Если принять написание таких названий в кавычках, возникнет ничем не обоснованное орфографическое противопоставление между ними и одноименными названиями железнодорожных станций (подробнее об этом см. выше). Ситуация осложняется тем, что практика современной печати крайне противоречива, а нормативные установки далеки от совершенства, поэтому проблема окончательно не решена.

Во 2-м приложении представлен список переименований, имевших место в истории Московской области, в алфавитном порядке новых названий (с. 597–599). Обратившись к списку, можно узнать о мотивах, динамике и времени переименований географических объектов Московской области с 1897 г. до наших дней.

Рассмотренные словари созданы одним из основоположников современной отечественной топонимики. Они в полной мере отражают достижения топонимической науки в сфере объяснения происхождения географических названий, обладают мощным справочно-информационным потенциалом. В практике школьного и вузовского преподавания такие словари способствуют развитию и укреплению межпредметных связей, а значит, могут быть с успехом использованы и учителем во всех сферах его деятельности, и учащимися, и теми, кто интересуется историей и происхождением географических названий.

Литература

1. Барандеев А. В. [Рец. на кн.:] Поспелов Е. М. Топонимика в школьной географии (М., 1981) // Русский язык в школе. — 1983. — № 2.
2. Барандеев А. В. [Рец. на кн.:] Поспелов Е. М. Школьный топонимический словарь (М., 1988) // Русский язык в школе. — 1989. — № 1.
3. Добродомов И. Г. И еще раз к этимологии рус. *рамень(е)* // Этимология 2003–2005. — М., 2007.
4. Жданова И. Ф. Англо-русский и русско-английский словарь географических названий. — М., 2008.
5. Куркина Л. В. Еще раз к этимологии рус. *рамень* // Этимология 1997–1999. — М., 2000.
6. Мюллер В. К. Новый англо-русский словарь. — 14-е изд. — М., 2007.
7. Поспелов Е. М. Названия подмосковных сел и рек. — М., 1999.
8. Сталтмане В. Э. Ономастическая лексикография. — М., 1989.

Литература по топонимике (1993–2010 гг.)

Статьи. Сборники статей. Монографии.
Авторефераты диссертаций.
Материалы конференций. Рецензии

1. Аветисов Г. П. Имена на карте Российской Арктики. — СПб., 2003.
2. Агеева Р. А. Системы номинации в региональной микрооронимии // Топонимия России. — М., 1993.
3. Агеева Р. А., Васильев В. Л., Горбаневский М. В. Старая Русса: Тайна имени древнего города. — М., 2002.
4. Агеева Р. А. Страны и народы: Происхождение названий. — 2-е изд. — М., 2002.
5. Агеева Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. — 2-е изд. — М.: URSS, 2004.
6. Агеева Р. А., Шилов А. Л. Нахабино // Русская речь. — 2005. — № 2.
7. Азимов А. Слово на карте. Географические названия и их смысл / Пер. с англ. — М., 2007.
8. Альквист А. Мерянская проблема на фоне многослойности топонимии // Вопросы языкознания. — 1997. — № 6.
9. Альквист А. Меряне не меряне... // Вопросы языкознания. — 2000. — № 2, 3.
10. Альквист А. Субстратная топонимия Ярославского Поволжья // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. — СПб., 2001.
11. Аникин А. Е. От Чуди до Мери (к 75-летию А. К. Матвеева) // Вопросы языкознания. — 2001. — № 6.
12. Ардеев И. Д. Русская гидронимия на территории древнего расселения мордвы. — Пенза, 1993.
13. Атаманов М. Г. История Удмуртии в географических названиях. — Ижевск, 1997.
14. Афанасьев А. П. Русские топонимы в системе географических названий Республики Коми // Топонимия России. — М., 1993.
15. Афанасьев А. П. Топонимия Республики Коми. — Сыктывкар, 1996.
16. Байрамкулов А. М. К истории аланской ономастики и топонимики. — Черкесск, 1995.
17. Балто-славянские исследования. — М., 2004. — Вып. 16.
18. Балто-славянские исследования. XVIII. Сб. науч. трудов. — М., 2009.
19. Барандеев А. В. Космографии как памятники культуры и письменности Московской Руси // Язык и культура. Вторая междунар. конф. Тезисы докл. — Киев, 1993. — Ч. 1.
20. Барандеев А. В. [Рец. на:] Коготкова Т. С. Национальные истоки русской терминологии. — М., 1991 // Филологические науки. — 1993. — № 1.
21. Барандеев А. В. Русские космографии XVI–XVII вв. в аспекте топонимического источниковедения // Топонимия России. — М., 1993.
22. Барандеев А. В. Украинизм ли термин *гирло*? // Collegium. — 1993. — № 2.
23. Барандеев А. В. [Рец. на:] Мильков Ф. Н., Бережной А. В., Михно В. Б. Терминологический словарь по физической географии: оценка лингвиста // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. — 1994. — № 3.
24. Барандеев А. В. Географическая терминология в допетровскую эпоху // Известия РАН. Сер. геогр. — 1995. — № 1.

25. Барандеев А. В. Русские космографии: эволюция жанра // Древняя Русь и Запад. Научн. конф. Книга резюме. — М., 1996.
26. Барандеев А. В. «Книга Большому Чертежу» (к 370-летию памятника) // Вопросы языкознания. — 1998. — № 3.
27. Барандеев А. В. Космография (материалы для «Русской энциклопедии») // Издательское дело и редактирование. — М., 2000. — Вып. 4.
28. Барандеев А. В. Терминоведческая проблематика в трудах Э. М. Мурзаева (1908–1998) // Вопросы языкознания. — 2000. — № 1.
29. Баранова А. Ю. Заметки о русской топонимии Адыгеи // Топонимия России. — М., 1993.
30. Баранова А. Ю. Лексика русских говоров Адыгеи (лингвокраеведческий аспект). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1995.
31. Барашков Б. Ф. По следам географических названий Ульяновской области. — Ульяновск, 1994.
32. Барашков Б. Ф., Дубман Э. Л., Смирнов Ю. Н. Самарская топонимика. — Самара, 1996.
33. Бардакова В. В. [Рец. на:] Мадиева Г. Б. Теория и практика ономастики. — Алматы, 2003 // Вопросы ономастики. — 2005. — № 2.
34. Бахвалова Т. В. Дулеб // Русская речь. — 1993. — № 3.
35. Бахтурина Р. В. «Космография» русской редакции XVI в. и «Хроника всего света» Мартина Бельского // Древняя Русь и Запад. Научн. конф. Книга резюме. — М., 1996.
36. Белова О. В. Названия сел Полесья и топонимические нарративы // Вопросы ономастики. — 2005. — № 2.
37. Березович Е. Л. Топонимия Русского Севера. Этнолингвистические исследования. — Екатеринбург, 1998.
38. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 1999.
39. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. — 2-е изд. — М.: КомКнига/URSS, 2010.
40. Березович Е. Л. «Чужаки» в зеркале фольклорной ремотивации топонимов // Живая старина. — 2000. — № 3.
41. Березович Е. Л., Гулик Д. П. Ономастический портрет «человека этнического»: принципы построения и интерпретации // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). — М., 2002. [Собственно этнонимы; этнонимы производные, прозвищные; отэтнонимические семантические дериваты; ономастические образования, включающие этноним.]
42. Березович Е. Л. Ономастическая проблематика на XIII Съезде славистов (Любляна, август 2004 г.) // Вопросы ономастики. — 2004. — № 1.
43. Березович Е. Л. «Чужие земли» в русском народном языковом сознании: прагматический аспект // Вопросы ономастики. — 2005. — № 2.
44. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. — Екатеринбург, 2007.
45. Бзаев К. К. Происхождение этнического термина «Русь». — Владикавказ, 1995.
46. Бойцов О. Н. Наименования земельных владений в топонимии Смоленского края // Русский язык в школе. — 2001. — № 5.
47. Бондалетов В. Д. Конференция по ономастике // Русский язык в школе. — 1996. — № 1. [О VII Конференции по ономастике (Волгоград, сентябрь 1995 г.).]
48. Булгарова М. А. Ногайская топонимия. — Ставрополь, 1999.
49. Бурак Е. Ю., Сапронова Т. Ф., Смолицкая Г. П. Названия московских храмов. — М., 2006.
50. Бурыкин А. А. Великие реки Сибири // Русский язык в школе. — 2001. — № 4.
51. Бурыкин А. А. Еще раз о Васильевском острове // Русский язык в школе. — 2001. — № 6.
52. Бурыкин А. А. Магадан // Русский язык в школе. — 2003. — № 2.
53. Бурыкин А. А. Алдан и Вилюй // Русский язык в школе. — 2004. — № 1.
54. Бурыкин А. А. Камчатка // Русский язык в школе. — 2004. — № 4.
55. Бухарова Г. Х. О происхождении гидронима *Иргиз* // Россия и Восток: Традиционная культура, этнокультурные и этносоциальные процессы. — Омск, 1997.

56. Бушаков В. А. Лексичный склад историчної топонімії Криму. — Київ, 2003.
57. Буянер Д. О средневековом кавказском топониме *Варсан* и его предварительной локализации // Вопросы языкознания. — 1998. — № 4.
58. Варина С. Н. Микротопонимика деревни Малая Переволока Пеновского района Тверской области // X Всерос. диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров — 94». Тезисы докл. — СПб., 1994.
59. Вартаньян Э. А. История с географией или имена собственные на карте мира во времени и пространстве. — Каменск-Уральский; Самара, 1996. [В названии сохранена орфография и пунктуация автора.]
60. Васильев В. Л. Микротопоним и географический термин в границах отдельного говора // X Всерос. диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров — 94». Тезисы докл. — СПб., 1994.
61. Васильев В. Л. Географическая лексема *ляга* и ее производные в новгородских диалектах (ареальный анализ на восточнославянском фоне) // Фразеологизм и слово. — Новгород, 1996.
62. Васильев В. Л. Наблюдения над русской гидрографической лексикой (типология названий водоворота). I // Studia Russica XVII. — Budapest, 1999.
63. Васильев В. Л. Новгородская географическая терминология (Ареально-семасиологические очерки). — В. Новгород, 2001.
64. Васильев В. Л. Городок Демон средневековой Новгородской земли (История населенного пункта и этимология имени) // Вопросы ономастики. — 2005. — № 2.
65. Васильев В. Л. Архаическая топонимия Новгородской земли, древнеславянские деантропонимные образования. — В. Новгород, 2005.
66. Васильев Н. В. Лейпцигский ономастический симпозиум 2003 г. // Вопросы ономастики. — 2004. — № 1.
67. Введенская Л. А., Колесников Н. П. От названий к именам. С приложением словаря лексем, созданных на базе собственных имен. — Ростов н/Д., 1995.
68. Веденин В. Л. Трагедия «Злого города»: Козелеск, Козельск, Лихвин?.. — Калуга, 2008. [Серия «Калужская хроника».]
69. Ведерников Т. И., Фокин П. П., Ягафова Е. А. Этнография Самарской Луки. — Самара, 1996.
70. Ведяшкин И. М. Языки родной земли. — Саранск, 1996.
71. Верхотурова К. С., Киришева Т. И. Новые данные о костромской топонимии // Вопросы ономастики. — 2004. — № 1.
72. Владимирович А., Ерофеев А. Петербург в названиях улиц: Происхождение названия улиц и проспектов, рек и каналов, мостов и островов. — М.; СПб.; Владимир, 2009.
73. Вопросы географии. Сб. 132. Современная топонимика. Сб. статей памяти Е. М. Поспелова / Отв. ред. А. В. Барандеев. — М., 2009.
74. Вопросы региональной лексикологии и ономастики: Межвуз. сб. статей, посвящ. 70-летию проф. Ю. И. Чайкиной. — Вологда, 1995.
75. Воробьев В. М., Воробьева И. Г. Антропонимия в географических названиях Тверского края. — Тверь, 1993.
76. Воронцова О. П. Этнические связи луговых и горных мари по данным топонимики // Прибалтийско-финское языкознание. Сб. статей, посвящ. 80-летию Г. М. Керта. — Петрозаводск, 2003.
77. Восточноукраинский лингвистический сборник. — Донецк, 1999, — Вып. 5.
78. Восточноукраинский лингвистический сборник. — Донецк, 2000, — Вып. 6.
79. Галкин И. С. Марийские географические термины, связанные с обозначением истока и устья реки // Прибалтийско-финское языкознание. Сб. статей, посвящ. 80-летию Г. М. Керта. — Петрозаводск, 2003.
80. Гарипов Ф. Г. История в названиях. — Казань, 1996.
81. Географические названия Карелии // Родные сердцу имена. — Петрозаводск, 1993.

82. Герд А. С. Топонимические экспедиции Санкт-Петербургского университета // Вопросы ономастики. — 2006. — № 3.
83. Глинских Г. В. [Рец. на:] Дмитриева Л. М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая). — Барнаул, 2002 // Вопросы ономастики. — 2005. — № 2.
84. Горбаневский М. В., Преснов В. В. Топонимика и компьютерная лексикография. — М., 1993.
85. Горбаневский М. В. Топонимия Москвы. Васильевский спуск // Русская речь. — 1994. — № 2.
86. Горбаневский М. В. Русская городская топонимия: Методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей. — М., 1996.
87. Горбаневский М. В. Село Алексеевское // Русская речь. — 1996. — № 5.
88. Горбаневский М. В. Тайны московских улиц: Топонимические путешествия. — М., 1997.
89. Горбаневский М. В., Емельянова М. И. Улицы Старой Руссы: История в названиях. — М., 2004.
90. Горбаневский М. В. Москва: кольца столетий. Из истории названий местностей и районов, улиц и переулков столицы. — М., 2007.
91. Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Почему так названы? О происхождении названий улиц, площадей, островов, рек и мостов Санкт-Петербурга. — 5-е изд. — СПб., 2007.
92. Граудина Л. К. Проблемы нормирования русского языка: реальность и прогнозы // Культура русской речи и эффективность общения. — М., 1996. [Склонение топонимов.]
93. Граудина Л. К. «С Москва-Тур на Красное море» // Русская речь. — 1998. — № 3.
94. Грачев М. А. От Ваньки Каина до мафии. Прошлое и настоящее уголовного жаргона. — СПб., 2005. [Глава 5. Иван-да-Марья; глава 6. Арготизмы-топонимы и ктематонимы.]
95. Грачев М. А., Романова Т. В. Культура речи современного города. Лингвистический ландшафт Нижнего Новгорода. — Н. Новгород, 2006. [Раздел «Особенности нижегородских топонимов и антропонимов».]
96. Губарев В. К. Тайны географических названий. — М.; Донецк, 2007. [Научно-популярное издание.]
97. Гурьянов В. К. По Большой, Большой Николаевской: Из истории улиц Верхнеудинска. — Улан-Удэ, 1998.
98. Гусельникова М. Л. Полукальки в топонимии Русского Севера. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 1994.
99. Гусельникова М. Л. Возможности функционального подхода к интерпретации севернорусских топонимов-полукалек // Финно-угорское наследие в русском языке. — Екатеринбург, 2000. — Вып. 1.
100. Давыдов А. Д. Топонимика Афганистана как исторический источник // Восток — Oriens. — 2001. — № 2.
101. Данилевский И. Н. Западноевропейские земли в летописном понятии «Русская земля» // Древняя Русь и Запад. Науч. конф. Книга резюме. — М., 1996.
102. Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. — М., 2001. [Этимологии этнонимов *кипчаки* (шары, сары, куманы, команы, половцы), *сиры*, *куны* и др. по данным исторической ономастики раннего Средневековья.]
103. Данильченко А. В. О культурном потенциале топонимов // Язык и культура. Вторая междунар. конф. Тезисы докл. — Киев, 1993. — Ч. 1.
104. Демидова Е. В. Ареальное изучение поморских слов (на материале лексико-семантической группы «низменный берег») // Севернорусские говоры. — СПб., 2004. — Вып. 8.
105. Демьянов В. Г. Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII веков. Проблемы морфологической адаптации. — М., 2001. [Анализ апеллятивной и ономастической лексики в опубликованных и неопубликованных рукописных памятниках, исторических словарях русского языка.]
106. Джаксон Т. Н. AUSTRI GÖRDUM: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. — М., 2001.
107. Джарылгасинова Р. Ш., Загоруйко А. В. Из истории наименований корейских поселений на русском Дальнем Востоке // Топонимия России. — М., 1993.

108. Дзюбинский Л. Три имени города. — Екатеринбург, 1999.
109. Дмитриева Л. М. Динамика ойконимов Кулунды // Русские говоры и топонимия Алтая в их истории и современном состоянии. — Барнаул, 1993.
110. Дмитриева Л. М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая). — Барнаул, 2002.
111. Дмитриева Т. Н. Ономастическая проблематика на X Международном конгрессе финно-угроведов // Вопросы ономастики. — 2006.
112. Дмитриева Т. Н. [Рец. на:] Чагин Г. Н. Пермь Великая в топонимических доказательствах. — Пермь, 2004 // Вопросы ономастики. — 2006. — № 3.
113. Добродомов И. Г. Город Коломна (топонимический этюд с источниковедческими экскурсами) // Топонимия России. — М., 1993.
114. Добродомов И. Г. Москва // Русский язык в школе. — 1997. — № 4. [Анализ всех этимологий топонима.]
115. Добродомов И. Г. Бурбон и Бурбоны // Русский язык в школе. — 1998. — № 6.
116. Добродомов И. Г., Котова В. Н. Зарайск // Русский язык в школе. — 1999. — № 3.
117. Добродомов И. Г. [Рец. на:] Отин Е. С. Избранные работы. — Донецк, 1997 // Вопросы языкознания. — 2000. — № 1.
118. Добродомов И. Г. Казань // Русский язык в школе. — 2003. — № 5.
119. Добродомов И. Г. Владимир Андреевич Никонов (к 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. — 2004. — № 2.
120. Добродомов И. Г. О топониме Коломна // Русский язык в школе. — 2007. — № 3.
121. Добродомов И. Г. И еще раз к этимологии рус. *ра́мьне(е)* // Этимология 2003–2005. — М., 2007.
122. Дубкова О. А. О некоторых нерегулярных суффиксах в оттопонимических* прилагательных // Русский язык в школе. — 2003. — № 3. [* Должно быть — оттопонимных.]
123. Дуриданов И. Пеласгские топонимы на территории древней Франции // Этимология 1997–1999. — М., 2000.
124. Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних торков. Лексический фонд. Праторский период. — М., 2007. [Имена собственные, этнонимы, титулы.]
125. Егоров С. Б. К этнонимике вепсов // Царскосельские чтения. Тезисы докл. и сообщ. — СПб., 1998.
126. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур: Заимствование и передача имен собственных с точки зрения лингвистики и теории перевода. — М., 2001.
127. Ермолович Д. И. Методика межъязыковой передачи имен собственных. — М., 2009.
128. Ефименко И. В. Алексей Сильвестрович Стрыжак (1925–2006) // Вопросы ономастики. — 2006. — № 3.
129. Ефремов Ю. К. Московских улиц имена: Воспоминание-исследование. — М., 1997.
130. Ешич М. Б. Этничность и этнос (термины, понятия, реалии; некоторые теоретические проблемы межэтнических отношений в полиэтнических государствах в современном мире) // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). — М., 2002. [О дефинициях терминов этноним, этатоним, этническое сознание, этническая территория и др.]
131. Журавлев А. Ф. Русская «микротопонимия» и этническое самосознание // Мат-лы конф. «Этническое и языковое самосознание». — М., 1995.
132. Журавлев А. Ф. Несколько славяно-неславянских культурных и языковых встреч (1. Троян. 2. ССорокТ. 3. Русск. диал. оплетаи) // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). — М., 2002.
133. Зверковская Н. П. О названии центра Липовического княжества XIII в. и происхождении названия современного города Липецка // Липецк: начало истории. — Липецк, 1996.

134. Иванова Е. Э. [Рец. на:] Тверской топонимический словарь: Названия населенных мест. — М., 2005 // Вопросы ономастики. — 2006. — № 3.
135. Ионов С. Х. Абазинская топонимия. — Черкесск, 1993.
136. Их имена в названиях улиц: Историко-культурное наследие. — М., 2009.
137. Кабинина Н. В. Топонимия Двинских устьев. — Екатеринбург, 1998.
138. Кабинина Н. В. К этимологии субстратного географического термина *казамус* // Финно-угорское наследие в русском языке. — Екатеринбург, 2000. — Вып. 1.
139. Камалов А. Башкирские географические термины и топонимия. — Уфа, 1997.
140. Карсанов А. Н. Вичинская земля: история, этническое и церковное состояние по греко-русско-итальянским источникам XI–XIV вв. // Древняя Русь и Запад. Научн. конф. Книга резюме. — М., 1996. [Об ойкониме и гидрониме *Вичина* — совр. р. *Камчия*.]
141. Картавенко В. С. Смядынь: загадка названия // Русский язык в школе. — 2009. — № 4.
142. Картавенко В. С. Дialectная региональная лексика по данным исторической микротопонимии // Русский язык в школе. — 2010. — № 3.
143. Кейметинов В. Я. Эвенские гидронимы Якутии // Языки, культура и будущее народов Арктики. — Якутск, 1994.
144. Керт Г. М. Адаптация саамских топонимов Кольского полуострова русским языком // Ономастика Карелии. — Петрозаводск, 1995.
145. Керт Г. М. Проблемы изучения финно-угорской топонимии // Финно-угроведение. — 1995. — № 3–4.
146. Керт Г. М. Применение компьютерных технологий в исследовании топонимии (прибалтийско-финская, русская). — Петрозаводск, 2002.
147. Керт Г. М. Очерки по карельскому языку. Исследования и размышления. — Петрозаводск, 2002. [Статья «Заметки по топонимии».]
148. Керт Г. М., Вдовицын В. Т. Информационные технологии в исследовании топонимии // Вопросы языкознания. — 2005. — № 3.
149. Керт Г. М., Мамонтова Н. Н. Загадки карельской топонимии. — 3-е изд. — Петрозаводск, 2007.
150. Киришева Т. И. К изучению топонимии Онежского полуострова // Вопросы ономастики. — 2005. — № 2.
151. Климова Л. А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира. — Арзамас, 2007.
152. Кобозева И. М. Лексическая семантика. — М., 2000. [Анализ коннотаций этнонимов.]
153. Ковалев Г. Ф. Этнос и имя. — Воронеж, 2003.
154. Ковлакас Е. Ф. Особенности формирования топонимической картины мира: лексико-прагматический и этнокультурный аспекты. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Краснодар, 2009.
155. Кожевников А. Ю. Брянск, Дзбрянск... дзбрь? // Русская речь. — 1995. — № 5.
156. Козлов Р. И. Эргоурбонимы как новый разряд городской ономастики. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2000.
157. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. — СПб., 2000. [Апеллятивы белый, весь 'деревня', волость, город, грань, дзбрь, деревня, земля, конец, край, лес, ляда, межа, область, площадь, поле, починок, предел, пустыня, пуца, рощисть, рубеж, село, стернище, страна, чаша; топонимы Русь > Россия.]
158. Косоруков А. А. Этнонимы «немцы», «венедицы», «греци», «моравы» и «хынове» в «Слове о полку Игореве» // Древняя Русь и Запад. Научн. конф. Книга резюме. — М., 1996.
159. Краснопецев В. Улицы Пскова: История в названиях. — Псков, 1994.
160. Кретов А. И. Предания о происхождении названий населенных пунктов Воронежской области (новые записи) // Вестник ВГУ. — 1996. — Сер. № 1.
161. Крюкова И. В., Супрун В. И. К историко-лингвистическому изучению донской гидронимии // Вопросы ономастики. — 2004. — № 1.
162. Кто в имени моем: Артемовский, Карпинск, Богданович, Серов. — Екатеринбург, 2002.
163. Кузнецов А. В. Русские топонимы Тотемского края (из названий деревень) // Тотма. Краеведческий альманах. — Вологда, 1997. — Вып. 2.

164. Кузнецов А. В. Заметки о топонимах южного Прионежья // Вытегра. — Вологда, 2002. — Вып. 2.
165. Кузнецов А. В. Почему Даугавпилс назывался Борисоглебовом? // Русская речь. — 1994. — № 1.
166. Кузнецова А. И. [Рец. на:] Керт Г. М. Применение компьютерных технологий в исследовании топонимии (прибалтийско-финская, русская). — Петрозаводск, 2002 // Вопросы языкознания. — 2004. — № 5.
167. Кузьмин Д. В. Истоки форманта *-šina* в карельской топонимии // Прибалтийско-финское языкознание. Сб. статей, посвящ. 80-летию Г. М. Керта. — Петрозаводск, 2003.
168. Кузьмин Д. В., Карлова О. Л. Экспедиция на Карельский берег Белого моря // Вопросы ономастики. — 2005. — № 2.
169. Кузьмин Д. В. Ареальная дистрибуция топонимных моделей Беломорской Карелии. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Петрозаводск, 2006.
170. Куклин А. Н. Палеотопонимия Волго-Камья и Карелии // Традиционная культура финно-угров и соседних народов. — Петрозаводск, 1997.
171. Куклин А. Н. Топонимия Волго-Камского региона: Историко-этимологический анализ. — Йошкар-Ола, 1998.
172. Куклин А. Н. [Рец. на:] Кузьмин Д. В. Ареальная дистрибуция топонимных моделей Беломорской Карелии. Дис. ... канд. филол. наук. — Петрозаводск, 2006 // Вопросы ономастики. — 2006. — № 3.
173. Кукушкина В. В. Топонимика Санкт-Петербурга первой половины XIX в. по планам города. — СПб., 1996.
174. Куркина Л. В. Еще раз к этимологии рус. *рамень* // Этимология 1997–1999. — М., 2000.
175. Кусов В. С. Земли Большой Москвы: Картографические произведения XVII–XVIII столетий. — М., 2008.
176. Лабунец Н. В. Русская географическая терминология в ситуации языкового контакта. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 2007.
177. Лаврентьев А. В. Епифань и Верхний Дон в XII–XVII вв.: Очерки истории русской крепости на Куликовом поле. — М., 2005. [О происхождении топонима *Епифань*.]
178. Леонович О. А. Топонимы США. — М., 2004.
179. Лившиц В. А. Древнее название Сырдарьи // Вестник древней истории. — 2003. — № 1.
180. Литвин И. П. Колумбова топонимия Америки // Топонимия России. — М., 1993.
181. Лиштованная Т. В. Гидронимы бассейнов озер Байкала и Лемана: опыт комплексного сопоставительного анализа. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2002.
182. Майорова Т. В. Ономастика в лингвокраеведческой работе // Русский язык в школе. — 2000. — № 4.
183. Малолетко А. М. Древнее население низовий Томи по данным топонимии // Северск: История и современность. 1964–1994. — Томск, 1994.
184. Малолетко А. М. Введение в географическую ономастику. — Томск, 1995.
185. Малолетко А. М. Топонимия Приенисейского края // Вопросы географии Сибири. — Томск, 1995. — Вып. 21.
186. Мальцева В. М. Русская топонимия юга Красноярского края. — М., 1995.
187. Мамонтова Н. Н. Топонимия Олонцкого края // Древний Олонец. — Петрозаводск, 1994.
188. Мамонтова Н. Н. Карельская ойконимия: состояние, проблемы, перспективы // Прибалтийско-финское языкознание. Сб. статей, посвящ. 80-летию Г. М. Керта. — Петрозаводск, 2003.
189. Манакина Н. М. Специфика национально-языкового взаимодействия в словообразовании русских адекватимов от иноязычных топонимов // Язык и культура. Вторая междунар. конф. Тезисы докл. — Киев, 1993. — Ч. 1.
190. Маркина Е. Е. Название *венец* в городской микротопонимике // Русский язык в школе. — 2010. — № 3.

191. Мароевич Р. Пирогощая в «Слове о полку Игореве» и древнерусских летописях // Филологические науки. — 1993. — № 1.
192. Мароевич Р. Методологические вопросы реконструкции древнеславянских топонимов (деривационно-семантический и деривационно-фонетический аспекты) // Вопросы языкознания. — 1997. — № 3.
193. Маршева Л. И. Чаплыгин // Русский язык в школе. — 1999. — № 5.
194. Маршева Л. И. [Рец. на:] Поспелов Е. М. Географические названия мира: Топонимический словарь — М., 1998 // Русский язык в школе. — 1999. — № 6.
195. Маршева Л. И., Котова В. Н. Липецк // Русский язык в школе. — 2000. — № 2.
196. Маршева Л. И. Функционирование ономастической лексики в диалектных условиях (на материале говоров севера Липецкой области). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2000.
197. Маршева Л. И. [Рец. на:] Поспелов Е. М. Названия подмосковных городов, сел и рек. — М., 1999 // Русский язык в школе. — 2000. — № 5.
198. Маршева Л. И. [Рец. на:] Агеева Р. А. Какого мы роду-племени? Народы России: Имена и судьбы: Словарь-справочник. — М., 2000 // Русский язык в школе. — 2001. — № 1.
199. Маршева Л. И. Дательный? Творительный? Предложный? // Русский язык в школе. — 2003. — № 2. [О форме липецких топонимов.]
200. Маршева Л. И. Кто в Чемеришнике живет? // Русский язык в школе. — 2004. — № 5. [О народной этимологии липецкого микротопонима *Чемеришник*.]
201. Маршева Л. И. Афон и Афоны // Русский язык в школе. — 2007. — № 5.
202. Матвеев А. К. Субстрат и заимствование в топонимии // Вопросы языкознания. — 1993. — № 3.
203. Матвеев А. К. Апеллятивные заимствования и стратификация субстратных топонимов // Вопросы языкознания. — 1995. — № 2.
204. Матвеев А. К. Костромское Андоба (к мерянской этимологии) // Вопросы региональной лексикологии и ономастики. — Вологда, 1995.
205. Матвеев А. К. К проблеме древних миграций уральских народов // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур. Тезисы Междунар. научн. конф. — Новосибирск, 1995. — Т. 1.
206. Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // Вопросы языкознания. — 1996. — № 1.
207. Матвеев А. К. Географические названия Тюменского Севера. — Екатеринбург, 1997.
208. Матвеев А. К. К проблеме расселения летописной мери // Известия Уральск. гос. ун-та. Гуманит. науки. — 1997. — Вып. 1.
209. Матвеев А. К. К проблеме лингвистического изучения юго-восточной части Русского Севера // Ономастика и диалектная лексика II. — Екатеринбург, 1998. — Вып. 2.
210. Матвеев А. К. Мерянская топонимия на Русском Севере — фантом или феномен? // Вопросы языкознания. — 1993. — № 5.
211. Матвеев А. К. Древнее население севера Европейской России: Опыт лингвостранической карты I // Известия Уральск. гос. ун-та. Гуманит. науки. — 1999. — Вып. 2.
212. Матвеев А. К. Топонимические этимологии. XIII // Ономастика и диалектная лексика. — Екатеринбург, 1999.
213. Матвеев А. К. Топонимические поиски I // Финно-угорское наследие в русском языке. — Екатеринбург, 2000. — Вып. 1.
214. Матвеев А. К. Топонимические этимологии. XII // Этимология 1997–1999. — М., 2000. [Чёлмохта, Ухтоостров, Колмогоры, Нальвоостров, Кулой, Коленьга, Немь.]
215. Матвеев А. К. Мерянская проблема и лингвистическое картографирование // Вопросы языкознания. — 2001. — № 5.
216. Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. — Екатеринбург, 2001. — Ч. 1.
217. Матвеев А. К. К этимологии субстратных топонимов с основами *тамб-* и *там-* // Вопросы языкознания. — 2003. — № 1.

218. Матвеев А. К. Основа чёлм и ее корреляты в субстратной топонимии Русского Севера // Прибалтийско-финское языкознание. Сб. статей, посвящ. 80-летию Г. М. Керта. — Петрозаводск, 2003.
219. Матвеев А. К. Субстратные топонимы с детерминантом -конда в Поволжье // Этимология 2000–2002. — М., 2003.
220. Матвеев А. К. Топонимические этимологии. XIV // Ономастика и диалектная лексика. — Екатеринбург, 2003. — Вып. 4.
221. Матвеев А. К. Апология имени // Вопросы ономастики. — 2004. — № 1.
222. Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. — Екатеринбург, 2004. — Ч. 2.
223. Матвеев А. К. Ономастика и ономотология: Терминологический этюд // Вопросы ономастики. — 2005. — № 2.
224. Матвеев А. К. Ономотология. — М., 2006.
225. Матвеев А. К. Мерянские ойконимы с топоформантом -(v)дом и проблема каритивных топонимов // Этимология 2003–2005. — М., 2007.
226. Мечковская Н. Б. Национально-культурные оппозиции в ментальности белорусов (на материале белорусских паремий и фразеологизмов с этнолингвонимами и топонимами) // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). — М., 2002.
227. Минкин А. А. Русская святость в московской топонимии // Топонимия России. — М., 1993.
228. Михайлова Л. В. Русские и финские названия в топонимии Валаама // Русская речь. — 1994. — № 6.
229. Михайлова Л. В. К истории топонимии Валаама // Прибалтийско-финское языкознание. Сб. статей, посвящ. 80-летию Г. М. Керта. — Петрозаводск, 2003.
230. Михайлова Л. П. Ландшафтная топонимия Карельского Поморья // Ономастика Карелии. Проблемы взаимодействия различных ономастических систем. — Петрозаводск, 1995.
231. Михайлова Л. П. Общие топонимы в гидронимии Карелии и бассейне реки Оки (*ver-, *vir-, *vor-, *var-) // Деревня Центральной России: история и современность. — М., 1993.
232. Михайлова Т. А. «Пиктские» этнонимы на карте Птолемея: эпидии // Вопросы языкознания. — 2004. — № 6.
233. Моисеев А. И. Севастополь, Чистополь (названия городов на -поль) // Русская речь. — 1994. — № 1.
234. Мокшин Н. Ф. Мордовско-русско-татарские контакты в топонимии // Топонимия России. — М., 1993.
235. Молчанова О. Т. XXII Международный ономастический конгресс // Вопросы ономастики. — 2006. — № 3.
236. Муллонен И. И. О переводе в топонимии // Мат-лы для изучения сельских поселений России. Докл. и сообщ. 3-й Научно-практ. конф. «Центральночерноземная деревня: история и современность» (Воронеж, декабрь 1994 г.). — М., 1994. — Ч. 1.
237. Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. — СПб., 1994.
238. Муллонен И. И., Мамонтова Н. Н. Топонимия Заонежья: итоги и перспективы // Рябининские чтения 95. — Петрозаводск, 1997.
239. Муллонен И. И. Название Онежского озера в контексте субстратной топонимии Обонежья // Известия Уральск. гос. ун-та. — 2001. — № 20.
240. Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. — Петрозаводск, 2002.
241. Муллонен И. И. Карельская топонимия Валаама // Прибалтийско-финское языкознание. Сб. статей, посвящ. 80-летию Г. М. Керта. — Петрозаводск, 2003.
242. Муллонен И. И. Экспедиция к южным вепсам // Вопросы ономастики. — 2004. — № 1.
243. Муллонен И. И., Ляля Е. В. Геоинформационная аналитическая система «Топонимия Заонежья» // Вопросы ономастики. — 2005. — № 2.
244. Муравьев В. Б. Улочки-шкатулочки, московские дворы: Возвращенные названия. — М., 1998.
245. Муравьев В. Б. Московские слова и словечки: Происхождение московских пословиц, поговорок, речений; топонимика московских улиц, площадей и переулков. — 2-е изд. — М., 2005.

246. Мурзаев Э. М. Географическая ориентация и ее отражение в топонимии // Известия РАН. Сер. геогр. — 1993. — № 4.
247. Мурзаев Э. М. Образ места // Русская речь. — 1993. — № 1–4.
248. Мурзаев Э. М. Речные имена в исторической и современной географии // Топонимия России. — М., 1993.
249. Мурзаев Э. М. Топонимика и ландшафты позднего голоцена // Известия РАН. Сер. геогр. — 1993. — № 1.
250. Мурзаев Э. М. Топонимические мифы. В поисках Беловодья // Русская речь. — 1994. — № 2.
251. Мурзаев Э. М. Топонимика и география. — М., 1995.
252. Мурзаев Э. М. Тюркские географические названия. — М., 1996.
253. Мурзаев Э. М. Слово на карте: Топонимика и география. — М., 2001.
254. Мусанов А. Г. Потамонимы республики Коми // Прибалтийско-финское языкознание. Сб. статей, посвящ. 80-летию Г. М. Керта. — Петрозаводск, 2003. [О гидронимах в бассейнах Печоры, Вычегды, Мезени, Лузы, Летки.]
255. Мысёнок О. М. Названия населенных пунктов Оренбургской области. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1993.
256. Напольских В. В. Вятка, Джулман, Югра и Сибирь в арабском источнике первой половины XIV в. // Вопросы ономастики. — 2006. — № 3.
257. Никитин С. А. Лингвистические аспекты переименований географических объектов. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2003.
258. Николаев Е. С. Электронная картотека топонимии Русского Севера: проблемы и перспективы // Финно-угорское наследие в русском языке. — Екатеринбург, 2000.
259. Новгородский исторический сборник. — СПб., 2005. — Вып. 10 (20). [В отдельной части выпуска материалы конференции «Novgorodiana Sveciana» по топонимии и топографии древнего Новгорода.]
260. Новиков А. В. Загадка топонима Холмогоры // Архангельская область: социально-экономическое развитие, культура, история, образование. — Архангельск, 1999.
261. Новичихин В. И. Географическая терминология в говорах Костромской области. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1993.
262. Овсянкин Е. Имена архангельских улиц. — 2-е изд. — Архангельск, 1998.
263. Оглоблин А. К. О топонимах Джакарты // Города-гиганты Нусантары и проблемы их развития. — М., 1995.
264. Ономастика и диалектная лексика. I. — Екатеринбург, 1996.
265. Ономастика и диалектная лексика. II. — Екатеринбург, 1998.
266. Ономастика и диалектная лексика. III. — Екатеринбург, 1999.
267. Ономастика Поволжья: Тезисы докл. VIII Междунар. конф. (Волгоград, сентябрь 1998 г.). — Волгоград, 1998.
268. Ономастика Поволжья: Мат-лы VII Конф. поволжских ономотологов (Волгоград, сентябрь 1995 г.). — Волгоград, 1995.
269. Ономастика Поволжья: Мат-лы Междунар. конф. по ономастике Поволжья (Волгоград, сентябрь 2002 г.). — М., 2004.
270. Орел В. Э. Неславянская гидронимия бассейнов Вислы и Одера // Балто-славянские исследования 1988–1996. — М., 1997.
271. Орел В. [Э.] Из древнебалканских и циркумпонтийских этимологий // Этимология 2003–2005. — М., 2007.
272. Отин Е. С. Самара и Жигули // Русская речь. — 1994. — № 5.
273. Отин Е. С. Избранные работы. — Донецк, 1997.
274. Отин Е. С. Избранные труды по языкознанию. — Донецк, 1999. — Т. 2.
275. Отин Е. С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка // Вопросы языкознания. — 2003. — № 2.

276. Откупщиков Ю. В. Scripta minora. — СПб., 2003. [Анализ балтийской гидронимии бассейна Оки.]
277. Откупщиков Ю. В. К истокам слова. Рассказы о науке этимологии. — 4-е изд. — СПб., 2005. [Этимология топонимов *Наверхия, Удалия, Раменское, Монтевидео, Стамбул, Тюмень, Турку*.]
278. Парфенова Н. Н. Ономастика западносибирских памятников письменности XVI–XVII веков как источник для изучения этнонимов // Язык и культура. Вторая междунар. конф. Тезисы докл. — Киев, 1993. — Ч. 1.
279. Пахомов В. М. Употребление кавычек в собственных наименованиях // Русский язык в школе. — 2007. — № 5.
280. Пеньковский А. Б. РОССИЯ — Ro(a)C(c)EЯ // Вестник гуманитарных наук. — 1995. — № 6.
281. Поварнищина М. А. Имя собственное в морфологической системе литературного языка: На материале топонимики сербского и хорватского языков. — Пермь, 1998.
282. Поздеев В. В. Челябинск: Топоним // Уральские Бирюковские чтения. — Челябинск, 2003. — Вып. 1.
283. Полякова Е. Н. Региональная лексикология и ономастика. — Пермь, 2006.
284. Попов А. И. Непочатый источник истории Карелии (карельская топонимика) // Родные сердцу имена (ономастика Карелии). — Петрозаводск, 1993.
285. Полова Э. Ю. Отэтнонимических образования в диалектной лексике Русского Севера // Ономастика и диалектная лексика. — Екатеринбург, 1996.
286. Полова Э. Ю. Этнонимия Русского Севера. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 1999.
287. Поспелов Е. М. Названия городов и сел. — М., 1996.
288. Поспелов Е. М. Сельская топонимия Москвы // Отечество. Краеведческий альманах. — М., 1997. — Вып. 10.
289. Поспелов Е. М. Названия подмосковных городов, сел и рек. — М., 1999.
290. Поспелов А. В. Русская Америка в географических описаниях и на картах. 1741–1867 гг. — СПб., 2000.
291. Разумов Р. В. X Международная конференция «Ономастика Поволжья» // Русский язык в школе. — 2006. — № 6.
292. Рахманова Л. И. Как обращаться с названиями городов, деревень, сел // Русская речь. — 1994. — № 4.
293. Рубцова З. В. Варьирование и норма в белорусской и русской топонимии. — М., 1993.
294. Рубцова З. В. Принципы передачи топонимии в России и республиках ее западного порубежья: картографический опыт начала и конца века // Ономастика та этимология. Збірник наукових праць на честь 65-річчя Ірини Михайлівни Желізняк. — Київ, 1997.
295. Рубцова З. В. Гомель — Гомля, Гомей... // Язык: изменчивость и постоянство. Сб. статей. К 70-летию Л. Л. Касаткина. — М., 1998.
296. Редькин О. И. О топонимике Хадрамаута // Вестник СПбГУ. — 1998. — Сер. 2. — Вып. 2.
297. Русская диалектная этимология. 3-е Научн. совещ. (Екатеринбург, октябрь 1999 г.). — Екатеринбург, 1999.
298. Русские говоры и топонимия Алтая в их истории и современном состоянии. — Барнаул, 1993.
299. Рут М. Э. Тридцать пять лет Топонимической экспедиции Уральского университета: повод для размышлений о методике полевых работ // Известия Уральск. гос. ун-та. Гуманитарные науки. — 1997. — Вып. 1.
300. Рут М. Э. [Рец. на:] Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. — Донецк, 2004 // Вопросы ономастики. — 2005. — № 2.
301. Саарикиви Я. Саамская субстратная топонимия Русского Севера с точки зрения финно-угристики // Финно-угорское наследие в русском языке. — Екатеринбург, 2002. — Вып. 2.

302. Савинов Д. М. Заметки об ударении в онимах юга Московской области // Язык: изменчивость и постоянство. Сб. статей. К 70-летию Л. Л. Касаткина. — М., 1998.
303. Сазонов С. В. Об историческом названии города *Ростов* // История и культура Ростовской земли. — Ростов, 2000.
304. Самовтор С. В. Граф Ф. Н. Сумароков-Эльстон и переименование кубанских станиц в 1867 г. // Историческая мысль Кубани на пороге третьего тысячелетия. — Краснодар, 2000.
305. Свердлов М. Б. Долетописный период истории Руси в древнейших летописных сводах и историческая действительность // Историческое источниковедение и проблемы вспомогательных исторических дисциплин. К 140-летию акад. Н. П. Лихачева (1862–1936) и 100-летию Дома Н. П. Лихачева в Санкт-Петербурге. Тезисы докл. конф. (Санкт-Петербург, декабрь 2002 г.). — СПб., 2002. [Этимологии топонима Киев.]
306. Синдаловский Н. А. Книга перемен: Судьбы петербургской топонимики в городском фольклоре. — М.; СПб., 2009.
307. Сироткина Т. А. Категория этничности в русском языке (на материале этнонимии Пермского края). — Пермь, 2008.
308. Смирнов В. С. Тайна географических названий Земли или путешествие в тьму веков. Космос, мифы, праязык. — СПб., 1998. [Книга, изданная в авторской редакции и за счет средств автора, изобилует многочисленными орфографическими и пунктуационными ошибками и представляет собой яркий образец лженаучного объяснения топонимов. В списке литературы (29 названий) нет ни одной топонимической работы.]
309. Смирнов О. В. Русская топонимия северной части Горнозаводского Урала. — Екатеринбург, 1997.
310. Смолицкая Г. П. Мучной городок в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Русская речь. — 1993. — № 5.
311. Смолицкая Г. П. Переяславль на Трубеже // Русская речь. — 1994. — № 3.
312. Смолицкая Г. П. Названия московских улиц. — М., 2006.
313. Соколова Т. П. Названия остановочных пунктов как ономастическая проблема. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1993.
314. Соколова Т. П. [Рец. на:] Русская ономастика и ономастика России: Словарь. — М., 1994 // Русский язык в школе. — 1995.
315. Соколова Т. П. Крым в названиях улиц и других объектов Москвы // X Междунар. конф. по функциональной лингвистике «Функционирование русского и украинского языков в эпоху глобализации». Сб. научн. докл. — Симферополь, 2003.
316. Соколова Т. П. Названия станций московского метро (специфика урбанонимической подсистемы) // Ономастика в кругу гуманитарных наук. — Екатеринбург, 2005.
317. Соколова Т. П., Шилов А. Л. Образ Русского Севера в названиях улиц Москвы // Русская речь. — 2006. — № 4.
318. Соколова Т. П. [Рец. на:] Барандеев А. В. История с географией в терминах. — М., 2005 // Русский язык в школе. — 2006. — № 6.
319. Солотов А. И. Топонимы с элементами Augusta, Σεβαστή, Σεβάστεια, Σεβαστόπολις, Αὐγουστούπολις в греко-латинской географической номенклатуре // Вопросы языкознания. — 2006. — № 3.
320. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. — 2-е изд. — М., 2001.
321. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. — М., 2006. [Окружающая географическая среда; хозяйственная деятельность, земледелие; типы поселений в их эволюции; ландшафт.]
322. Стрельников С. М. Кувандыкский край в географических названиях. — Златоуст, 1994.
323. Строгова В. П. Древние топонимы Новгорода и его окрестностей. — Новгород, 1993.
324. Сулейманов А. С. Топонимия Чечни. — Нальчик, 1997.
325. Суперанская А. В., Исаева З. Г., Исакова Х. Ф. Топонимия Крыма (Введение в топонимию Крыма). — М., 1995. — Ч. 1.
326. Суперанская А. В., Исаева З. Г., Исакова Х. Ф. Топонимия Крыма. — М., 1997. — Т. I. — Ч. 1–2.

327. Супранская А. В. Слово на географической карте // Ономастика та етимологія. Збірник наукових праць на честь 65-річчя Ірини Михайлівни Железняк. — Київ, 1997.
328. Супрун В. И. [Рец. на:] Русская ономастика и ономастика России: Словарь. — М., 1994 // Вопросы языкознания. — 1997. — № 3.
329. Супрун В. И. [Рец. на:] Sosnowski J. Toponimia rosyjska XVI wieku: Nazwy wsi, — Łódź, 2002 // Вопросы ономастики. — 2004. — № 1.
330. Татаринцев В. И. Верна ли распространенная этимология происхождения гидронима Иртыш // Этимология 1994–1996. — М., 1997.
331. Телегин Д. Я. Иранские гидронимы на Левобережье Днепра и археологические культуры // Вопросы языкознания. — 1993. — № 2.
332. Тер-Акопян А. К. Санскрит в реке русской речи. — М., 2002. [Весьма произвольное и сомнительно-сновиденческое установление санскритских корней в русских топонимах.]
333. Теуш О. А. Межъязыковое взаимодействие в сфере географической терминологии на Европейском Севере России // Известия Уральск. гос. ун-та. Гуманитарные науки. — 2002. — Вып. 5. — № 24.
334. Теуш О. А. Названия дорог и троп в севернорусских говорах: заимствования из финно-угорских языков // Финно-угорское наследие в русском языке. — Екатеринбург, 2002. — Вып. 2.
335. Теуш О. А. К этимологии рус. диал. сузём // Ономастика и диалектная лексика. — Екатеринбург, 2003. — Вып. 4.
336. Теуш О. А. К этимологии севернорусского пендус/пентус/пенус // Этимологические исследования. — Екатеринбург, 2003. — Вып. 8.
337. Теуш О. А. Этимологизация финно-угорских заимствований в русском языке и семантический анализ // Вопросы языкознания. — 2003. — № 1.
338. Теуш О. А. Севернорусская диалектная лексика и праславянская этимология // Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Ж. Ж. Варбот. — М., 2006.
339. Теуш О. А. Новые данные о заимствованиях из коми языка в географической терминологии Русского Севера // Этимология 2003–2005. — М., 2007.
340. Тиндо И. П., Баркер Э. О склонении топонимов // Русская речь. — 1993. — № 3.
341. Толстой Н. И. Избранные труды. Славянская лексикология и семасиология. — М., 1997. — Т. 1.
342. Топонимические предания Воронежской области / Сост. Е. А. Орлова. — Воронеж, 2001. — Вып. 1.
343. Топоров В. Н. Балтийский элемент в гидронимии Поочья. II // Балто-славянские исследования 1988–1996. — М., 1997.
344. Топоров В. Н. К вопросу о древнейших балто-финно-угорских контактах по материалам гидронимии // Балто-славянские исследования 1988–1996. — М., 1997.
345. Топоров В. Н. О балтийском слое русской истории // Florilegium. К 60-летию Б. Н. Флори. — М., 2000.
346. Трубачев О. Н. Славянская этимология вчера и сегодня // Филологические науки. — 1993. — № 2. [Топоним Дукля, гидроним Zapolga.]
347. Трубачев О. Н. Тайна имени. По следам Азовско-Черноморской Руси // Домострой. — 1993. — № 21.
348. Трубачев О. Н. Русь, Россия. Очерк этимологии названия // Русская словесность. — 1994. — № 3.
349. Трубачев О. Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. — 2-е изд. — М., 1997.
350. Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. — М., 1999.
351. Трубачев О. Н. Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // Вопросы языкознания. — 2000. — № 5.

352. Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. — 2-е изд. — М., 2003.
353. Удольф Ю. Славяно-германские связи в северно-немецких топонимах // Этимология 1997–1999. — М., 2000.
354. Успенский Л. В. Имя дома твоего: Очерки по топонимике. — М., 2002.
355. Феоктистова Л. А. Из новых материалов топонимической экспедиции Уральского университета // Вопросы ономастики. — 2005. — № 2.
356. Финно-угорское наследие в русском языке. — Екатеринбург, 2000–2004. — Вып. 1–3.
357. Фролов Н. К. Семантика и морфемика топонимии Тюменского Приобья. — Тюмень, 1996.
358. Фролов Н. К. Автохтонная топонимия Тюменского Севера как предмет изучения этнолингвистической культуры // Вестник Тюменского гос. ун-та. 1998. — Тюмень, 1998.
359. Фролов Н. К. Урбанонимия Тюмени как этноисторический памятник. Филологический дискурс // Вестник филол. ф-та Тюменск. гос. ун-та. — 2001. — Вып. 2.
360. Хелимский Е. А. Северо-западная группа финно-угорских языков и ее субстратное наследие // Вопросы ономастики. — 2006. — № 3.
361. Цауне А. Объяснения происхождения названия Риги и их соответствие историческим свидетельствам // Балто-славянские исследования. — М., 2002. — Вып. 15.
362. Цыганкин Д. В. Память Земли: Географические названия Мордовии. — Саранск, 1993.
363. Чагин Г. И. Пермь Великая в топонимических доказательствах. — Пермь, 2004.
364. Чагода: Историко-краеведческий альманах. — Вологда, 1999. [Раздел «Топонимика».]
365. Черная книга имен, которым не место на карте России. — М., 2008.
366. Чигиринский М. Ф. О топониме Тайвань // Страны и народы Востока. — СПб., 2002. — Вып. 31. — Кн. 6.
367. Чуглов В. И. [Рец. на:] Чайкина Ю. И. Словарь географических названий Вологодской области. — 2-е изд. — Вологда, 1993 // Русский язык в школе. — 1995. — № 1.
368. Чумакова Ю. П. Расселение славян в Среднем (Рязанском) Поочье по лингвистическим и историческим данным. — М., 1994.
369. Чучмай Г. Т. Тайна географических названий: География Краснодарского края. — 2-е изд. — Краснодар, 2000.
370. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Снова в мире слова. — М., 2001. [Таллин или Таллинн?; Луна и Селена.]
371. Шапошников А. К. Старый добрый болгарский Коктебель. — Симферополь, 1999.
372. Шапошников А. К. Этимологические наблюдения // Этимология 1997–1999. — М., 2000. [NOTISARTH — КОМОСАРТН, ПОСТІГІА и POS(S)IDIMA, TABANA и ΤΑΡΩΝΑ.]
373. Шапошников А. К. Древнейшая ономастика Таврического полуострова. I. Сурожская земля // Вопросы ономастики. — 2005. — 2.
374. Шапошников А. К. Сарматские и туранские языковые реликты Северного Причерноморья // Этимология 2003–2005. — М., 2007. [С этимологическим словоуказателем.]
375. Шилов А. Л. По Суне плыли наши челны. — М., 1993.
376. Шилов А. Л. Гатчина // Русская речь. — 1995. — № 1.
377. Шилов А. Л. О некоторых терминах, обозначающих водные препятствия в Карелии // Известия РГО. — 1996. — Т. 128. — Вып. 6.
378. Шилов А. Л. Топонимический заповедник // Русская речь. — 1996. — NN 3–4.
379. Шилов А. Л. Чудские мотивы в древнерусской топонимии. — М., 1996.
380. Шилов А. Л. Ареальные связи топонимии Заволочья и географическая терминология Заволочской чуди // Вопросы языкознания. — 1997. — № 6.

381. Шилов А. Л. Москва... как много в этом звуке // Русская речь. — 1997. — № 2.
382. Шилов А. Л. Заимствованные русские термины с «путевой» семантикой // Проблемы русской лексикологии и лексикографии. Межвузовск. научн. конф. (Вологда, октябрь 1998 г.). — Вологда, 1998.
383. Шилов А. Л. Топонимия Карелии в аспекте проблем субстратной топонимии Русского Севера: к происхождению гидроформанта -ен(ь)га // Вопросы языкознания. — 1998. — № 3.
384. Шилов А. Л. «Анатомические» географические термины в топонимии Карелии и Кольского полуострова // Известия РГО. — 1999. — Т. 131. — Вып. 4.
385. Шилов А. Л. Есть ли скандинавская топонимия в Карелии? (о топонимических свидетельствах в решении этноисторических проблем) // Вопросы языкознания. — 1999. — № 3.
386. Шилов А. Л. Заметки по исторической топонимике Русского Севера. — М., 1999.
387. Шилов А. Л. К происхождению гидронимических* терминов *курья, пудас, режма* // Русская диалектная этимология. Тезисы докл. 3-го Научн. совещ. (Екатеринбург, октябрь 1999 г.). — Екатеринбург, 1999. [* Следует: гидрографических.]
388. Шилов А. Л. К стратификации дорусской топонимии Карелии // Вопросы языкознания. — 1999. — № 6.
389. Шилов А. Л. Название озера Селигер в контексте древней истории региона // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Доклады 7-й Российск. конф. (Тула, ноябрь 1999 г.). — М., 1999.
390. Шилов А. Л. Русское диалектное *кортома* // Слова, слова, слова... Межвуз. сб. научн. тр. — Смоленск, 2000.
391. Шилов А. Л. Вишера // Русская речь. — 2001. — № 1.
392. Шилов А. Л. К происхождению северо-русских топонимов с основой Анд- // Этимологические исследования. — Екатеринбург, 2001. — Вып. 7.
393. Шилов А. Л. О мерянских топонимических индикаторах (голос в дискуссии) // Вопросы языкознания. — 2001. — № 6.
394. Шилов А. Л. О языковой принадлежности некоторых топонимов древней Новгородской земли. — Великий Новгород, 2001.
395. Шилов А. Л. Соловки // Русская речь. — 2001. — № 3.
396. Шилов А. Л. Топонимические кальки и этимология субстратных топонимов // Вопросы языкознания. — 2001. — № 1.
397. Шилов А. Л. [Рец. на:] Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. — Екатеринбург, 2000 // Вопросы языкознания. — 2002. — № 3.
398. Шилов А. Л. Битца и Гвоздянка // Русская речь. — 2002. — № 6.
399. Шилов А. Л. Название «Волга»: критический обзор этимологий и новые альтернативы // Ономастика Поволжья. Тезисы докл. IX Междунар. конф. (Волгоград, сентябрь 2002 г.). — Волгоград, 2002.
400. Шилов А. Л. Размышления над статьей Й. Койвулехто о прибалтийско-финских этнонимах // Финно-угорское наследие в русском языке. — Екатеринбург, 2002. — Вып. 2.
401. Шилов А. Л. Географические реалии и топонимические этимологии (на примере топонимии Русского Севера) // Вопросы языкознания. — 2003. — № 1.
402. Шилов А. Л. Кадаши и Бараши: миф и реальность // Русская речь. — 2003. — № 4.
403. Шилов А. Л. Окраины Москвы: от Аминьева и Бескудниковой до Чертанова и Ясенева // Русская речь. — 2003. — № 3.
404. Шилов А. Л. Топонимические модели и этимологизация субстратных топонимов Русского Севера // Вопросы языкознания. — 2003. — № 4.
405. Шилов А. Л. Череповец: к этимологии названия // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. — Петрозаводск, 2003.
406. Шилов А. Л. Московская Болвановка // Русская речь. — 2004. — № 3.
407. Шилов А. Л. Номенклатурные термины в названиях порогов Карелии // Вопросы ономастики. — 2004. — № 1.
408. Шилов А. Л. Прибалтийско-финская лексика и восточнославянское языкознание // Вопросы языкознания. — 2005. — № 2.
409. Шилов А. Л. Топонимическая логия р. Охта // Ономастика в кругу гуманитарных наук. Мат-лы научн. конф. (Екатеринбург, сентябрь 2005 г.). — Екатеринбург, 2005.

410. Шилов А. Л. Топонимические свидетельства присутствия в Подмоскovie летописных восточнославянских племен (в свете идей О. Н. Трубачева) // История и культура славян в зеркале языка: славянская лексикография. Третьи чтения памяти акад. О. Н. Трубачева (Москва, октябрь 2005 г.). Тезисы докл. и выст. — М., 2005.
411. Шилов А. Л. Шлиссельбург, Кингисепп, Копорье // Русская речь. — 2005. — № 6.
412. Шилов А. Л. Термин *чечора* в волжской гидронимии // Ономастика Поволжья. Мат-лы X Междунар. конф. (Уфа, сентябрь 2006 г.). — Уфа, 2006.
413. Шилов А. Л. Топонимические свидетельства языческого прошлого Москвы // Вопросы ономастики. — 2006. — № 3.
414. Шилов А. Л. География и происхождение некоторых топонимических основ в Центральной и Южной России // И. И. Срезневский и история славяно-русской филологии: тенденции в науке, образовании, культуре. Мат-лы конф. — Рязань, 2007.
415. Шилов А. Л. К географии и происхождению топонимии с элементами * *hatcha* и *aho* // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте. Мат-лы научн. симп. — Петрозаводск, 2007.
416. Шилов А. Л. Поклонная гора // Русская речь. — 2007. — № 1.
417. Шилов А. Л. Саамские культовые комплексы Карелии по данным топонимии // Рябининские чтения. 2007. — Петрозаводск, 2007.
418. Шильнова Н. От Геркулесовых столбов до Эльдorado: Происхождение географических названий. — М., 2010.
419. Широкова И. О. Наименования селений в административно-территориальном делении города Москвы 90-х годов XX в. // Изучаем историю Москвы и Подмоскovie. — М., 1999.
420. Шрам Г. Реки Северного Причерноморья. Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М., 1997.
421. Шулунова Л. В., Доржиева Г. С. Международная научно-практическая конференция в Бурятии // Вестник Моск. ун-та. — 2007. — Сер. 19. — № 1. [О конф. «Ономастическое пространство и национальная культура» (Улан-Удэ, сентябрь 2006 г.).]
422. Щербак А. С. Город Тамбов и река Цна // Русский язык в школе. — 2006. — № 4.
423. Щербак А. С. Когнитивные основы региональной ономастики. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Тамбов, 2008.
424. Щербак А. С. Региональная ономастика в когнитивном аспекте. — Тамбов, 2008.
425. Эйхлер Э. О крайней западной периферии праславянского языка и раннего западнославянского // Этимология 1997–1999. — М., 2000. [Среди трех групп лингвистических источников выделены «собственные имена, содержащиеся в средневековых источниках: топонимы, антропонимы, этнонимы с их спецификой».]
426. Юдин А. В. Иордан и Дунай в восточнославянском магическом фольклоре // Вопросы ономастики. — 2004. — № 1.
427. Ююкин М. А. Город Мещовск // Русский язык в школе. — 2004. — № 2.
428. Ююкин М. А. Таруса // Русский язык в школе. — 2005. — № 3.
429. Ююкин М. А. О древнем названии города Павловский Посад // Русский язык в школе. — 2008. — № 1.
430. Ююкин М. А. Город Алатырь // Русский язык в школе. — 2008.
431. Яковлева Е. А., Тимирханов В. Р. X Международная конференция «Ономастика Поволжья» // Вопросы языкознания. — 2008. — № 1. [Уфа, сентябрь 2006 г.]

**Словари. Словарные материалы.
Справочники. Энциклопедии. Путеводители.
Публикации источников. Библиографические указатели**

1. Агеева Р. А. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы: Словарь-справочник. — М., 2000.
2. Агеева Р. А., Александров Ю. Н., Бондарук Г. П. и др. Улицы Москвы. Старые и новые названия: Топонимический словарь-справочник / Отв. ред. Е. М. Поспелов. — М., 2003.
3. Агеева Р. А., Бондарук Г. П., Поспелов Е. М. и др. Имена московских улиц: Топонимический словарь. — М., 2007.
4. Агеев Ф. Л. Собственные имена в русском языке: Словарь ударений. — М., 2001. [Более 35 000 словарных единиц.]
5. Азарова И. В., Герд А. С., Муллонен И. И. Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь). — СПб., 1997.
6. Алексеева С. В., Владимирович А. Г., Ерофеев А. Д. и др. Городские имена сегодня и вчера: Петербургская топонимика. Справочник-путеводитель. — 2-е изд. — СПб., 1997. [Полный свод названий за три века.]
7. Алексеева С. В. и др. Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга. — 2-е изд. — СПб., 2003. [10 000 городских имен.]
8. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. — 2-е изд. — М.; Новосибирск, 2000. [Апеллятивы, отраженные в гидро-, топо- и этнонимии Сибири.]
9. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. — Новосибирск, 2003.
10. Афанасьев А. П. Топонимия Республики Коми: Словарь-справочник. — Сыктывкар, 1996.
11. Афанасьев А. П. Топонимия Европейского Севера России: Словарь. — Сыктывкар, 2002.
12. Барандеев А. В. Русские космографии XVI–XVII вв. (Библиография) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2003. — № 3 (13).
13. Бердышев С. Н. Популярный географический энциклопедический словарь. — М., 2002.
14. Береговая черта: имя на карте: Морской топонимический словарь Приморского края / Сост. А. И. Груздев. — Владивосток, 1996.
15. Блау М. Г. Судьба эпонимов. 300 историй происхождения названий: словарь-справочник. — М., 2010.
16. Большой словарь географических названий. — Екатеринбург, 2003.
17. Воробьев В. М. Географические названия Торопецкого района: Справочник. — Тверь, 1999.
18. Воробьев В. М. Тверской топонимический словарь: Названия населенных мест. — М., 2005.
19. Географические названия Республики Бурятия: Топонимический словарь / Сост. И. А. Дамбуев, Ю. Ф. Манжуева, А. В. Ринчинова. — Улан-Удэ, 2006.
20. Географический энциклопедический словарь: Географические названия / Гл. ред. В. М. Котляков. — 3-е изд. — М., 2003.
21. География России: Энциклопедический словарь. — М., 1998.
22. Геройские улицы Москвы: История Великой Отечественной войны в названиях московских улиц и площадей. Книга-справочник. — М., 2006.
23. Города России: Энциклопедия / Гл. ред. Г. М. Лаппо. — М., 1994. [Последующие изд.: М., 2003, 2006, 2008.]
24. Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. — 3-е изд. — М., 2004. [Нормы склонения топонимов.]
25. Диссертации 2003–2005 // Вопросы ономастики. — 2006. — № 3.

26. Дмитриева Л. М. Материалы к Топонимическому словарю Алтая (переименования сел в XX веке) // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. — Томск, 1998.
27. Донидзе Г. И. Стандартизация географических названий. Аннотированный указатель нормативных и методических изданий. 1939–1990. — М., 1993.
28. Дьякова В. И., Хитрова В. И. Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями). — Воронеж, 2009.
29. Елистратов В. С. Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь: Около 7000 слов и выражений. — 2-е изд. — М., 2004. [Указатель имен собственных.]
30. Жданова И. Ф. Англо-русский и русско-английский словарь географических названий. — М., 2008. [Около 30 000 единиц в каждой части. Словарь составлен на основе современных картографических изданий.]
31. Жеребцов И. Л. Где ты живешь: Населенные пункты Республики Коми: Историко-демографический справочник. — Сыктывкар, 1994.
32. Иванов В. Ф. Топонимический словарь Селигерского края. — Тверь, 2003.
33. История московских районов: Энциклопедия / Под ред. К. А. Аверьянова. — М., 2006.
34. История сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв. — М., 1992–1995. — Вып. 1–11.
35. Каталог действующих норм и методических документов по стандартизации географических названий. — М., 1995.
36. Керт Г., Вдовицын В., Веретенин В. Компьютерный банк топонимии Европейского Севера России: TORIS. — Петрозаводск, 1998.
37. Ковалев Г. Ф. Микротопонимия Воронежской области. Словарь. — Воронеж, 2007.
38. Кондратьев И. К. Седая старина Москвы: Исторический обзор и полный указатель ее достопамятностей: соборов, монастырей, церквей, стен, дворцов, памятников, общественных зданий, мостов, площадей, улиц, слобод, урочищ, кладбищ и проч. и проч. с подробным историческим описанием основания Москвы и очерком ее замечательных окрестностей. — 4-е изд. — М., 2005.
39. Котляков В. М., Комарова А. И. География: понятия и термины: пятиязычный академический словарь. — М., 2007. [См. трактовку термина *топонимика*.]
40. Кузнецов А. В. Сухона от устья до устья. Топонимический словарь-путеводитель. — Вологда, 1994.
41. Кузнецов А. В. Названия вологодских озер. Словарь лимнонимов финно-угорского происхождения. — Вологда, 1995.
42. Кусов В. С. Чертежи Земли Русской: Каталог-справочник. — М., 1993.
43. Кусов В. С. Московское государство XVI — начала XVIII века: Сводный каталог русских географических чертежей. — М., 2007.
44. Левашов Е. А. Географические названия: Прилагательные, образованные от них. Названия жителей: Словарь-справочник. — СПб., 2000.
45. Левашов Е. А. Географические имена: Трудные случаи употребления: Словарь-справочник: Более 8000 географических имен. — М., 2003.
46. Левашов Е. А. Мировая топонимика: Прилагательные от географических названий: Словарь-справочник. — СПб., 2003.
47. Лезина И. Н., Суперанская А. В. Словарь-справочник тюркских родоплеменных названий: В 2 ч. — М., 1994.
48. Матвеев А. К. Библиографический указатель / Сост. А. В. Глазырин. — Екатеринбург, 1996.
49. Матвеев А. К. Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера // Этимологические исследования. — Екатеринбург, 1996. — Вып. 6.

50. Матвеев А. К. Географические названия Тюменского Севера: Краткий топонимический словарь. — Екатеринбург, 1997.
51. Матвеев А. К. Географические названия Свердловской области: Топонимический словарь. — Екатеринбург, 2000.
52. Матвеев А. К. Географические названия Урала. Топонимический словарь. — Екатеринбург, 2008.
53. Морохин Н. В. Нижегородский топонимический словарь. — Н. Новгород, 1997. [Около 4000 топонимов.]
54. Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С. Словарь гидронимов юго-восточного Приладожья. Бассейн реки Свирь. — СПб., 1997.
55. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов: В 2 т. — 2-е изд. — М., 1999.
56. Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. — 2-е изд. — СПб., 2007.
57. Насимович Ю. А. Аннотированный список названий рек, ручьев и оврагов Москвы. — М., 1996.
58. Нации и этносы в современном мире: Словарь-справочник. — СПб., 1999.
59. Новые диссертации по ономастике (1999–2003) // Вопросы ономастики. — 2004. — № 1.
60. Ондар Б. К. Краткий словарь гидронимов Тувы. — Кызыл, 1995.
61. Описание городов Европейской части России XVI–XVII вв. Указатель по материалам писцовых и переписных книг / Сост. Т. Б. Соловьева, Л. А. Тимошина. — М., 2005.
62. Отин Е. С. Из словаря коннотативных онимов и отконнотативных апеллятивов // Ономастика та етомологія. Збірник наукових праць на честь 65-річчя Ірини Михайлівни Железняк. — Київ, 1997.
63. Отин Е. С. Топонимия приазовских греков: Историко-этимологический словарь географических названий. — 2-е изд. — Донецк, 2002.
64. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. — М., 2006.
65. Переславцев В. В. Топонимика Южного Сахалина: Японо-русский справочник-указатель // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник. — 2000. — № 7.
66. Перечень актов Архива Троице-Сергиева монастыря: конец XV–XVI вв. / Отв. ред. С. М. Каштанов. — М., 2006. [Указатели личных имен, географический и предметно-терминологический.]
67. Подмосковье: Монастыри, храмы, источники: Справочник-путеводитель / Сост. В. Н. Островской. — М., 2008.
68. Полякова Е. Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. — Пермь, 2007.
69. Попова В. Н. Словарь географических названий Казахстана: Павлодарская область: В 2 т. — М., 1994.
70. Поспелов Е. М. Имена городов: вчера и сегодня: (1917–1992). Топонимический словарь. — М., 1993.
71. Поспелов Е. М. Географические названия мира: Топонимический словарь. Около 5000 единиц. — 2-е изд. — М., 2001.
72. Поспелов Е. М. Топонимический словарь Московской области: Селения и реки Подмосковья. 3500 словарных статей. — М., 2000.
73. Поспелов Е. М. Историко-топонимический словарь России: Досоветский период. — М., 2000.
74. Поспелов Е. М. Географические названия России: Топонимический словарь. Около 3000 единиц. — М., 2002.
75. Пыжьянов Ф. И. Остров Кунашир и Малые Курилы: Топонимический словарь. — М., 1994.
76. Пыжьянов Ф. И. Курильские острова: Словарь по истории географических названий. — Южно-Сахалинск, 1998.

77. Россия: Полное географическое описание нашего Отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В. П. Семенова. — Екатеринбург, 2007–2008. — Т. 2, 9, 6, 18, 19.
78. Русская ономастика и ономастика России. Словарь / Под ред. О. Н. Трубачева. — М., 1994.
79. Связующая нить: Сб. документов, исследований и сочинений / Сост. М. А. Клычников. — Мытищи, 2002. [Указатель населенных пунктов.]
80. Словарь географических названий форм подводного рельефа. — М., 1993.
81. Словарь исторических терминов, имен и историко-географических названий / Сост. А. Торопцев. — М., 2002.
82. Словарь названий гидрографических объектов России и других стран — членов СНГ / Под ред. Г. И. Донидзе. — М., 1999.
83. Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России // Русская речь. — 1994. — NN 4–6; 1995. — NN 1–6; 1996. — NN 1–2.
84. Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России: Географические названия. — М., 2002.
85. Стрельников С. М. Миасс: Словарь географических названий. — Златоуст, 1995.
86. Стрельников С. М. Географические названия Оренбургской области: Краткий топонимический словарь. — Златоуст; Кувандык, 1996.
87. Супруненко П. П., Супруненко Ю. П. Топонимика. Популярная энциклопедия. — М., 2004. [Яркий пример неудачной популяризации топонимических знаний. При объяснении происхождения бессистемно поданных топонимов преобладает ирония и юмор; отсутствуют указания на какую-либо литературу вопроса.]
88. Сытин П. В. История московских улиц. — М., 2008.
89. Топонимический словарь Рязанской области / Под ред. А. А. Никольского. — Рязань, 2004.
90. Улицы современной Москвы. — М., 2005. [Справочник с картами.]
91. Универсальный энциклопедический словарь. — М., 1999. [Склонение топонимов.]
92. Чайкина Ю. И. Словарь географических названий Вологодской области. — 2-е изд. — Вологда, 1993.
93. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном Семеном Ремезовым в 1701 году: В 2 т. — Тобольск, 2007.
94. Шабалин В. М. Тайна имен земли Кузнецкой. Краткий топонимический словарь Кемеровской области. — Кемерово, 1994. [3000 названий.]
95. Шахбаз А. С. Русско-арабский и арабско-русский словарь географических названий: Ок. 3000 названий. — М., 2009.
96. Шилов А. Л. Материалы к словарю ранних прибалтийско-финских, чудских и саамских заимствований русского языка. — М., 2008.
97. Шилов А. Л. Опыт историко-этимологического словаря топонимов Карелии (буква Б) // Этимологические исследования. — Екатеринбург, 2003. — Вып. 8.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КАРТЕ (ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ)

Московия

Московия казалась западным европейцам другую часть света...

В. О. Ключевский

Обязательным элементом большинства современных карт и атласов (прежде всего общегеографических) являются географические названия (топонимы). Древние карты, отличающиеся по современным представлениям схематизмом изображения объектов картографического описания, также содержат топонимы, хотя и в незначительном количестве. Их умелая интерпретация позволяет получить наглядное представление об историко-географической и политической характеристике объектов номинации в конкретную эпоху. Однако при этом следует учесть ряд немаловажных обстоятельств, связанных с оценкой достоверности топонимов, обозначавших реальные или вымышленные географические объекты на древних территориях, имеющих в настоящее время иные пространственные и этнополитические характеристики.

Широко известный ныне топоним *Москва* имел в древнерусском языке иную форму им. пад. — *Москы*, так как относился к особому типу склонения существительных с основой на *-й, включавшему слова *църкы* (церковь), *буки* (буква), *свекры* (свекровь), *любы* (любовь), *тыкы* (тыква) и т. п. В вин. пад. топоним представлен в значении обстоятельства места формой *Московь*, зафиксированной, например, в Лаврентьевской летописи. В процессе развития русского языка и его системы склонения существительных «первоначальная форма топонима *Москы* заменилась <...> формами *Московь* (*Москѡвь*) и *Москва* (*Москѡва*), из которых последняя сохранилась в русском языке до нашего времени, а форма *Московь* продолжает жить в языках народов России <...>» [5, с. 86–87]. От формы вин. пад. *Московь* префиксально-суффиксальным способом образован топоним *Подмосковье* (Под-москов'-ѣ), дополнивший словообразовательный модельный ряд топонимов этого типа (ср. *Поддубье*, *Подлужье*, *Подмошье*). Прилагательные *московский* и *подмосковный* известны в памятниках русской письменности с XVI в. Словообразовательное гнездо, сформировавшееся на базе указанной формы, включает также название денежной единицы *московка* (известно с середины XV в.) и более позднее образование *московка* — «сорт яровой пшеницы».

Форма *Московь*, зафиксированная в памятниках русской письменности еще в начале XIV в., стала основой для образования другого топонима —

Московия. Каково же его происхождение? Факты отечественной истории бесспорно свидетельствуют о том, что *Московией* в XV–XVII вв. западноевропейские послы, купцы и путешественники называли в своих сочинениях Московское государство, географическое устройство которого они знали весьма приблизительно. В понимании позднесредневековых зарубежных географов, унаследовавших позднеантичные представления о Восточной Европе, она «ограничивалась с севера Ледовитым океаном (чисто умозрительная, хотя и правильная граница, обусловленная теоретическим постулатом об опоясывающем сушу океане), с востока — р. Танаисом (Дон), затем Меотийскими болотами (Азовским морем) и Боспором Киммерийским (Керченским проливом). Южной границей ее служил Понт Евксинский (Черное море). На севере Восточной Европы локализовались так называемые Рифейские (или Рипейские) горы, которые тянулись в широтном направлении (возможно, искаженное представление об Урале). Предполагалось (например, Аристотелем), что с этих гор берут свое начало и текут на юг великие реки Танаис (Дон), Борисфен (Днепр), Гипанис (Южный Буг) и некоторые другие (позже стала известна Волга — Ра)» [12, с. 29]. Знаменитый греческий географ, историк и путешественник Страбон, живший в эпоху заката эллинизма и образования Римской империи, откровенно признавался в том, что «области же за Альбием [Эльбой. — А. Б.] близ океана [северного. — А. Б.] нам совершенно неизвестны» [17, с. 269].

Интересующий нас топоним широко представлен в сочинениях западноевропейских авторов, которые нередко сопровождали свои путевые заметки географическими картами, имевшими различное происхождение. Часть из них была составлена по русским оригинальным источникам (чертежам), а часть карт, посвященных описанию Восточной Европы, создана на основании других источников.

Одну из наиболее ранних картографических фиксаций топонима *Московия* встречаем на карте Центральной и Восточной Европы, составленной польским картографом Бернардом Ваповским (1507) с утерянного оригинала карты немецкого гуманиста кардинала Николая Кузанского (1491). На карте Ваповского топоним *Moscovia* подписан к северу от Черного моря в бассейне нижнего течения Днепра. Выше этой подписи размещено название *Russia alba sive Moscovia* (Белая Русь или Московия), а еще выше этого названия — плохо читаемая подпись *Ducat' Moskovia* (правитель Московии). На карте Центральной Европы (гравюра на дереве), составленной немецким врачом Иеронимом Мюнцером (1493), названия *Russia* и *Mos(c)ovia* помещены на фоне безымянных гор и рек. Итальянский картограф Баттиста Аньезе свою карту *Московии* (1525) озаглавил *Mosckoviae tabula*. Южная часть карты Московии французского картографа Гийома Делиля (1706), составленной на основе русской оригинальной карты московских княжеств (1526), содержит подпись *Russie Muscovite* (Московская Русь). Немецкий ученый-энциклопедист Себастьян Мюнстер, которого современники называли «немецким Страбоном», составил несколько схематичных и неподробных карт Московии. На карте 1532 г. название *Moscovia* помещено в среднем течении Днепра, а на карте 1538 г. топоним *Moscowia* обозначает город, расположенный южнее течения Волги. На карте из «Всеобщей космографии» С. Мюнстера (1544) топоним *Moscowia* как обозначение города привязан к реке Москве (Mosca).

В 1517 и 1526 гг. Московию посещал известный немецкий дипломат барон Сигизмунд Герберштейн, впоследствии отразивший свои путевые впечатления

в «Записках о Московитских делах» (1549). В этом сочинении содержится, в частности, «краткое описание России и столицы ее Московии и хорография [землеописание. — А. Б.] всего государства Московского». На карте С. Герберштейна (1546) топоним *Moscovia* действительно фигурирует как название столичного города. Посол английского короля Эдуарда VI мореплаватель капитан Ричард Ченслер путешествовал в Московию в 1553 и 1555 гг. В своем неоконченном труде «Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском» (с подзаголовком «Новое плавание и открытие царства Московии <...>») он отмечает, что эта страна называется *Россией* или *Московией* [14, с. 431, 438].

На карте России, Московии и Тартарии английского купца и дипломата Антония Дженкинсона (1562 г.) топоним *Russia* обозначает земли центральных московских княжеств, а подпись *Moscovia* расположена вертикально с севера на юг в середине этих земель по линии городов Ярославль—Углич—Кашин—Тверь—Можайск—Вязьма. Академик Б. А. Рыбаков убежден в том, что эта карта восходит к старому русскому чертежу московских земель 1497 г. (разница в 65 лет!) [16, с. 36, 108]. Аналогичное понимание содержания топонимов *Россия—Московия*, отражающих соотношение «большее—меньшее», представлено в сочинении английского купца и дипломата Джерома Горсея «Путешествия <...>» (1572–1573), который жил в Московском государстве почти 20 лет, до 1591 г., а также в записках француза Жака Маржерета (1606–1608).

Топоним *Московия* как иноязычное название Московского государства встречаем в «Кратком известии о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года <...>». Автор этого сочинения, созданного в 1610–1611 гг., голландский купец и путешественник Исаак Масса неоднократно посещал Московию в течение 1601–1634 гг. На карте голландского картографа Гесселя Герритса, составленной в 1613 г. на основании чертежа царевича Федора Годунова 1523 г. (разница в 90 лет!), подпись *Moscovia* расположена юго-западнее Москвы и обозначает ближайшие к царствующему граду земли.

Немецкий ученый-энциклопедист, путешественник и дипломат Адам Олеарий не раз бывал в Московии в 30-х гг. XVII в. Свои путевые впечатления он изложил в «Описании путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» (1647). Это сочинение, ставшее вскоре знаменитым по причине широкого охвата событий русской истории, оказало заметное влияние на труды последующих авторов, писавших о Московии. В одной из глав «Описания <...>» («О русском государстве, его провинциях, реках и городах») А. Олеарий в определенной степени обобщил все известные ему как иностранцу названия Московского государства. Немаловажно, что в этом обобщении топоним *Московия* квалифицируется как наиболее традиционно распространенный: «Россия или, как некоторые говорят, „белая Русь“ (именуемая по главному и столичному городу Москве, лежащему в середине страны, обыкновенно *Московией* [курсив наш. — А. Б.]) является одною из самых крайних частей Европы, граничит с Азией и имеет весьма большое протяжение <...>» [15, с. 333].

Во 2-й половине XVII в. в обозначении Московского государства (и его столицы) иностранными авторами продолжает наблюдаться широко разветвленная синонимия. Так, в «Записках о Прибалтике и Московии 1666–1670 гг.» немецкого путешественника Ганса-Морица Айрманна в качестве синонимов-

дублетов фигурируют топонимы *Великокняжество Московия* или *Россия*, город *Москва* или *Московия* [11, с. 265–307]. Впрочем, по свидетельству известного русского историка В. О. Ключевского, ко 2-й половине XVII в. среди прочих названий Московского государства в иноязычных текстах топоним *Московия* преобладал [6, с. 27]. Ситуацию синонимической вариативности в обозначении Московского государства отражают и русские космографии XVI–XVII вв., составленные на основании зарубежных источников, переработанных русскими книжниками-переводчиками с учетом оригинальных достижений русской практической географии. (Подробнее о русских космографиях см. выше, на с. 26–39.) При этом весьма показателен тот факт, что, например, в тексте «Космографии 1670 г.» топоним *Московия* не употребляется, по-видимому, ввиду его иноязычного происхождения.

Напротив, на русских и зарубежных картах *Московия* активно существовала до середины XVIII в., отражая преемственность картографической традиции. На «Новой и достоверной всея Европы карте» (1720–1721), созданной русским гравером А. Ф. Зубовым и голландцем П. Пикартом, *Московия* дана как подпись на Европейской части Российской империи. Немецкий картограф Г.-М. Зойтер на своей «Карте Российской империи» (1739–1740) разместил топоним *Moscovia* на территориях от Днепра до Уральских гор. Таким образом, на географических картах XV–XVIII вв. топоним *Московия* использовался и как название Московского государства, и как название его столицы с разной степенью точности в пространственном обозначении этих объектов.

Известный русский историк XVIII в. В. Н. Татищев в своем труде «История Российская <...>» отмечал, что Русское государство разные народы называли *Россией* и *Московией*, и упоминал при этом сочинение плененного участника Полтавского сражения шведского подполковника Ф.-И. Страленберга «Сибирская история». В. Н. Татищев был убежден в польском происхождении топонима *Московия*, именно в такой форме ставшего известным в Европе: «Власно так [подобно тому], как у нас имя *Россия* за 1000 лет непрерывно во всех историях и титулах государей употребляемо, но поляки в наше время татар, побрав русские пределы, насилем себе титул русских государей похитили, а русских великих князей московскими и государством Москва и *Московия* прозвали, чему едва не вся Европа последовали <...>» [18, с. 286, 312].

В этом далеко не бесспорном утверждении есть рациональный момент. Действительно, в общеевропейском распространении и закреплении топонима *Московия* не следует исключать влияние польского языка-посредника, поскольку в течение XVI–XVII вв. польская историко-географическая литература активно переводилась на русский язык, например «Космография» польского историографа и писателя Мартина Бельского (1551 г. — русский перевод 1584 г.). В это же время не прекращалась практика переводов собственноручно латиноязычных сочинений на польский и русский языки. Однако топоним *Московия* имеет не польское, а византийское происхождение. Русская форма *Москва* могла быть первоначально усвоена западноевропейскими авторами условно-фонетически (на слух), а в канцеляриях Византии путем добавления латинского элемента *-ia* (*-ия*), ставшего впоследствии интернациональным, получила окончательное письменное закрепление в виде *Moscovia*. В сочинении византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» (948–952 гг.) топонимы данного типа представлены достаточно широко. Они употреблены как для обозначения территорий,

входивших в состав Византийской империи во 2-й половине X в. (Далмация, Сербия, Болгария и др.), так и для обозначения территорий, граничивших с ней (Россия, Алания, Хазария и др.) [7].

Топоним *Московия*, утратив актуальность в языке отечественной географии Петровской эпохи, с этого времени переходит в разряд названий-историзмов, явно неуместных на карте империи Российской по причине своего преимущественного употребления иностранцами. Не случайно поэтому название *Московия* отсутствует в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. В трудах других историков и географов топоним *Московия* нередко заключается в кавычки, отражая стремление подчеркнуть былую преимущественно иноязычную сферу его употребления [8, с. 688, 690; 10, с. 58, 93 и др.].

Примечательно, что в современном русском языке *Московия* избежала полного забвения: топоним использован, например, для номинации телекомпании и банка. Впрочем, уместность такого использования древнего топонима для называния современных реалий может быть спорной, поскольку исторически он возник в иноязычной среде именно как иноземное название Московского государства и никогда не употреблялся как русский оригинальный топоним. Тем не менее в современных фактах подобной номинации, основанной на переосмыслении, следует усматривать своеобразное «освежение» ономастической лексики русского языка за счет использования топонимистического историзма, обладающего в современном языковом сознании определенным полузагадочным колоритом.

Литература

1. Багров Л. [С] История картографии. — М., 2004.
2. Барандеев А. В. Русские космографии XVI–XVII вв. в аспекте топонимического источниковедения // Топонимия России. — М., 1993.
3. Борисовская Н. А. Старинные гравированные карты и планы XV–XVIII вв. — М., 1992.
4. Витсен Н. Путешествие в Московию 1664–1665. — СПб., 1996.
5. Добродомов И. Г. Москва // Русский язык в школе. — 1997. — № 4.
6. Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. — М., 1991.
7. Константин Багрянородный. Об управлении империей. — М., 1989.
8. Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. — М., 2004.
9. Кусов В. С. Картографическое искусство Русского государства. — М., 1989.
10. Лебедев Д. М., Есаков В. А. Русские географические открытия и исследования. — М., 1971.
11. Левинсон Н. Р. Записки Айрманна о Прибалтике и Московии 1666–1670 гг. // Ист. записки. — М., 1945. — Т. 17.
12. Подосинов А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции. — М., 2002.
13. Поспелов Е. М. Топонимика и картография. — М., 1971.
14. Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. — Смоленск, 2003.
15. Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. — Смоленск, 2003.
16. Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. — М., 1974.
17. Страбон. География: В 17 кн. — М., 1994.
18. Татищев В. Н. История Российская. Ч. I // Собр. соч.: В 8 т. — М., 1994. — Т. 1.
19. Чекин Л. С. Картография христианского средневековья. VIII–XII вв. Тексты, перевод, комментарии. — М., 1999.

* * *

20. Загадочная Московия: Россия глазами иностранцев. — М., 2010.
21. Захарова Л. Д. Существительные на «-овь», «-ва» и их производные // Русский язык в школе. — 1990. — № 2.
22. Зеленин А. В. Русский мир в зеркале английского языка // Там же. — 2007. — № 6.
23. Маржерет Ж. Состояние Российской империи: Ж. Маржерет в документах и исследованиях: Тексты, комментарии, статьи. — М., 2007.
24. Расходная книга патриаршего приказа кушаньям, подававшимся патриарху Адриану. Путешествие через Московию Корнелия де Бруина. — Рязань, 2010.
25. Флетчер Дж. О государстве русском. — М., 2002.

Звенит ли Звенигород?

Подмосковный *Звенигород* расположен в 63 км* к западу от столицы в живописной местности, справедливо называемой «Русской Швейцарией». Внешняя форма топонима вполне прозрачна: он образован соединением двух корней — *звен-* / *звон-* и *город*, что послужило поводом для закрепления его «звонкого» образа в народно-поэтическом сознании. В. И. Даль в своем знаменитом словаре приводит такую присказку: «Не только звону, что в Москве (что в Киеве). Не только звону, что в Звенигороде, есть и на Москве». Этот же образ встречаем в детском стихотворном цикле А. Л. Барто:

Летом весь Звенигород
Полон птичьим свистом.
Там синицы прыгают
По садам тенистым;
Нет нигде таких скворцов!
Он по веткам прыгает.
И от детских голосов,
Как от звона бубенцов,
Весь звенит Звенигород.

Действительно, в названии города слышится звон, но мы пока не знаем, откуда он...

При всей кажущейся простоте топонима сложность его хронологической и этимологической трактовки заключается в том, что это название прослеживается в памятниках письменности русского языка достаточно поздно — только с первой половины XIV в. Наиболее раннее упоминание о нем содержится в Духовной грамоте великого князя Ивана Даниловича Калиты, датированной 1339 или 1328 г. (а не в летописном известии 1382 г., как ошибочно считает В. П. Нерознак [13, с. 76]), в которой он, в частности, завещал свои владения: «А се даю сыну своему Ивану: *Звенигородъ*, Кремичну, Рузу, Фоминское, Суходоль, Великую свободу <...>» [7, с. 7].

Обратим внимание на то, что среди 23-х городов Московского княжества *Звенигород* в этом перечне указан *первым*, поэтому, как утверждают историки, уже в те годы он был крупным городским феодальным поселением, ставшим после смерти Ивана Калиты центром Звенигородского удела. Об этом убедительно свидетельствует контекст Духовной грамоты сына Ивана Калиты, великого князя Ивана Ивановича, датированной около 1358 г., в которой он уже своему сыну Ивану завещал «*Звенигород* со всеми волостями, и с мытомъ, и съ селы, и з бортью, и с оброчники, и с пошлинами <...>» [7, с. 15].

Летописные известия о подмосковном *Звенигороде* тоже достаточно поздние, относящиеся к концу XIV в. Название города фигурирует в летописном рассказе «О Московском взятии от царя Тахтамыша», представленном в составе Московского летописного свода конца XV в., где под 1382 г. записано:

* Досадно, что в энциклопедии «Города России» (М., 1994. — С. 145) это расстояние указано в ошибочно-перевернутом виде — 46 км.

«А инии [татары] ходиша къ *Звенигороду* и к Можайску и темъ тако же створиша, а инии шедше в Переславль взяша и пожгоша его» [18, с. 209]. Сходным образом этот пассаж отражен в Софийской I летописи, Новгородской IV летописи, Вологодско-Пермской и Воскресенской летописях.

В современной исторической и краеведческой литературе прочно закрепилось мнение академика Б. А. Рыбакова, согласно которому возникновение подмосковного *Звенигорода*, а следовательно, и его названия, нужно отнести к эпохе более ранней, чем XIV в., — ко времени «Мономаха и Юрия Долгорукого, когда в Суздальской залесской стороне возникали Переяславли и Вышгороды, а реки получали южные имена (Трубеж, Лыбедь и др.)» [23, с. 125; 3, с. 579]. В соответствии с этой версией имя подмосковного *Звенигорода* воспроизводит названия древнейших городов Южной Руси — *Звенигорода киевского* или *Звенигорода галицкого*. Связывая возникновение подмосковного *Звенигорода* с эпохой Юрия Долгорукого, историки и краеведы обычно вспоминают, ссылаясь на летописные сведения, о его большой градостроительной деятельности.

Оставим пока без оценки версию о перенесенном происхождении топонима *Звенигород* и обратимся к заслуживающим внимания аргументам Б. А. Рыбакова. С «некоторыми основаниями» он считает, что древний *Звенигород* был крайним северо-восточным пунктом Черниговского княжества, поскольку города Вятчи, Воротыньск, Лопасна, Боровск принадлежали некогда черниговским князьям. По его мнению, черниговские связи отчасти подтверждаются и археологически. В 1942 г. при обследовании Звенигородского городища Л. А. Евтюховой и Н. Н. Ворониным было найдено гончарное клеймо в виде знака Рюриковичей — типичный княжеский знак XII в., который не мог принадлежать ни одному из владимирских князей. На основании историко-археологических данных Б. А. Рыбаков выдвинул предположение о том, что в XII в. *Звенигород* был пограничным пунктом между землями черниговских и владимирских князей. Общий вывод авторитетного историка о времени возникновения *Звенигорода* включает два важных момента: 1). Обнаруженная при раскопках керамика курганного типа XI–XII вв. — бесспорное свидетельство того, что *Звенигород* как поселение существовал уже в домонгольскую эпоху; 2). Княжеские гончары, ставившие на своих изделиях знак их господина, могли проживать только в княжеских замках или городах, поэтому в XII в. *Звенигород* мог быть или княжеским замком или городом [23, с. 128].

Ценные наблюдения Б. А. Рыбакова получили свое подтверждение и дальнейшее развитие в ходе археологических разысканий, осуществленных в 1955–1960 гг. братьями Ю. А. и Н. А. Красновыми. При раскопках Звенигородского кремля («Городка») были найдены обломки стеклянных браслетов, замки домонгольских типов, керамика и другие предметы. Это позволило археологам сделать вывод о том, что «Звенигород возник как опорный пункт феодального господства в земле вятичей и как центр местной торгово-ремесленной деятельности не позднее середины XII в.» [11, с. 119]. Раскопки «Городка», проводившиеся в 1974–1975 годы, также подтверждают справедливость такой хронологической квалификации *Звенигорода* [2, с. 50–51], хотя весьма распространенное предположительное мнение об основании этого города Юрием Долгоруким в 1152 г., к сожалению, документально никак не обосновано [9].

Для разработки надежной этимологии подмосковного топонима *Звенигород* необходимо учесть, что в Древней Руси существовало по крайней мере

еще три города с аналогичным названием и все они располагались на южно-русской территории.

Первый из них — *Звенигород киевский*, находившийся к югу от Киева, между Киевом и Василевом. Наиболее раннее известие о нем встречаем в Ипатьевской летописи под 1097 г.: «Стополкъ же хотяше пустити [его], но Давыдъ не хотяше. блюдася его. и на ту ношь ведоша [его] *Звенигороду*, иже есть городъ малъ у Киева, яко десяти версть и вдале» [17, с. 234]. Контекст записи 1150 г., содержащейся в Московском летописном своде конца XV в., подтверждает местоположение этого древнего города: «И того дне [кыяне] пришедше сташа у *Звенигорода*, а на утреи же шедше сташа у Васильева обеда» [18, с. 52]. Остатки *Звенигорода киевского* в виде городищ прослеживаются на территории двух сел Киево-Святошинского района Киевской области и одного села Васильковского района [8, с. 62].

Второй южнорусский *Звенигород* — *галицкий (червенский)*, располагавшийся к юго-востоку от Львова. Упоминание о нем встречаем в Лаврентьевской летописи под 1086 г., в пассаже об убийстве Ярополка Изяславича Нерадцем: «Ярополкъ же седе Володимери. И переседевъ мало дни, иде *Звенигороду*; и не дошедшу ему града, и прободень бысть от проклятаго Нерадця» [16, с. 88]. Аналогичным образом это известие отражено в Ипатьевской летописи, а название города фигурирует также в Московском летописном своде конца XV в., в Вологодско-Пермской и других летописях.

Результаты археологических исследований свидетельствуют о том, что этот *Звенигород*, называемый еще и *львовским*, принадлежал к числу древнейших городов на территории современных западных областей Украины. Центр города находился на небольшом возвышении среди болотистой долины, где три потока сливались в один, образуя реку Белку. *Звенигород*, как и *Перемышль*, были двумя стольными городами Галицкой земли, причем в XII в. — начале XIII в. этот *Звенигород* был столицей Звенигородского княжества. Ранние археологические раскопки *Звенигорода* сделали достоянием науки глиняную посуду, золотые и серебряные украшения, стило для письма и другие предметы, свидетельствующие о существовании поселения в XI в., а города — уже в XII в. Долгое время местоположение *львовского Звенигорода* оставалось предметом научных споров, и только в конце 50-х годов XX в. археологам удалось точно установить, что этот летописный город находился на территории современного небольшого села *Звенигород* (Пустомытовский район Львовской области). От города осталось большое городище и три могильника. Вблизи села *Звенигород* расположены старинные села *Подгородище*, *Городиславичи*, *Старое Село* и др., сами названия которых, по справедливому наблюдению украинского ученого А. А. Ратича, тесно связаны с историей *львовского Звенигорода*. Остатки городищ могли быть оборонительными форпостами древнего города [20, с. 22–23; 21, с. 49–52; 22, с. 137–138].

О третьем южнорусском *Звенигороде*, в отличие от двух предыдущих, сохранились очень скудные и противоречивые сведения. В «Советской исторической энциклопедии» содержится глухое указание на то, что город упоминается в летописи в XII в. как удел князя Ивана Ростиславича Берладника [26, с. 645], однако это летописное известие нам пока обнаружить не удалось. В памятниках письменности название города прослеживается достаточно поздно, например, в составе «Списка русских городов дальних и ближних» по Археографическому списку Новгородской I летописи, не считая вариантов.

В этом «Списке...», уточненно датированном 1394–1396 гг., топоним *Звенигород* представлен в корпусе названий городов «польских», т. е. подольских, располагавшихся в бассейне левых притоков Днестра (*Бакота, Каменец, Скѣла* и др.) и в бассейне Южного Буга (*Браслаль, Венция, Новый городок* и др.) [33, с. 94, 97]. Примечательно, что в данном источнике встречаем и название *Звенигорода залесского*, т. е. московского.

Академик М. Н. Тихомиров в монографии 1956 г. указывал на то, что третий *Звенигород* находился на левом берегу Днестра, между устьями рек Серета и Сбруча, хотя в его более ранней работе 1952 г. «Список русских городов дальних и ближних» *Звенигород* картографически помещен на правый берег Днестра [31, с. 214–259; 32, с. 334–337; 33, с. 109, 136]. Топографическая неопределенность этого южнорусского *Звенигорода*, по-видимому, обусловила тот факт, что академик Д. С. Лихачев ошибочно-предположительно поставил летописное известие 1086 г. именно с этим городом. Но выше мы смогли убедиться, что данное известие относится только к *Звенигороду галицкому* на реке Белке. Этим неточным сопоставлением Д. С. Лихачев обязан М. Н. Тихомирову, который в первом издании своей монографии относил летописное известие 1086 г. к *Звенигороду* между устьями Серета и Сбруча, а во втором издании — к *Звенигороду* на реке Белке [12, с. 414; 30, с. 122–123; 32, с. 334–337].

К сожалению, вне поля зрения современных исследователей остается статья анонимного автора XIX века. В своих разысканиях он опирался на польские исторические источники и далеко не бесспорно утверждал, что самый южный *Звенигород* исконно имел форму *Свинигород*. «Это название, или правильнее *Двинигородъ* (*Dzwinigród*), получил он впоследствии [когда? — А. Б.] от р. *Двины* (*Dzwinia*), которая до того времени известна была под именем *Свиньи* (*Swinia*) <...>». Самый южный *Звенигород*, «называемый у польских историков *Дзвиногродъ* (*Dzwinograd*), а в некоторых русских летописях *Свинигородъ*, упоминается [где? — А. Б.] еще в X в. <...>». В 1097 г. он уже был крепостью, где теребовльский князь Василько был заключен в темницу и лишен зрения» [5, с. 84, 106]. Однако этот сюжет об ослеплении князя Василька Ростиславича, отраженный в Ипатьевской летописи под 1097 г., «Украинская историческая энциклопедия» обоснованно связывает не с самым южным *Звенигородом*, а со *Звенигородом киевским* [19, с. 204–205].

Ход рассуждений анонимного автора, касающихся реконструкции формы топонима, справедлив только в отношении колебаний в огласовке *Зв* — *Дзв*, которая характерна и для фонетики современного украинского языка. Что же касается сопоставления *Звенигорода* с *Двиной* и *Свиньей*, то оно не имеет никаких серьезных оснований, поскольку отражает лишь попытку народно-этимологического осмысления топонима. Это тем более очевидно, что анонимный автор согласился с мнением польских историков, указавших местоположение *Звенигорода* на реке *Дзване* (а не *Двине*), известной сейчас под именем *Дзвинячка* (левый приток Днестра в Залещицком районе Тернопольской области). Следовательно, есть все основания полагать, что третий южнорусский *Звенигород* располагался в левобережной части Днестра, между устьями Серета и Сбруча. Археологические данные о существовании этого древнейшего города отсутствуют. Очевидно, это объясняется тем, что уже в середине XIII в. он был полностью разрушен монголо-татарами.

Серьезного внимания заслуживают утверждения анонимного автора о существовании в XIX в. в бассейне Днестра еще двух *Звенигородов*. Один из них

(по нашей нумерации — 4-й) находился в Брежанской округе над ручьем в одной миле от Николаева (район современного г. Бережаны Тернопольской области), а другой (по нашей нумерации — 5-й) — в Станиславской округе на реке Стрыне (современная р. Стрый — правый приток Днестра) и принадлежал грекоунитскому монастырю на Бучаче (современные г. Бучач и с. *Звенигород* Бучачского района Тернопольской области).

Таким образом, весь компактный массив южнорусских *Звенигородов* располагался в верхнем бассейне Днестра, преимущественно в его левобережной части. Это обстоятельство не могло не отразиться в этимологической версии о *перенесении* названий одноименных южнорусских городов на название подмосковного *Звенигорода*. Первым эту версию высказал В. Н. Татищев в 1746 г. во второй части (и примечаниях к ней) «Истории Российской...». Сославшись на пассажи из Новгородских летописей о большой градостроительной деятельности Юрия Долгорукого, маститый историк считал, что построенные Юрием Долгоруким города *Переяславль, Владимир, Галич, Звенигород* и другие копируют названия городов киевских, поскольку великий князь хотел тем самым «утолить печаль свою, что лишился великого княжения русского. И начал те грады населять, созывая людей отовсюду, которым немалую ссуду давал и в строениях, и другими подаяниями помогал» [29, с. 44, 241]. Мнение о перенесенном с юга названии подмосковного *Звенигорода* было поддержано в XIX в. авторитетом В. И. Даля и с тех пор без достаточных оснований считается все более широко признаваемым [6, с. 11; 14, с. 127]. В принципе, мы не исключаем существования переноса названий как топонимической проблемы, хотя к настоящему времени его механизм применительно к древнерусской эпохе детально не исследован.

Другая этимологическая версия, еще менее надежная, чем предыдущая, опирается на внешнюю прозрачность формы топонима *Звенигород*, отражающего «звон». Действительно, это название, реконструируемое как **zvъnigordъ*, восходит к праславянским формам **zvoniiti* (основы **zvъn-* / **zvъn-*) и **gordъ*. В связи с этим в работах многих зарубежных и отечественных ученых (например, у М. Фасмера, В. Ташицкого, С. Роспонда, В. А. Никонова и др.) происхождение названия подмосковного *Звенигорода* объясняется звоном, который могли издавать колокола городов-крепостей во время приближения врагов. В качестве аргумента обычно приводят известие 1552 г. о сторожевом «ратном звоне» в Житомирском замке, не обращая внимания на то, что это известие достаточно позднее [1, с. 143]. И подмосковный *Звенигород* имел подобный охранительный пункт на левом берегу Москвы-реки — сторожу, а также сторожевую башню с вестовым колоколом в Саввино-Сторожевском монастыре [24], почему название города связывали в XIX в. со звоном. Кроме того, сохранилось известие о замечательном звенигородском эхе близ бывшего соляного магазина на валу: «Посетитель, разговаривая немного возвышенным голосом, слышит повторение своих слов с удивительной отчетливостью. Эхо как бы делает круг, взлетая кверху, идет к Москве-реке и опять возвращается к посетителю» [35, с. 2].

Оценивая эту этимологию как ненадежную, следует иметь в виду, что подавляющее большинство древнерусских городов выполняло оборонительные функции, и непонятно, почему названия именно южнорусских городов и подмосковного *Звенигорода* нужно ассоциировать с таким ратным звоном. При осмыслении этих топонимов не следует исключать влияние народной

этимологии: например, в смоленских говорах *звонкая погода* — «сухая погода, когда эхо звучит лучше». А. М. Селищев кратко и без аргументации указывал, что подмосковный *Звенигород* назван так по укреплению [25, с. 66].

Е. М. Поспелов сообщает еще об одной гипотезе, согласно которой топоним мог быть образован от основы древнерусских личных имен типа *Звенислав, Звенимир*. По оценке академика О. Н. Трубачева, «название *Звенигород*, действительно, как бы копирует однотипные славянские антропонимы <...> древнего вида <...>» [14, с. 127; 15, с. 36]. Однако остается неизвестным, по имени какого же князя мог быть назван подмосковный *Звенигород*, так как, например, ни в словаре Н. М. Туликова, ни в «Ономастиконе» С. Б. Веселовского не зафиксировано личных имен с основой *Звени-*, а представлены только поздние имена, датируемые концом XV в. — началом XVII в.: *Звенец* (князь Иван Иванович Звенигородский), *Звонило, Звониха, Звонко* [34, с. 215–216; 4, с. 121].

Бесспорно, что название подмосковного *Звенигорода*, как и рассмотренные выше названия южнорусских городов, образованы по древнему славянскому типу (ср. др.-польск. *Żmigród* < *zvъni-gordъ* в бывшей Галиции, болг. *Звенѣгород*). В частности, в Вологодско-Пермской летописи встречаем слово *город гуляй* (гуляй-город) как обозначение подвижной оборонительной ограды из щитов. К данному словообразовательному типу относится и название районного центра Запорожской области Украины г. *Гуляйполе*, основанного как военная слобода в конце XVIII в. Отдельные реликты этой словообразовательной модели представлены в современном употреблении: *спасибо(г), сорвиголовы, держидерево, держиморда*.

Наиболее вероятной и убедительной, на наш взгляд, следует считать гидрографическую версию происхождения подмосковного топонима *Звенигород*. Как известно, во многих случаях древнерусские города получали свои имена по названиям рек, на которых они «ставились», или по особенностям гидро-рельефа местности. Звонкий, шумный характер течения древних рек вполне мог отразиться в названиях городов, что хорошо согласуется с предметно-конкретным мышлением наших далеких предков.

Подмосковный *Звенигород* располагался в древности на территории гидрографически достаточно насыщенной, причем течение Москвы-реки здесь особенно извилисто. И в настоящее время в Звенигородском крае протекает более ста рек, речек и ручьев. Большинство южнорусских *Звенигородов* также сосредоточено в речном бассейне, и «звонкий корень» широко прослеживается в названиях днестровских притоков. Например, *Звинѣнный* (в верховьях Днестра, здесь Днестр — *горная!* река), *Дзвонѣц, Дзвинѣч, Звѣняч, Звинѣчка, Дзвинѣчка*; река и город *Звенигородка* (Черкасская область, бассейн р. Гнилой Тикич); *Быстрица*, на которой стоит Ивано-Франковск. Аналогичные названия — в бассейне Южного Буга: *Дзвонѣха (Звенюха, Звониха), Дзвинѣнѣ*. Встречаются гидронимы с корнем *Звен-* и в бассейне Оки: *Звенячей Колодезь, Звеной, Звеняка* и т. п. [27, с. 170, 210; 28, с. 16, 72, 171] (ср. также название четвертого днепровского порога *Звонец* или *Звонкий* [10, с. 46–47, 323; 36, с. 598] и литературный шолоховский топоним *Гремячий Лог*).

Таким образом, название подмосковного *Звенигорода* оказалось достаточно сложным для этимологической интерпретации именно ввиду его обманчивой прозрачности, и можно надеяться, что новые исследования дополнят или уточнят наши рассуждения об этимологии этого топонима.

Литература

1. Архив Юго-Западной России... — Киев, 1886. — Ч. 7. — Т. 1.
2. Боровкова С. Н. Заповедная звенигородская земля. — М., 1982.
3. Бояр О. П., Данилова Е. Н., Краснов Н. А. Звенигород // Города Подмосковья. — М., 1981. — Кн. 3.
4. Веселовский С. Б. Ономастикон. — М., 1974.
5. В. Р. История бывших княжеств Теребовльского и Звенигородского // Журнал Министерства нар. просвещ. — 1838. — Ч. 19. — № 7.
6. Даль В. И. [Рец.] Опыт Областного Великорусского Словаря, изд. II отд. Имп. АН // Вестник Русск. геогр. об-ва. — 1852. — Ч. 6. — Кн. 1. — Отд. 4 (воспроизведено в начале 1-го тома «Толкового словаря...»).
7. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. — М.; Л., 1950.
8. Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі — Київ, 1985.
9. Звенигород за шесть столетий. — М., 1998.
10. Константин Бягяногородный. Об управлении империей. — М., 1989.
11. Краснов Ю. А., Краснов Н. А. Топография древнего Звенигорода по археологическим данным // Сов. археология. — 1961. — № 1.
12. Лихачев Д. С. Повесть временных лет. — М.; Л., 1950. — Ч. 2.
13. Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. — М., 1983.
14. Пospelов Е. М. Звенигород // Русская ономастика и ономастика России. — М., 1994.
15. Пospelов Е. М. Названия городов и сел. — М., 1996.
16. ПСРЛ. — СПб., 1846. — Т. 1.
17. ПСРЛ. — СПб., 1908. — Т. 2.
18. ПСРЛ. — М.; Л., 1949. — Т. 25.
19. Радянська енциклопедія історії України. — Київ, 1970. — Т. 2.
20. Ратич О. Древньоруські архіологічні пам'ятки на території західних областей УРСР. — Львів, 1957 (см. карту-вклейку).
21. Ратич А. А. Древнерусские городища в Судовой Вишне (Львовская обл. УССР) // Тезисы докл. сов. делегации на I Междунар. конгр. славянск. археологии в Варшаве (сент. 1965). — М., 1965.
22. Ратич О. Місцезнаходження і топографія літописного Звенигорода // Мат-ли другої Подільск. іст.-краєзн. конф. — Львів, 1968.
23. Рыбаков Б. А. Раскопки в Звенигороде (1943–1945 гг.) // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. — М.; Л., 1949. — № 12.
24. Саввино-Сторожевский монастырь. Фотоальбом. — М., 1998.
25. Селищев А. М. Из старой и новой топонимии / Избр. тр. — М., 1968.
26. Советская историческая энциклопедия. — М., 1964. — Т. 5.
27. Словник гідронімів України. — Київ, 1979.
28. Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. — М., 1976.
29. Татищев Г. Н. История Российская / Собр. соч.: В 8 т. — М., 1995. — Т. 3. — Ч. 2.
30. Тихомиров М. Н. Древнерусские города // Уч. зап. МГУ. — М., 1946. — Вып. 99.
31. Тихомиров М. Н. Список русских городов дальних и ближних // Ист. записки. — М., 1952. — Т. 40.
32. Тихомиров М. Н. Древнерусские города. — М., 1956 (ср. также изд. 1946 г.).
33. Тихомиров М. Н. Русское летописание. — М., 1979.
34. Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен // Записки отд. русск. и славянск. археологии Имп. Русск. археол. об-ва. — СПб., 1903. — Т. 6.
35. Холмогоровы В. и Г. И. Город Звенигород. Ист. очерк. — М., 1884.
36. Щекатов А. Словарь географический Российского государства... — М., 1804. — Ч. 2.

Город на Каме, где — не знаем сами...

Города, как и люди, имеют свою судьбу. При рождении они нарекаются именами, болезненно реагируют на переименования, живут, работают, получают заслуженные и незаслуженные награды, скромно или помпезно отмечают дни рождения, умирают, оставляя о себе добрую или недобрую память. Выбор имени для города никогда не бывает случайным: как справедливо заметил поэт Е. Евтушенко, «судьба имен — сама судьба времен». В связи с этим и модели, по которым образуются названия городов, могут существенно отличаться по степени продуктивности в разные эпохи. Среди разнообразных топонимических моделей наше внимание привлекла модель *город-на-реке*, реализованная в таких привычных современных названиях, как *Ростов-на-Дону*, *Комсомольск-на-Амуре* и т. п. Как же она возникла, какова ее история?

В повести М. Горького «Детство» есть интересный пассаж, касающийся реальных событий 1879 г. Один из приятелей Алеши Пешкова татарчонок Хаби забыл название города, из которого его привез дядя в Нижний Новгород. Он помнил только, что город стоит на Каме, близко от Волги. Друзей почему-то смешил этот безымянный неведомый город, и они дразнили Хаби, распевая:

Город на Каме,
Где — не знаем сами!
Не достать руками,
Не дойти ногами! [3, с. 381].

Примечательно, что в этом примере фигурирует не просто безымянный город — важно, что он именно на Каме, а не на другой реке. Данное обстоятельство должно, по-видимому, указывать на важную ориентирующую функцию рек при номинации возникавших на них городов. Чтобы доказать это, обратимся к анализу собственно географических памятников русской письменности, имеющих особую ценность для топонимического историко-коведения в связи с тем, что они имеют картографическое происхождение и содержат географические сведения в концентрированном и достоверном виде. В этом плане значительный интерес представляют не только «Книга Большому Чертежу» и русские космографии XVI–XVII вв., но и памятники более раннего происхождения. К разряду последних принадлежит, в частности, уже упоминавшийся список русских городов, известный в оригинале под названием «А се имена всем градом руским далним и ближним». Он помещен в Археографическом списке Новгородской I летописи младшего извода (список XIII–XIV вв.) [5, с. 475–477], а также в вариантах — в ряде летописей и сборников XVI–XVII вв.

«Список русских городов» привлекает внимание историков начиная с XIX в. Специально и наиболее полно его исследовал академик М. Н. Тихомиров, определивший местоположение 304-х городов из общего числа 358-ти и датирующий «Список...» концом XIV в. [7, с. 214–259]. Следует обратить внимание на вполне реальное предположение М. Н. Тихомирова о том, что «Список...» первоначально мог сопровождаться чертежом (картой). В пользу такого

предположения свидетельствует порядок перечисления городов с юга на север — древнерусские чертежи были ориентированы именно так. В перечислении каждой из групп городов прослеживается определенная закономерность. Например, города киевские описаны в такой последовательности: собственно киевские города, города черниговские и города, расположенные по Припяти и среднему течению Днепра. Этот порядок, вероятно, обусловлен тем, что безымянный составитель «Списка...» мог опираться на гидрографическую сеть чертежа, позволявшую перечислять города целыми группами, ориентируясь по течению рек [8, с. 89–90].

Из общего числа 358-ти названий городов, представленных в «Списке...», по реке названо 63 города, за исключением названий подольских или польских городов, в которых номинация по реке вообще отсутствует. Интересующая нас топонимическая модель реализуется в двух разновидностях: *на-реке-город* и *город-на-реке*, т. е. в составе таких топонимов гидроним мог выступать как в препозиции, так и в постпозиции. Например, в составе киевских городов указаны *на Десне Чернигов* и *Куреск на Тускоре*. Примечательно, что вторая разновидность явно преобладает над первой: 41 топоним против 22. В составе названий литовских и смоленских городов модель *на-реке-город* вообще не представлена. Напротив, модель *город-на-реке* прослеживается во всех названиях городов, за исключением подольских или польских, а в составе названий волыньских, рязанских и залесских городов отчетливо преобладает.

Можно сделать вывод о том, что к концу XIV в. в результате лексикализации словосочетаний с компонентами *топоним + предлог + гидроним* в русской топонимии формируется модель *город-на-реке*. Эта модель отражает ориентирующую функцию рек как важных объектов гидрографии, играющих существенную роль в жизни человека с древнейших времен. Постепенному закреплению модели могли способствовать следующие факторы.

Во-первых, вполне очевидно, что названия рек древнее названий городов, на которых города «ставились», а следовательно, гидронимы более известны на момент номинации. Поэтому оказывалось практически удобным именовать город по реке в целях быстрого определения его местонахождения. Так реализовывалась первая, по-видимому, более древняя разновидность топонимической модели: *на-реке-город*, например, *на Ворскле Хотмышль*, *на Днепре Канев* и т. д.

Во-вторых, постепенное преобладание второй разновидности модели — *город-на-реке* — обусловлено не менее важной практической потребностью в разграничении омонимичных топонимов, обозначавших одноименные города, расположенные на разных реках. В названном «Списке...», например, из корпуса литовских городов представлены *Стародуб на Лане*, *Городец на Немне* (Немане), а из корпуса залесских городов — *Стародуб на Клязьме*, *на Молозе Городец*. Кроме того, препозиция названия города в данной топонимической модели могла отражать рост и развитие русских городов, их важный социально-политический и экономический статус в общей системе поселений.

Анализируемая модель прослеживается и в русской топонимии XVII в., причем явно преобладает ее вторая разновидность. Так, в «Книге Большому Чертежу» читаем: «...град Москва на реке Москве»; «А Серпухов стоит на реке на Наре»; «Новгород Великий на реке Волхове»; «...на Оке город Павлов» [4, с. 55, 56, 180, 124]. В одной из космографии конца XVII в. эта модель использована для номинации двух немецких городов: *Франккурть надъ Мане-мь* (Франкфурт-на-Майне, в отличие от Франкфурта-на-Одере) и *Келно надъ*

Ренемь (Кёльн-на-Рейне) [6, с. 512]. С конца XVIII в. в русской топонимии прослеживается снижение продуктивности данной модели. Пожалуй, единичным примером исключения может служить название города *Ростова-на-Дону*, основанного в 1749 г. и получившего статус города в 1796 г., — он назван так в отличие от *Ростова-Великого* (*Ростова-Ярославского*). В XIX в. примеры топонимических образований по указанной модели нам неизвестны, хотя в древнем народно-поэтическом сознании модель продолжала сохраняться, доказательством чему является вышеприведенный фрагмент из повести «Детство». Вспомним также, что 3-я часть «Былого и дум» А. И. Герцена называется «Владимир-на-Клязьме».

Некоторая активизация модели *город-на-реке* наблюдается с начала XX в. В частности, современный *Николаевск-на-Амуре*, известный как торговый пункт с 1852 г., был преобразован в город *Николаевск* в 1856 г., а в 1926 г. вторично утвержден, но в форме *Николаевск-на-Амуре*, в отличие от прочих топонимов с основой *Николаевск*. Аналогичную форму имеет название города *Камень-на-Оби*, существовавшего как городское поселение с 1915 г. и вторично преобразованного в город в 1925 г. Форма топонима *Комсомольск-на-Амуре* (город основан в 1932 г. на месте села Пермское) также показывает отличие от прочих топонимов с основой *Комсомольск*.

За последние десятилетия по данной модели образовано всего лишь несколько топонимов — это поселки городского типа: *Красное-на-Волге* (Костромская область), *Комсомольск-на-Устьурте* (Каракалпакия, — причем Устьурт не река, а плато), *Никольское-на-Черемшане* (Ульяновская область) и города: *Калач-на-Дону* (в отличие от города *Калача* Воронежской области), *Славянск-на-Кубани* (Краснодарский край). Сюда же отнесем название основанного в 1979 г. заповедника в Белгородской области — «*Лес на Ворскле*». Слабая продуктивность модели в этот период объясняется в первую очередь причинами социально-экономического и политического характера. Новые города на реках за последние полвека в России не возводились, напротив, обозначился резкий рост новых городов и поселков городского типа — спутников старых городов, что способствовало формированию своеобразных мегаполисов. Нам уже приходилось писать о том, что за период с 1920 г. по 1974 г. возникло более ста новых названий городов и поселков городского типа, причем половину из них составляют топонимы с препозитивным компонентом *Ново-* (типа *Новополоцк*), присвоенные городским поселениям преимущественно в 50–60-е годы XX вв. [2, с. 102–106].

Топонимическая модель с компонентом *Ново-* могла способствовать вытеснению модели *город-на-реке* из активного употребления. Следует также учесть действие закона экономии речевых средств: ведь однословные топонимы удобнее многословных. Кроме того, в отечественной и зарубежной картографической практике существует правило, согласно которому на мелкомасштабных картах элемент *на-реке* в составе таких топонимов может быть опущен.

Некоторые случаи употребления топонимов рассмотренного типа в сокращенном виде свидетельствуют об изменении социально-политического и экономического статуса одноименных городов. Весьма показательно, что предложение *Он приехал из Ростова* вызывает у современных носителей русского языка в большинстве случаев ассоциацию именно с областным центром *Ростов-на-Дону*, а не с районным центром *Ростовом-Ярославским*. Тем не менее модель *город-на-реке* полностью не утрачена в русской топонимии, поскольку

для ограничительно-ориентационной квалификации топонима в условиях соответствующих контекстов именно эта модель, хотя и спорадически, способна адекватно раскрыть сущность топонима. (Ср.: село *Василёво* (неизвестно где) и село *Василёво-на-Волге* — родина В. П. Чкалова).

Примечательно, что рассмотренная модель продолжает сохранять свою актуальность в одной узкопрофессиональной сфере — в системе названий железнодорожных станций, для которой принципиально важным является адресно-ориентирующий характер топонимов, построенных по данной модели. Так, в «Алфавитном списке станций, открытых для контейнерных операций» встречаем ряд названий типа *Новгород-на-Волхове*, *Нахичевань-на-Араксе* [1].

Диахронически эта модель (не только с предлогом *-на-*, но и с другими предлогами) была активной и для образования названий церквей и монастырей, которые, впрочем, могли быть именованы как по рекам, так и по названию местности. Например, в «Книге Большому Чертежу» читаем: «*На Тускори* пустыня монастырь пречистые Богородицы курские»; «церковь пречистая Богородицы в *Солодчиках*» [4, с. 104, 65–66]. (Ср. также названия, сохранившиеся до наших дней и реставрируемые: церковь *Покрова на Нерли* во Владимир-Суздальской земле, а также названия церквей и храмов в пределах современной Москвы — церковь *Спаса-Преображения на Болвановке*, церковь *Георгия в Лучниках*, храм *Рождества Богородицы в Путинках* и мн. др.).

В отличие от современной русской топонимии, сохранившей незначительное количество названий, образованных по модели *город-на-реке*, намного больше таких названий обнаруживается в других славянских топонимических зонах, например, в чешской, и даже в неславянских (французской, немецкой, итальянской, испанской, румынской), что может свидетельствовать о генетической универсальности этой модели, отражающей общие закономерности человеческого мышления при номинации городов, расположенных на реках [9, с. 17–33].

Литература

1. Алфавитный список станций, открытых для контейнерных операций. — М., 1968.
2. Барандеев А. В. Новые названия на карте СССР // Русская речь. — 1977. — № 5.
3. Горький М. Собр. соч.: В 16 т. — М., 1979. — Т. 8.
4. Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. — М.; Л., 1950.
5. Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. — М.; Л., 1950.
6. Попов А. [Н.] Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. — М., 1869.
7. Тихомиров М. Н. Список русских городов дальних и ближних // Ист. записки. — М., 1952. — Т. 40.
8. Тихомиров М. Н. Русское летописание. — М., 1979.

* * *

9. Никонов В. А. Славянский топонимический тип // Вопросы географии. Сб. 58. Географические названия. — М., 1962.

Сергиев Посад

Этот город расположен на южном склоне Смоленско-Московской возвышенности в 71 км к северо-востоку от Москвы в живописной холмистой местности. Происхождение его названия восходит к глубокой древности и связано с именем *Сергия Радонежского*.

Согласно документам по истории русской церкви, Сергей родился в 1314 г. недалеко от Рostова-Великого в семье боярина Кирилла и его жены Марии. Когда Мария пришла в церковь к святой литургии и приступили к чтению Евангелия, младенец трижды прокричал в утробе матери, как бы объявляя о том, что он будет учеником Святой Троицы. При крещении ребенка нарекли именем Варфоломей. Его детство и юность прошли в посте и воздержании, он не играл со сверстниками, не участвовал в забавах, сторонился бездельников, сквернословов и насмешников. Юность Варфоломея совпала с временем жестоких княжеских междоусобиц, и поэтому его семья вместе с другими ростовскими семьями в 1330 г. переселилась в подмосковное село *Радонеж* — центр небольшого удельного княжества.

Вскоре старший сын Кирилла Стефан и самый младший Петр женились, а Варфоломей ухаживал за престарелыми родителями и стремился к иноческой жизни. В 1334 г. Кирилл и Мария постриглись в монахи в Хотькове и спустя три года скончались. Получив благословение родителей, Варфоломей твердо решил стать монахом, отрешившись от всего мирского и оставив брату Петру отцовское наследство. Вместе со старшим братом Стефаном, ставшим к тому времени монахом Покровского монастыря, Варфоломей отправился на поиски пустынного места, пригодного для отшельнической жизни.

Такое место было найдено в лесной чаще, у источника, на невысоком холме Маковец, где братья построили келью и срубили небольшую церковь, освященную во имя Святой Троицы. Так около 1345 г. (по другой датировке — в 1337 г.) к востоку от слияния рек *Кончура* (*Коншора*, *Коншюра*) и *Вондюга* стал формироваться *Троицкий монастырь*, названный впоследствии *Троице-Сергиевым*.

Не выдержав тягот пустынной жизни, Стефан ушел в Москву, в благоустроенный Богоявленский монастырь. Варфоломей остался один и в возрасте 23-х лет принял монашеский постриг под именем *Сергий*. Постепенно к Троицкому монастырю стали приходить другие монахи, избравшие путь иноческой жизни. Каждый из них строил для себя келью, колол дрова, носил воду, молотил жито, пек хлебы, следуя примеру своего наставника. В 1354 г. Сергей после неоднократных отказов, свидетельствующих о его скромности и простоте, «принял игуменство не по своей воле, но начальство было ему вручено Богом» [8, с. 55] — он официально был рукоположен в сан священника. В это же время в монастыре впервые в Северо-Восточной Руси был введен общежитийный устав: монахам запрещалось иметь что-либо свое — все было общим, и монастырская жизнь подчинялась единой дисциплине [10]. Духовное величие Сергия, его стремление отрешиться от всего суетного проявилось и в 1378 г., когда он отказался от предложения престарелого митрополита Алексия принять руководство Русской митрополией.

Сохранились сведения о большой объединительно-миротворческой деятельности Сергия, поддерживавшего стремление к собиранию русских земель и выступавшего посредником в предотвращении княжеских междоусобиц, в частности, между князем Дмитрием Ивановичем (Донским) и нижегородским князем Олегом Рязанским. Велик был авторитет Троицкого монастыря и его духовного лидера в идеолого-патриотической подготовке Куликовской битвы 1380 г. Известно, что перед битвой князь Дмитрий Иванович приезжал к Сергию за благословением и получил его. Вместе с князем в поход против монголо-татар отправились по указанию Сергия два троицких инок: Александр Пересвет и Родион Ослябя, принявшие участие в битве на поле Куликовом. Возвратившись с победой, Дмитрий Донской посетил Сергия и благодарил его и братию за благой совет и молитвы.

25 сентября 1392 г. Сергей скончался и был погребен в деревянной Троицкой церкви, завещав монашескому братству «непреткновенно пребывать в православии, хранить единомыслие друг с другом, блюсти душевную и телесную чистоту и нелицемерную любовь...» [8, с. 112].

Уже при жизни Сергия Троицкий монастырь стал духовным и культурным центром Московской Руси. В XIV в. в монастыре развивалось иконописное дело, возник игрушечный промысел, литейное и деревообрабатывающие ремесла, а с XV в. — летописание. Здесь создавали свои труды древнерусские книжники: троицкий монах и ученик Сергия Епифаний Премудрый, написавший в 1417–1418 гг. «Житие» Сергия, которое мы цитировали выше; Пахомий Логофет, Максим Грек, Авраамий Палицын и др. В 1422 г. преподобный Сергей был официально канонизирован, тогда же в память о нем заново построили белокаменный Троицкий собор, для украшения которого иконами и фресками прибыли Андрей Рублев и Даниил Черный, работавшие вместе с другими московскими иконописцами. Образ самого Сергия получил широкое отражение в древнерусском искусстве и литературе [4; 7; 17].

В течение XIV–XV вв. окрестности Троицкого монастыря продолжали заселяться. Вокруг Троицкого собора и монашеских келий формируются первые села, ставшие основой будущего города. Наиболее древним и самым крупным являлось село *Клементьево*, возникшее к югу от монастыря в середине XIV в. и пожалованное ему в начале XV в. радонежским князем Андреем Владимировичем. Благодаря расположению села на середине дороги Москва — Переяславль-Залесский занятия его жителей приобретали преимущественно торгово-промышленный характер. Память об этом селе отражена в названии современной *Клементьевской улицы*.

Второе село, *Панино*, находилось западнее монастыря и просуществовало вплоть до XVII в., когда сгорело в результате польского нашествия. Старое название села сохранялось в названии *Подпанинской улицы* до начала XX в.

Третье древнее село, *Кокуево*, возникло севернее монастыря. В конце XVIII в. одна часть села вошла в состав города, а другая сохраняла свой сельский статус под именем *Кокуевской слободы* до XX в. и отражена в старом названии улицы — *Кокуевская* [23, с. 236–238; 18, с. 20–23].

Название самого монастыря встречаем в полуоформленном виде в Московском летописном своде конца XV в.: «церковь святых Троицы» [16, с. 265].

В 40–50-х годах XVI в. началась перестройка Троицкого монастыря, чему способствовали богатые пожалования и вклады в монастырскую казну, а также доходы от монастырской торговли. Территория монастыря была существенно

расширена, что позволило построить деревянный дворец для Ивана Грозного и заложить пятиглавый Успенский собор. Монастырь был окружен массивной каменной стеной высотой до 6 м с 11 башнями и тем самым становился важным оборонительным пунктом на подступах к Москве. XVI в. — время культурного и экономического расцвета монастыря и прилегавших к нему сел и слобод, в которых жили иконописцы, книгописцы, торговые и мастерские люди разных специальностей, крестьяне. Показательно, что «к концу XVI в. на землях, которыми владел Троице-Сергиев монастырь, насчитывалось свыше 2780 поселений» [13, с. 183].

В памятниках письменности русского языка конца XVI — середины XVII в. название монастыря представлено в нескольких вариантах: *Троицы Сергиев*, *Троицы Сергеев*, *Троецкий Сергиев*, *Троицкий Сергиев*, *Троицкой Сергиев*, *Троицын Сергиев*, *Троцкий* [9, с. 57–59, 83, 176, 177, 193]. Сходную ситуацию наблюдаем в «Книге Большому Чертежу»: *Троицы Сергеев*, *Троицы Сергиев* [11, с. 126, 166]. Несмотря на вариативность формы названия, оно отражает принадлежность монастыря его основателю и Святой Троице.

В 1608–1610 годах монастырь стойко держал оборону от многотысячных отрядов польско-литовских интервентов под командованием А. Лисовского и Я. Сапеги, которых привлекало важное военно-стратегическое положение монастыря и его богатство. Монастырь героически обороняли сами монахи, отряд царских ратников, крестьяне из разоренного села Клементьева и окрестных монастырских сел. Защитники смогли продержаться до прихода войск под командованием М. В. Скопина-Шуйского, и 12 января 1610 г. осада была снята — остатки захватчиков бежали к Дмитрову. Эти события военного лихолетья отражены в «Сказании» Авраамия Палицына, в отдельных главах (с 7-й по 52-ю), написанных не позднее 1617 г. Это сочинение, известное почти в 100 списках, было очень популярным в литературе XVII–XVIII вв. [19; 14].

В результате интервенции монастырь и его окрестности сильно пострадали: были повреждены крепостные стены и башни, сгорело много хозяйственных построек, перестали существовать сельские угодья, перекопанные оборонительными сооружениями. Однако после мирного договора, заключенного между Россией и Польшей 1 декабря 1618 г. в селе Деулино, монастырь стал быстро возрождаться. Вместо сгоревших деревянных келий возводились каменные корпуса, крепостные стены выросли почти вдвое в высоту и ширину. Вокруг монастыря формируются новые слободы, сами названия которых указывают на род занятий их жителей: *Иконная*, *Поварская*, *Пушкарская*, *Стрелецкая*, *Конюшенная*, *Тележная*, *Служная*.

К середине XVII в. Троице-Сергиев монастырь с прилегающими к нему со всех сторон слободами представлял собой поселение городского типа, которое в древнерусском языке с XIII в. называлось *посадам*. И. И. Срезневский в «Словаре древнерусского языка» трактует *посад* как «поселенье; предгорье, предместье» [21, стб. 1228]. Обширные сведения об этом слове приводит В. И. Даль: «Посад, оседлое поселенье вне города либо крепости; слобода, слободка, предместье...; || *сев.* вообще город, не село, не деревня. *Он живет на посаде*, в городе. *Во всяком посаде в своем наряде*. || Местечко, торговое селенье, где жители мещане и управляются головой и ратушей» [6, с. 328]. Современная историко-лексикологическая сущность слова *посад* раскрыта в «Словаре русского языка XI–XVII вв.»: «торгово-ремесленная часть русских городов, расположенная вне крепости» [20, с. 149]. Таким и был *Троицкий посад*

в середине XVII в., причем «по числу дворов, количеству взрослого мужского населения, которое значительно превышало тысячу человек, [он] <...> оставил далеко позади такие средней величины посады, как Псков, Ростов, Дмитров, Переяславль-Залесский» [18, с. 39].

Политические события в жизни России конца XVII в. непосредственно коснулись Троице-Сергиева монастыря. В нем осенью 1682 г. спасался от хованщины молодой Пётр I вместе с братом Иваном и сестрой Софьей, а осенью 1689 г. Петру I пришлось здесь же укрываться от злых умыслов царевны Софьи. В это время в монастыре продолжают архитектурно-строительные работы: возводятся здания Трапезной палаты и царских Чертогов, расписывается Успенский собор. Монастырь продолжает оставаться центром иконописного и книжного дела.

К середине XVIII в. Троице-Сергиев монастырь укрепил свое экономическое могущество и духовно-политический авторитет. Активно развивалась монастырская торговля, разрастались посадские слободы, продолжалось строительство. Важным событием в жизни монастыря стал указ императрицы Елизаветы Петровны от 8 июня 1744 г. о присвоении ему статуса *Лавры* [5; 22]. Однако после государственной описи всех монастырских земель последовал указ Екатерины II (1764) об отторжении от Лавры вотчинных владений и населения слобод. Затем в рамках проводившейся тогда губернской реформы Российская империя была разделена на 50 губерний с более чем 200 городами, и посад приобрел официальное положение городского поселения сформировавшейся Московской губернии. В именном указе Екатерины II Сенату от 22 марта 1782 г. говорилось: «Живущим в слободах ведомства Коллегии Экономии, близ Свято-Троицкой Сергиевской Лавры лежащих, непахотным жителям, производящим торги и ремесла, позволить записаться по желаниям их в купечество и мещанство, учредя для них *посад*, под именем *Сергиевской*, и в нем ратушу <...>» [15, с. 442].

Так это городское поселение получило свое официальное название — *посад Сергиевской* — по модели, представленной в топонимии названиями типа *Павловский Посад* (Московская область), *Гаврилов Посад* (Ивановская область), *Мариинский Посад* (Чувашия).

В конце XVIII–XIX вв. *Сергиевский посад* продолжал интенсивно развиваться, переживая пожары и перепланировки, события Отечественной войны 1812 г., строительство Московско-Ярославской железной дороги, и в 70-х годах XIX в. стал полноценным городом в современном понимании. Но он оставался безуездным городом по отношению к своему уездному центру — г. Дмитрову, хотя последний значительно уступал ему по числу домовладельцев, торговых и ремесленных заведений, бюджету и др. Показательно, что в конце 50-х годов XIX в. *Сергиевский посад* занимал первое место в Московской губернии по количеству населения. В 1880 и 1890 годах городская Дума и жители обращались в соответствующие инстанции с ходатайством об отделении от Дмитрова и превращении *Сергиевского посада* в уездный город. Эти просьбы удовлетворены не были, как и сопутствующее предложение переименовать город в *Радонеж* в память о преподобном Сергии.

В начале XX в. *Сергиевский посад* вместе с другими российскими городами испытал идеолого-политические потрясения, которые отразились и на изменении формы его названия. В августе 1919 г. уездный съезд Советов г. Дмитрова принял постановление о выделении *Сергиевского посада* и прилегающих к нему

волостей в самостоятельный уезд. В октябре 1919 г. Московский губисполком постановил образовать *Сергиевский район*, включавший пять волостей, а сам город получил новую форму названия — *Сергиев*. Закрепление этой формы может свидетельствовать о проявлении принципа (закона) экзонимии речевых средств, поскольку название *Сергиев* короче, а поэтому «удобнее» *Сергиевского посада*, и продолжает непосредственно соотноситься с именем Сергия.

Последнее обстоятельство не могло остаться незамеченным для официальных органов власти. В контексте проводившейся тогда атеистической пропаганды г. *Сергиев* параллельно с двумя другими религиозными топонимами Подмоскovie — *Воскресенском* (современный г. Истра) и *Богородском* (современный г. Ногинск) — был переименован в 1930 г. в г. *Загорск*. Это название дано по псевдониму погибшего в 1919 г. первого секретаря МК РКП(б) В. М. Лубощего — *Загорский*. Новый топоним, несмотря на свой мемориально-политический характер, удачно соответствовал русской топонимической модели: *За-гор-ск* (ср. *Задонск*, *Зареченск*, *Приозерск* и т. п.) и поэтому в широком бытовом употреблении осмысливался как префиксально-суффиксальное образование от географического термина *гора*. Этот город действительно расположен в холмистой местности, и его название нередко трактовали даже в научной литературе как «город, расположенный за горами, на горах», что, конечно же, следует квалифицировать лишь как проявление народной этимологии [2, с. 94].

В 1991 г. городу было возвращено исконное историческое название — *Сергиев Посад*. В связи с тем, что термин *посад* по современным представлениям является «ложным», не отражая специфики населенного пункта (это *город*, а не *посад*), в составе подобных названий его следует писать с прописной буквы [1, с. 34–35].

Практически сложнее обстоит дело с написанием производных от этого топонима. Согласно действующим орфографическим установкам, прилагательные и существительные, образованные от двухкомпонентных топонимов этого типа, пишутся слитно, поскольку их основы соединены интерфиксом *-б-* и первая основа не осложнена суффиксом: *сергиевпосадский*, *сергиевпосадцы*. Однако практика печати свидетельствует о том, что при оформлении таких производных сталкиваются интересы пишущего (для которого удобнее слитное написание, без отрыва руки) и читающего (для восприятия которого удобнее «опорное», дефисное написание). Доказательством тому может служить хотя бы следующий факт: при въезде в Ярославского шоссе в этот район Подмоскovie на стеле название района дано в дефисном написании — *Сергиево-Посадский*. Тем не менее, чтобы не расшатывать сложившиеся правила, для рассмотренных производных следует рекомендовать слитное написание [12, с. 418; 3, с. 709 (п. 6)].

Такова история названия этого духовного центра нашего Отечества, города-воина, города-труженика, прекрасной жемчужины в «Золотом кольце» России.

Литература

1. Барандеев А. В. Трудные случаи правописания географических названий. — М., 1989.
2. Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания (ономастика). — Киев, 1972.
3. Букчина Б. З. Слитно? Раздельно? Через дефис? Орфографический словарь русского языка. — М., 1998.

4. Верховская Е. А. Образ Сергия Радонежского в предисловиях Епифания Премудрого и Симона Азарьина (к 600-летию со дня смерти Сергия Радонежского) // Герменевтика древнерусской литературы X–XVI вв. — М., 1992. — Сб. 3.
5. Голубцов С. Троице-Сергиева Лавра за последние сто лет. — М., 1998.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1955. — Т. 3.
7. Древнерусское искусство: Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв. — СПб., 1998.
8. Житие и чудеса преподобного Сергия, игумена Радонежского... — М., 1997.
9. Законодат. акты Русск. гос-ва второй пол. XVI – первой пол. XVII в. — Л., 1986.
10. История православного монашества в Северо-Восточной России со времен преп. Сергия Радонежского. — М., 1999.
11. Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербинной. — М.; Л., 1950.
12. Левашов Е. А. Словарь прилагательных от географических названий. — М., 1986.
13. Локшин А. Е., Плагин В. А. Загорск // Города Подмосквья. — М., 1980. — Кн. 2.
14. Памятники литературы древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. — Л., 1987.
15. Полное собр. законов Российск. империи. — СПб., 1830. — Т. 21.
16. ПСРЛ. — М.; Л., 1949. — Т. 25.
17. Святой Сергей Радонежский. — СПб., 1999.
18. Сергиев Посад. Страницы истории. XIV – начало XX века. — М., 1997.
19. Сказание Авраамия Палицына. — М.; Л., 1955.
20. Словарь русского языка XI–XVII вв. — М., 1991. — Вып. 17.
21. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. — М., 1989. — Т. 2. — Ч. 2.
22. Троице-Сергиева Лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Мат-лы Междунар. конф. 29 сент. — 1 окт. 1998 г. — М., 2000.
23. Чернов С. З. Топонимия Радонежской земли // Русская ономастика и ономастика России. — М., 1994.

До Входа доезжаем...

Этот город расположен на южных склонах Клинско-Дмитровской гряды, в 29 км к северо-западу от Москвы, в Химкинском районе Московской области. На первый взгляд может показаться, что г. *Сходня* сразу получил свое название от протекающей через него р. *Сходни*. Она берет начало северо-западнее г. Зеленограда, у населенного пункта Алабушево, и является левым притоком р. Москвы, имея общую длину 47 км, а в пределах г. Москвы — 5 км. Действительно, многие города наследовали имена рек, на которых они в древности «ставились», — это достаточно регулярно проявляющаяся топонимическая закономерность. Однако название нашего города формировалось поэтапно. В 1870 г. по названию р. *Сходня* был именован полустанок открытой в 1851 г. Николаевской (ныне Октябрьской) железной дороги. Затем название *Сходня* перешло к возникшему рядом с полустанком поселку, объединившему близлежащие села и деревни, и, наконец, так стал называться г. *Сходня*, получив свой статус в 1961 г. Становится ясно, что название города, хотя и опосредованно, восходит к гидрониму *Сходня*. Каково же его происхождение? Как свидетельствуют археологические разыскания, северо-западный регион Подмосквья стал осваиваться и заселяться с эпохи древнего каменного века (палеолита) — более двух миллионов лет назад. К эпохе нового каменного века (неолита) относится стоянка, обнаруженная у села Лялово на Клязьме. «Здесь, на берегу некогда существовавшего <...> озера (ныне превратившегося в торфяник), на настилах из жердей стояли шалаши, в которых жили люди» [8, с. 9–10]. Остатки аналогичной стоянки льяловского типа найдены в Шукине на левом берегу Москвы-реки в устье речки Химки.

Территория, занимаемая современным г. *Сходней*, в древности представляла собой огромный лесной массив. Однако, судя по памятникам письменности 70-х гг. XVI в., к этому времени она в значительной степени была уже заселена, в отличие от менее плотно заселенных земель выше и ниже по течению Москвы-реки. К наиболее крупным поселениям принадлежали деревни *Елки на р. Входе*, *Окатьева на р. Входе* (впоследствии санаторий им. Артёма), *Морщеихино (Морщиихино)* на р. Горетовке и др. На периферии современного города располагались древние села *Черкизово*, *Поярково (Рождествено)*, *Спасское (Середниково)* и селыца *Верескино*, *Назарьево*, *Пикино (Пекино)*, *Подольное (Подolino)* и др. По своей форме эти топонимы являются владельческими — отражают личные имена и фамилии владельцев данных поселений в XIV–XV вв. [13, с. 60–61, 167–172]. В XIV в. сходненскими поселениями владел знатный боярин Родион Нестеров, поступивший на службу к Ивану Калите с Украины. Его земли унаследовал сын, Иван Родионович Квашня, который прославился участием в Куликовской битве 1380 г. (командовал Коломенским полком), занимая лидирующее положение среди воевод Дмитрия Донского. По мнению историков, наиболее древним является село *Черкизово*, которым во 2-й половине XIV в. владел царевич Большой орды Иван Серкиз (Черкиз), приехавший на московскую службу при Дмитрии Донском. Во 2-й половине XVI в. *Черкизово*, *Елки*, *Окатьева*, *Морщеихино* и другие поселения были во владении

царевича Ивана Ивановича, сына Ивана IV, а впоследствии принадлежали его вдове — царице Леониде.

В памятниках письменности русского языка топонимы с основой *Всход-* прослеживаются с начала XV в. Например, в «Духовной грамоте (1401–1402 гг.) князя серпуховского и боровского Владимира Андреевича» читаем: «А изъ уделов детей моих подавал есмь княгине своей: изю князя удела Иванова Всходское село з деревнями <...>». В духовной грамоте (1433 г.) его вдовы, княгини Елены Ольгердовны, сказано: «А внука своего благословляю, князя Василья Ярославича, селы Омутцкым, *Всходскимъ* <...>» [5, с. 48, 72]. Интересующий нас гидроним представлен, по-видимому, в «Грамоте великого князя Ивана Васильевича князю Борису Васильевичу» (1473 г.): «А чем, брате, тобя благословил отець мой <...>, Ржевою с волостми, да *Волоком* с волостми, и с мытом с Воиничским, что у *Спаса на Всходне* <...>» [5, с. 226, 228, 230, 250]. В Симеоновской летописи, созданной на рубеже XV–XVI вв., гидроним фигурирует в записи 1390 г., повествующей о кончине вышеупомянутого боярина Квашни: «<...> Преставися раб божиИ Иван Родионовичъ <...> и положен бысть у святого Спаса в монастыри, иже на *Всходне*» [15, с. 140]. В целом материал памятников письменности указывает на широкое варьирование формы гидронима: «*Всходня, Всходня, Входня* и даже *Выходня*. Аналогичная ситуация наблюдается в трудах историков начиная с Н. М. Карамзина, у которого встречаем формы *Восходня* и *Всходня*» [9].

Гидроним *Всходня* обнаруживает несомненную словообразовательно-семантическую связь с основой нарицательного существительного *всходь*-. Она широко представлена в древнерусском языке в составе ряда производных образований, имела обширный комплекс значений, связанных с восхождением, подъемом, возвышенностью, а также с устройством для восхождения наверх (лестницей) или с местом, где куда-либо входят. Употребление слов с данной основой прослеживается по памятникам письменности уже с XII в. Например, в сборнике нравоучительного содержания «Златоструй» *всходь* — «ступень лестницы»: «Яко же бо и при лествици пьрвыи *всходь* есть, еже вьступати от земля, тако иже по божию повелению жити мыслить, то начало ему будеть, еже отлучити ся от злыа». А в памятнике XVII в. читаем: «Да старую *лестницу*, которою *всходять* в Столовую полату, переделалъ вновь» [16, с. 69]. Более древнюю фиксацию слова *всходь* отражают памятники письменности старославянского языка. Так, в Супрасльской рукописи, самом большом по объему старославянском памятнике, восходящем к тексту X в., это слово известно в значении «дорога, ведущая вверх; склон горы» [21, с. 157]. И. И. Срезневский наряду с другими значениями выделил у слова *всходь* значение «лестница» с опорой на доказательный пример из Лаврентьевской летописи (список 1377 г.): «И выломиша ворота, и вшедше въ дворъ, узреша Игоря на сенехъ, и разбиша сени о немъ, и сомчаша и съ сении и ту убиша и конецъ *всходь*». А слово *сходь* (*сохода*) трактуется как «спуск, движение вниз» [20].

Судя по квалификации слова *всходня* — «лестница» в «Словаре русского языка XVIII в.» [18, с. 172, 100], оно к этому времени утрачивало былую активность своего употребления в книжно-письменной разновидности русского языка, и однокоренное существительное *всходы* — «ступени» испытало ту же судьбу. Напротив, в народном языке слово *всходня* сохранялось, поскольку обозначало повседневно важную бытовую реалию «транспортного» назначения. Не случайно поэтому в словаре В. И. Даля интересующую нас лексему

находим в пространной словарной статье к слову *восходить* — «идти на высоту, подыматься, подвигаться кверху; возноситься». Примечательно, что все слова, входящие в данное словообразовательное гнездо, не содержат никаких помет относительно диалектных зон их бытования. Такая квалификация слов указывает на общерусский характер их распространения, в том числе и лексем *всходня, всходнушка* — «доска с набитыми поперек брусочками, вместо лестницы; она же *сходня*» [4, с. 252]. Последнее слово в результате утраты начального [в] приобретало современный вид.

Материал изученных к настоящему времени говоров русского языка отражает бытование слова *сходня* именно в такой форме, причем как в единственном, так и во множественном числе в различных регионах с присущими слову семантическими отличиями. Так, в новгородских говорах *сходни* и *сходня* — 1) «жерди, подпертые кольями с развилками для укладки снопов в скирды»; 2) «мостик из жердей через речку» [12, с. 12]. Близкое к литературному языку значение слова *сходня* — «доска, перекидываемая с парохода или другого судна на берег или на пристань» — представлено в ярославских говорах [10, с. 197]. В говорах на юго-восточной границе Московской области слово *сходня* известно в значении «ступеньки крыльца», а на юго-западной границе в аналогичном значении употребительны слова *сход* и *всход*. Не забыто слово *сходня* и в русской географической терминологии, где оно трактуется как «место на берегу реки, озера, где можно легко пристать судну и человеку удобно спуститься к воде», хотя такое употребление признано «устаревшим» [11, с. 225].

Большой и малый академические словари русского языка обоснованно считают данное слово фактом литературного языка, не сопровождая его никакими ограничительными пометами. Однако в качестве основной приводится форма мн. ч. *сходни*, а затем уже (в МАС в скобках) — *сходня*, что, по-видимому, должно указывать на степень употребительности этих лексем в литературном языке. Форма толкования слова адекватно отражает сущность современной реалии и восходит к аналогичному объяснению слова *сходни* в «Толковом словаре...» под редакцией Д. Н. Ушакова — «деревянный переносной помост с набитыми поперек брусками (для перехода с судна на берег или другое судно, для спуска с лесов построек и т. п.)». В этой же словарной статье приводится существительное м. р. *сходень* с пометами *устар.* и *простореч.*, а значение «ступеньки» у слова *сходни* имеет помету *устар.* Слово *сходцы* — «ступеньки, лесенка» сопровождается пометой *обл.* [19, стб. 1289–1290, 1292]. Интересно, что в современной морской и речной терминологии основной считается форма *сходня*, а дополнительной — *сходни* (мн. ч.). В этих формах лексема активно употребляется и как отдельный термин, и в составе команды «*Сходню подать (убрать)!*»

По материалам толковых словарей современного русского языка в нем насчитывается около 400 существительных ж. р. с исходом на *-ня*: *обедня, пекарня, скворечня, солдатня, хохотня* и т. п. В словнике исторического «Словаря русского языка XI–XVII вв.» представлено немногим более 300 слов такого типа [17, с. 781–782]. Академическая грамматика русского языка (1952–1954 гг.) рассматривает существительное *сходня* в ряду слов, образованных «от глагольных и глагольно-именных основ посредством суффикса *-ня*» для номинации «места, где совершается действие, обозначенное в основе»: *бойня, пашня* и т. п. Данная словообразовательная модель квалифицируется как малопродуктивная [3, с. 246].

под деревню Пенягино разделен долом и ближе к стоявшей церкви прорезан глубоким оврагом и речкою Борышихою. По этому долу, который впадает в целую систему далее идущих долов, возможно было восходить к руслу *Всходни*, минуя ее устье, отстоящее от Пенягинского дола более чем на три версты, и сокращая путь по извилистому руслу реки еще верст на семь. Здесь-то собственно по всему вероятно находилась *Всходня*, то есть место, с которого начинался *Всходь*, *Восходь* по реке *Всходне*, дабы прямее достигнуть потока Клязьмы. Эти всходные доли <...> приводили в местность теперешнего села Братцева, откуда уже дорога шла по руслу реки вверх до перевала [волока. — А. Б.] у села Черкизова на Петербургском шоссе, где вблизи теперь существует полустанок <...> *Сходня*» [6, с. 13–14]. Впоследствии эта гипотеза получила констатирующее отражение в работах других исследователей, но не была ими ни подкреплена, ни опровергнута. Например, Ф. И. Иванов, не согласившись с мнением И. Е. Забелина, бездоказательно утверждал, что гидроним *Сходня* не мог произойти от глаголов *въезжать*, *восходить* и что первоначально не могла *Сходня* называться *Всходней* [7, с. 104].

По-видимому, идеи И. Е. Забелина оказали влияние на появление двух других гипотез. Согласно первой из них, суда по *Всходне* не только «всходили» до волока, но и спускались от него до Москвы-реки, что отражено в вариативной форме гидронима — *Выходня*, представленной в памятниках письменности XVI в. По второй версии *Выходней* называлась *Химка*, протекавшая в древности на месте современного канала им. Москвы. Эта река также именовалась *Хинска*, *Хынска*, *Хинка*, причем у некоторых поселений, расположенных в ее верховье, она называлась *Хилка*, а вблизи поселений, находившихся в ее низовье, — *Выходней*. В этом случае предполагают, что по *Всходне* «всходили» к реке Клязьме, а по *Химке* «выходили» в Москву-реку [23, с. 178–179]. Ввиду отсутствия надежных доказательств отдать абсолютное предпочтение только одной из этих гипотез затруднительно.

Более определенно можно судить о процессе становления современной формы гидронима *Сходня*. Его древняя словообразовательная структура, отраженная в форме *Всходня*, известной в русском языке, очевидно, уже с XI–XII вв., четко указывала на этимологическую связь с основой *въсходь-*, но со временем стала затемняться. Вследствие падения слабого редуцированного [ѣ] возникла форма *Всходня*. Затем начальное сочетание трех согласных упростилось путем утраты начального [ѣ] — так возникла и закрепилась ныне известная форма — *Сходня*.

Этот гидроним не одинок среди названий рек, образованных по модели от соответствующих основ с помощью суффикса (форманта) *-н-я*. В частности, на юго-востоке Москвы протекает река *Городня*, правый приток Москвы-реки в районе Орехова-Борисова. В Московской области насчитывается около 15 названий такого типа, причем основной регион их бытования охватывает северо-запад, преимущественно запад и юго-запад, частично — юг. Например: *Лутосня* (правый приток Сестры), *Липня* (юго-западнее Клина), *Палишня* (западнее Солнечногорска), *Волошня* (левый приток Рузы южнее Волоколамска); *Рудня* (левый приток Большой Шани), *Гвоздня* (бассейн р. Нудоль), *Разварня* и *Хабня* (правые притоки Озерны), *Дубешня* и *Молодельня* (левые притоки Москвы западнее Звенигорода), *Островня* и *Нахавня* (правые притоки Москвы южнее Звенигорода); *Лопасня* (истоки недалеко от г. Чехова, левый приток Оки), *Полосня* (Серебряно-Прудский район) и др.

В Грамматике-80 слово *сходня* получило более детальную и углубленную словообразовательно-семантическую трактовку. Оно включено в группу существительных, которые «называют предмет, характеризующийся действием, названным мотивирующим словом». Такие слова «называют объект действия (*ставня*, *пашня*), орудие, средство действия (*сходня*, *ступня*, *квашня*, *градирня*), помещение для производства действия (*бойня*, *пильня*, *караульня*, *печатня*), предмет по характерному его действию (*мотня*), в единственном случае — лицо (*сводня*)». Примечательно, что рассмотренная словообразовательная модель оценивается этой грамматикой уже как непродуктивная [14, с. 153]. Примечательно и другое: «затухание» продуктивности модели, по которой образовано слово *сходня*, обусловлено архаизацией значения «название места, где совершается действие» и окончательной актуализацией в современном русском языке значения «орудие, средство действия». Поэтому не случайно первое из этих значений в Словаре Э. М. Мурзаева справедливо признается устаревшим [11, с. 225].

Учет особенностей употребления различных форм слова *сходня* в древнерусском и современном русском языке с привлечением историко-географических данных позволяет приблизиться к пониманию того мотива номинации гидрографической реалии, который отражен в форме *Всходня*. В древности эта река была многоводной, с сильным течением, а поэтому пригодной для судоходства. По свидетельству Л. И. Бакмейстера, в XVIII в. на *Сходне* существовали «хлебные мельницы водяные с надлежащими плотинами», всего в Московском уезде на этой реке было 15 «мушных мельниц» [2, с. 64, 4]. Река протекала по холмистой местности, на что может косвенно указывать современный вид ее хотя и «усохшего» русла, но по-прежнему оставшегося в очень высоких берегах, например, в районе бывшего стекольного завода и электроподстанции (район Гучковка). По этой реке начиная с XI–XII вв. из Москвы-реки поднимались вверх по течению, «всходили» легкие торговые суда, которые затем переволакивались по сухопутью на Клязьму и плыли к Оке и Волге. Место перехода с одной реки на другую в древнерусском языке называлась *волоком* (ср. *Волок Ламский* > *Волоколамск*). Именно такой волок существовал и в районе современных сходненских населенных пунктов *Новоподрезково* и *Черкизово* — *Черкизовский волок* длиной около 5 км. С его помощью можно было легко добраться до Владимиро-Суздальского княжества. В целом волоковая лексика широко представлена в топонимии разных языков [1, с. 21–26].

Пристальное внимание к древней локализации гидронима *Всходня* проявил известный историк И. Е. Забелин. Он утверждал, что *Всходней* называлась не сама река, а особая местность, располагавшаяся выше по течению Москвы-реки. Там в XVI в. существовали церковь и монастырь Спас Преображения на *Всходне*, также называвшийся *Всходня*. Этот монастырь находился более чем на версту от самой реки, которую, по мнению историка, сейчас неправильно называют *Сходней*. В связи с этим было высказано предположение о том, что в древности *Всходня* называлась *Горедвою* [совр. *Горетовка?* — А. Б.], поскольку в верховье *Всходни* в нее впадает эта река, причем более многоводная здесь, чем в верховье самой *Всходни*. В окончательном виде свою гипотезу И. Е. Забелин сформулировал так: *Всходня* — «местность, составляющая обширный поемный луг Москвы-реки, версты с полторы в квадрате, вверх по течению, с отлогим, постепенно возвышающимся берегом, который

За пределами Московской области ареал гидронимов данного типа сосредоточен преимущественно к северо-западу и западу. Например, *Холохольня* (левый приток Волги), *Солодомня* (северо-западнее Ржева), *Ракитня* (правый приток Осуги) и *Яблоня* (левый приток Вазузы), *Касня* (правый приток Вазузы), *Алешня* (правый приток Большой Гжати), *Лужня* (правый приток Вязьмы). На юго-западе — *Шаня* (левый приток Угры), *Рожня* и *Песочня* (левые притоки Суходрева), *Локня* (правый приток Выссы, бассейн Оки); на юго-востоке — *Проня* (г. Михайлов Рязанской области).

Названия населенных пунктов, образованные по аналогичной модели, в московском регионе единичны. Один из них «привязан» к соответствующему гидрониму — *Лобня*, а другой — *Капотня* (сейчас — столичный район ЮВАО, в прошлом — село Капотенское). За пределами московского региона топонимы на *-ня* представляют собой, как правило, названия малонаселенных пунктов. За исключением единичных названий на северо-западе и востоке (*Родня* на Волге к северо-востоку от Ржева и *Гастовня* в бассейне Шоши; *Богдарня* южнее Покрова), они локализуются преимущественно к юго-западу от Московской области. Например: *Чернишня* и *Дедня* (на юго-западной границе, восточнее Обнинска), *Городня* (западнее Обнинска), *Рудня* (северо-западнее Калуги), *Стрельня* (западнее Калуги), *Песочня* (северо-восточнее и юго-восточнее Калуги). Компактный массив названий данного типа сосредоточен на юге и юго-востоке от Московской области: *Железня* (восточнее Алексина), *Алешня* (западнее Тулы и западнее Рязани), *Колесня* (юго-западнее Рязани), *Локня* (юго-восточнее Михайлова), *Брусня* (западнее Старожилова).

Гидронимы типа *Сходня*, а также однотипные названия населенных пунктов представлены и в других регионах. Причем географические названия, образованные по рассмотренной словообразовательной модели, могут иметь как славянское, так и неславянское происхождение. Например, анализируя гидронимы Правобережной Украины, академик О. Н. Трубачев выявил в их составе немногим менее ста названий с исходом на *-ня* типа *Лубня*, *Головня*, *Хомутня*. Большинство из них относится «к чисто славянскому типу словообразования, а именно — к производным с суффиксом *-ня* (генетически — *-ьня*, формант с первоначально адъективными функциями), достаточно представленным и среди аппеллативной лексики, пополнявшей также и соответствующий разряд гидронимов <...>. Исторически ясно, что перед нами женский вариант суффикса *-ьнь*, *-ьню*, широко представленного в топонимии славянских стран» [22, с. 244].

Подмосковный топоним *Сходня* в языковом сознании современных носителей русского языка в значительной степени утратил мотивирующую историческую связь с древним географическим термином (*в*)*сходня*. Несмотря на это *Сходня* продолжает жить в ономастической системе языка и как гидроним, и как название весьма живописного города, а также в серии названии внутригородских столичных объектов: *Сходненские* улица, переулок, тупик и станция метро на северо-западе (Тушино).

Литература

- Афанасьев А. П. «Волоковая» лексика на водных путях Поволжья и Европейского Севера // Топонимика и историческая география. — М., 1976.
- Бакмейстер Л. [И.] Топографическая известия служащая для полного географического описания Российской империи. — СПб., 1771. — Т. 1. — Ч. 1.

- Грамматика русского языка. — М., 1960. — Т. 1.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1955. — Т. 1.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. — М.; Л., 1950.
- Забелин И. [Е.] История города Москвы. — М., 1905. — Ч. 1.
- Иванов Ф. И. Значение топонимии при изучении древних водных путей верхней Волги // Вопросы географии. Сб. 58. Географические названия. — М., 1962.
- История Москвы. — М., 1952. — Т. 1.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. — М., 1988. — Кн. 1. — Т. 4. — Стб. 150; М., 1999. Кн. 2. — Т. 5. — Прим., стб. 97; Кн. 3. — Т. 12. — Стб. 50.
- Мельниченко Г. Г. Краткий ярославский областной словарь. — Ярославль, 1961. — Т. 1.
- Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. — М., 1999. — Т. 2.
- Новгородский областной словарь. — Новгород, 1995. — Вып. 11.
- Писцовые книги Московского государства XVI в. — СПб., 1872. — Ч. 1. — Отд. 1.
- Русская грамматика. — М., 1980. — Т. 1.
- Симеоновская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1913. — Т. 18.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. — М., 1976. — Вып. 3.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск. — М., 2001.
- Словарь русского языка XVIII в. — Л., 1988. — Вып. 4.
- Словарь современного русского литературного языка. — М.; Л., 1963. — Т. 14.
- Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. — М., 1989. — Т. 1. — Ч. 1. — Стб. 428; Т. 3. — Ч. 1. — Стб. 861.
- Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). — 2-е изд. — М., 1999.
- Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. — М., 1968.
- Химки // Города Подмосковья. — М., 1979. — Кн. 1.

Юрьев-Польскóй — не Польский

Во Владимирской области, в 68 км к северо-западу от Владимира, расположен этот город, среди обширных полей, в так называемом *Владимирском ополье*, в верховьях реки Колокши (притока Клязьмы) при впадении в нее реки Гза. Согласно историческим данным, город основан в 1152 г. князем Юрием Долгоруком как форпост Владимиро-Суздальского княжества. В 2002 г. город отметил свое 850-летие.

В современной лингвистической, исторической, краеведческой литературе и в литературе универсального содержания название города варьируется в двух формах: *Юрьев-Польский* и *Юрьев-Польскóй*, причем вторая форма обычно указывается в скобках после первой [10, с. 489; 1, с. 63–64; 15, с. 292; 3, с. 534; 14, с. 488]. Такой порядок в подаче форм топонима, по-видимому, должен убеждать нас в том, что первая форма — официальная (основная), а вторая — неофициальная. Но так ли это на самом деле, какую же форму из двух следует считать исторически правильной? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к анализу структуры топонима и учесть особенности его функционирования в памятниках русской письменности.

По своей структуре топоним *Юрьев-Польской* является двухкомпонентным образованием, включающим имя князя Юрия Долгорукого и постпозитивное определение — *Польской*. В качестве первого компонента названия выступает притяжательное (посессивное) прилагательное от имени *Юрий* — *Юрьев* (*Юрь-* + йотовый суффикс принадлежности [jэв] — *-ев*). Этот компонент отражает номинативную принадлежность города к имени его основателя; ср. *Ярославль* < *Ярослав* + *ль*. Второй компонент топонима — ориентирующее (локализирующее) определение *Польской*, которое указывает на отличие данного города от двух других, одноименных городов древней Руси. Это *Юрьев-Ливонский/Немецкий* (основан в 1030 г. — затем *Дерпт*, *Тарту*) и *Юрьев* на реке Роси, правом притоке Днепра (первое летописное упоминание под 1095 г.) — современный г. *Белая Церковь* Киевской области Украины [2, с. 218–219]. Наряду с этим определение *Польской* указывает на местоположение города во *Владимирском ополье* — так в древнерусском языке называлось безлесное пространство, поле. В. Н. Татищев в «Истории Российской» заметил: «Суздальская же земля называлась Поле, отчего построенной во оной город Юрьев в различие от ливонского и малорускаго Польской имянован» [20, с. 299]. В «Списках населенных мест Российской империи» географическое положение города охарактеризовано так: «Лесов здесь очень мало, на что указывает самое название этой <глинистой> полосы, от Владимира к Юрьеву — Опольщиной [sic! — А. Б.]» [18, с. VIII].

Употребление существительного *ополье* представлено в поздних памятниках письменности XVI–XVII вв. единичными примерами, свидетельствующими о том, что данное слово представляет собой яркий владими́ро-сузда́льский диалектизм — префиксально-суффиксальное образование от слова *поле* > [о-пол'-jэ]. Вместе с другими семантически аналогичными лексемами *ополье* формирует словообразовательное гнездо: *ополье*, *опольный*, *опольщина*; в новго-

родских говорах слово *ополье* бытует в значении «край поля» [16, с. 278–279; 11, с. 10].

Несмотря на локальное отражение слова в памятниках письменности оно давно известно в качестве географического термина. Э. М. Мурзаев, указывая на специфику в семантическом содержании термина *ополье* в различных диалектных зонах русского языка, обобщенно трактует его как «слабоволнистую равнину, расчлененную глубокооврезанными долинами; обычно соседствует с плоскими равнинами, находится „у края поля“». Ополья играют важную роль в земледельческом хозяйстве; благодаря плодородию почв к ним приурочена высокая плотность населения» [9, с. 97]. Интересными для понимания мотивировки выбора формы топонима представляются наблюдения львовского профессора К. И. Геренчука. Он размышляет: «Почему ополья всегда соседствуют с древними, стольными по преимуществу, городами, если же не стольными, то, во всяком случае, крупными княжескими и торговыми городами? Не потому ли, что этим городам необходимы были ополья как сельскохозяйственные, продовольственные хинтерланды? Не входило ли обязательным условием при выборе места для заложения града наличие удобного поля для возделывания хлеба и выкормки скота — поля, обладавшего сравнительно лучшими для этой цели землями: менее обесенными, более урожайными, но не обязательно черноземными» [9, с. 98].

В современной географической литературе термин закрепился как в форме единственного, так и в форме множественного числа — *ополья* для обозначения вида равнинной местности, типично представленного именно *Владимирским опольем*. По мнению географов, подобные ландшафты представляют собой своеобразные фрагменты доисторической лесостепи, впоследствии исчезнувшие по причине наступления леса на степь. Таким образом, становится понятной обоснованность наличия определения *Польский/Польской* в форме названия города. Впрочем, остается пока неясным, какое же определение из двух следует считать исторически предпочтительным?

В памятниках русской письменности наиболее раннее упоминание о топониме встречается в Лаврентьевской летописи, где под 1177 г. сказано: «Князь же Всеволод приехав к *Юрьеву*, сождася [дождавшись, соединился] с Переяславщи» [8, с. 387]. Как видим, название города дано без ориентирующего определения; аналогичная ситуация наблюдается и в перечне летописных сведений, относящихся к 1216 г., 1230 г., 1234 г., 1237 г., 1297 г. Между тем прилагательные *польской*, *польский* (*польскыи*) в значении «полевой, равнинный, степной» широко прослеживаются в памятниках письменности уже с конца XI в. Однако в составе топонима они представлены лишь с конца XIV в.: «Список русских городов дальних и ближних» (1394–1396 гг.) в корпусе городов залесских содержит и *Юрьев Польскыи* [21, с. 96, 124]. В «Книге Большому Чертежу» читаем: «<...> Речка Деготица, что течет мимо *Юрьевца Польского* и впаде в Трубеж реку, и на ней стоит город *Юрьев Польской*» [7, с. 129]. В Описях 1626 и 1668 гг. встречаем форму *Юрьев Польской* [13, с. 42, 319, 322], а в царском указе 1630 г. — форму *въ Юрьеве Полском* [5, с. 154, 155].

В трудах В. Н. Татищева интересующий нас топоним фигурирует только в форме *Юрьев Пол(ь)ской* наряду с описательной формой *Юриев в Поле* [19, с. 118, 192; 20, с. 44, 241], а у Н. М. Карамзина — в двух формах: *Юрьев Польский* и *Юрьев Польской* [6, с. 166; прим. с. 126].

Осмысливая употребление прилагательных *польскóй* и *пóльский* в древнерусском языке, можно убедиться в том, что наблюдается конкуренция форм

с ударным и безударным окончаниями, хотя оба прилагательных обозначают семантически аналогичный признак по отношению к слову *поле*. Реликты этой конкуренции сохранились к настоящему времени в говорах русского языка. Еще В. И. Даль отмечал синонимическое сосуществование ряда прилагательных, относящихся к полю: *полевйй, пльный, польскйй* (сиб.), *пльскйй* [4, с. 258, 267]. Современные диалектные словари свидетельствуют о достаточно широком бытовании в различных зонах русского языка синонимично-дублетных форм *пльный* и *польный*, *пльскйй* и *польскйй*. В частности, последнее прилагательное наглядно представлено серией употреблений, связанных с обозначением круга реалий, непосредственно относящихся к полю: *польские травы духовитые, польскйй цветочек, польская вишня, польскйй лук, польскйй чеснок, польская малина, польская избушка* (шалаш в поле) и мн. др. [17, с. 182–184]. В русском литературном языке также представлены многочисленные лексемы, отражающие важную смысловую функцию ударения: ср. *запасный выход* — *запаснйй игрок, подвижный ребенок* — *подвижнйй состав, подвездный домофон* — *подвезднйй путь, (брако)разводный процесс* — *разводнйй мост, чудный день* — *чуднйй человек, стрдстный взгляд* — *Страстнйй бульвар* и т. п.

В современной литературе топоним продолжает варьироваться в двух формах, что создает значительное неудобство как в устном, так и в письменном общении. Поэтому рядовые носители языка неизбежно задают вопрос «А как правильно?» Например, *юрьев-пльские живописцы* или *юрьев-польские*; *юрьев-пльская резьба* или *юрьев-польская*?

Таким образом, представляется исторически целесообразным считать форму топонима *Юрьев-Польскйй* наиболее оправданной, отражающей живое народное употребление прилагательного *польскйй* с древнейших времен. Признание этой формы в качестве основной, официальной, в том числе в энциклопедической литературе и на географических картах [12, с. 7], позволило бы преодолеть наивно-реалистические омонимичные ассоциации со словами *Польша, польский*, к которым название этого города не имеет никакого отношения. В случае официального закрепления формы *Юрьев-Польскйй* в ней отразилась бы память языка, а помещенная после нее в круглых скобках форма (*Юрьев-Польский*) квалифицировалась бы как неофициальный вариант, не имеющий в данном случае ни языковой, ни исторической перспектив. Древний город, современник Москвы, жемчужина в «Золотом кольце России», вполне достоин возвращения ему исторически оправданной официальной формы названия — *Юрьев-Польскйй*.

Литература

1. СССР. Административно-территориальное деление союзных республик. — М., 1971.
2. Барсов Н. [П.] Материалы для историко-географического словаря России. I. Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). — Вильна, 1865.
3. Города России. Энциклопедия. — М., 1994.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1955. — Т. 3.
5. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. — Л., 1986.
6. Карамзин Н. М. История государства Российского. — М., 1988. — Кн. 1. — Т. 2.
7. Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. — М.; Л., 1950.
8. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1846. — Т. 1.
9. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. — М., 1999. — Т. 2.

10. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. — 2-е изд. — М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2010.
11. Новгородский областной словарь. — Новгород, 1994. — Вып. 7.
12. Общегеографический региональный атлас «Владимирская область». — М., 2002.
13. Описи архива Разрядного приказа XVII в. — СПб., 2001.
14. Поспелов Е. М. Географические названия мира. Топонимический словарь. — М., 2001.
15. Словарь географических названий СССР. — М., 1983.
16. Словарь русских народных говоров. — Л., 1987. — Вып. 23.
17. Словарь русских народных говоров. — Л., 1995. — Вып. 29.
18. Списки населенных мест Российской империи. Владимирская губерния. — СПб., 1863.
19. Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. — М., 1950.
20. Татищев В. Н. Собр. соч.: В 8 т. — М., 1995. — Т. 3.
21. Тихомиров М. Н. Русское летописание. — М., 1979.

Районный центр Московской области г. *Раменское* расположен в 64 км к юго-востоку от Москвы. История его названия восходит к глубокой древности и полна этимологических загадок и спорных толкований. К сожалению, никаких летописных сведений о *Раменском*, в отличие от его сверстника, подмосковного Звенигорода, не сохранилось. Наиболее ранняя фиксация интересующего нас топонима в памятниках русской письменности относится к 1-й половине XIV в., а не к XVI в., как ошибочно полагают некоторые исследователи [23, с. 165]. В первом и втором вариантах Духовной грамоты 1339 или 1328 г. великого князя Ивана Даниловича Калиты в перечне земель и поселений, которые он завещал жене, подмосковный топоним дан в форме *Раменье*: «А се даю княгини своєї с меншими дтми: Сурожиць, Мушкову гору, Радонежское, Бели, Воря, Черноголовь, на Вори свободка Софроновская, Вохна, Деиково раменье, Данилишова свободка <...>, Гуслица, *Раменье*, что было за княгинею» [6, с. 8, 9]. Кстати, в данном источнике насчитывается 17 топонимов с корнем *рамень* — это названия волостей, станов, починков, сел и деревень древнего московского региона.

Как утверждают историки, подмосковная местность, называемая *Раменьем*, была в XIV в. обширной и на ней располагалось несколько деревень. Центром этой местности, а впоследствии всей *Раменской волости* стало село *Рождественно* (*Новорождественно*), занимавшее территорию современного г. Жуковского. Вся местность под названием *Раменье*, а затем стан *Замосковное Раменейце* до начала XVIII в. принадлежала великим московским царям и князьям.

В 1710 г. Петр I даровал на вечное владение село *Новорождественно* с деревнями *Раменской волости* графу И. А. Мусину-Пушкину. После смерти графа все эти земли унаследовал его сын, построивший в 1725–1730 гг. на берегу озера первую каменную Борисоглебскую церковь. Здесь и сложилось историческое ядро будущего города. В 1743 г. имение Мусиных-Пушкиных было передано крупному государственному деятелю графу А. П. Бестужеву-Рюмину. После его смерти Екатерина II подарила имение своему фавориту М. Н. Волконскому, затем оно перешло к его сыну — П. М. Волконскому, который, купив ближайшие церковные земли, стал застраивать берега Борисоглебского озера, заселяя их крестьянами из других вотчин. Так (предположительно после 1784 г.) сформировалось село, получившее название *Новотроицкое*. Однако, чтобы избежать неразличения с другими одноименными селами, например с *Новотроицким* Чаплыженской волости, построенное П. М. Волконским село стало называться *Новотроицкое-Раменское*, *Троице-Раменское* и, наконец, просто *Раменское*. Впоследствии у села были и другие владельцы. В 1925 г. это село, где проживало почти 14 тысяч человек, было преобразовано в рабочий поселок, а в 1926 г. получило статус города.

Топоним *Раменское* по происхождению связан с древнейшим географическим термином (апеллятивом) *рамень* и его более поздней формой — *раменье*. Эти слова в течение длительного времени привлекают к себе внимание многих поколений лексикологов и лексикографов.

В памятниках русской письменности устойчивое употребление названных терминов широко прослеживается с XV в. Авторитетный исторический «Словарь русского языка XI–XVII вв.» трактует слово *рамень* прежде всего как «заброшенную пашню (обычно в лесу)», а затем уже как «лес, выросший на заброшенной пашне, с характерным составом пород соответственно возрасту участка». В качестве оттенка значения дается толкование «вообще о густом, с подлеском лесу, независимо от величины занимаемой им территории» [19, с. 267–268]. Сходной трактовки придерживалась Е. Н. Полякова, утверждая, что «слово *рамень* изначально называло пашню, <...> с пашни название перешло на лес». Впрочем, впоследствии она предложила иное толкование терминов *рамень*, *раменье*, *рамене* — «густой, труднопроходимый, обычно хвойный лес» [15, с. 141; 16, с. 86].

Учитывая специфику подсечно-огневой системы земледелия древнейшей поры, первичным для терминов *рамень* и *раменье* следует логично признать значение «еловый лес с незначительными вкраплениями сосны, пихты, осины, березы, дуба», а вторичным (метонимическим) — «пашня в лесу, которая может быть заброшена по причине истощения почвы и зараста молодым лесом». Контекст приведенных в словаре доказательных цитат из памятников письменности не противоречит именно такому порядку подачи значений слов, отражающему реальный процесс превращения леса в пашню, но не наоборот. Например: «Прямо по *рамени* к березе да к ели, на березе и на ели грани»; «А с того дуба, сошедши с *рамени* на борь, в ночную сторону через Вилешевскую дорожку на двоезначенную бортную сосну»; «Да въ описных же книгахъ къ темъ къ дву селамъ новымъ и къ починкамъ написанъ *лесъ большой черная рамень* <...>»; «А крепостей, болот и озер никаких нет, пришел *большой лес рамен<ь>*» [19, с. 267–268]. Примечательно, что термин *рамень* употребляется в памятниках русской письменности преимущественно в форме ж. р. Известно также бытование этого термина как своеобразного видового (нередко владельческого) обозначения в составе названий лесов и пашен: «к *рамени Брюхачевской*»; «на *Борисовскую рамень*» [Там же].

Термин *раменье* имел аналогичный комплекс значений и принадлежал к ср. р. Например: «Да изо врага к дубу направо к горе на *рамен<ь>е*, на сосну на высокую»; «Да на угол Гридина мху, да на *раменье* на *пихтовое*»; «Есть де за рекою за Унжей на дикомъ месте <...> *лесъ раменье*». Представлен термин и в составе названий деревень, урочищ, пустошей: «в *Рукинском Раменье*»; «блиско *Микиткина раменье*»; «пустошь *Сотницыно раменье*» [Там же].

Наиболее активное употребление слов *рамень* и *раменье* как терминов, так и в составе топонимов прослеживается в памятниках местной письменности XVI–XVII вв. Например: «Д[еревня] *Раменье* на суходоле, пустошь *Раменья* на суходоле» [14, с. 75, 296]; «Дер. *Раменки*. Сольвычегодский уезд» [3, с. 58]; «село *Раменка* (Бежецкий Верх), *Раменский стан*» [29, с. 211, 259] и мн. др.

Судя по памятникам письменности к XVII в. у слов *рамень* и *раменье* в русском языке сформировалось устойчивое словообразовательное гнездо. Оно включало уменьшительные производные ср. р. *раменейце*, *раменшко* и прилагательное *раменный* в обозначении различных реальных ландшафтов: *раменный лес*, *раменные земли*, *раменные болотные места*, *раменная пашня* и т. п. Поэтому не случайно Ф. П. Филин обратил внимание на то, что многозначность термина *рамень* уже в памятниках XV–XVI вв. (как мы увидим далее — и в современных говорах) свидетельствует о длительной истории его употребления в русском языке [27, с. 540].

Осмысление анализируемых терминов в русской лексикографической практике конца XVIII–XIX вв. отражает постепенное приближение к современному пониманию их истинного значения. В «Словаре Академии Российской» *раме́нь* квалифицируется как старинное слово *м.р.* (!), обозначающее «строильный, годный на строение лес» с примером из Никоновской летописи (сп. 2-й пол. XVI в.) [18, *стб.* 70]. Отраслевые терминологические словари до лесному хозяйству, изданные в середине XIX в., несколько изменили представление о слове, заменив «строительное» значение значением вида леса — «леса раменные, смешанно растущие». В академическом «Словаре церковнославянского и русского языка...» *ра́мень* и *ра́менья* трактуются как «лесная поросль на запущенной пашне» с указанием подтверждающего примера из Разъезжей грамоты 1556 г.: «Да по край Федоровы пашни на ручей, да на угол Гридины мху, да на *раменья* на *пихтовое*» [22, с. 40]. Эта иллюстративная цитата впоследствии неоднократно использовалась в лексикографической практике и лексикологических разысканиях, хотя с ее помощью доказывались только частично близкие значения слова *рамень*, косвенно связанные с пашней. В частности, в словаре В. И. Даля *рамень* — «лес, соседний с полями, с пашней» [4, с. 57–58], а в «Словаре древнерусского языка» И. И. Срезневского *рамене* — «лес по краю пашни» [25, *стб.* 65].

К середине XIX в. о словах *рамень* и *раменья* был накоплен определенный объем сведений, которые удачно обобщил в своем словаре В. И. Даль, указав на их распространение в новгородских, вологодских, костромских, владимирских, вятских, пермских говорах. В связи с этим данные лексемы нужно считать общерусскими диалектизмами. Однако специальная словарная статья к терминам *рамень* и *раменья* у В. И. Даля отсутствует, что объясняется словообразовательно-этимологическими соображениями автора. Современный читатель с удивлением обнаружит, что термины «перелетели» в чужие гнезда, поскольку были осмыслены по линии народной этимологии на базе «обратного» словообразования. *Рамень* и *раменья* помещены в статьи к словам *ра́мо* (плечо) и *обра́мливать*, *обра́мить*. Весь словообразовательно-этимологический механизм представлен В. И. Далем так: *рамя́ный* стар. «обильный, сильный, оченный» > *рама* стар. «межа, граница, обвод, обход участка земли, по владению» > *обра́мление* «край, предел, конец пашни, которая упирается в лес, либо расчищена среди леса <...>» > *за́раменья* или *ра́мень* и *ра́менья* «лес, соседний с полями, с пашней». По-видимому, последнее значение благодаря авторитету В. И. Даля могло прочно, хотя и без достаточных оснований, закрепиться как базовое для слов *рамень* и *раменья* в практике лексикографии, а также в трудах лексикологов, трансформировавшись в значение «пашня».

Аналогичному наивно-реалистическому осмыслению подверглась в словаре В. И. Даля лексема *рама*, сближенная с *раменью* и квалифицированная как заимствование из славянских языков в немецкий: «слово *Rahmen* в немцы зашло от славян» [4, с. 58]. В действительности нем. *Rahmen* — «рама» представляет собой германизм, известный в русском языке с XVII в. В своих разысканиях, отражающих уровень этимологической науки XIX в., В. И. Даль был не одинок. Сходное мнение, выдержанное в народнопоэтическом духе, высказал Ф. И. Буслаев: «Главная его [оседлого земледельца. — А. Б.] деятельность на поле; лес — граница его взорам на отдаленном небосклоне, а также и граница его возделанному полю; потому от слова *раменья* — лес — происходит областное название границы: *зараменье*, а также и просто *рама*» [2, с. 99].

Отчетливые следы устойчивого бытования древнейшего термина *рамень* в производных от него образованиях обнаруживаются в различных диалектных зонах русского языка. Так, в среднерусском регионе термин широко представлен в составе гидронимов бассейна Оки. Это названия рек и ручьев, вытекающих из леса или протекающих вблизи него, а также одноименные названия урочищ, оврагов, озер и населенных пунктов. Например: р., руч. *Раменка*; р., ур., пос. *Раменки*; верх *Раменков*; руч., овр. *Раменской*; оз. *Раменья* [24, с. 96, 106; 114, 221; 68; 106; 230; 101 и др.].

В топонимии Москвы термин прослеживается в гидрониме *Раменка* — это река, вытекающая из Воронцовского парка (правый приток реки Очаковки, впадающей в Сетунь) на юго-западе столицы. От гидронима *Раменка* получила свое название деревня *Раменки*, ставшая рабочим поселком, который в 1958 г. был включен в состав города. Постепенно сформировался целый столичный район ЗАО — *Раменки* с одноименными названиями пруда по одну сторону Мичуринского проспекта и улицы по другую сторону. В московском регионе бытование топонима в Волоколамском и Дмитровском уездах было отмечено А. М. Селищевым, который объяснил *раменья* как «лес, граничащий с полем», указав на высокую продуктивность форманта *-ья* в топонимии [17, с. 64, 76]. На современной карте московского региона и прилегающих к нему территорий названия данного типа обозначают только населенные пункты сельского типа и отдельные строения. Например: три топонима *Раменья* (у северной границы Московской области, южнее Дубны; на северо-западной границе Московской области — в междуречье Шоши и Руссы; северо-западнее Волоколамска); два топонима *Раменки* (южнее Егорьевска и на юго-восточной границе Московской области, северо-западнее Рязани); *Раменское* (у северной границы Московской области, южнее Дубны).

В нижегородской топонимии известны названия населенных пунктов, включающие лексемы *ра́мень*, *ра́менка*, *ра́мешки*, *ра́мена* [10, с. 164]. Здесь же употребительны термины ж. р. *красная рамень* — «окраина хвойного леса» и *черная рамень* — «окраина лиственного леса». В говорах Пермской области в качестве обозначений хвойного леса используются термины *ра́мень*, *ра́менья*, *ра́мене*, *ра́мено*, *раменьё*, *ра́мка*. В них память языка запечатлела представление о древней ландшафте, который А. С. Пушкин в «Борисе Годунове» назвал «пермскими дремучими лесами». Интересно, что из русских диалектов Верхнего Прикамья термин *рамень* и его производные были заимствованы в северные коми-пермяцкие говоры, где испытали трансформацию первичного значения: *ра́мень* — «сырое место», *ра́меннй* — «высокий строевой лес» [15, с. 147; 16, с. 86].

В севернорусском регионе сохранился особенно компактный массив анализируемых лексем, также развивших новые значения и оттенки значений. *Ра́мень*, ж. р. — 1) «поле, граничащее с лесом, || пашня среда леса»; 2) «высокое ровное место»; 3) «опушка леса, граница леса и поля»; 4) «лес на краю пашни»; 5) «лес, || темный лес, смешанный лес, глухое место с лесом, еловый лес; место в лесу, где растет черника; место, где растут липы»; 6) «болото, поросшее лесом»; 7) «заболоченный луг» > сенокосное угодье *Ра́мень*.

Ра́менья, ср. р. — 1) «лес на краю пашни»; 2) «лес»; 3) «участок земли среди леса»; 4) «яма с водой в болоте» > сенокосное угодье *Раменья* и название места *Ра́менка*, ж. р. — 1) «край леса; опушка леса»; 2) «остров или полоса однородного леса» (см. Новгородский областной словарь. — Новгород,

1994. — Вып. 9. — С. 98–99). Многочисленны названия населенных пунктов, включающие лексемы *рамень*, *рамешки*, в ряде районов Вологодской области [28, с. 192]. В Костромской области *рамашинка*, *рамешина* — «небольшой островок рамени среди других типов леса».

Интерпретация слова *рамень* и его производных в лингвистической и географической литературе свидетельствует об отсутствии единого понимания их генетически первичной семантики и этимологии. М. Р. Фасмер трактует *рамень* и *рамень* как «густой лес; лес, примыкающий к полям» и приводит родственные, по его мнению, образования: *рама* — «окраинная область», др.-русс. *рама* — «граница, пашня, примыкающая к лесу», *раменье* — «лес по краю пашни, опушка леса». Известный славист указал на предположительную этимологическую связь данных терминов с прилагательным *рамяный* — «обильный, сильный», др.-русс. *рамянь*, русск.-ц.-слав. *рамень* — «буйный, сильный», *рамено* — «очень» и привел соответствия из славянских языков: словен. *rámeno* — «чрезвычайно, невероятно, очень, необычайно», чеш. *náramný* — «чрезвычайный, невероятный, огромный», польск. *paremny* — «то же». Родственные образования с аналогичной семантикой представлены, по мнению М. Р. Фасмера, в древнеисландском, готском, древнеанглийском, древневерхненемецком, албанском, литовском, армянском и греческом языках [26, с. 440–441]. Такой широкий массив родственных образований в разных индоевропейских языках, по-видимому, не случаен, как и то, что все они отражают предельно интенсивную степень проявления признака. Данное обстоятельство нужно принять во внимание и объяснить.

В ряде своих работ Ю. В. Откупщиков для установления этимологии термина *рамень* анализировал его в словообразовательном аспекте, выделив суффикс *-мен-* и связав с утраченным глаголом **рати*, вариантом глагола *орать* — «пахать». Предложенная этимологическая версия подтверждается, по мнению автора, материалом индоевропейских языков: лит. *armino* — «пашня» < глаг. *ariti* — «пахать», лат. *armen-tum* — «рабочий скот (используемый на пашне)». На этом основании сделан вывод: генетически первичным у слова *рамень* было значение «пашня», а не «лес», поскольку при подсечном земледелии распаханые лесные участки (рамени-пашни) постепенно истощались, переставали использоваться, оказывались заброшенными. Они зарастали новым лесом, но продолжали называться *раменью*. Так с пашни «название *рамень* перешло на лес вообще и даже на дремучий лес» [13, с. 64–67]. Однако такой механизм установления генетически первичной семантики термина *рамень*, как мы уже убедились выше, представляется нелогичным, а поэтому неубедительным. Сколько же лет потребовалось бы заброшенной пашне, чтобы она снова могла зарости и превратиться в дремучий лес, и как исконно назывался этот лес? Более достоверным для лексемы *рамень* следует признать в качестве генетически первичного значение «дремучий еловый лес», а затем уже — «пашня».

Противоречивую этимологию термина *рамень* дает один из географических словарей. В нем содержится верная посылка: «Участки р[амени] с их плодородными почвами раньше других типов леса осваиваются под пашню», но следует неверный вывод, отражающий народную этимологию: «Возникающие на их месте поля оказываются в *раме елового леса* [курсив наш. — А. Б.], с чем и связано название р[амень]» [8, с. 209].

Прояснению семантической ситуации способствуют данные современного лесоведения, в котором *рамень* трактуется как тип елового леса на суглинистых, хорошо дренированных почвах. Основоположник отечественного

лесоведения Г. Ф. Морозов соотносит этот термин с представлением о целом ландшафте: «Еловая рамень [ж. р. — А. Б.], или просто рамень, есть крохотное наименование для целой суммы признаков, которые своей совокупностью характеризуют тип насаждения такого характера; это ельники высокого бонитета [продуктивности. — А. Б.] с небольшой примесью сосны и лиственных пород — осины и березы <...>; грунтовые воды здесь удалены на такую глубину, что ими корневая система ели не пользуется и почвенный горизонт расчленяется только на гумусовый, подзолистый и рудяковый, покоящийся на материнском грунте» [9, с. 425]. Впрочем, существует и более широкое понимание содержания термина *рамень*: наряду с указанными признаками в него включаются насаждения из пихты и кедра. В целом слово *рамень* (*чернолесье*) терминологически противопоставлено слову *бор* и употребляется главным образом применительно к лесам на Восточно-Европейской равнине.

В ряде современных энциклопедий, энциклопедических и лингвистических словарей отражено верное представление о географической специфике реалии, именуемой *раменью*, а также о вхождении народного термина в научный оборот. Так, в «Энциклопедическом словаре» *рамень*, *раменья* квалифицированы как «народное [курсив наш. — А. Б.] название темнохвойного, большей части елового леса» [30, с. 288]. А в «Большом энциклопедическом словаре» определение *народное* снято: *рамень* (*рамень*) — «темнохвойный, большей частью еловый лес в Европейской части СССР; иногда с примесью мелколиственных пород» [1, с. 241]. Большой и малый академические словари русского языка трактуют слова *рамень*, *рамень* как областные с указанием общей семантики — «густой, дремучий лес (обычно еловый)» [21, стб. 575].

Наряду с термином *рамень* в русской географической терминологии известен фонетически похожий на него термин *урман*, представляющий собой заимствование из тюркских языков. Широко отраженная в них лексема *orman* полисемантична: наряду с основным значением — «лес, тайга, преимущественно на равнине в долине» представлены вторичные значения — «роща; заросли тростника; вообще заросли; поляна» (ср. тур., караим., карач.-балк., кумык., казах. *orman*; татарск., башк. *urman*; чуваш. *вдрман*; узб. *ўрман*; и др.). Существует мнение, согласно которому слово *orman* можно рассматривать как одно из древнейших индоевропейских заимствований в тюркских языках, впрочем, конкретный язык-источник пока не известен. Ареал термина *урман* и образованных на его базе топонимов достаточно обширен — это Западная Сибирь, Урал, Казахстан, Поволжье. Производное терминологическое образование *урманные леса* устойчиво употребляется в современной географической литературе для обозначения «густых хвойных лесов Западной Сибири на болоте с преобладанием пихты, с большим количеством ели и редкой примесью лиственных, то, что на Алтае называется чернью» [11, с. 148; 12, с. 273–274]. Слово *урман* — «тайга» зафиксировано в сибирских говорах с XVII в. [20, с. 163].

Несмотря на категоричность утверждения М. Р. Фасмера, отрицавшего какую бы то ни было связь между русск. *рамень* и тюркск. (тур.) *orman* — «лес», отрицать ее не следует, поскольку тюркизм известен во многих языках Евразии: ср. макед., болг., серб. *orman*; алб. *ritan*; макед.-рум. *urmane*; курд. *urman*. Поэтому тюркское происхождение русского диалектизма *урман*, ставшего географическим термином, несомненно. Напротив, тюркская этимология другого термина — *рамень* фонетически неприемлема, по мнению И. Г. Добродомова, с учетом следующих фактов. Во-первых, слово *рамень* имеет устойчивое

ударение на первом слоге, что нехарактерно для тюркизмов. Во-вторых, в отличие от *отман* в русском слове *рамень* не соблюдается сингармонизм гласных по ряду. В связи с этим заслуживает внимания гипотеза И. Г. Добродомова о заимствовании русск. *рамень* и тюркск. *отман* из какого-то неизвестного источника, или нужно признать отношение исконного родства в пределах ностратической семьи языков, для которых к настоящему времени название леса не восстановлено [5]. Следует также учесть лексические соответствия, представленные в ряде индоевропейских языков и выражающие предельно интенсивную степень проявления признака (*рамяный* и др.) — «дремучий, непроходимый еловый лес», т. е. *рамень*.

Таким образом, интерпретация подмосковного топонима *Раменское* оказалась достаточно сложной ввиду значительного «сопротивления» лексического материала. Тем не менее можно с уверенностью утверждать, что в основе этого топонима — географический термин *рамень*, который имеет длительную историю бытования в русском языке как древнейшее обозначение соответствующего ландшафта и поэтому до сих пор привлекает внимание лингвистов [7; 31]. Естественно, *раменные* лесные ландшафты прошлого могли сохраниться или, напротив, навсегда исчезнуть в результате хозяйственной деятельности человека (вместе с обитавшими в них медведями, которые, по свидетельству В. И. Даля, имели шутовское прозвище — *Раменские*). Но даже в этом случае топонимическая память языка поможет исследователю приблизиться к истине.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь. — М., 1991. — Т. 2.
2. Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. — СПб., 1861. — Т. 1.
3. Воскобойникова Н. П. Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI — нач. XVII вв. — М., 1994.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1980. — Т. 4.
5. Добродомов И. Г. И еще раз к этимологии рус. *рамень(е)* // Этимология 2003–2005. — М., 2007.
6. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. — М.; Л., 1950.
7. Куркина Л. В. Еще раз к этимологии рус. *рамень* // Этимология 1997–1999. — М., 2000.
8. Мильков Ф. Н., Бережной А. В., Михно В. Б. Терминологический словарь по физической географии. — М., 1993.
9. Морозов Г. Ф. Учение о лесе. — М.; Л., 1949.
10. Морохин Н. В. Нижегородский топонимический словарь. — Н. Новгород, 1997.
11. Мурзаев Э. М. Тюркские географические названия. — М., 1996.
12. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. — М., 1999. — Т. 2.
13. Откупщиков Ю. В. К истокам слова. — 4-е изд. — СПб., 2005.
14. Писцовые книги Рязанского края XVI–XVII вв. — Рязань, 1997. — Т. 1. — Вып. 2.
15. Полякова Е. Н. От «арайны» до «яра». Русская народная географическая терминология Пермской области. — Пермь, 1988.
16. Полякова Е. Н. Память языка. — Пермь, 1991.
17. Селищев А. М. Из старой и новой топонимии // Избр. труды. — М., 1968.
18. Словарь Академии Российской. — СПб., 1794. — Ч. 5.
19. Словарь русского языка XI–XVII вв. — М., 1995. — Вып. 21.
20. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. / Сост. Л. Г. Панин. — Новосибирск, 1991.
21. Словарь современного русского литературного языка. — М.; Л., 1961. — Т. 12.
22. Словарь церковнославянского и русского языка <...>. — СПб., 1847. — Т. 4.

23. Смолицкая Г. П., Горбаневский М. В. Топонимия Москвы. — М., 1982.
24. Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. — М., 1976.
25. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. — М., 1989. — Т. 3. — Ч. 1.
26. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — М., 1987. — Т. 3.
27. Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. — 3-е изд. — М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2010.
28. Чайкина Ю. И. Географические названия Вологодской области. Топонимический словарь. — Архангельск, 1988.
29. Черкасова М. С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XVI–XVII вв. — М., 1996.
30. Энциклопедический словарь. — М., 1964. — Т. 2.
31. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. — М., 2005. — Вып. 32.

Откуда и куда пошли берендеи

Кочевое племя тюркского происхождения *берендеи* известно в русских летописях с XI в. Наиболее раннее упоминание о нем содержится в Лаврентьевской летописи, повествующей, в частности о том, что князь Василько Ростиславич намеревался вместе с берендеями и другими племенными объединениями идти войной на ляхов и дунайских болгар. Под 1097 г. в этой летописи читаем: «<...> Приде ми весть, яко идуть ко мне Берендичи, и Печенежи, и Торци <...>; на землю Лядскую наступлю на зиму, и на лето и возму землю Лядскую, и мыщу Русьскую землю». Под этим же годом в летописном тексте упоминается личное имя *Беренди*: «<...> Торчинъ, именемъ *Беренди*, овчюхъ [пастух овец. — А. Б.] Святополчъ <...>». Есть в Лаврентьевской летописи и другой пассаж: «Того же лета [1105 г.] пришедъ Бонякъ зиме на Зарубе, и победы Торки и *Берендее*» [29, с. 113, 119]. В целом в русских летописях этноним *берендеи* представлен достаточно широко, особенно в Ипатьевской летописи, включающей наиболее полные сведения об истории Южной Руси. В этих источниках этноним варьируется в формах *берендичи*, *берендичи*, *берендеичи*, *берендици* и др. Последнее летописное упоминание о данном этносе встречаем, наряду с другими летописями, в Лаврентьевской, где под 1206 г. сказано: «<...> Поиде съ ними [из Киева] Рюрик съ Ростиславомъ и Володимеромъ, и съ своими сыновци, и *Берендичи* идоша съ нимъ <...>» [29, с. 180].

Первую попытку осмысления и толкования названий древних этносов в контексте их участия в событиях истории Древней Руси предпринял В. Н. Татищев. Ученый-энциклопедист на основании изучения обширного корпуса разнообразных источников (летописных, исторических, географических, картографических, предметов материальной культуры), а также ученых сочинений отечественных и зарубежных авторов выразил свое понимание происхождения древних этнонимов. Несмотря на то, что разыскания В. Н. Татищева получили противоречивую оценку в отечественной историографии уже начиная с Н. М. Карамзина, современный исследователь должен их учесть и критически проанализировать, впрочем, как и любые другие научные сочинения независимо от времени их появления.

Свои соображения относительно истории древних этносов В. Н. Татищев изложил в 1-й и 2-й частях «Истории Российской»: «Торки, иногда учтиво торпей, яко же берендеи и чернии клобуки, имянованы, <...> с половцы единокровны были. Сии торки частию сами поддався, частию пленением по руским разным градом поселены, яко в Переяславли, Тмутарокани и пр. упоминаются, но более по реке Роси свои собственные грады и князей имели под властью руско» [курсив наш. — А. Б.]. Главный град их Торческ, ныне Карсунь. Их историки разнo имянуют, яко торки, печенеги, козари, чернии клобуки и берендеи, мно, что разные смешаны были. По нашествии татар все сии имена угасли, знатно татар к себе приобсчили. <...> Звание торки, может, сарматского языка, яко бога имянуют Тор, или славенское от проторча, или от древних турок произошедшие, для которых они от многих вместо торки турки имянованы <...>» [58, с. 274, 74]. Безусловно, не все из этих соображений могут быть приняты современной наукой, но, как мы увидим

далее, локализация поселений *берендеев* и других древних этносов, предложенная В. Н. Татищевым, оказалась абсолютно верной, как и определение их главного кочёвого поселения («столицы»).

Основополагающими для установления этнической принадлежности *берендеев* и разработки этимологии этнонима явились разыскания Н. М. Карамзина, который обратил внимание на следующие факты: «Где в одних летописях говорится о Торках, Берендеях и Печенегах, там в других названы только Черные Клобуки <...>. Сие имя было для них общим и дано им, без сомнения, от черных шапок. То же значит имя нынешних Каракалпаков, некогда обитавших, по собственному их преданию, в России Восточной <...>. Сих же Черных Клобуков называли Черкасами <...>» [26, стб. 90; прим., стб. 90]. Наблюдения Н. М. Карамзина были частично конкретизированы историком И. Самчевским, заметившим, что «Черные Клобуки не были особенный какой-нибудь народ, отличный от Торков и Берендеев; <...> это название, равно как и название Черкасов, было общим названием и для Торков, и для Берендеев, и кроме того еще и для Ковуев и Печенегов. Название Черные Клобуки было родовое по отношению к Торкам и Берендеям» [48, с. 88].

Соответствующие летописные контексты позволили историкам к. XIX — н. XX в. утверждать, что во 2-й половине XI в. *берендеи* вместе с торками и печенегами обитали в южнорусских степях, у границ Киевского и Переяславского княжеств, преимущественно в бассейне р. Роси, правого притока Днепра [48; 42; 6; 13; 14; 16; 32; 33]. Действительно, в русских летописях с конца XI в. сообщается о поселениях торков и *берендеев* в Поросье, по-видимому, наиболее крупных (см. рис. 6). Это, например, упомянутый в ПВЛ под 1093 г. *Торческъ* (*Търчъскыи*), который не без основания был определен И. Самчевским вслед за В. Н. Татищевым как главный город черных клобуков [48, с. 104]. Впрочем, Н. П. Барсов считал, что данный город «<...> мог возникнуть уже по смерти Ярослава, вследствие подчинения Торков Русским князьям, при Изяславе, и никак не позже 1084—1086 года [курсив наш. — А. Б.], ибо поучение Владимира Мономаха говорит о нем именно в изложении событий этого времени» [6, с. 139]. Сходное мнение, также с указанием более ранней датировки, было высказано Б. Д. Грековым: «Торческ в первый раз упоминается в Поросье как город под 1085 г. Но мы вправе высказать предположение, что он существовал и раньше, а может быть возник в связи с широким строительством укреплений южных границ государства» [15, с. 283]. В названии города, несомненно, отражен тюркский этноним *търки* (др.-русс. *търци*).

Существование *Торческ* подтверждено археологически: обнаружено огромное городище Шарки XI—XIII вв. площадью около 90 га «в 38 км к востоку от Белой Церкви (древнего Юрьева) между селами Ольшаница и Шарки близ р. Роси <...>». По мнению Б. А. Рыбакова, отличному от предположений Б. Д. Грекова, «весь облик городища <...> со слабой недолговечной заселенностью очень хорошо согласуется с представлением о столице кочевников, используемой как временное убежище лишь в момент редких нападений половцев» [курсив наш. — А. Б.] [46, с. 243, 245]. Другим крупным городом торков и *берендеев* был *Заруб* (так же назывался брод-переправа через Днепр на его правом берегу) на месте существовавшего в прошлом села *Зарубинцы* (Каневский р-н Черкасской обл. Украины). И, наконец, следует назвать г. *Юрьевъ* (*Гюргево*), располагавшийся на р. Роси при впадении в нее р. Рута (совр. р. Рутец?) — современный район г. Белая Церковь Киевской обл.

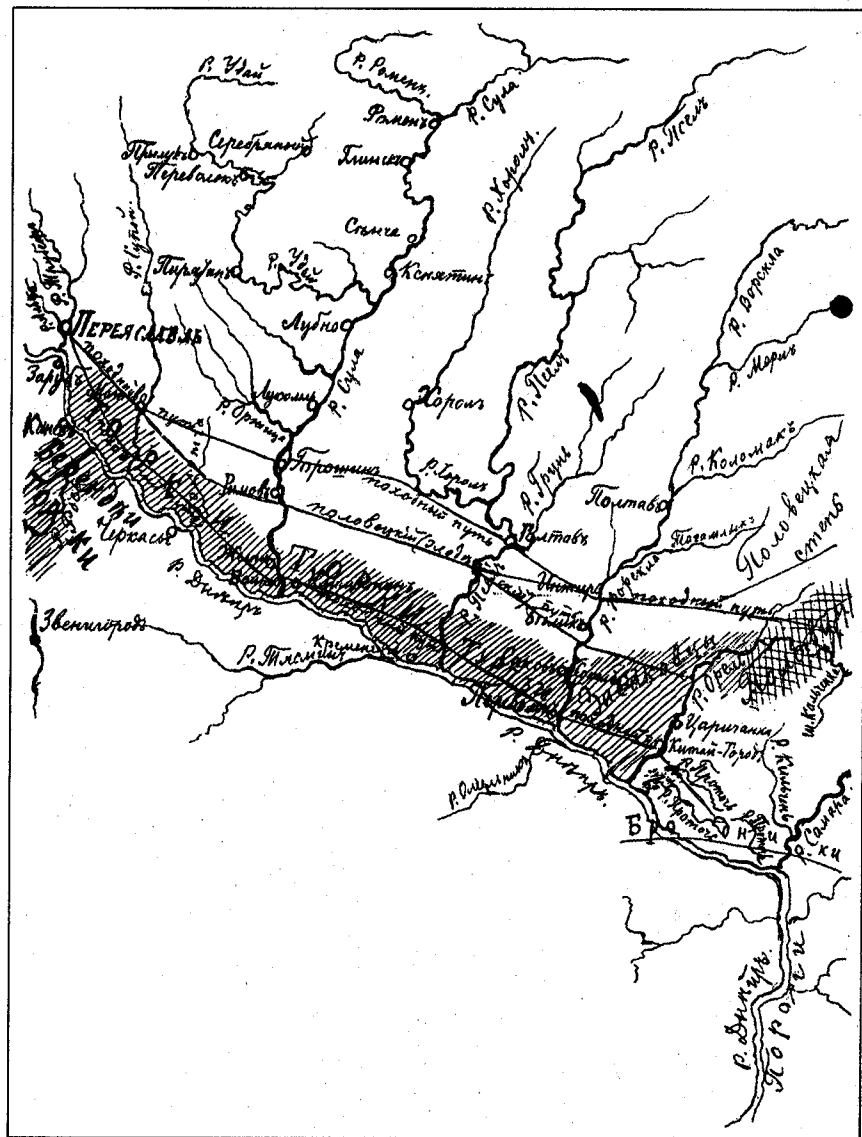

Рис. 6. Карта из работы В. Г. Ляскоронского [33]
(«Карта путей в степи в XI–XIV столетии»)

[24, с. 162–163, 60–61, 48]. Наличие древнейших поселений *торков* и *берендеев* в указанных регионах подтверждено археологическими исследованиями, проведенными в конце XIX в., в ходе которых, в частности, была выявлена специфика погребения представителей данных этносов [2; 56].

Примечательно, что в Ипатьевской летописи под 1177 г. сообщаются сведения о количестве «полоненных» берендеевских городов: «<...> Половцы же взяша 6 городов *Берендиць* и поидоша к Ростовцю» [25, с. 408]. При этом необходимо учитывать, что локализация вышеназванных древних топонимов в трудах историков XIX–XX вв. отличается противоречивостью. Показательным примером является утверждение А. Н. Насонова о расположении *Торческа* на р. Торче, правом (!) притоке Роси. Однако на карте *Торческ* помещен в левобережье (!) Роси [34, с. 29, 64–65], что вполне подтверждено археологически. Кстати, верная локализация данного топонима была дана уже М. П. Погодиным, впервые предложившим полную сводку летописных известий о *торках*, *берендеях*, *печенегах*, *ковуях*, *каепичах* и *черных клобуках* [41, с. 200, 181–194]. В связи с этим локализация древних топонимов должна предполагать критическую оценку и нуждается в уточнении.

Критически следует оценить и бездоказательные попытки обнаружить берендеевский след в некоторых сохранившихся топонимах. Например, М. С. Грушевский, справедливо отмечая связь топонимов *Берендовичи* и *Торки* в Галицкой земле с древними этносами, включил в этот ряд топоним *Бердичів*, никак не обосновав механизма отражения этнонима в топониме, а лишь глухо указав, что некогда (когда?) *Бердичів* имел форму *Берендичів* [16, с. 585]. Этот пассаж без какой-либо критической оценки был воспроизведен в работе Б. Д. Грекова [15, с. 281]. Примечательно, что к настоящему времени топоним *Бердичев* не имеет вполне надежных этимологий, в том числе подтверждающих его генетическую связь с этнонимом *берендеи*.

Исследования отечественных и зарубежных историков XIX–XX вв. позволили прояснить социальный статус *берендеев* в древнерусском государстве. По мнению И. Самчевского, если в междоусобицах русских князей половцам была отведена роль «союзников-наемников», то черные клобуки выступали как «сподручники, более подвластные, чем наемники» [48, с. 97]. Поэтому не случайно «замиренные» *берендеи* имели с Русью договорные отношения, а в 1146 г. вошли наряду с *торками* и *печенегами* в объединение племен, получившее название *черные клобуки*, и стали «подданными» Руси. Они участвовали в решении споров между русскими князьями, в походах киевских князей против половцев использовалась берендеевская конница. Согласно летописным сведениям, хотя и несколько противоречивым, численность отрядов *берендеев* в Киевском государстве доходила до 1000, 2100 и даже до 30 000 воинов [43, с. 101; 44, с. 11–12].

Промежуточным итогом изучения социально-политической роли *берендеев* в истории Руси стали две достаточно обстоятельные для науки того времени статьи Д. А. Расовского [43; 44]. В первой из них на основании обобщающего анализа в основном летописных источников охарактеризованы функции *берендеев* в составе племенного образования *черные клобуки*, выявлен их статус. Во второй статье, привлекая обширный корпус отечественных и зарубежных исследований, автор рассмотрел этническую историю *берендеев* и показал с учетом топонимических данных регионы их расселения на Руси и за ее пределами до и после XIII в. Используя материалы критико-этимологического словаря венгерского языка [64], автор констатировал: «Более сохранилось

следов пребывания в Угрии Берендеев. Больше всего их в Словакии, затем на восточном пограничье Угрии. Судя по следам их расселения, можно думать, что они проникали в Угрию через южные Карпаты и поселялись гл. обр. на северном и восточном ее пограничье» [44, с. 33] (см. рис. 7).

По лаконичному утверждению «Советской исторической энциклопедии», «в связи с нашествием татаро-монголов на Русь в начале XIII в. часть берендеев ушла в Болгарию и Венгрию, остальные слились с населением Золотой Орды» [55, стб. 347]. После этого времени новых сведений о *берендеях* в русских письменных источниках нет. Столь краткое участие данного этноса в событиях истории древней Руси обусловило появление множества загадок и легенд, неточностей и преувеличений, связанных с ним. Для преодоления недоразумений и выработки объективного взгляда на судьбу *берендеев* в русской истории небезынтересными представляются корректирующие выводы современного историка: «Отношения Руси со Степью складывались довольно сложно — прежде всего из-за различий в образе жизни, языке, культуре. Тем не менее сформировавшиеся в последние два столетия стереотипы восприятия степняков как исконных врагов Руси не вполне отвечают представлениям о южных соседях, которые бытовали в Древней Руси. Для древнерусского книжника — в отличие от нашего современника — была не столь важна собственно этническая или языковая характеристика того или иного „народа незнаемого“, сколько уяснение его „правильного“ имени [курсив наш. — А. Б.] — с точки зрения прежде всего эсхатологической перспективы» [18, с. 64]. Поэтому целесообразно приблизиться к пониманию этимологии этнонима *берендей*.

В работах лингвистов, историков, географов и краеведов интерпретация происхождения этнонима отличается противоречивым разнообразием, но естественно рассматривается в контексте статуса *берендеев* в древнерусском государстве. В конце XIX в. Н. А. Аристов, размышляя об этническом составе тюркских племен, заметил, что «у кара-киргизов есть отдел беш-бёрен, а у <...> кипчаков есть род кук-борон <...> или көк-бурун <...>, которого правильнейшее произношение будет, кажется көк-бөрөн. Ввиду этого можно думать, что берендей были вошедшими в состав печенегов кипчацким родом. Род этот вероятно был многочислен и влиятелен, потому что имя его иногда распространялась на всех печенегов, даже когда уцелевшая часть этого народа находилась уже в Венгрии <...>» [3, с. 310–311]. Долгое время вне поля зрения исследователей оставалась квалификация, данная В. В. Радловым тюркскому глаголу «біріндір (v) [Kas., von бір+n+дір] — „заставить отдаться“» [42, стб. 1752] и способная прояснить этимологию этнонима *берендей*. Тем не менее значительный вклад в разработку данной проблематики внес венгерский ученый, библиотечарь Мадьярской АН Л. Рашоньи. В одной из своих работ, малоизвестной современным исследователям, он уверенно указал на тюркское происхождение этнонима, доказательно привлекая надежный ономастический материал, отражающий базовое наличие этнонима в составе русских, чувашских и румынских фамилий, а также в составе венгерских и румынских топонимов.

В процессе доказательства тюркского происхождения этнонима *берендей* Л. Рашоньи проанализировал ряд «берендейских» личных имен, встречающихся в русских летописях. Среди такого ономастикона особого внимания заслуживает имя *Бастий* (*Бастии*, *Берендичи*, *Бастеева чадь*), возводимое к тюркск. *basty* — гл. 3-го л. ед. ч. прош. вр. сов. в. <тюркск. *bas* — «давить, прессовать»;

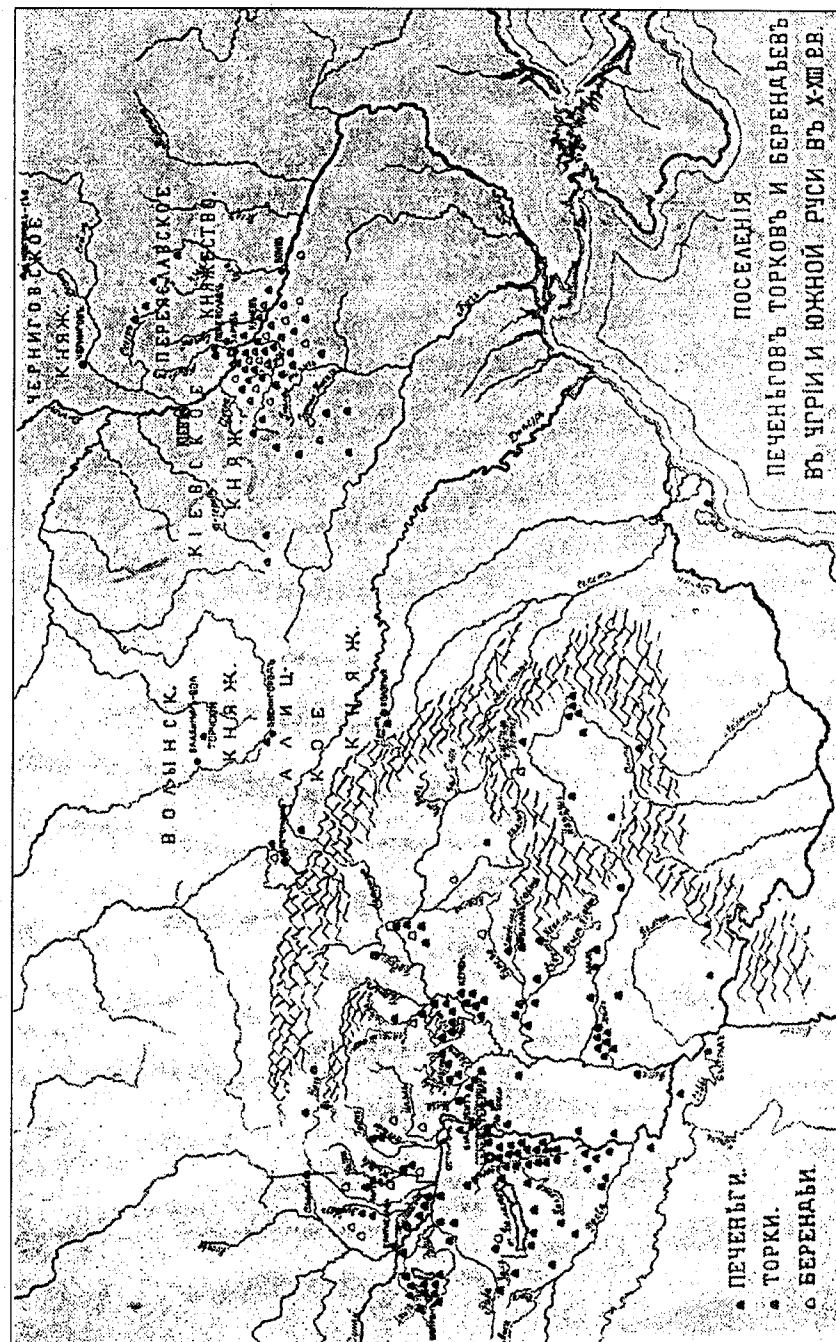

Рис. 7. Карта из работы Д. А. Расовского [44]

перен. «побеждать, господствовать». На этом основании имя *Басти*, широко распространенное во всем тюркоязычном регионе, трактуется как «он победил, он поработил». По мнению автора, в структуре этнонима *берендей* следует выделить русский суффикс *-й (-ей)*, как и в именах типа *Кунтувдей*, известных в русских летописях с конца XII в. В итоге имя *Беренди* интерпретируется как производное образование 3-го л. ед. ч. прош. вр. сов. в. от возвр. гл. *beren-* («общетюрк. *ber-*, каз. *bir-*, осм. *ver-*, имеющего значение «покориться, смириться, сдаться», т. е. *Беренди* — «он смирился, он покорился» (см. выше летоп. «Торчинъ, именемъ *Беренди*»). Количество личных и родовых имен, включающих глагольный корень *ber-*, по утверждению Л. Рашоньи, достаточно велико, он мог бы процитировать из своего толкового словаря 4–500 имен типа *Берди*, *Берген*, *Бермиш*, *Берим*, *Бериш*, *Бергю*. Следует по достоинству оценить и выявленную автором словообразовательную закономерность, отраженную в структуре имени *Беренди*, — «часто (регулярно) встречающееся употребление формы 3-го л. прош. вр. гл. (или прич.) сов. в. в качестве личного или родового (племенного) имени» [65, с. 222–223].

М. Р. Фасмер, обобщив не без некоторых пропусков разыскания предшествующих исследователей, настаивал на тюркском происхождении этнонима *берендей*, сравнив его, ссылаясь на статью голландского ученого Хоутсмьи, с тюркск. *bajindir* — «племя гузов» (огузов). При этом известный славист решительно отверг сарматское (иранское) происхождение этнонима, которое постулировал А. И. Соболевский [54, с. 10; 61, с. 155]. Точка зрения М. Р. Фасмера нашла отражение в современной исторической литературе, где бытует мнение о том, что *берендей* выделились из тюркоязычного племенного объединения *огузов*, которые в VII–XI вв. занимали территории Центральной и Средней Азии. В середине XI в. часть *огузов* заселяла южнорусские степи, и в целом *огузы* могли сыграть важную роль в этногенезе ряда тюркских народов, в том числе каракалпаков (летописных *черных клобуков*?).

Проблемы этногенеза древних тюркских племен последовательно рассмотрены в ряде работ (1958–2003 гг.) С. А. Плетневой [37–40]. Однако примечательно, что если в статье 1981 г. историк предположительно-неточно квалифицировал *берендеев* как «какую-то орду половцев» [38, с. 214], то в работе 1982 г. *берендеям* дана другая характеристика, так же нуждающаяся в лингвистическом уточнении и аргументации: «Помимо них [печенегов и торков. — А. Б.], в качестве вассалов Руси в летописях упоминаются берендеи. Род баяндур (берендеи в русском произношении) известен и у кипчаков, и у гузов. Очевидно, баяндурь входили в гузский союз, а после разгрома торков обособились от них и в большом количестве перешли на службу к русскому князю [какому? — А. Б.]. Их было даже больше, чем торков и печенегов вместе взятых. Во всяком случае упоминаются они чаще, а значит, политически были много активнее. К середине XII в. все эти вассальные орды объединились в единый союз Черных Клобуков. Интересно, что новый союз, как и половцы, взял имя не самой влиятельной орды, а совершенно новое наименование — каракалпаки (по-русски — Черные Клобуки). При этом каждая из входящих в союз орд имела и собственное название» [39, с. 63] (см. рис. 8).

Вполне этнически убедительной и лингвистически аргументированной нам представляется берендеевская концепция, выдвинутая в исследованиях Н. А. Баскакова [7–10]. В частности, он констатировал следующее: «Узы (~гузы~огузы), или торки, появились в Восточной Европе в IX–X вв. и осно-

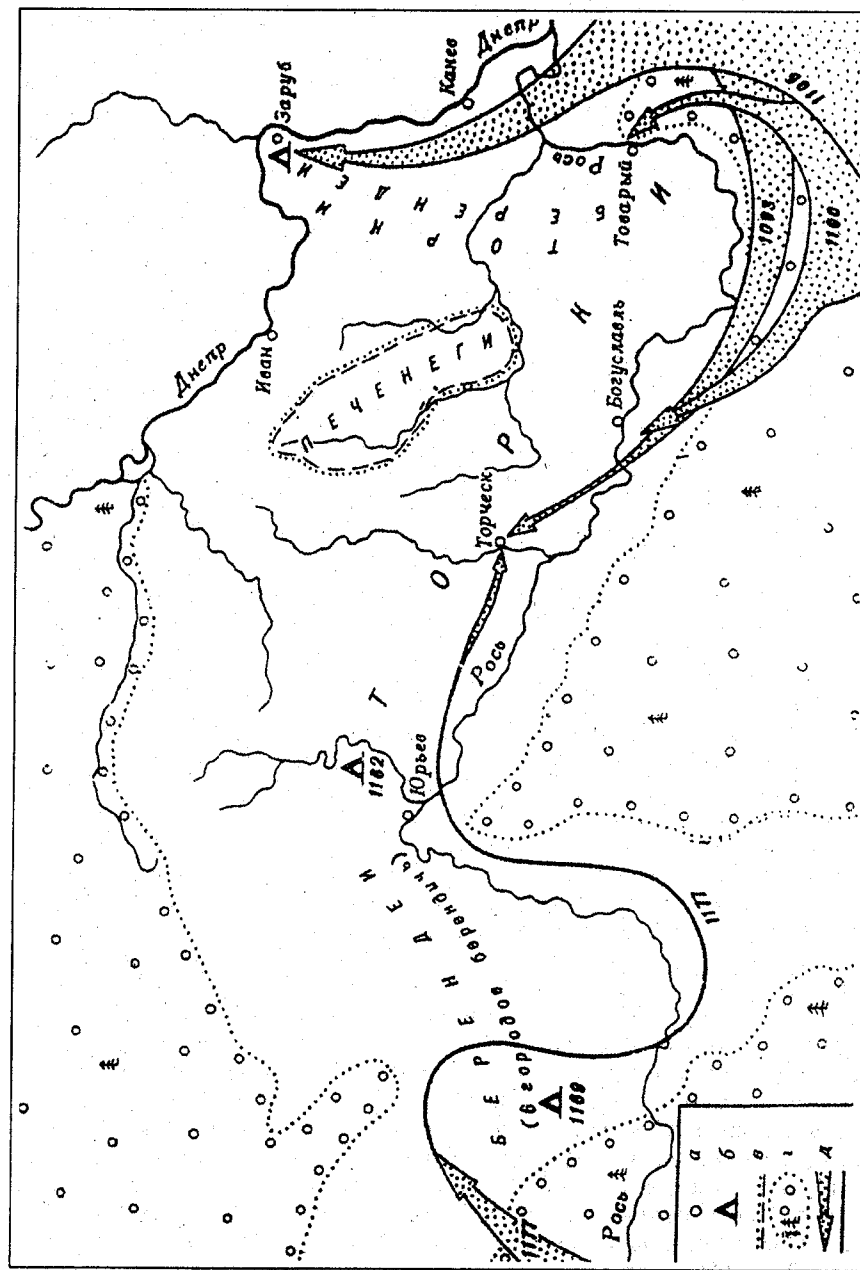

Рис. 8. Карта из работы С. А. Плетневой [37].
Поросье в XII в. (по археологическим данным и летописным сведениям). Условные обозначения: а — города древней Руси; б — кочевнические вежи; в — земли печенегов по археологическим данным; г — лес; д — походы половцев

вали довольно значительный племенной союз печенегов, который в столкновении со славянами и византийцами быстро распался, но некоторые из огузских племен и родов, известные по русским летописям под общим названием „черных клобуков“, — узы, торки, берендеи, боуты~могуты, каепичи, ковуи и др. — еще некоторое время, до слияния их с последующей волной кочевников — половцами, находились в союзе с русскими и участвовали вместе с ними в борьбе с половцами. Эти мелкие родоплеменные союзы огузов, обитавшие еще в X–XI вв. на Киевщине и Черниговщине, управлялись черноклобуцкими князьями, имена которых часто упоминаются в русских летописях» [8, с. 31–32].

Таким образом, лингвистический подход к этимологии этнонима *берендеи* должен базироваться на материале тюркских языков, начиная с вышеупомянутого ориентирующего указания В. В. Радлова. В этих языках содержатся лексемы, способные приблизить нас к реконструкции древнейших принципов номинации данного этноса, отражающих его социально-поведенческую роль в истории Древней Руси. Именно эта роль обусловила появление такого названия, которое могли дать другие тюркоязычные этносы *берендеям*, «покоренным», «замиренным» русскими князьями и ставшим их союзниками. По-видимому, не случайно Н. А. Баскаков предложил этимологию, указывающую на итог такого замирения: *Берендей* < *berin-* + *-di* — «преданный» [10, с. 149], — и терминологически квалифицировал этнонимы типа *берендеи* как *аллоэтнонимы* — «варианты названий племени или народности, данные другими племенами и народностями», в отличие от *автоэтнонимов* — «самоназваний племен и народностей <...>» [7, с. 200]. Впрочем, уже венгерский тюрколог Д. Немет в работе 1930 г. отмечал, что семантически этноним *Берендей* относится к той древней группе родовых имен, которые «указывают на обстоятельства, связанные с генезисом соответствующего этноса, первым взаимодействием с другим народом и на важнейшие события в истории этноса» (цит. по [65, с. 224]).

М. Ряснен, указав на переход [b] > [p] в чувашском языке и предположительно определив его как «относительно позднее явление», приводит многочисленные примеры рефлексии общетюркского корня *ber-*: «чув. *par* „давать“; алт., тел., лебед., шор. *pār*; др.-тюркск., уйг., кум., чаг., хив., тар., караим. *bār*; кирг., казах., туркм. *ber*; тат., башк. *bir*; якут. *biär*», [47, с. 146]. Ср. также [20, с. 95]. Вполне убедительно семантическое содержание чувашского глагола *parǎn* (возвр. от *par*) и родственных ему образований в других тюркских языках было раскрыто В. Г. Егоровым. Весьма примечательно, что во многих из таких языков (особенно в чувашском, киргизском, казахском и каракалпакском — языках контактных зон славян и тюрков) названный глагол сохранил генетически исходное значение «отдаваться в руки, сдаваться, покоряться, подчиняться». Ср. также: уйг. *берил*; башк., тат. *бирел* «предаваться, отдаваться; сдаваться»; узб. *берил* «быть отданным»; кирг., казах., к. калп. *берил* «сдаваться, поддаваться, быть преданным; предаваться чему-н., увлекаться»; уйг. *берилген*, кирг., казах. *берилген*, башк., тат. *бирелген* «преданный» [22, с. 143]. В этимологическом словаре Э. В. Севортыня констатируется употребление глагольных форм с корнем *ber-* «давать» как в прямом, так и в переносном значении во всех источниках, причем в сравнении с и.-е. *pār* «(при)носить», «братъ»? и с указанием отечественной и зарубежной литературы вопроса [49, с. 114–116]. Применительно к отдельному региону социально-

этническая история *берендеев* и других близких к ним древних этносов удачно обобщена в статье И. О. Князького. Он сделал следующий вывод: «К середине XII в. в результате контактов древнерусского населения и тюркских кочевников (печенегов, торков, берендеев) в центре Днестровско-Прутского междуречья образуется своеобразная контактная этнокультурная зона. Об этом достаточно убедительно свидетельствуют материалы раскопок и антропологических исследований. <...> Здесь по-прежнему сохраняется древнерусское, восточнославянское население. С юга, из тех мест Нижнего Подунавья, где поселения Балкано-Дунайской культуры были разгромлены в конце X в., идет переселение южнославянского болгарского населения. В XI–XII вв. к русско-болгарскому земледельческому населению присоединяются тюрки — печенег, торки, берендеи и половцы. Начинается мирное соседство и этнические контакты славян и тюрков, постепенно часть тюрков переходит к земледелию» [27, с. 31–34].

Вероятно, по причине нашествия монголо-татар начиная с XIII в. часть *берендеев*, традиционно занимавшихся скотоводством и ведших полукочевой образ жизни, мигрировала не только далеко на юг, но и далеко на север от древнерусского региона своего расселения, приобщаясь к оседлому образу жизни. Об этом свидетельствуют «оседлые» названия населенных пунктов и административных единиц, например, в бывшем Дмитровском уезде, отраженные в памятниках русской письменности XIV–XVI вв.: *Берендеева слобода*, *Берендеево*, *Берендеевская волость*, *Берендеевской стан*. В «Духовной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича Донского» (1389 г.) читаем: «А се даю с(ы)ну своему, князю Петру, Дмитровъ со всеми волостми, и съ селы <...>. А се Дмитровские волости: Вышегород, *Берендеева слобода*(а), Лутосна с отъездцем <...>». В «Духовной грамоте князя галицкого Юрия Дмитриевича» (1433 г.) сообщается: «А Дмитрию с(ы)ну своему, даю волости Дмитровские: Ижво, Мушкова, Раменка, *Берендеево* с слободкою с Кузмидемьяньскою <...>» [21, с. 34, 74 и др.; 36, с. 753–756]. Топоним *Берендеево* зафиксирован также в «Боярской книге 1556 г.» [11, с. 34, 38, 76], и некоторые из подобных названий сохранились к середине XIX в. Так, П. П. Семенов-Тянь-Шанский упоминает «казенное село *Берендеевское* (или Пятницкое) Московской губернии, Звенигородского уезда, в 40 верстах к северу от Звенигорода, при р. Истре, на дороге из Воскресенска [совр. г. Истра. — А. Б.] в Клин» [50, с. 246]. Архимандрит Леонид приводит другую форму топонима — село *Пятница Берендеева*, указывая на то, что в церкви этого села сохранилась рукопись «Археологический Берендеевский сборник», часть которого составляют исторические акты, относящиеся к местности, называвшейся в XIV–XVI столетиях «Берендеевой Волостью» (из числа дмитровских Волостей). По мнению архимандрита, в названии села отражено «напоминание о племени Берендеев» [4, с. 1–2]. Среди топонимов, существовавших в Дмитровском княжестве на момент его присоединения к Московскому княжеству, М. К. Любавским отмечены «*слобода Берендеева* на юго-западе, *Берендеевская волость*, *Берендеевский стан*» [31, с. 15, 63–65].

Этноним *берендеи* отражен и в другом разряде русской ономастической лексики — антропонимах, локализуемых по памятникам письменности XV в. в тех же северных регионах, что и вышеуказанные топонимы. Например, «Парфений *Берендеев*. 1433 г., Дмитров; *Берендей*, староста в Переяславском уезде, конец XV в.» [12, с. 36]. На южнорусской территории 1500 годом датиру-

ется употребление антропонима «*Берендей* Пиманович, землянин [землевладелец. — А. Б.] киевский». Этноним фигурирует и в составе «отчеств» представителей различных социальных слоев русского населения 2-й половины XVI в.: «Мишко Берендеевич, черкасский мешанин, 1552 г.; Ждан *Берендин*, крестьянин, 1582 г.» [59, с. 47, 477]. Одно из последних упоминаний древнего имени встречаем в документе 1678 г.: «сотник немировский *Берендей*» [1, стб. 751, 753–754].

Реликтовым топонимом, сохранившимся к настоящему времени и отражающим несомненную связь с древним этнонимом, следует считать название поселка *Берендеево*. Он расположен в Переславском районе Ярославской области, в южной ее части; там же находится одноименная железнодорожная станция. Этот населенный пункт как рабочий поселок был образован в 1944 г. в результате объединения поселков Центральный и Красногорский Берендеевского торфопредприятия и селения при железнодорожной станции *Берендеево*. Впоследствии административно-территориальный статус населенного пункта *Берендеево* неоднократно изменялся (как и границы Ярославской области в течение всей истории ее формирования) и стабилизировался в современном виде в 1965 г. [19; 63, с. 149]. Данное поселение расположено в болотистой местности. Географические источники XIX в. указывают на существование обширного *Берендеева болота*, располагавшегося «между деревнями Большие и Малые Вески, Погорелки, Новоселки, Черницкое, Родионцево, Лаврово и Кондралихово. Длина болота до 10 верст, ширина от 4 до 5 верст» [50, с. 245]. Примечательно, что большинство из этих топонимов сохранилось и хорошо локализуется на современной карте [5, с. 120]. В северной части *Берендеева болота* берет начало р. Трубеж, впадающая в Плещеево озеро у Переславля-Залесского, а в южной — р. Малый Киржач, правый приток р. Киржач. В целом вся южная часть Ярославской области насыщена многочисленными реками, озерами, болотами, образовавшимися, по мнению географов, в древнейший послеледниковый период, — не случайно в начале XX в. в Ярославской губернии насчитывалось более 100 озер. Примером такого образования может служить *Берендеево болото*, в далеком прошлом представлявшее собой озеро, подвергшееся впоследствии заболачиванию и торфообразованию [35]. К настоящему времени большинство болотных угодий, преимущественно на востоке, использовано для добычи торфа и название *Берендеево болото* обозначает только его южную часть [5, с. 120].

Естественно предположить, что на берегах древнего *Берендеева озера* существовали поселения, некоторые из них со временем разрушались, по разным причинам оказывались заброшенными, превращаясь в городища. Одним из таких городищ в начале прошлого века дал описание краевед М. И. Смирнов. Оно известно под названием *Городок Берендеев* (местное население называло его *Григорово городище* и *Гридино городище*). Городище располагалось на северо-западном берегу *Берендеева болота*, на возвышенности, поросшей сосновым лесом (в районе современного поселка сельского типа *Волчья Гора*), в двух с половиной верстах от железнодорожной станции *Берендеево*. Сохранились сведения о том, что *Городок Берендеев* после генерального межевания дач Переславского уезда под названием *пустошь Гридина* и *Городище* был пожалован Петром I семейству Н. П. Макарова и впоследствии сменил несколько владельцев.

М. И. Смирнов отмечал, что, поскольку возвышенность (гора), на которой расположено городище, состоит из песка и гравия, Северная железная

дорога в 20-е гг. XX в. использовала ее для своих нужд, проведя туда железнодорожную ветку. Вследствие этого была открыта значительная часть песчаного холма и, возможно, «при этом были уничтожены археологические ценности». Стен или земляных валов на месте городища в начале XX в. уже не было, однако судя по сохранившимся названиям низин (*Стены, Подстенье, Заднее Подстенье*), окружающих возвышенность с трех сторон, они существовали в далеком прошлом. В начале XIX в. на месте городища находили остатки мостовой и высокого земляного вала, а по сообщениям жителей села Лаврова, были найдены красные и белые кирпичи, подсвечники и медные чаши [53]. Таким образом, археологические и топонимические данные как будто подтверждают местонахождение древнего *Городка Берендеев*, где, согласно народным преданиям, жил царь *Берендей*. По причине территориальной близости название поселения *берендеев* могло перейти на озеро (болото), а впоследствии аналогично стали именоваться расположенное северо-восточнее *Волчьей Горы* поселение *Берендеево* и станция Московско-Ярославской железной дороги в связи с открытием в начале 1870 г. движения между Сергиевым Посадом и Ярославлем.

Топоним *Берендеево*, восходящий к древнему этнониму, не одинок на Ярославской земле: в источниках 2-й половины XIX в. фигурирует владельческое село *Берендяйка* (*Берендяки*), расположенное «по левую сторону большого тракта из г. Пошехони в г. Вологду» [62, с. 190]. Это село сохранилось к настоящему времени как поселок сельского типа *Берендяки* в Пошехонском районе. Другой реликтовый топоним, по-видимому, также связанный с древним этнонимом, — *Половецкое*, он обозначает нежилой упраздненный населенный пункт сельского типа к северо-западу от поселка *Берендеево*. Примечательно, что севернее упраздненного *Половецкого* продолжает существовать одноименный поселок сельского типа.

К XIX в. в русском языке на базе этнонима *берендей* путем его своеобразного переосмысления сформировалось определенное словообразовательное гнездо. Так, В. И. Даль с своим словаре приводит слово *берендейка*, сопровождая его следующими синонимическими значениями (толкованиями) с этнографическими подробностями: «1) «бавушка, игрушка, бирюлька, точеная или резная штучка, фигурка, балаболка, набалдашник и пр.». В Троицкой Лавре, в 50 верстах от с. Берендеева, режут из дерева известные игрушки, людей, животных; их в торговле зовут *берендейками*; 2) *пск.* «плетушка, плетенка, зобница [корзиночка-лукошко. — А. Б.] для мякыны»; 3) стар. «перевязь через левое плечо, к которой привешены были патроны, заряды <...>»; 4) стар. «особый род шапок» [возможно, это реминисценция этнонима *черные клобуки*. — А. Б.]».

В данную словарную статью включены также слова «*берендейть* — „берендейки строгать, заниматься пустяками, игрушками“; *берендеечник* — „игрушечник“» [17, с. 83]. Показательно, что во 2-м из перечисленных выше значений в новгородских говорах до сих пор бытует слово *берендеечка* — «корзина для ягод». Следует учесть, что приведенное у В. И. Даля слово *берендейка* уже не является многозначным, а входит в разряд разных слов — омонимов (ср. родо-половое соответствие *берендей* — *берендейка*).

Рефлексы далеких событий русской истории, связанных с *берендееями*, получили отражение в фольклоре начиная с XVII в. В одном из старинных сборников русских пословиц, поговорок, загадок, собранных известным

славистом П. К. Симони, содержится выражение «шоки берендеевы» [57]. Однако ввиду отсутствия достаточного контекста дать этому выражению точное толкование затруднительно. Народные «известия» о *берендеях* привлекли внимание А. Н. Островского, создавшего в 1873 г. весеннюю сказку «Снегурочка». По мнению В. Я. Лакшина, предания о *берендеях* драматург мог слышать в окрестностях Шелькова Костромской губернии, где отдыхал каждое лето, и в окрестностях Переславля-Залесского, мимо которого он неоднократно проезжал в 40–50-е гг., направляясь в костромское имение отца, и, конечно же, знал о существовавших тогда *Берендеевом болоте* и селе *Берендеево* [30, с. 483]. Поэтому не случайно действие сказки происходит в доисторическое время в стране *берендеев*, которой правит мудрый, справедливый царь *Берендей*, и разворачивается, наряду с другими местами, вблизи *Берендеева посада* (столицы царя) и в заречной слободе *Берендеевке*. Жизнь подданных царя, *берендеев*, показана подчеркнуто идиллически, а сами они наделены эпитетами *беспечные, ленивые, веселые, честные, счастливые, любимые богами* и, примечательно, — эпитетом «правая румяная щека».

История *берендеев* и *Городка Берендеева* продолжала волновать народное сознание и в начале XX в., вдохновляя отдельных авторов на создание поэтических произведений, стилизованных под старину. Примером может служить стихотворение С. Е. Елховского «Сказание о Берендеевом болоте». В нем повествуется о вдове Рогнеде, скорбящей о сыне *Берендее*, утонувшем в озере:

А втапору во хоромах Рогнеда-вдова
Как поведала горе-злочастие,
Как услышала, не вынесла,
Прокляла она озеро.
И провалился город, как его не было,
И обернулась Рогнеда в бабу каменную,
И стало озеро уходить — зарастать,
И стало там болото великое
По прозванью Берендеево.
И живет там сила нечистая <...> [23, с. 13–14].

Собственно этноним *берендеи* получил историко-этнографическое отражение в отечественной энциклопедической литературе в конце XIX в. — впервые он зафиксирован в «Русском энциклопедическом словаре», издаваемом И. Н. Березиным [45, с. 520]. Лексикографическая разработка этнонима в словарях современного русского литературного языка отличается предельной избирательностью, что обусловлено малоупотребительностью этнонима и его функционированием лишь в статусе историзма. Слово *берендеи* и производные от него образования отсутствуют во всех толковых словарях, за исключением Большого академического (2-е изд.). Их употребление иллюстрируется доказательными цитатами из художественных произведений XIX–XX вв. [52, с. 493–494]. К сожалению, этноним *берендеи* не включен в словники издающихся в настоящее время исторических словарей русского языка.

В русских народных говорах этноним *берендеи* сформировал серию производных слов, осмысленных по линии народной этимологии. Например, *берендѣить* (Терск.) — «болтать, шутить»; *берендѣрить* (Влад.) — «бить»; *берѣндить* (Костр., Нижегород.) — «препятствовать, противоречить»; *берѣндѣть* (Пск.) — «то же»; *берѣндить* [удар.?] (Костр.) — «врать, лгать»; *берѣндѣться* (Яросл.) — «сниться; думать так же бессвязно, каким бывает сон». В иной огласовке:

барандѣ (Онеж.) — «растяпа, неловкий, рассеянный человек»; *барандѣй* и *барандѣха* (Костр., Нижегород.) — «бестолковый, вздорный человек, болтун, пустомеля»; *барандать* (Олон.) — «ворчать, ругаться; говорить вполголоса»; *барандѣть* (Ладж.) — «болтать, пустословить» [51, с. 105, 255].

Таким образом, как элемент мощного потенциала, накопленного русской ономастической системой в течение столетий, аллоэтноним *берендеи* является ценным отражением речевого поведения древних этносов. Ономастическая память языка не только сохранила аллоэтноним в существующих ныне реликтовых топонимах и действующих антропонимах (фамилии с огласовкой корня *Берендѣев/Барандѣев*, не учтенные в исследовании Б. О. Унбегауна в отличие от форм *Бердѣев, Бердѣев, Бердѣев* < *berdi* — «он дал»» [60, с. 292–300]). В ономастической системе русского языка последних десятилетий на фоне болезненно-обостренного внимания общества к событиям русской истории (в том числе в рамках надуманных построений пресловутой «новой хронологии») из ономастического запаса прошлого аллоэтноним *берендеи* извлечен для номинации новых географических объектов, отражающих иные социально-политические условия жизни русского этноса. Древний аллоэтноним, не утративший полностью своего экзотически-сказочного ореола в быденном языковом сознании, а поэтому окказионально-эффектно пригодный, отражен в номинации нового коттеджного поселка бизнес-класса *Берендеевка*, расположенного на Новорижском шоссе в 50 км от МКАД в «сказочно»-живописной местности.

Литература

1. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России <...>. — СПб., 1885. — Т. 13.
2. Антонович В. Б. Археологическая карта Киевской губернии (Приложение к XV т. «Древности»). Изд. Имп. Моск. археол. об-ва. — М., 1895.
3. Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. — 1896. — Вып. 3–4. (Отд. оттиск. — СПб., 1897. Напеч. по распоряж. ИРГО.)
4. Архимандрит Леонид. Упраздненный Пятницкий Берендеев монастырь и акты, относящиеся до различных мест в бывшей «Берендеевой Волости» // Чт. в Имп. ОИДР при Моск. ун-те. — 1871. — Кн. 4. — Окт.–дек.
5. Атлас Ярославской области. Масштаб 1: 100 000. — М., 2002.
6. Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. География начальной (Несторовой) летописи. — 2-е изд. — Варшава, 1885. (1-е изд. — Варшава, 1873.)
7. Баскаков Н. А. Модели тюркских этнонимов и их типологическая классификация // Ономастика Востока. — М., 1980.
8. Баскаков Н. А. К этимологии собственных тюркских имен в русских летописях. Антропони́мы узов (гузов) — черных клубуков // Теория и практика этимологических исследований. — М., 1985.
9. Баскаков Н. А. Собственные имена древних тюрков Восточной Европы (стратификация болгарских, огузских и кыпчакских элементов) // Ономастика. Типология. Стратиграфия. — М., 1988.
10. Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. — 2-е изд. — М., 1993.
11. Боярская книга 1556 г. // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. — СПб., 1861. — Кн. 3. — Отд. 2.
12. Веселовский С. Б. Ономастикон. — М., 1974.
13. Голубовский П. [В.] Печенеги, Торки и Половцы до нашествия Татар. История южно-русских степей IX–XIII вв. // Киевск. университетск. известия. — Киев, 1883–1884.
14. Голубовский П. [В.] Об Узах и Торках // ЖМНП. — 1884. — Ч. 234. — Июль.

15. Греков Б. Д. Киевская Русь // Избр. труды. — М., 1959. — Т. 2.
16. Грушевський М. С. Історія України-Руси. — Київ, 1992. — Т. 2 (XI–XIII вік). (Репринт 2-го изд. — Львів, 1905.)
17. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1955. — Т. 1.
18. Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). — М., 2001.
19. Дитмар А. Б. Очерк истории административного деления Ярославского края // Краеведческие записки. — Ярославль, 1957. — Вып. 2.
20. Древнетюркский словарь. — Л., 1969.
21. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. — М.; Л., 1950.
22. Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. — Чебоксары, 1964.
23. Елховский С. Е. Сказание о Берендеевом болоте (стихотворение) // Докл. Переславль-Залесск. научно-просветит. об-ва (ПЕЗАНПРОБ). — Переславль-Залесский, 1919. — № 4.
24. Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. — Київ, 1985.
25. Ипатьевская летопись // Русские летописи. — Рязань, 2001. — Т. 11.
26. Карамзин Н. М. История государства Российского. — М., 1988. — Кн. 1. — Т. 2. (Репринт 5-го изд. — СПб., 1842–1844.)
27. Князький И. О. Контактная зона славян и тюрков в Пруто-Днестровском междуречье в XI–XII вв. // Восточная Европа в древности и Средневековье <...>. — М., 1999.
28. Кудряшов К. В. Половецкая степь. — М., 1948. (Зап. ВГО. Нов. серия. — Т. 2.)
29. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1846. — Т. 1.
30. Лакшин В. Я. Комментарии // Островский А. Н. Избр. произв. — М., 2005.
31. Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. — Л., 1929.
32. Ляскоронский В. [Г.] К вопросу о Переяславльских Торках // ЖМНП. — 1905. — Ч. 4. — Апрель.
33. Ляскоронский В. [Г.] Русские походы в степи в удельно-вечевое время и Поход кн. Витовта на татар в 1399 году. — СПб., 1907. (Отд. оттиск из ЖМНП за 1907 г.)
34. Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование, — М., 1951.
35. Нейштадт М. И. Некоторые черты из послеледниковой истории Переславль-Залесского уезда Владимирской губернии // Тр. Пересл.-Залесск. ист.-худож. и краеведч. музея. — Переславль-Залесский, 1928. — Вып. 8. Естественно-ист. сб.
36. Писцовые книги Московского государства. XVI в. — СПб., 1872. — Ч. 1. — Отд. 1.
37. Плетнева С. А. Древности Черных клобуков // Археология СССР. Свод археологических источников. — М., 1973. — Вып. Е1–19.
38. Плетнева С. А. Кочевники восточноевропейских степей в XI–XIII вв. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. — М., 1981.
39. Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. — М., 1982.
40. Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей в эпоху Средневековья. IV–XIII века. — Воронеж, 2003.
41. Погодин М. [П.] Исследования, замечания и лекции о русской истории. — М., 1857. — Т. 5.
42. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. — СПб., 1911. — Т. 4. — Ч. 2.
43. Расовский Д. А. О роли Черных Клобуков в истории древней Руси // Seminarium Kondakovianum. — Prague, 1927. — Вып. 1. (Сб. статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием им. Н. П. Кондакова.)
44. Расовский Д. А. Печенеги, Торки и Берендеи на Руси и в Угрии // Сб. статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом им. Н. П. Кондакова. — Прага, 1933. — Вып. 6.
45. Русский энциклопедический словарь, издаваемый <...> И. Н. Березиным. — СПб., 1873. — Отд. 1. — Т. 3.
46. Рыбаков Б. А. Торческ — город черных клобуков // Археологические открытия 1966 года. — М., 1967.

47. Ряснен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. — М., 1955.
48. Самчевский И. Торки, Берендеи и Черные Клобуки // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. — М., 1855. — Кн. 2. 1-я пол. — Отд. 3. — Ч. 1.
49. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». — М., 1978.
50. Семенов П. [П.] Географическо-статистический словарь Российской империи. — СПб., 1863. — Т. 1.
51. Словарь русских народных говоров. — М.; Л., 1966. — Вып. 2.
52. Словарь современного русского литературного языка. — 2-е изд. — М., 1991. — Т. 1.
53. Смирнов М. И. Историко-географическая (хорографическая) номенклатура Переславль-Залесского края. (Материалы для ее изучения) // Тр. Пересл.-Залесск. ист.-худож. и краеведч. музея. — Переславль-Залесский, 1929. — Вып. 11.
54. Соболевский А. И. Русско-скифские этюды // Изв. ОРЯС АН. — 1921 — Т. 16.
55. Советская историческая энциклопедия. — М., 1962. — Т. 2.
56. Спицын А. А. Курганы киевских торков и берендеев // Зап. Имп. Русск. Археол. об-ва. — СПб., 1899. — Т. 11. — Вып. 1, 2. — Кн. 4.
57. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. Собрал и приготовил к печати Павел Симоны // Сб. ОРЯС Имп. АН. — СПб., 1900. — Т. 66. — № 7.
58. Татищев В. Н. История Российская // Собр. соч.: В 8 т. — М., 1994. — Т. 1; М., 1995. — Т. 4. (Репринт изд. 1962 г.)
59. Тупилов Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. — М., 2004. (1-е изд. — СПб., 1903.)
60. Унбегаун Б. О. Русские фамилии. — М., 1989.
61. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — М., 1986. — Т. 1.
62. Ярославская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. — СПб., 1865.
63. Ярославская область. Справочник по административно-территориальному делению 1917–1967. — Ярославль, 1972.
64. Gombocz Z., Melich J. Lexicon critico-etymologicum linguae hungaricae. — Budapest, 1914.
65. Rásonyi N. Der Volksname Берендѣй // Сб. статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом им. Н. П. Кондакова. — Прага, 1933. — Вып. 6.

Гуси-лебеди на карте России

Люблю старинные названия
Российских рек и городов,
Они как будто изваянья
Во мгле растаявших годов.
Лебязье тонет в хмурой хмари,
Но шею выгнула ветла,
И чудятся в густом тумане
Мне всплески белого крыла.

В. М. Сидоров

Слово *Гусь* представлено в названиях двух населенных пунктов в междуречье Клязьмы и Оки. В верхнем течении р. *Гусь*, левого притока Оки, расположен старинный центр стекольной промышленности г. *Гусь-Хрустальный* Владимирской области, а в нижнем — поселок городского типа *Гусь-Железный* Рязанской области. В отличие от древнейших городов Руси эти населенные пункты окончательно сформировались лишь к середине XVIII в.

Один из них возник как селение при фабрике по производству стекла и хрусталя, основанной в 1756 г. семейством купцов Мальцовых, поэтому впоследствии селение называлось *Гусевская хрустальная фабрика*, *Гусь-Мальцевский* или просто *Гусь*. В 1926 г. в связи с образованием Гусевского уезда его центром стал рабочий поселок *Гусь-Хрустальный*, получивший статус города в 1931 г. Другой населенный пункт сформировался при железоделательном заводе на р. *Гусь* и сначала назывался *Гусь-Баташевский* по фамилии основателя завода. А в советское время по аналогии с формой топонима *Гусь-Хрустальный* он приобрел современную форму — *Гусь-Железный*, став поселком городского типа в 1964 г.

По своей структуре оба топонима представляют собой двухкомпонентные образования с постпозитивными определениями, четко информирующими об основном роде занятий жителей этих населенных пунктов. Объединяющим началом для формы двух топонимов является отражение в ней названия р. *Гусь*, что иллюстрирует ясно проявляющуюся топонимическую закономерность: начиная с древнерусской эпохи многие населенные пункты получали свои названия по рекам, на которых они «ставились». Ср. *Москва*, *Ростов-на-Дону*, *Наро-Фоминск*, *Комсомольск-на-Амуре* и др. Однако при всей кажущейся простоте названия р. *Гусь* остается неясным мотив ее номинации — действительно ли в гидрониме отражена древняя память о крупной водоплавающей птице?

Первая этимологическая версия допускает связь гидронима *Гусь* со словом *гусь*, что, по-видимому, было поддержано авторитетом М. Р. Фасмера, который уверенно, хотя кратко и без какой-либо аргументации, указал на это [16, с. 478]. В принципе подобную связь исключать нельзя, поскольку она доказывается наличием формы соответствующих названий. Например, в «Сотной грамоте 1567 г., данной на земельные владения рязанского и муромского владыки» читаем: «Да вниз по реке за Оку <...> пошел конец в Долгое вкруг липовые верей [участок леса. — А. Б.], да по *Гусино перевесью* [угодье для ловли

диких гусей при взлете. — А. Б.] к черной воде» [8, с. 37]. В памятнике письменности начала XVII в. при описании истоков Днепра встречаем следующий пассаж: «А от Катыни, 30 верст, пала речка *Гусиная*; от той речки пала в Днепр река *Скороносная*» [5, с. 99].

В Бурятии расположены оз. *Гусиное*, действительно названное так из-за обилия гнездовой диких гусей, и близлежащий г. *Гусиноозерск* — географические объекты в центре *Гусиноозерской котловины*. Аналогичное происхождение имеют некоторые топонимы в архипелаге Новая Земля: п-ов *Гусиная Земля*, мысы *Северный Гусиный Нос* и *Южный Гусиный Нос*, р. *Гусиная*. В существовании подобных названий нет ничего удивительного, так как само слово *гусь*, широко известное во многих языках, относится к числу древнейших индоевропейских названий птиц и восходит к праславянской звукоподражательной форме **ghans-* — гусь назван так по своему характерному крику; ср. тюркск. *kaz* — «гусь» [18, с. 88–89]. Тем не менее «птичья» этимология нашего гидронима *Гусь* неприемлема прежде всего потому, что по законам русского словообразования гидроним должен был получить форму *Гусиная*, *Гусиха*, но никак не *Гусь*, на что одним из первых обратил внимание В. А. Никонов [7, с. 113].

Немаловажно, что в р. *Гусь* впадает ее главный приток — *Колпь*, а в этом названии некоторые исследователи находят отражение слова *копь* (*копница*, *копчик*), встречающегося без указания места его бытования в словаре В. И. Даля и сопровождаемого толкованием «чубатая птица из разряда цапель, чачура, *Platalea*; белая, нос ложкою, перья идут на казачьи султаны» [3, с. 144]. Сводный «Словарь русских народных говоров» наряду со словом *копь* — «птица семейства ибисовых» приводит формы *копничек* (Вят.), *копчик* (Новг.) [13, с. 195]. На первый взгляд, в междуречье Клязьмы и Оки сформировался неплохой «птичий дуэт» названий, но нет ли в нем разногласия?

Для ответа на вопрос следует прояснить сущность реалии, обозначенной словом *копь*. Определенный комплекс значений этого слова в виде *копчик* представлен в «Этимологическом словаре русского языка» М. Р. Фасмера: «птица „*Platalea leucorodia*“, *копница* „молодая самка лебедя“, укр. *копнець* „род пеликана“, в.-луж. *коп* „лебедь“, кашуб. *képr*, словин. *koip* — то же». Автор справедливо указал на звукоподражательное происхождение слова, связав его с лит. *gulbis* «лебедь», др.-сакс. *galpōn* «громко кричать, хвастать», ср.-в.-н. *gel(p)fen* «кричать, реветь» [17, с. 297]. И в русском языке *копь* — слово звукоподражательное с характерным сочетанием согласных в корне, один из которых сонорный: [к-л-п']. Ср. др.-рус. *клик* — «громкий возглас, крик» (у А. С. Пушкина в 8-й главе «Евгения Онегина» читаем: «<...> Весной при кликах лебединых <...> являться муза стала мне»), *кликати* — «громко кричать», *кликунь* — «крикун» и т. п. В дополнениях О. Н. Трубачева сообщается о том, что южнославянскими продолжениями прасл. **kъlpъ* являются сербохорв. *куп* «лебедь», *кѹп* в Герцеговине, дубровницк. *kuf*. Как видим, слово *копь* (-ик, -ец, -ица) обозначает в современных славянских языках и лебедя, и пеликана, отражая древнейший синкретизм в родо-видовом понимании водоплавающих птиц. Не случайно поэтому латинское слово *platea* квалифицируется словарями лишь предположительно как *пеликан*. Ср. также русское фольклорное лексикализованное выражение *гуси-лебеди*.

Наиболее полно и содержательно этимология праславянских форм **kъlpъ*/ **kъlpъ* раскрыта в «Этимологическом словаре славянских языков» [19, с. 189–190], который существенно расширяет и углубляет материал, предложенный

М. Р. Фасмером. В частности, добавлены диалектные формы: сербохорв. *кун* «разновидности лебеда», польск. *kief, kielb* «лебедь»; южнорус. *колп* «водоплавающая птица, похожая на цаплю», тобол. *колпа* «птица *Platalea leucorodia*, колпик», донск. *колли* «вид цапли». Так для слова *коль* возникает семантический ряд «лебедь — пеликан — цапля», в котором, как справедливо указывает данный словарь, не вполне ясным оказывается соотношение **коль*ь «лебедь» (сербохорв., в.-луж., польск., словин.) и «белая цапля *Platalea leucorodia*» в восточнославянском ареале. Пока не представляется возможным решить, какое из этих двух значений генетически первично, а какое вторично. Примечательно, что цапли *Platalea*, обозначенные в русском языке словами *коль*, *колпик*, *колпица*, имеют клюв, расширенный кверху в лопаточку (у В. И. Даля — «нос ложкою») — это ширококлювые птицы. По этому признаку к русскому слову *коль* семантически примыкают укр. *колпéць* — «род пеликана», а также сербохорв. диал. *куф* — «не только „лебедь“, но и „пеликан“». Ср. интерпретацию укр. *колпица* в «Этимологическом словаре украинского языка» [4, с. 524–525].

Современная орнитология относит *колпицу* к семейству ибисовых из отряда голенастых. Теперь эта птица гнездится колониями в низовьях рек, заросших камышом. *Цапля* принадлежит к семейству отряда аистообразных и очень распространена; в бывшем СССР насчитывалось около 15 видов цапель. *Пеликан*, как и баклан, относится к семейству птиц отряда веслоногих, распространен в двух видах на юге бывшего СССР от дельты Волги до Восточного Казахстана, гнездится в низовьях рек, впадающих в Азовское, Каспийское и Аральское моря. *Лебедь* принадлежит к роду птиц семейства *утиных*. В бывшем СССР существовало 3 вида лебедей, их численность сокращается. Сравнивая современных внешний вид этих птиц, а также *гуся*, можно обнаружить в качестве объединяющего признака достаточно развитую шею, а у колпицы и пеликана — «выдающийся» клюв. Возможно, в раннеславянскую эпоху внешний вид этих птиц был иным — иной была их бытовая квалификация, отражавшая ранние этапы птичьей эволюции. Тем не менее, опираясь на толкование, данное В. И. Далем слову *коль*, можно утверждать, что оно обозначало какой-то вид цапель, имевших белое оперение в отличие от дикого серого гуся — предка современных домашних гусей.

Это доказывается материалом памятников русской письменности, впрочем, немногочисленных, в которых слово *коль* фиксируется с XVI в. Например: «Виде землю аспорскую белеющуюся *акы коль*»; «Писала ты, *коль* привезь Ивашко одну, и ты ее отошли кому приятелю; а у насъ на Дону этого билья много, а се кормить ее на Москве убытошно: не есть она ничего окроме рыбы» [14, с. 254]. В «Русско-английском словаре-дневнике» Ричарда Джемса (1618–1619 гг.) слово *коль* (*colpe*) сопровождается толкованием «белый журавль с голой красной головой, красным клювом и красными ногами», а слово *цапля* (*tsapla*) — «цапля, которая здесь [в Холмогорах. — А. Б.] очень жирна, но русские не едят ее» [12, с. 165].

Слово *коль* отражено в топонимии Северо-Западной и Центральной России: две р. *Колпинка* (бас. Волхова), р. *Коль* — правый приток Суды (бас. Шексны), г. *Колпино* в составе Санкт-Петербурга; р. *Колпянка* — левый приток Ламы, с. *Белая Коль* (Шаховской р-н Московской обл.), оз. *Колпино* в пойме Оки (Серпуховский р-н Московской обл.), р. *Коль* (бас. Протвы). Учитывая ареалы подобных топонимов и разработку слова *коль* этимологическими словарями, Е. М. Пospelов сделал вывод о том, что это слово служит общей

основой для образования понятия «лебедь» в ряде славянских языков и что название *Коль* — вятичское и означает «лебедь». Однако относительно гидронимов *Коль* и *Гусь* в междуречье Клязьмы и Оки известный топонимист неожиданно предположил, что «в говоре вятичей бассейна Оки *коль* означает не „лебедь“, а „гусь“», хотя это противоречит его предыдущему утверждению [11, с. 110; 10, с. 115]. На наш взгляд, с учетом вышеизложенного наиболее вероятно считать слово *коль* обозначением какого-то древнего вида цапли. К сожалению, факт древнейшей номинации рек *Гусь* и *Коль* по соответствующим названиям водоплавающих птиц пока невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Однако с учетом законов русского словообразования такой мотив номинации представляется нам маловероятным.

Вторая этимологическая версия учитывает неоднородность топонимии междуречья Клязьмы и Оки — территории, известной как Мещёрская низменность (Мещёра). Исторически этот регион достаточно пестр и сложен в этноязыковом отношении и отражает в географических названиях древнейшее расселение финно-угорских племен *мери*, *муромы*, *мещёры* и даже содержит языковые элементы дофинно-угорского и балтийского происхождения. Несмотря на сложность этимологической интерпретации топонимов данного региона ввиду исчезновения мерянского, муромского и мещёрского языков [6], современные исследователи, привлекая материал живых финно-угорских языков, приблизились к пониманию происхождения гидронима *Гусь*.

В частности, Е. П. Пospelов указал на бытование в марийском языке географического термина *икса* — «ручей, небольшая река», имевшего в прошлом широкое распространение в составе водных названий в бассейнах Северной Двины, Онеги, Волги, Москвы. Ср. название небольшого левого притока Яхромы — *Икша*. Термин известен и в иной огласовке (*окса*, *окша*, *укса*, *укша*) в значении «ветвь-приток реки», которое прослеживается во многих языках. Поэтому Е. М. Пospelов справедливо выделил гидронимы с исходом на -ус, -ос, -ас в особый тип, так как в их структуре присутствует суффикс (топоформант) *s* < **ks*, указывающий на связь с терминами *укса*, *окса*, *екса*. В итоге стало «понятным казавшееся необъяснимым отсутствие у топонимов на -ус, -ос, -ас географических терминов, поскольку их конечные элементы сами являются измененными терминами» [9, с. 98–100]. Следовательно, в названии р. *Гусь* отражен древнейший географический термин, квалифицирующий эту реку именно как ветвь-приток более крупной водной артерии — Оки. Аналогичный признак прослеживается и в ряде других языков, например: р. *Киржач* < морд.-эрз. *керш*, морд.-мокш. *кяржи* — «левый».

Памятники письменности не сохранили каких-либо следов превращения географического термина в гидроним *Гусь*. Известно лишь, что древнейшая форма названия — *Гус*, а в документах XVII в. упоминается *Гусская волость* (не Гусиная!). Изучение владимирского и рязанского архивов выявило полное отсутствие древних финно-угорских топонимов с формантом -ус в русских печатных и рукописных источниках XVI–XIX вв., хотя в современных источниках выявлено 11 таких названий [2, с. 138–139]. Г. П. Смолицкая соотносит гидронимию на -ус с ареалом муромских могильников. Гидронимы этого типа «фиксируются по левому течению Оки от г. Спасска до устья Клязьмы: р. *Киструс* (*Китрос*), р. *Ибердус*, оз. *Тынус*, р. *Чариус*, р. *Вындрус* и др.» [15, с. 26].

Превращение древней формы *Гус* в ставшее привычным название реки можно объяснить условно-фонетической передачей (на слух) семантически затемненного древнего финно-угорского слова. Такое превращение могло быть

усилено влиянием народной этимологии, легко сблизившей темное слово с названием водоплавающей птицы. Подобные случаи освоения иноязычной лексики нередки в топонимии. Так, В. Ф. Барашков, опираясь на исторические источники, указал, что название р. *Утка*, левого притока Волги в северо-восточной части Ульяновской области, связано с болгарской формой *Вутыг*, датируемой началом X в. В ней отражен географический термин *от(ут)*, известный в тюркских языках в значении «трава, сено; луг, пастбище; луговой»; ср. чуваш. *ута* — «сено, сенокосный, хакас. *отыг(утыг)* — „травянистый, луговой, сенный“» [1, с. 25].

Впрочем, в числе средневолжских гидронимов, как и среди гидронимов других регионов, можно встретить подлинно фаунистические названия рек, созданные по законам русского словообразования. Например, *Гусиха*, *Лебяжка*, *Лебежайка*, *Бобровка* и т. п. Районный центр Липецкой области г. *Лебедянь*, известный как поселение с XVI в., получил свое название по р. *Лебедянь*, притоку Дона. В этом гидрониме некоторые исследователи видят отражение слова *лебединая*. На гербе этого города, утвержденном в 1781 г., действительно изображен лебедь на голубом фоне.

Рассмотренные этимологические версии предостерегают от наивно-реалистического осмысления древних топонимов, нередко бытующего в краеведческой литературе и в обыденном сознании носителей языка. Топонимы *Гусь-Хрустальный* и *Гусь-Железный* продолжают успешно функционировать в современном социуме, четко выполняя свою адресно-информативную роль. Наибольшую известность приобрел г. *Гусь-Хрустальный* благодаря высокохудожественной продукции своего завода, широко известной как в России, так и за рубежом. Гусевский хрусталь неоднократно демонстрировался на всемирных выставках и получал заслуженные награды, прославляя имя родного города. Так слово *гусь*, исторически переосмысленное, «спасло» два города от забвения, как некогда гуси спасли Рим.

Литература

1. Барашков В. Ф. История в названиях рек. — Куйбышев, 1990.
2. Белокуров Б. С. Опыт использования архивных материалов в топонимике // Вопросы географии. Сб. 70. Изучение географических названий. — М., 1966.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1935. — Т. 2.
4. Этимологічний словник української мови. — Київ, 1985. — Т. 2.
5. Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. — М.; Л., 1950.
6. Никонов В. А. Неизвестные языки Поочья // Вопросы языкознания. — 1960. — № 5.
7. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. — М., 1966.
8. Писцовые книги Рязанского края XVI–XVII вв. — 2-е изд. — Рязань, 1997. — Т. 1. — Вып. 2.
9. Поспелов Е. М. Метод географических терминов в анализе субстратной топонимии Севера // Вопросы географии. Сб. 81. Местные географические термины. — М., 1970.
10. Поспелов Е. М. Связи топонимии Московской области и Северо-Запада в курсе «Топонимика» // Проблемы русской ономастики. — Вологда, 1985.
11. Поспелов Е. М. Названия подмосковных городов, сел и рек. — М., 1999.
12. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). — Л., 1959.
13. Словарь русских народных говоров. — Л., 1978. — Вып. 14.
14. Словарь русского языка XI–XVII вв. — М., 1980. — Вып. 7.
15. Смолицкая Г. П. Об одном этническом аспекте топонимии // Этническая топонимика. — М., 1987.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — М., 1986. — Т. 1.

17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — М., 1986. — Т. 2.
18. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. — М., 1980. — Вып. 7.
19. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. — М., 1987. — Вып. 13.

* * *

20. Мишаков А. М. На просторах Мещеры: Гусь-Железный. — Рязань, 2007.

Капустин и Капустин Яр

...Собрался он в дорогу и бережно спустился густым лесом в глубокий яр, называемый Медвежьим оврагом.

Н. В. Гоголь.
Вечер накануне Ивана Купала

Отправимся и мы по лингвистической дороге в поисках углубленно-убедительного ответа на вопрос о происхождении названия *Капустин Яр*. Поселок городского типа с таким названием был образован в 1959 г. в Астраханской области. Южнее этого поселка по течению Волги встречаем массив однотипных названий — это села *Каменный Яр*, *Черный Яр*, *Красный Яр*; вал *Каменный Яр* на западе Сарпинской низменности; остров *Чистый Яр* в дельте Волги. В целом на карте Европейской части России топонимы данного типа компактно локализуются с юга на север по линии Астрахань—Волгоград—Саратов—Самара—Ульяновск. Они представлены одноименными названиями населенных пунктов *Красный Яр* (Волгоградская, Саратовская, Самарская и Ульяновская обл.), а также названиями *Светлый Яр* (Волгоградская обл.), *Новый Белый Яр* (Ульяновская обл.) и т. п.

По своей структуре топоним *Капустин Яр* является двухкомпонентным образованием, состоящим из опорного (определяемого) слова *яр* и синтаксически зависимого (определяющего) притяжательного прилагательного *Капустин*. Какое же происхождение опорного слова в этом топониме-словосочетании?

П. Я. Черных считает, ссылаясь на работу Б. О. Унбегауна о русском языке XVI в. (1935 г.), что слово *яр* в форме *ярок* — «обрывистый берег» известно в русском языке, «по крайней мере, с XVI в.» [12, с. 471]. Более устойчивый факт употребления слова именно в форме *яр* отражен в «Русско-английском словаре-дневнике Ричарда Джемса (1618–1619 гг.)». Английский путешественник сделал в Холмогорах наряду с другими дневниковыми записями следующую: «*уаре, a high steeper plase*» — в переводе на русский «высокое, крутое место, т. е. яр» [6, с. 140].

Оригинальные памятники русской письменности, представленные в списках 2-й половины XVI в. и в более поздних списках, свидетельствуют о последовательном употреблении термина *яр* не только как самостоятельного слова, но и в составе двухкомпонентных названий рек, поселений, волостей и урочищ центрального, южного и сибирского регионов Руси. В летописных текстах, изученных Н. М. Карамзиным и повествующих о событиях русской истории XII–XVI вв., читаем, например: «(1472): [пожар] <...> на Москве на Посаде у Воскресения на рве и горело всю ночь <...>, а вверх отъ Воскресения по рву по Вознесенью на рве, да по *Ярь*»; «(1147): Князь [Глеб] ходилъ къ Рязани, ко *Черленому Яру* и къ Великой Вороне»; «(1389): В Неделю жъ пятую минухомъ реку Медьведицу, и <...> *Белый Яр* реку»; «(1581): <...> На берегу Тобола, где ныне деревня *Березовый Яр*, собралось опять множество Татаръ»; «(1582): Первый Ишимскій Ханъ, Онсонъ, имель столицу свою близъ устья сей реки, на *Красномъ Яру* или Кизиль-Яру» [совр. г. Красноярск. — А. Б.] [4].

Слово *яр* в географическом значении уверенно интерпретируется М. Р. Фасмером как древнейшее заимствование из тюркских языков, восходящее к др.-тюркск. *jar* — «яр, овраг». Однако, по справедливой оценке известного слависта, слово *яр* не родственно др.-инд. *irīnam* — «дыра, трещина в земле, рыхлая земля» и слав. *jarъ* — «ярый, неистовый», хотя некоторые исследователи придерживаются противоположного мнения [11, с. 559]. Впрочем, вопреки М. Р. Фасмеру, не следует отделять от слова *яр* тюркское *арук* — «ров, арык», а также яркий южнорусский диалектизм *эрик* — «ручей, проток; мертвое русло реки; овраг» и слово *яруга* — «овраг, балка», известное уже в «Слове о полку Игореве». Данные лексемы восходят к одному и тому же древнетюркскому корню *jar-*, что подтверждается не только семантически, но и фонетически (см. выше историю термина *эрик*).

Генетически первичное значение слова *яр* — «овраг, балка» — наглядно представлено в тюркских языках в разном фонетико-графическом оформлении. Ср. тур. *jar-* — «круча, пропасть»; азерб. *ярган*; казах., кирг., балкар. *жар*; алт. *jar*; узб. *ёр*; хакас. *чар* и др. В славянских языках известны укр. *яр* — «овраг, балка, лог, пропасть»; белорус. *яр* — «то же»; болг. диал. *яр* — «яр»; с.-хорв. *јаѣак* — «канава, ров»; словен. *jarek* — «то же»; польск. *jar* — «овраг, балка, ущелье» и *jaruga* — «низменность, болотистая равнина». По-видимому, в польском языке *яруга* — заимствование из русского.

Примечательно, что отсутствие географического термина *яр* в «Словаре древнерусского языка» И. И. Срезневского, очевидно, объясняется заимствованным характером этого слова. Между тем в словаре представлены древние слова, формирующие внушительное словообразовательное гнездо с русским корнем *яръ* — «гнев»: *ярый* — «гневный; смелый, отважный»; *ярливыи* — «гневливый, сварливый»; *яро* — «жестоко» и др. Их следует рассматривать в качестве ранних омонимов к тюркскому *яр*. В связи с этим трактовка немецким лингвистом Хайнцем Шустером-Шевцем географических терминов *яр*, *ярок*, *эрик*, *яруга* в разряде слов исконно славянских должна быть признана, как справедливо заметил А. Е. Аникин, абсолютно ошибочной [1, с. 728].

Поскольку южнорусские территории с древнейших времен являлись зоной активных языковых контактов русского и тюркского населения, слово *яр*, отражая специфику соответствующих физико-географических объектов, могло легко закрепиться в языке местного русского населения, а затем получило в русском языке общедиалектное распространение. Например, в современных воронежских говорах термин *яр* представлен комплексом следующих значений: 1) «крутой овраг с обрывистыми склонами»; 2) «глубокая яма в реке»; 3) «крутой обрывистый берег реки»; 4) «нижина». В памятниках письменности Воронежского края отражено еще два значения этого слова: 1) «низкий берег реки»; 2) «речной залив» [3, с. 340–341]. Местная семантическая специфика термина отчетливо прослеживается и в Сибири: *яр* — 1) «овраг, лощина»; 2) «нагорный берег»; 3) «крутой обрывистый берег реки, озера»; 4) «возвышенное место, пригорок»; 5) «яма» и др. [1, с. 728].

Академик Н. И. Толстой обратил внимание на поляризацию значений термина *яр* в оппозиции «верх» ↔ «низ» на общем фоне сложных семантических колебаний этого слова: «открытое высокое место»; «отвесная крутая гора»; «крутой высокий берег» ↔ «глубокое место, уступ дна в реке, озере»; «водоворот»; «пучина»; «лог, поросший лесом, кустарником»; «овраг, буерак» [10, с. 103]. Общедиалектный характер слова *яр* не помешал ему получить

прочный статус термина в языке современной географической науки, что подтверждается и лексикографически, хотя в словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова это слово еще сопровождалось пометой *областное*.

Географические словари, изданные в конце XX в., указывали на тюркское происхождение слова *яр*, квалифицируя его обобщенно-семантически как «обрыв, крутой нагорный берег реки, озера, моря» и детализируя «местные» значения термина. Так, например, в Волгоградской области *яр* — «глубокий суходол, балка, часто с донным оврагом». В новейшей географической литературе академического характера термин *яр* рассматривается в качестве синонима к термину *нагорный берег* и снабжается дефиницией «высокий склон на краю поймы, в частности обрыв крутого склона на внешней стороне речной излучины, подмываемой рекой» [5, с. 332]. Однако не утратили своей актуальности обширные сведения об истории и географии термина *яр*, собранные в словаре Э. М. Мурзаева [7, с. 350–351].

Такова семантическая и этимологическая характеристика географического термина *яр*, который прочно вошел в топонимическую систему русского языка, образовав серию многочисленных двухкомпонентных топонимов типа *Капустин Яр*. А как же лингвистически расшифровать определение *Капустин*, можно ли найти его этимологию в *капусте*?

Историческое прошлое Астраханского края связано с Астраханским ханством, существовавшим с XV в. Естественно, что древнейший топонимический пласт этой территории имеет тюркоязычное происхождение. Например, среди древних городов Астраханской губернии В. Н. Татищев упоминает в своих трудах *Красный Яр* и *Черный Яр*, замечая следующее: «<...> По луговой стране город *Красной Яр*, древнее и немалое строение было, но звания [названия? — А. Б.] древняго никто не знает. По нагорной стороне, выше Астрахани верст с 9, имянуемой [древний город] Жареной, татары имянуют Алтыджар, значит Златы полив, или поем, где была прежняя Астрахань; и на острове, где город *Красной Яр*, были города великие» [9, с. 271]. Весьма вероятно, что по своей форме топонимы *Красный Яр* и *Черный Яр*, сохранившиеся до сих пор, являются русскими переводами соответствующих тюркских названий.

С 1558 г., когда Астраханское ханство было присоединено к Русскому государству, начинается активное освоение земель бывшего ханства русскоязычным населением. Первая миграционная волна охватывала данную территорию с конца XVI в. до середины XVIII в. В этот период наряду с другими поселениями возникали небольшие рыбацкие поселки (ср. совр. с. *Ватажное*). Следующая волна заселения приходится на период со 2-й половины XVIII в., когда свободные земли продавались помещикам, заселявшим их своими крепостными крестьянами из имений Европейской части России. И, наконец, третья волна заселения охватила астраханские земли с XIX в., а лидерами в этом процессе были уже вольные переселенцы. Имя одного из них, по свидетельству исследователей астраханской топонимии (Л. А. Тюменцева и др.), могло отразиться в топониме *Капустин Яр*.

Определение *Капустин* как форма притяжательного прилагательного указывает на древнюю принадлежность населенного пункта его владельцу-переселенцу по имени-прозвищу *Капуста*, которое со временем превратилось в фамилию. Памятники письменности русского языка с середины XVI в. отражают личные наименования, связанные с нарицательным существительным *капуста*. Например, в одном из них читаем: «Негодюя Степанову, брату

Капустина, Федору Гривенину. Обама по 4 гривны» [8, с. 68]. С. Б. Веселовский в «Ономастиконе» приводит аналогичные имя и фамилию: «*Капуста* Андреевич Семичев, 1582 г., Новгород; Утеш Андреевич *Капустин*, казнен в опричнине в 1570 г.» [2, с. 133]. С начала XVII в. в памятниках русской письменности прослеживается употребление топонимов типа *Капустин бор*.

Географические названия, сформировавшиеся на базе термина *яр*, широко распространены от Центральной Европы до Камчатки. В большинстве случаев это названия населенных пунктов, в которых отражена их физико-географическая специфика. Например, с. *Яр* (Владимирская обл.); дер. *Красный Яр* (Пермская обл.); одноименные села и поселки городского типа (пгт) *Красный Яр* (Рязанская, Омская, Томская обл., Хабаровский край, Бурятия); с. *Чернояр* (Пензенская обл.); пгт *Белый Яр*, *Горелый Яр*, *Лукашкин Яр*, *Максимкин Яр* (Томская обл.); пгт *Красноярский* (на берегу Цимлянского водохранилища); г. *Часов Яр* (Донецкая обл. Украины); пгт *Яр* (Удмуртия) и мн. др. Вспомним также печально известное название оврага на северо-западной окраине Киева — *Бабий Яр*, где в 1941–1943 гг. фашистскими захватчиками было уничтожено более 100 тысяч советских военнопленных и мирных жителей.

Таким образом, происхождение топонима *Капустин Яр* не в буквальном смысле связано с его рождением в капусте. Прежде чем войти в состав полноценного географического названия нарицательное существительное *капуста* должно было стать личным именем и фамилией (антропонимом). *Капустин Яр* — название гибридное, созданное на основе русского антропонима и тюркского географического термина. Заметим также, что в разговорной речи местного населения *Капустина Яра* и в профессиональном военном просторечии это географическое название употребляется в сокращенной произносительной форме: [кп'jár] или [кпjár].

Литература

1. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. — М.; Новосибирск, 2000.
2. Веселовский С. Б. Ономастикой. — М., 1974.
3. Дьякова В. И., Хитрова В. И. Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями). — Воронеж, 2009.
4. Карамзин Н. М. История государства Российского. — М., 1989. Прим. 629 к т. 6, гл. 7; прим. 311 к т. 12, гл. 12; прим. 133 к т. 5, гл. 1; прим. 670 к т. 9, гл. 6; прим. 644 к т. 9, гл. 6.
5. Котляков В. М., Комарова А. И. География: понятия и термины: пятиязычный академический словарь. — М., 2007.
6. Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.) — Л., 1959.
7. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. — М., 1999. — Т. 2.
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. — М., 1980. — Вып. 7.
9. Татищев В. Н. Собр. соч.: В 8 т. — Т. 1. История Российская. Ч. 1. — М., 1994.
10. Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. — 2-е изд. — М.: КомКнига/URSS, 2006.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — М., 1987. — Т. 4.
12. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. — М., 1994. — Т. 2.

* * *

13. Крюкова А. С. Некоторые особенности названий яров и урочищ по реке Урал // Ономастика Поволжья. — Горький, 1971. — Вып. 2.

По-братски о Братске

История географического имени бывает иногда весьма причудливой: соответствие между привычной этимологией современного названия и его внешней формой может оказаться случайным и условным. Поэтому для объяснения происхождения топонима приходится отвлекаться от его современной формы и прибегать к историко-лингвистическому анализу.

О городе *Братске* стало широко известно с середины 50-х годов XX в., когда началось строительство гиганта отечественной энергетики тех лет — Братской ГЭС. Однако лишь немногие, очевидно, задумывались над тем, как возникло это географическое название...

Историки считают, что в XI–XII вв. на территории современного Прибайкалья обитали многочисленные монгольские племена: хори, тумат, булагачин и другие, известные под общим названием «буриват (буриат)». В XVII в. *буряты* этнически обособились от монголов и составляли несколько племенных групп, крупнейшими из которых были булагаты, эхириты, хоринцы и хонгодоры, кочевавшие на обширной территории по обе стороны озера Байкал. Эти племенные группы и составили впоследствии бурятскую народность, причем интересно, что вначале они не имели общего этнического названия *буряты*, которое появилось позднее (ср. монг. *birjad*, калм. *bürēd*). По мнению одного немецкого ученого, на которое ссылается известный славист М. Р. Фасмер, этнимом буряты мог обозначать «лесных людей» [13, с. 250; 1, с. 130–132].

В конце XVI — начале XVII в. в состав Российского государства вошли огромные территории Сибири, от Урала до Енисея. Русские землепроходцы — казаки, служилые и промышленные люди — продвигались все дальше в неведомые сибирские края. В 1587 г. был построен Тобольск, ставший русским административным центром Сибири, а в 1604 г. — одно из первых укреплений на новых землях — Томский острог.

К началу XVII в. русские стали располагать отрывочными сведениями о доселе неизвестном им народе, обитавшем в Прибайкалье. Енисейские и томские воеводы, стремясь получить более точные и полные сведения, отправляли в незнакомые земли казаков. Начальникам казачьих отрядов давались «наказные памяти» (наказы) собрать исчерпывающие сведения о неизвестном народе, его хозяйстве, занятиях, о природных богатствах новых земель. Кроме того, служилым людям предписывалось привести новый народ в русское подданство и обложить его ясаком (податью), действуя мирными средствами.

В конце первого десятилетия XVII в. русские появились на берегах Енисея. Их проникновение в новые земли сопровождалось строительством опорных пунктов — сибирских острогов, вокруг которых селились служилые и промышленные люди из центральной России. Острог как тип оборонительного сооружения представлял собой деревянную крепость, имевшую несколько башен с бойницами. В 1619 г. на Енисее был построен Енисейский острог, вначале игравший роль административного центра Восточной Сибири. Отсюда открывался прямой путь по верхнему течению Ангары в земли неведомого народа. В последующее время были построены Красноярский (1628), Илимский (1630) и другие остроги.

Первые сведения о бурятах, получившие затем отражение в памятниках письменности, относятся к февралю 1609 г., когда из Томского острога были отправлены служилые люди для приведения в русское подданство племени «десаров» (джесаров), живших в верховьях рек Казыра, Кизира, Кана, Биросы и занимавшихся охотой. Однако получить с джесаров ясак не удалось, так как русских в этом кто-то опередил. В «Отписке томских воевод Василия Волинского и Михаила Новосильцова о десарских людях» (1609) читаем: «И они де [джесары], государь, сказали, что <...> ясак де мы государю дали не сполна, что твоих государевых людей не чаяли приходу к себе, а до твоих государевых людей ясак с них взяли *бракские люди*» [5, с. 422]. Так впервые узнали о многочисленном и сильном народе — «бракских людях». В дальнейшем русские могли получать новые сведения о неведомом народе от аринов и других мелких племен, плативших дань «бракским людям». В «Отписке кетского служилого человека Молчана Лаврова сургутскому воеводе Ивану Благово» (1613) сказано о жалобе аринского князца Затыгаша: «А бил челом государю Тюлькины [аринской] земли князец Затыгаш, что им государева ясаку больше тово дать невозможно, потому что де их воевали *бракские люди* и что де было у них ясаку в сборе, и тот де ясак отгромили *бракские люди*» [6, с. 227].

В других источниках *буряты* именуются «братами». Так, в «Отписке енисейского приказного человека Матвея Трубочанинова томскому воеводе Федору Боборыкину <...>» (1620) встречаем упоминание о силе и независимости бурят: «А *браты* да маты люди великие, ясаку государю не платят, а сами де они емлют ясак с государевых ясачных людей, которые blisko кочуют: с кызылов, с багазар» [6, с. 251]. В «Челобитной томских служилых людей Богдана Терского с товарищами <...>» (1617) есть указание на то, что в числе отрядов, осаждавших в 1617 г. Томский острог, были и «браты»: «А орды, государь, великие многие к Томскому острогу прилегли: черные и белые колмаки, и тигирские люди, и маты, и *браты*, и саянцы, и тубинцы <...>» [5, с. 449].

Таким образом, как свидетельствуют памятники письменности, в начале XVII в. стало известно о новом народе — «братах» (бурятах). Освоение этого непривычного названия кочевого народа шло чисто фонетическим путем: незнакомое русскому языку этническое название было воспринято устно в форме «браты, брацкие люди», что и нашло свое отражение в письменных источниках. Причем здесь возможно также предположить сближение с русским словом *брат*. Интересно, что В. И. Даль квалифицировал прилагательное *братский* и как слово *восточносибирское* со значением «относящийся до инородцев, им принадлежащий» [2, с. 124]. Начиная с 20-х годов XVII в. в русских источниках появляется и этнографическое обозначение той территории, которую занимали «браты», — она получила название «Бракской земли». В «Отписке Андрея Дубенского тобольскому воеводе князю Алексею Трубецкому <...>» (1629) читаем: «В нынешнем во 137-м году писано ко мне от вас, а велено мне посылать послов в *Бракскую землю* служилых людей <...>» [6, с. 351].

Так возникло новое этническое обозначение для племен, составивших впоследствии бурятский народ, — «браты» (буряты). К 40-м годам XVII в. русские имели уже вполне точные и полные сведения о бурятах, об их хозяйстве, занятиях и т. п. В «Чертежной росписи речных путей от Енисейского острога до верхнего течения Илима <...>» (1640–1641) сказано: «На Ламе [Байкале] остров именем Ойхон [Ольхон], а ходу через Ламу до острова судового день; а люди на том острове живут *бракские* многие, лошадей и всякого скота много, а хлеб у них родится просо <...>» [3, д. № 89].

Происхождение топонима *Братск* следует рассматривать в непосредственной связи с этнонимом *браты*. В 1627 г. казачьему атаману М. Перфильеву было поручено привести в русское подданство «бращих людей», обложить их ясаком и построить в их земле укрепление. В 1631 г. на правом берегу сибирской Оки, в двух километрах от ее устья, казаками и служилыми людьми был построен острог, ставший опорным пунктом для освоения сибирских земель. Он получил этнонимическое название — *Братский острог*, т. е. «укрепление, крепость в земле братьев». Топоним был образован от фонетически освоенного русским языком этнонима *браты* с помощью суффикса *-ск*, уже отличавшегося продуктивностью в русской топонимии XVI–XVII вв. (ср. топонимы *Зараск*, *Тобольск*, *Архангельск*, *Енисейск* и т. п. в «Книге Большому Чертежу» [4]).

В 1654 г. братские князцы напали на *Братский острог* и сожгли его, однако казацкие отряды, выступившие для сбора ясака и усмирения князцов, снова построили *Братский острог*, но уже в другом месте — на левом берегу Оки, ближе к ее устью. Становится понятно, почему известный сибирский географ и картограф XVII–XVIII вв. С. У. Ремезов, впервые картографически описавший Братский острог в своей «Чертежной книге Сибири» (1701), неизменно помещал его на левом берегу Оки при ее впадении в Ангару. В изображении С. У. Ремезова *Братский острог* представлял собой квадратное сооружение с четырьмя угловыми башнями, тыновой оградой и воротами [7].

Историко-лингвистические источники содержат интересные сведения о *Братском остроге*. К наиболее ранним принадлежит указание на это название в уже упоминавшейся «Чертежной росписи речных путей <...>» (1640–1641): «А по скаске тунгуской те *братские люди* блиско *Брацкого острогу*, где годуют из Енисейского острогу служивые люди» [3, д. № 89]. В «Житии», написанном между 1672 и 1673 годами известным писателем XVII в., идеологом старообрядчества протопопом Аввакумом, также встречаем это название. Опаальному протопопу, сосланному в Даурию (так в XVII в. назывались современные территории Забайкалья и Приамурья), пришлось зимовать в *Братском остроге* с поздней осени 1656 г. до весны 1657 г. Там, по преданию, Аввакум был заключен под стражу в северо-западную башню. В своем «Житии» он писал об этом так: «Посем привезли в *Брацкой острог* и в тюрьму кинули, соломки дали. И сидел до Филипова поста в студеной башне; там зима в те поры живет, да бог грел и без платья!» [10, с. 150].

Название острога встречаем и в Дополнениях Тобольской редакции (1673) «Книги Большому Чертежу»: «А от Енисейского острога по Тунгуске реке вверх до *нижнего Брацкого острогу* 12 недель <...>» [4, с. 188]. Название также прослеживается в сравнительно поздних по времени составления летописных сводах, например, в записи, сделанной между 1572 и 1683 гг.: «Отъ Генесейского острога вверхъ Ангараю рекою стругами ходу до *Брацкого острога* 4 недели» [12, с. 384]. 22 августа 1675 г. в Братском остроге останавливался на пути в Китай русский посол Н. Спафарий, сделавший в своем путевом дневнике такую запись: «<...> приехали въ *Брацкой острогъ*. А жилыхъ дворовъ казачьихъ съ 20. Да подъ острогомъ течеть река Ока. А вытекла изъ степи, а по ней живутъ пашенные крестьяне и *Браты*» [9, с. 107–108].

В течение XVIII–XIX вв. острог перестал быть оборонительным сооружением и вскоре превратился в обычный населенный пункт — село. Изменилось и его название: *Братский острог* стал просто *Братском*. Э. М. Мурзаев,

справедливо считая *Братск* этнотопонимом, утверждал, что это название образовано «из более правильной формы *Бурятск*» [8, с. 27], однако **Бурятск* следует рассматривать лишь как гипотетическую форму, поскольку в памятниках письменности она нигде не зафиксирована.

До середины 50-х годов XX вв. *Братск* оставался старинным селом, центром Братского района Иркутской области. В связи с начатым в 1955 г. строительством Братской ГЭС это село было затоплено водами Братского водохранилища. Тем не менее географическое название, хотя и потерявшее прежнюю этимологическую связь с этнонимом, не умерло, не забылось. Оно было присвоено молодому городу гидростроителей, возникшему в 1955 г. *севернее* своего старинного собрата. В последующее время топоним как бы пережил свое второе рождение: переосмысленный, он наполнился новым содержанием. Действительно, в те годы *Братск*, воспетый поэтами и композиторами, стал символом братства и дружбы всех народов нашего многонационального государства, построивших в тайге на берегу Ангары юный город [11].

Древнее название, наполнившись новым содержанием, органично «вписалось» в общую систему новых географических названий, возникших на карте нашей страны в послеоктябрьский период. В настоящее время топоним *Братск* обозначает не только город — крупный промышленный, научный и культурный центр Иркутской области, но и железнодорожную станцию на линии Тайшет — Лена, порт на берегу Братского водохранилища и аэропорт.

Литература

1. Бертагаев Т. А. Об этнонимах бурят и курикан // Этнонимы. — М., 1970.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1955. — Т. 1.
3. Дополнения к Актам историческим. — СПб., 1846. — Т. 2. — Д. № 89.
4. Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербинной. — М.; Л., 1950.
5. Миллер Г. Ф. История Сибири. — М.; Л., 1937. — Т. 1.
6. Миллер Г. Ф. История Сибири. — М.; Л., 1941. — Т. 2.
7. Михайловская А. И. Братск. Историко-археологический очерк. — Иркутск, 1928.
8. Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. — М., 1974.
9. Путешествие чрез Сибирь <...> Николая Спафария в 1675 г. // Записки Русск. геогр. об-ва по отд. этногр. — СПб., 1882. — Т. 10. — Вып. 1.
10. Робинсон А. Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания. — М., 1963.
11. Рудых В. М. Город Братск. — Иркутск, 1972.
12. Сибирские летописи. — СПб., 1907.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — М., 1986. — Т. 1.

ТАМБОВ

Тамбов на карте генеральной
Кружком означен не всегда;
Он прежде город был опальный,
Теперь же, право, хоть куда.
.....
Короче, славный городок.

М. Ю. Лермонтов

Такую характеристику дал поэт в своей стихотворной повести «Тамбовская казначейша» (1838) небольшому провинциальному городу, через который неоднократно проезжал и в котором в 1827–1836 годах останавливался на пути в Тарханы. Из этой характеристики явствует, что на географических картах того времени *Тамбов* ввиду своей малозначительности не всегда обозначался кружочком, принятым на современных картах в различном цветовом и графическом исполнении как указатель административно-территориального статуса города и плотности его населения.

В лермонтовском описании также обращает на себя внимание эпитет *опальный*, намекающий на то, что в прежнее время *Тамбов* был местом ссылки политически неблагонадежных людей. Например, в нем отбывал ссылку участник Отечественной войны 1812 г. грузинский поэт и общественный деятель А. Г. Чавчавадзе (1786–1846). Не случайно по причине подобных намеков первое издание этой стихотворной повести, опубликованной в журнале «Современник», содержало значительные цензурные искажения и купюры. В частности, из текста произведения, сокращенно озаглавленного «Казначейша», были исключены название города (с заменой его на букву Т...) и эпитет *тамбовская* как идеологически опасные. Как видим, даже упоминание названия города может быть нежелательным для предрежащей власти. Нас же интересует прежде всего то, когда, как и почему город получил свое имя.

Современный *Тамбов* расположен на юге зоны среднерусской лесостепи в центральной части Окско-Донской равнины, на левом берегу р. Цны при впадении в нее р. Студенца. Однако первоначально предполагалось заложить город в другом месте. Осуществляя политику обороны южных границ Московского государства от набегов степных кочевников, царь Михаил Федорович в 1636 г. повелел стольнику и воеводе Роману Боборыкину (Бобарыкину) построить крепость-город *Тонбов* около переправы (перелазы) на р. Цне при впадении в нее р. Липовицы (совр. Большая Липовица), вблизи Ордабазарской дороги, соединявшей Москву с Нижним Поволжьем.

Тем не менее для закладки города-крепости было выбрано другое место, по-видимому, более удобное в стратегическом отношении: в 20 верстах ниже по течению р. Цны, на ее левом берегу (где и расположен современный город и его исторический центр). За десятилетие после основания крепости-города было построено сложное оборонительное сооружение — *Тамбовский вал* (черта), вошедший в Симбирскую засечную черту, проходившую от г. Симбирска до г. Козлова (так же основанного в 1636 г. как укрепленный пункт — совр.

г. Мичуринск) и соединявшуюся с Белгородской засечной чертой. В это же время создавались и малые оборонительные сооружения — острожки, например Красногорский острожок (1647). Остатки одного из таких фортификационных сооружений сохранились и предстали на современной карте Тамбовской области в народном топониме *Татарский вал* [15].

В памятниках письменности русского языка топоним *Тамбов* и производные от него образования получили отражение с XVII в. Примечательно, что зафиксированные формы свидетельствуют о неустойчивости орфографии топонима, демонстрируя мену носовых согласных н/м. Так, в «Описи архива Разрядного приказа XVII в.» читаем: «Чертеж *танбовской* и *Танбовскому валу*, прислал ис *Танбова* во 169-м году ноября в 9 день, а хто прислал, того на нем не подписано». Там же встречаем формы *Танбовской уезд*, *Танбовская черта*, *танбовец* [9, с. 278, 461–462]. Современный населенный пункт *Бокино*, расположенный южнее *Тамбова*, в документах начала XVII в. обозначен как село *Тамбов* и сельцо *Тонбов* [14, с. 340–341]. В трудах В. Н. Татищева, созданных в 1739–1749 гг., топоним и его производные представлены в формах *Танбов*, *Танбовская провинция*; *Тамбов*, *Тамбовская провинция*; *Тонбовская провинция* [16, с. 124, 191, 232; 17, с. 249]. Мотив номинации города отражен в сообщении анонимного городского летописца, который в 1788 г. констатировал: «<...> А именован тот новопостроенной город <...> по реке *Танбову*, которая течением своим впадает к реке Цне у села Кузьмина Гать <...> [совр. нп Кузьмино-Гать]» [2, с. 16]. Впоследствии это мнение об ориентирующей номинации города по реке основательно закрепилось в научной литературе. Действительно, вблизи города протекает впадающая в Цну р. *Лесной Тамбов*, которая в древности называлась просто *Тамбов*.

Сразу после основания города, в 30–60-е гг. XVII в., происходило активное заселение близлежащих территорий выходцами из суздальских, рязанских, донских и других земель. Статус губернского города *Тамбов* получил в 1796 г. Однако, как свидетельствуют историко-археологические разыскания, бассейн р. Цны уже в 1-м тысячелетии был заселен мордвой, которая до XV в. компактно проживала на этой древней и достаточно пестрой в этническом отношении территории (междуречье Волги, Оки, Суры и Цны). Впоследствии мордва стала расселяться в левобережье Волги и в других регионах [21, с. 172]. На территории современной Мордовии мокша расселена главным образом в западных и южных районах, в бассейне Мокши, а эрзя занимает восточные районы, в бассейне Суры. Естественно, что следы древних мордовских поселений обнаружены в топонимии Рязанской, Пензенской и Нижегородской областей России. В связи с этим реально предположить субстратное, дорусское происхождение топонима и гидронима *Тамбов* с привлечением лексического материала мордовских языков. Лексемы, представленные в мокша-мордовской и эрзя-мордовской языковых разновидностях, дали основание выдвинуть сразу несколько этимологических версий для гидронима Тамбов, хотя ни одной из них в новейших топонимических словарях не отдано явного предпочтения [7, с. 234; 14, с. 340–341; 10, с. 494–495].

Первая версия была предложена В. А. Никоновым, который сопоставил гидроним с эрзя-мордовскими словами *томбака* — «омут» и *томбакс* — «топкий», сославшись на работу первого тамбовского краеведа И. И. Дубасова [8, с. 407]. Впоследствии эта версия развития не получила, хотя в бассейнах рек Цны и Лесного Тамбова действительно много болот и заболоченных мест, сохранившихся до настоящего времени.

Вторая этимологическая версия связывает гидроним *Тамбов* с древнефинским словом *tamb* — «дуб», что, по мнению В. А. Никонова, сложно доказать фонетически [8, с. 407; 10, с. 495], хотя в современном эрзя-мордовском языке до сих пор существует слово *тумо* — «дуб». А. К. Матвеев заметил, что на территории между р. Онегой и Онежским озером до сих пор бытуют гидронимы «Тамища и Тамбища, которые, возможно, связаны с прибалтийско-финским наименованием дуба (ср. карел. *tammi* „дуб“)» [4, с. 97]; см. также [18, с. 246], несмотря на то что в настоящее время на указанной территории дуб не встречается. Примечательно и другое: в ономастике древней мордвы прослеживается ряд личных имен, восходящих к названиям деревьев: например, *Тумай* < *тумо* — «дуб», *Пичай* < *пиче* — «сосна». Не ставя под сомнение наличие в финно-угорских языках подобных слов, заметим, что в 12 южных областях Русской равнины, в том числе в Тамбовской, «из топонимов, связанных с 11 древесными породами, абсолютно господствуют названия со словом дуб» [5, с. 149]. В данном случае, конечно, имеются в виду исконно русские топонимы с корнем *-дуб-*, этимологически никак не связанные с гидронимом *Тамбов*, но отражающие древний зональный тип ландшафта Тамбовской области — лесостепь с дубовыми лесами, особенно на севере.

Для обоснования следующей этимологической версии необходимо учесть, что правый приток р. *Лесной Тамбов* называется *Печера* и протекает после своих верховьев через населенный пункт *Пичер*. Слово *пиче* в эрзя-мордовском языке многозначно и наряду с другими имеет значение «сосна». А левый приток р. *Лесной Тамбов* называется *Нару-Тамбов*. В этом гидрониме некоторые исследователи выделяют финно-угорский корень *нар-* (*нор-, нер-*) — «полевой», представленный серией названий на бывших территориях древней мордвы. В эрзя-мордовском языке сохранилось слово *нар* — «трава, луг», поэтому гидронимы *Лесной Тамбов* и *Нару-Тамбов* следует интерпретировать соответственно как ориентирующе-различительные названия рек, одна из которых протекает в лесу, тем самым обозначая его границу, а другая — в поле (степи). Такое понимание соответствует современному состоянию тамбовской лесостепной зоны, хотя эта зона может в той или иной степени не совпадать с древними границами леса и степи.

Северо-западнее г. *Тамбова* параллельно протекают реки *Лесной Воронеж* и *Польный Воронеж* (притоки р. Воронеж), названия которых по своей форме также бинарно ориентирующие. Кстати, в самом топониме (и гидрониме) *Воронеж* отдельные исследователи видят отражение мордовского слова *вирнеже* — «лесная защита». Река Сосна, протекающая в современных Липецкой и Орловской областях, имела в древности два притока: *Лесную Ливну* и *Полевую Ливну*. Ориентирующий мотив номинации этих притоков вполне убедительно объяснен в «Книге Большому Чертежу» (1627): «А под городом под Ливнами пала речка Ливны, с Московской стороны; а вытекли Ливны: *Лесная ис Красного лесу, а Полевая Ливна прямо по Муравской дороге от Любовши*, и пала в Лесную под Ливнами выше острогу» [3, с. 87]. Ряд подобных примеров можно продолжить. Следовательно, в древнерусской топонимии такие гидронимы по своей структуре были крайне актуальны в качестве ориентирующих различителей географических объектов леса и степи.

В соответствии с вышеизложенным наиболее перспективной следует считать третью этимологическую версию, представленную в виде одного из ценных дополнений, сделанных академиком О. Н. Трубачевым в словаре М. Р. Фасмера.

Происхождение топонима и, соответственно, гидронима *Тамбов* объясняется с помощью эрзя-морд. *tombal'*-, *tombal'e*- — «на другой стороне, по ту сторону»; мокша-морд. *tombal'e*- — «то же»; эрзя-морд. *"tombal'ej*; мокша-морд. *tombal'i*- — «на другую сторону, на ту сторону, через» со ссылкой на работу финского лингвиста Хейкки Паасонена [20, с. 17; 24, с. 143].

Впоследствии некоторые исследователи вынуждены были принять во внимание бытование эрзя-мордовского слова в форме, по-видимому, обработанной русским населением, — *тамболь* — «на другой стороне, по ту сторону», хотя и не отдавая полного предпочтения именно данной этимологии [12, с. 16; 22, с. 100]. Между тем она достаточно надежна, поскольку географическая ориентация в условиях обозначения «родных» и «неродных» территорий играла важную роль в жизни древних этносов и поэтому получила широкое отражение в топонимии, закрепившись в конкретных названиях [6, с. 85–93; 19, с. 164–166, 258–261]. Действительно, и в современном эрзя-мордовском языке послелог *томбале*, *томбале*в употребляются в значении «за, на той стороне»; ср. также послелог *томбальде* — «из-за, с той стороны». Соответственно: *леень томбалькс* — «заречье», а *вирень томбалькс* — «залесье» [23, с. 667]. Следовательно, гидроним *Тамбов* возник именно как обозначение гидрографического объекта, протекающего на границе леса и степи, по ту или другую сторону этих природных зон.

Существуют и другие этимологии гидронима *Тамбов*. Однако они не заслуживают серьезного внимания ввиду слабой доказательной базы и лингвистического непрофессионализма, значительно распространившегося, к сожалению, в последнее время и допускающего, например, реальное существование «прарусского языка» [11, с. 88], или по причине явно фантастических сопоставлений вроде *Тамбов* = *там* — «быть двойным, сложенным из двух равных частей, рождать близнецов» + *бве(бав)* — «зрачок, глазная полость» [13, с. 189]!!!

Отрадно, что в истории г. *Тамбов* сохранилась память о посещавшем его великом поэте. Одна из центральных улиц города названа *Лермонтовской*, а в городском сквере установлен бюст поэта.

Однако приходится сожалеть о том, что история древнего города-воина, некогда бывшего важным оборонительным пунктом на подступах к южным границам Московского государства, дисгармонирует с употреблением некоторых внутригородских названий оттопонимного происхождения. В частности, допускается неоправданная романтизация образа пресловутого *тамбовского волка*, который фигурирует в названиях кондитерской и сувенирной продукции, даже создан Музей тамбовского волка, хотя лучше было бы создать Музей тамбовского картофеля. Такая пропаганда вредна и бесперспективна, она не принесет городу добрую славу.

Историческая память языка должна заставить общество понять, что выражение *тамбовский волк* возникло в криминальной среде как презрительно-оскорбительное обозначение конвоиров-охранников, жестоко, подобно волкам из дремучих тамбовских лесов, обращавшихся с заключенными. Не случайно поэтому в воровском жаргоне до сих пор бытует и другой фразеологизм-штамп — *волки позорные*, ставший особенно «популярным» благодаря кино- и телесериалам, а также не всегда высокохудожественным литературным произведениям, искусственно поэтизирующим воровской образ жизни. Но жаргонизмам не место в ономастике великого и могучего русского языка: ни в названиях конфет и другой продукции (Что вам больше по вкусу:

«Тамбовский волк» или «Волк позорный»?), ни тем более в названиях культурно-просветительных учреждений любого города. Такая «волчья» история с географией явно не нужна славному городу *Тамбову*, и всем жаргонизмам, в том числе среди имен собственных, нужно выдать волчий билет.

Литература

1. Дубасов И. И. Очерки по истории Тамбовского края. — М., 1883. — Вып. 1. [Переизд.: Тамбов, 1993.]
2. Земля Тамбовская. — М., 1982.
3. Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. — М.; Л., 1960.
4. Матвеев А. К. Ономастология. — М., 2006.
5. Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. — М., 1974.
6. Мурзаев Э. М. Топонимика и география. — М., 1995.
7. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. — 2-е изд. — М., 1999. — Т. 2.
8. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. — М., 1966.
9. Описи архива Разрядного приказа XVII в. — СПб., 2001.
10. Поспелов Е. М. География мира: Новейший топонимический словарь. — М., 2007.
11. Руделев В. Г. Воспоминания о черной земле. — Тамбов, 1994.
12. Словарь гидронимов Тамбовской области / Сост. Л. И. Дмитриева, А. С. Щербак. — Тамбов, 2000.
13. Смирнов В. С. Тайна географических названий Земли или путешествие в тьму веков. Космос. Мифы. Праязык. — СПб., 1998. [В названии сохранена орфография и пунктуация книги, изданной в авторской редакции и за счет средств автора.]
14. Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России. — М., 2002.
15. Тамбовская область. Общегеографическая карта. — М., 2008.
16. Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. — М., 1950.
17. Татищев В. Н. История Российская. — Ч. 1 // Собр. соч.: В 8 т. — М., 1994. — Т. 1.
18. Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. — М., 1962.
19. Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. — 2-е изд. — М., 2003.
20. Фасмер М.. Этимологический словарь русского языка. — М., 1987. — Т. 4. [Дополнения О. Н. Трубачева.]
21. Феокистов А. П. Мордовские языки // Языки народов СССР. — М., 1966. — Т. 3.
22. Щербак А. С. Город Тамбов и река Цна // Русский язык в школе. — 2006. — № 4.
23. Эрзянско-русский словарь. — М., 1993.
24. Paasonen H. Mordwinische Chröstomatie. — Helsingfors, 1909.

Пропойск и Славгород

Должно быть, название это
Недаром Пропойску дано,
Должно быть, и зиму и лето
Там пьют беспробудно вино.
Должно быть, в Пропойске по-русски
Грешит до конца человек
И пьет, как в раю, — без закуски
Под дождик, под ветер, под снег.

К. М. Симонов

Такой образ города сложился у поэта при поверхностно-бытовом осмыслении внешней формы топонима. Однако действительно ли это название имеет алкогольное происхождение и могло ли оно быть обидным и оскорбительным для местных жителей?

Современник Москвы древний населенный пункт *Пропойск* упоминается в русских летописных источниках с 1150 г. Он располагался и расположен при впадении р. *Прони* (Пропани) в р. Сож (бассейн среднего течения Днепра) на Оршанско-Могилевской равнине — это территория современной Могилевской области Белоруссии.

В памятниках письменности русского языка название этого населенного пункта фигурирует в разных формах, как будто доказывающих трансформацию древней формы топонима в современную: *Прупой* — *Прупошеск* — *Пропошеск* — *Пропойск*. Например, в «Списке русских городов дальних и ближних», уточненно датированном 1394–1396 гг., город *Пропошеск* представлен в составе городов киевских, т. е. тех белорусских и украинских городов, которые располагались к северу от Киева по Днепру и Припяти [8, с. 103, 107]. В «Книге Большому Чертежу» (1627) при описании бассейна Днепра название города встречаем вместе с названием реки, на которой он расположен: «В реку же Сожу, ниже города Кричева 30 верст, пала река *Пронасть*; а река *Пронасть* вытекла против города Шклова, от реки от Днепра протоку 100 верст <...>. А ниже Кричева 60 верст на реке на Соже город *Прпоииск* с правые стороны реки» [2, с. 100].

Топоним *Пропойск* зафиксирован в картографических произведениях, отражающих военно-политические события русской истории XVI–XVII вв. В частности, в 1613 г. голландским картографом Гесселем Герритсом была опубликована карта, составленная царевичем Федором Годуновым на основании чертежа Московии 1523 г. На карте царевича *Пропойск* изображен в числе городков, расположенных к западу от западной границы Московского государства по правому берегу р. Сож. Как заметил академик Б. А. Рыбаков, «сами по себе эти городки в XVI в. не представляли самостоятельной ценности и помещение их на чертеже было бы непонятно, если бы не важное значение их в установлении демаркационной линии между Москвой и Литвой при мирных переговорах в марте 1503 г.» [5, с. 58–59, 63].

Достаточно очевидно, что *Пропойск* получил свое имя по названию реки, на которой он расположен. Исторически гидроним *Проня* прежде чем приобрести современный вид был также известен в древних формах *Пропань* — *Пропасть*, которые, по-видимому, указывают на то, что эта река по своей гидрографической специфике — впадающая, т. е. проникающая. Действительно, как в древности, так и сейчас р. *Проня* впадает в р. Сож. Аналогичные случаи отражения в форме гидронима характера реки, в том числе в месте ее впадения в другую реку, известны в русской топонимии. Например, одноименная р. *Проня* (правый приток Оки в Рязанской области) получила свое название от древнего диалектного географического термина *прѣница* — «очень топкое, засасывающее место в болоте» [6, с. 196]. Ср. также *проникать* — *проницательный*: к // ц. В свою очередь древний населенный пункт Рязанского края *Пронеск* — *Пронск* (известен с 1131 г.), а теперь районный центр Рязанской области назван так по реке.

Для установления надежной этимологии топонима *Пропойск* нужно отыскать имя существительное нарицательное, которое на момент первичной номинации своей семантикой могло бы мотивировать внутреннюю форму топонима. С учетом структуры географического названия *Про-пой-ск* таким подходящим словом могло быть *пропой*. Однако, судя по данным исторических словарей русского языка, *пропой* наряду с родственными образованиями типа *пропоец*, *пропойца* фиксируется в памятниках письменности сравнительно поздно, только с XVII в., и лишь в алкогольном значении [7, с. 198]. В авторитетных толковых словарях русского языка *пропой* трактуется как слово просторечное или устарелое и сопровождается преимущественно алкогольным значением, отражающим определенное действие по глаголу *пропить/пропивать* или, как в словаре В. И. Даля, *пропаивать/пропоить*.

Отвергая алкогольную этимологию слова *пропой* как географически абсурдную, обратим внимание на его структуру, в которой четко выделяется префикс *про-*, отличающийся в русской географической терминологии и топонимии высокой словообразовательной продуктивностью. Ср., например, достаточно известные термины *пролив*, *промоина*, *пропасть* (в местной терминологии — «водоворот»), *прогалина*, *проталина*, *просека* и менее известные *пролой* — «новое русло реки»; *пронос* — «рукав реки, сильное течение»; *прорва* — «место, где река пробивает новое русло»; *проран* — «узкий залив, далеко вдающийся в сушу; пролив» и мн. др. [1, с. 263–271; 4, с. 151–153]. По своей морфолого-словообразовательной природе термины такого типа представляют собой отглагольные существительные, обозначающие опредмеченное действие, причем в высшей степени интенсивно-результативное.

Осмыслив топонимическую специфику префикса *про-*, перейдем к корню *-пой-*, который в своем жидкостном значении восходит к праславянской форме **rōi-/rei-/ri-*. Этот корень был в сущ. **roj* (ср. *пойло* «питье для скота»). От сущ. **roj* с пом. суф. *-i-ti* создан глаг. **rojiti* > *поить* «заставлять пить» (понудительное действие) [10, с. 302]. Ср. также родственные образования типа *питать*, *пир*, *пиявка*, *припой*.

В топониме *Пропойск* корень *-пой-* выделяется достаточно отчетливо, и, если признать, что город назван так по реке, следует прояснить название самой реки. По-видимому, гидроним *Проня* (Пропань, Пропасть) по своей форме обозначал реку с сильным течением, но не особенно полноводную, реку проникающую, впадающую в другую реку и тем самым пропадающую

как самостоятельный водный объект, но одновременно напаяющую по древним представлениям другую реку. Не случайно М. Р. Фасмер сопоставлял этот гидроним с чешскими словами *prony* — «быстрый, неукротимый» и *prudký* — «быстрый» [9, с. 376]. И на современной карте *Проня* показана как менее полноводный приток более полноводной р. Сож. Как утверждает белорусский топонимист И. Я. Яшкин, в устье р. *Прони* при ее впадении в р. Сож образуется сильный водоворот, который по-белорусски в местном говоре называется *prandŭ* [11, с. 150], что и могло быть отражено в форме топонима *Пропойск*, имеющего, таким образом, славянское происхождение.

К сожалению, в современных говорах русского языка слово *пропой* в строго гидрографическом значении не зафиксировано, хотя комплекс алкогольных значений, в том числе в родственных ему словах, представлен подробно. Слабым реликтом древнего гидрографического значения узколокального термина *пропой* является его употребление в забайкальских говорах, где это слово известно в значении «подземная вода, выступающая в шахте после оттаивания породы» [6, с. 209–210]. Языку современной географической науки данный термин неизвестен, о чем свидетельствует его отсутствие во всех современных географических словарях, в том числе в академических, хотя в них зафиксированы некоторые структурно однотипные термины, имеющие прочный географический статус, например, *проран* и *прорва* [3, с. 445].

Существуют и другие этимологические версии, предполагающие дорусское происхождение гидронимов *Проня*. В дополнениях, сделанных академиком О. Н. Трубачевым в словаре М. Р. Фасмера, оспаривается славянская этимология этих гидронимов. Гипотетически указывается на связь названия *Проня* в бассейне Оки с гидронимом *Пра*, восходящим к мордовскому слову *пря* — «голова», и на связь *Прони* в бассейне Сожа с гидронимами типа *Перенка*, *Перанка* и др., имеющими балтийское происхождение (со ссылкой на работу: В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. — М., 1962. — С. 202–203) [9, с. 375–376].

В 1945 г. древний *Пропойск* в ознаменование победы над фашистской Германией и, конечно же, по причине кажущейся неэстетичности внешней формы своего названия был переименован в *Славгород* — «город славы», тем самым получив более «красивое» название. Впрочем, такое переименование отчасти следует признать неудачным, поскольку к моменту этой деноминации в СССР уже существовало два *Славгорода*: один в Алтайском крае, а другой — в Днепропетровской области Украины.

В 2010 г. древний белорусский город *Пропойск* мог бы отпраздновать свое 860-летие, а *Славгород* датой своего рождения напоминает нам о 65-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Рассмотренный материал убеждает в том, что названия подобных населенных пунктов не могут быть обидными или оскорбительными для местных жителей. Во многих случаях внешне неблагозвучные и казалось бы неэстетичные топонимы сохраняют в своей структуре древние слова, отсутствующие в современном русском языке. При соответствующем этимологическом подходе такие слова могут раскрыть для современных носителей языка мотивы первичной номинации географического объекта и в той или иной степени отражают конкретно-предметное мышление наших далеких предков, материально закрепленное в языке русской практической географии допетровской эпохи.

Литература

1. Дьякова В. И., Хитрова В. И. Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями). — Воронеж, 2009.
2. Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. — М.; Л., 1950.
3. Котляков В. М., Комарова А. И. География: понятия и термины: пятиязычный академический словарь. — М., 2007.
4. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. — М., 1999. — Т. 2.
5. Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV — начала XVI века. — М., 1974.
6. Словарь русских народных говоров. — СПб., 1998. — Вып. 32.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. — М., 1995. — Вып. 20.
8. Тихомиров М. Н. Русское летописание. — М., 1979.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — М., 1987. — Т. 3.
10. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. — Киев, 1989.
11. Яшкін І. Я. Беларускія геаграфічныя назвы: Тапаграфія. Гідралогія. — Мінск, 1971.

Названия на карте Луны

Первые попытки присвоения названий лунным кратерам, горным цепям и другим отличительным формам рельефа Луны были предприняты в середине XVII в. Примерно в одно и то же время бельгийский ученый М. Ф. ван Лангрэн (1645), польский астроном Я. Гевелий (1647) и итальянский астроном Д. Б. Риччоли (1651) предложили свои системы обозначений объектов лунной поверхности.

М. Ф. ван Лангрэн использовал для номинации главным образом имена членов королевской семьи, известных ученых, представителей дворянства. Например, *Море Евгения Савойского* (совр. *Море Ясности*), *Море Филиппа* (совр. *Океан Бурь*), *Бельгийское Море* (совр. *Море Спокойствия*), *Римский кратер* (совр. *Архимед*). Составленная Лангреном карта Луны содержала более 300 названий объектов лунной поверхности (селенонимов).

Я. Гевелий, которого считают основателем селенографии, построил свою систему названий на иных основаниях. Он уподобил карту видимой стороны Луны карте Европы, а также карте сопредельных с ней частей Азии и Африки, дав некоторым объектам лунной поверхности названия земных объектов, похожих на лунные по форме. Так на карте Луны появились топонимы-селенонимы: *Альпы*, *Апеннины*, *Кавказ*, *Чёрное море*, *Малая Азия*, *Сицилия*, *Персия* и др.

Д. Б. Риччоли, как и Лангрэн, использовал для номинации лунных объектов личные имена, однако он ограничил свой выбор только именами философов, астрономов и других ученых, деятельность которых в какой-то степени была связана с Луной. Система Риччоли отличалась от двух предшествующих более тщательным и мотивированным отбором материала. Используемые в ней имена были расположены в основном хронологически последовательно в направлении с севера на юг и отражали различные эпохи: *Гермес*, *Атлас*, *Геркулес*, *Цезарь*, *Агриппа*, *Созиген*, *Платон*, *Аристотель*, *Архимед* и т. п. Кроме того, имена были сгруппированы по национальной принадлежности, научным интересам и философским воззрениям их носителей, а имена всемирно известных ученых, полководцев и других знаменитых людей присваивались самым крупным и достаточно отчетливо видимым в телескоп горам и кратерам: *Птолемей*, *Эратосфен*, *Тихо Браге* и др. Карты Луны, составленные Гевелием и Риччоли, и предложенные ими системы названий получили вскоре широкое распространение, использовались в течение полутора веков, полностью вытеснив из употребления карту и названия, созданные Лангреном.

К началу XVIII в. благодаря применению телескопов стало возможным детальное картографирование лунной поверхности. Одним из первых селенографов, выполнивших такое картографирование, был немецкий астроном-любитель И. Г. Шрётер. Он обнаружил недостатки в системах Гевелия и Риччоли: при их использовании большинство значительных кратеров оставалось неназванным. Особой критике подверглась система Гевелия, согласно которой отдельное название присваивалось целой группе кратеров, и поэтому многие помещенные на карту названия оказались неудобочитаемыми по причине своих неоправданно больших размеров. Шрётер нанес на карту Луны более 70-ти новых имен астрономов и других ученых и ввел дополнительные буквенные

обозначения для малых кратеров. Они получали название ближайшего к ним крупного кратера с добавлением прописных или строчных латинских букв, например, *Коперник А.*, *Коперник В.* и т. п.

Следующая веха в развитии лунной номенклатуры — издание карты Луны, предпринятое в 1837 г. немецкими учеными В. Бером и И.-Г. Медлером. Кратеры, возвышенности и другие объекты располагались на карте в сетке координат, так как их местоположение было точно установлено с помощью телескопических измерений. Большая часть названий на этой карте была заимствована с карт Риччоли и Шрётера, 10 названий — с карты Гевелия, а кроме того, было введено более 140 новых наименований. При этом специфика номинации мелких объектов заключалась в том, что кратеры обозначались латинскими буквами, вершины и возвышенности — греческими. Для объектов лунной поверхности, местоположение и размеры которых были определены инструментально, использовались прописные буквы, а объекты, размеры которых оставались неизвестными, помечались строчными буквами. Наряду с этим буквой обозначалась и та сторона объекта, которая была ближе к патронимическому кратеру. Предложенная система номинации, по замыслу авторов, должна была уменьшить количество повторно названных объектов.

Во второй половине XIX в. астрономы различных стран создавали подробные карты Луны, присваивая объектам лунной поверхности новые имена и заменяя буквенные обозначения названиями. Это привело к тому, что некоторые кратеры стали иметь до трех различных наименований. Наметившийся разнобой был частично преодолен в начале XX в., когда Международный астрономический союз (МАС) создал в 1921 г. специальную комиссию по нормализации лунной номенклатуры. Комиссия завершила свою деятельность в 1935 г., опубликовав карту и каталог названий лунных образований, составленные М. Блэгг и К. Мюллером [5]. Названия, содержащиеся в каталоге, были заимствованы из номенклатуры, введенной Медлером, и номенклатур, предложенные другими авторами. Прописные буквы использовались для обозначения дополнительных образований лунной поверхности, независимо от того, было ли измерено их местоположение или нет. Особое внимание при такой номинации уделялось обозначению наибольших и наименьших кратеров.

Однако при практическом использовании названных карты и каталога МАС обнаружили многочисленные противоречия, поэтому созданная в 1960 г. Лунная и планетарная лаборатория (ЛПЛ) Аризонского университета тщательно переработала карту и каталог. Итогом работы этой лаборатории стала публикация карты Луны и каталога, причем при их составлении использовались фотографии Луны, полученные с Земли, и новая система названий объектов лунной поверхности, принятая МАС в 1964 г. Хотя каталог содержал только названия кратеров, на карте были обозначены возвышенности, вершины, мысы и другие формы лунного рельефа. Впоследствии исправленные и дополненные новыми материалами карта и каталог ЛПЛ переиздавались.

Современный этап в номинации объектов Луны связан с комплексным изучением космического пространства и планет Солнечной системы. Полеты советских и американских космических кораблей «Восток», «Союз», «Skylab», «Apollo», автоматических межпланетных станций «Луна», «Зонд», «Lunar Orbiter», исследования, проведенные с помощью других автоматических аппаратов, позволили осуществить подробное фотографирование и картографирование лунной поверхности. На основе фотографий Луны были составлены карты и атласы, отвечающие современным научным требованиям [1; 3; 4].

Обязательным элементом большинства географических карт являются названия: именно они несут важную смысловую и информационную нагрузку. Систематизация и лингвистическое изучение названий — необходимое условие для определения того, насколько точно раскрыта в названии физико-географическая специфика конкретного объекта, его связь с другими объектами подобного рода. Не менее важно обеспечить орфографически точное оформление названий вообще, и на картах в частности. Без таких непреходящих качеств, как унифицированность, стабильность, название не сможет осуществлять свою важнейшую функцию — номинативно-информативно-коммуникативную. Это положение в равной степени справедливо для наименований земных и внеземных объектов.

К настоящему времени насчитывается более 1200 названий объектов лунной поверхности, и перед учеными возникла проблема упорядочения их употребления. Для обозначения «геологических» особенностей рельефа Луны были условно взяты термины, используемые в современной географии. Так на карте Луны появились термины орографии *кратер*, *гора*, *пик*, *борозда*, *трещина* и др.; из гидрографической терминологии были заимствованы термины *море*, *залив*, *озеро*, *болото* и т. п. На отечественных и зарубежных картах Луны эти термины даются также в латинском написании, что соответствует давней традиции и отражает международный характер изучения естественного спутника Земли.

Все термины (за исключением единственного — *кратер*, отражающего специфику объекта не условно) входят в состав названий для пояснения вида объекта и пишутся с прописной буквы, поскольку их употребление в качестве обозначений элементов лунного рельефа *условно*. Например, морей, как известно, на Луне нет — так названы темные участки ее поверхности. К подобным названиям относятся: *Море Краевого*, *Залив Центральный*, *Озеро Сновидений*, *Болото Сна*; *Горы Лейбница*, *Пик Блан*, *Борозда Гесиода* и т. д. Аналогичную орфографию имеют земные топонимы, в составе которых присутствует так называемый «ложный» термин, не отражающий современную географическую специфику объекта (например, *Лес*, *Камни*, *Лог*): горы *Чешский Лес*, порог *Дмитриевские Камни*, село *Выезжий Лог* и т. п. Условное употребление «ложного» термина в названиях данного типа выражается в его написании с прописной буквы. Напротив, если термин точно соответствует роду объекта, он всегда пишется со строчной буквы (*горы*, *порог*, *село* и т. п.). Однако в практике печати, как мы уже убедились, нередко встречается ошибочное написание «ложных» терминов со строчной буквы вместо прописной, например, в топонимах типа улица *Кузнецкий мост*. Правильно: улица *Кузнецкий Мост* — ведь моста уже давно нет, есть только улица.

К сожалению, некоторый разнобой наметился и в написании объектов лунной поверхности: на картах Луны названия типа *Пик Ампера* встречаются в неустойчивой орфографии. В одних случаях личное имя (антропоним) согласуется с термином в форме именительного падежа: *Мыс Банат*, *Мыс Френель*, *Пик Гюйгенс*, а в других случаях — в форме родительного падежа: *Мыс Кельвина*, *Борозда Архита*, *Борозда Френеля* и т. д. Было бы желательно устранить этот разнобой в последующих изданиях карты Луны и при написании названий (селенонимов) такого типа исходить из того, что форма родительного падежа предпочтительнее, так как она наиболее соответствует мемориальному характеру подобных названий: не *Пик Ампер*, а *Пик Ампера*, т. е. «пик», названный так в честь *Ампера*.

Намечаются новые тенденции в развитии терминологии лунных образований. Так, на основании анализа новейших данных о деталях лунной поверхности, полученных космическими аппаратами, американским ученым Д. Х. Мензелом в качестве обозначений для этих деталей были предложены дополнительные термины латинского происхождения. Не отмеченные ранее извилистые хребты, являющиеся наиболее важными объектами видимой стороны Луны, рекомендовано назвать *Dorsum (Dorsa)* — «хребет, возвышенность, гребень». Традиционный термин *Rima (Rimae)* — «трещина, щель» применялся ранее для обозначения объектов, часто весьма различных по своему характеру. Автор счел целесообразным оставить его для обозначения неправильных трещин или расщелин, встречающихся внутри кратеров. Относительно прямой участок лунной коры, опустившийся по трещинам сбросов ниже соседних участков, — *graben* (нем. *Graben* — «ров, канава») — более точно определяется как *Fossa (Fossae)* — «ров, яма; водоотводный канал, русло». Термин *Vallis* — «долина, впадина», по мнению Мензела, следует оставить только для обозначения обширных долин. Извилистые борозды допустимо обозначить как *Anguis (Angues)* — «змея». Цепи кратеров, ранее не отличающиеся от трещин, предложено назвать *Catena (Catenae)* — «цепь, оковы; непрерывный ряд». Оползни должны иметь специальный термин *Ruina (Ruinae)* — «обвал; развалины» [6].

Система названий объектов лунной поверхности складывалась исторически, и поэтому в ее составе можно выделить несколько групп. Некоторые названия считаются в определенной степени традиционными, поскольку они были перенесены с первых карт Луны на современные карты. Во-первых, это лунные имена, имеющие двойников — идентичные названия объектов земной поверхности: *Альпы*, *Апеннины*, *Кавказ*, *Пиренеи*, *Шницберген*, *Альпийская Долина* и др. Во-вторых, это названия, отражающие средневековые астрологические представления землян о Луне и ее отдельных участках, способных прямо или косвенно влиять на поведение и состояние людей, животных, а также вызывать различные стихийные природные процессы, происходящие на Земле (бури, землетрясения, неурожаи, эпидемии и т. п.). Данную группу формируют селенонимы типа *Океан Бурь*, *Море Спокойствия*, *Море Дождей*, *Озеро Смерти*, *Озеро Сновидений*, *Болото Эпидемий*, *Болото Гниения* и др.

Основную и наиболее многочисленную группу составляют названия мемориальные, присвоенные различным объектам поверхности Луны в память о всемирно известных деятелях науки, техники и культуры различных стран. Названия кратеров, этой самой специфической формы лунного рельефа, количественно преобладают среди всех прочих названий — в настоящее время их насчитывается более 900. Например, кратеры *Юлий Цезарь*, *Пифагор*, *Меркатор*, *Джордано Бруно*, *Ломоносов*, *Чайковский*, *Циолковский*, *Тесла*, *Королев*, *Гагарин* и мн. др. Меньшую группу селенонимов составляют названия других объектов лунной поверхности: *Море Восточное*, *Залив Радуги*; *Горы Лейбница*, *Пик Брэдли*, *Борозды Архимеда*, *Мыс Кельвина*, *Долина Шрётера* и т. п.

Естественно, что ряд названий отражает современный этап в изучении Луны, о чем достаточно выразительно свидетельствуют такие селенонимы, как *Море Москвы*, *Море Мечты*, *Море Познанное*, *Залив Астронавтов*, *Залив Лунника* и др.

Ряд проблем изучения селенонимической лексики связан, с одной стороны, с передачей на русский язык селенонимов, являющихся иноязычными заимствованиями, а с другой — с написанием русских названий в латинице.

Основная часть иноязычных по происхождению названий, присвоенных объектам лунной поверхности, была заимствована и ассимилирована русским языком сравнительно давно, и поэтому передача таких названий в целом не вызывает затруднений. Тем не менее существуют известные сложности, например, при передаче английских антропонимов, формирующих значительную часть селенонимической лексики.

При передаче иноязычных селенонимов на русский язык определяющим является принцип транскрибирования, предполагающий учет произношения названия в языке-источнике и выявление при этом национальной принадлежности носителя имени. Возникает необходимость выверить написание иноязычных селенонимов по авторитетным орфоэпическим источникам, например, по Биографическому словарю Вебстера, в связи с тем, что написание многих иноязычных антропонимов совпадает в латинице. Передача таких антропонимов на русский язык с учетом особенностей их произношения в языке-источнике и национальной принадлежности носителей имен орфографически совершенно различна. Так, фамилия, положенная в основу названий нескольких лунных кратеров и переданная в латинице как *Henry*, транскрибируется на русский язык в форме *Хенри*, если ее носителем является американец, или — *Анри*, если фамилия принадлежит французу.

Сложнее обстоит дело с написанием русских антропонимов, формирующих часть селенонимической лексики, поскольку использование зарубежными картографическими издательствами систем транслитерации Британского королевского географического общества (RGS) и транслитерационной системы, принятой в научных трудах МАК («Transactions of the International Astronomical Union»), искажает чтение русских фамилий в латинице. В частности, нельзя признать удачной передачу с помощью одной латинской буквы *y* — трех таких совершенно различных орфографических позиций: передача русской буквы *ы* — *Rynin*, *Krylov*; обозначение мягкости предшествующего согласного — *Kondratyuk*, *Timiryazev*; обозначение окончания в русских фамилиях, морфологически являющихся прилагательными мужского рода, — *Lebedinsky*, *Vernadsky*. Целесообразно сузить область транскрипционного применения латинской буквы *y* и передавать через нее только русскую букву *ы* при написании русских фамилий в латинице. Для обозначения мягкости предшествующего согласного в некоторых фамилиях следует рекомендовать использование диакритического знака, например, *Kondrat'uk*, а для оформления окончания — *-uij* — использовать латинские буквы *i, j* — *Lebedinskij*.

При транслитерации некоторых русских фамилий по-разному передается также буква *ц*: посредством *ts* или *c*. В связи с этим русские фамилии с суффиксами *-ск-* и *-цк-* совпадают в одном написании: *Reformatsky* (Реформатский), *Ziritsky* (Жирицкий), хотя существует возможность четко разграничить передачу фамилий указанного типа, используя систему транслитерации, известную как академическая латиница: *Reformatskij*, *Zirickij*. Эта система, утвержденная еще АН СССР с целью международного использования для транслитерации русских фамилий латинскими буквами, применяется также при издании многих картографических произведений и является более совершенной по сравнению с другими системами.

Анализ названий объектов лунной поверхности показывает, что имена выдающихся представителей мировой науки, техники и культуры не умирают — они навсегда остаются в благодарной памяти человечества, помогая ему

познавать непознанное и открывать новое [2]. Последняя страница в истории номинации объектов Луны еще не написана. Расширяющееся и углубляющееся изучение космического пространства естественно вызывает необходимость наименования обнаруженных внеземных топографических объектов.

Литература

1. Атлас обратной стороны Луны. — М., 1967. — Ч. 2.
2. Карпенко Ю. А. Названия звездного неба. — М., 1981.
3. Полная карта Луны масштаба 1:5 000 000. — М., 1969.
4. Atlas and gazetteer of the near side of the Moon. — Washington, 1971.
5. Blagg M. A., Müller K. Named Lunar Formations. — London, 1935.
6. Menzel D. H. Report of Lunar Nomenclature by the working group of Commission of 17 of the IAU // Space Science Reviews 12. Dordrecht — Holland, 1971.

Его Величество Термин — термин и его величество

(Вместо заключения)

В процессе познания окружающего мира ведущая роль принадлежит не какому-то необычным, а специальным словам — терминам, которые отражают соответствующие понятия (различных отраслей знания) и обязательно основаны на этих понятиях. Тем самым в терминах материально фиксируются и закрепляются успехи познавательной деятельности человека. Представители древнейших цивилизаций хорошо понимали природу таких специализированных слов, оставив в наследство будущим поколениям основополагающие термины и понятия. Например, в философском представлении древних греков *космос* — это «нечто-упорядоченное, гармоничное», а *логос* «слово, разум, учение». Сравнив с этими обозначениями современные термины *косметика* и *логистика*, мы поймем при внимательном рассмотрении глубочайший терминологический смысл таких слов.

Русская географическая терминология прошла сложный путь многовекового развития. Ее специфика проявляется прежде всего в происхождении — это древнейший лексический пласт русского языка, восходящий в основном к праславянской эпохе. Географическая лексика теснейшим образом связана со всеми аспектами жизни человека и поэтому является важным инструментом практического и теоретического познания реальной действительности, обязательным компонентом языковой картины мира.

В XI–XVII вв., в донаучный период своего существования, русская географическая терминология развивалась естественным образом (стихийно), отражая достижения практической географии. В функции терминов употреблялись слова общенародного языка (*река, ручей, устье, гора* и др.), как правило, многозначные. Однако уже в этот период географическая терминология переживает процессы терминологизации отдельных слов и словосочетаний, их семантическое приспособление для выражения специальных значений. В этом мы наглядно убедились, например, рассматривая постпозитивное употребление определений в терминах типа *река голодная, река ходовая, река тяглая*.

Уже в древнейший период своего развития русская географическая терминология пополнялась заимствованиями из греческого, тюркских, финно-угорских и других языков. В XVIII в., в эпоху петровских преобразований и формирования языка русской науки, в ее состав вошли термины из западноевропейских языков, чему в немалой степени способствовала активная переводческая деятельность, санкционированная Петром I. Создание национальной географической терминологии, как и вообще национальной терминологии, становится делом государственной важности. В процессе нормализации терминологического употребления слов происходит рациональный отбор из числа сосуществующих синонимических вариантов наиболее оптимальных слов, претендующих на роль терминов. Например, для обозначения понятия «начало реки» был выбран термин *верховье*, а прочие синонимически разветвленные обозначения отвергнуты (*верх, вершина, верхотина, верховина*).

Таким образом, современная русская географическая терминология по своему происхождению является достаточно пестрым образованием, впрочем, как и многие другие терминологии, сформировавшиеся естественным путем. К настоящему времени географическая наука представлена 14 дисциплинами, среди которых автору наиболее близки общая география, физическая география, геоморфология, гидрология суши и картография. Терминологический аппарат современной географии насчитывает 8 тыс. терминов и понятий.

Терминологическим богатством географии нужно уметь пользоваться, обучая этому школьников и студентов и обращая внимание на соотношение составляющих в семантическом треугольнике *слово — вещь — понятие*. Ведь далеко не случайно человека, не владеющего необходимыми знаниями в какой-либо области, в народе называют «человеком без понятия». При этом следует критически оценивать наивно-реалистическое представление о природе термина, которое нередко бытует в обыденном сознании и культивируется отдельными писателями и бойкими журналистами. Так, в одном из своих публичных выступлений писатель Сергей Залыгин необоснованно противопоставил специальные слова и неспециальные по времени их употребления в языке: «Слово, которое появилось недавно, — это еще термин, а слово, которое существует много лет, — это уже действительно слово...» Однако разве географические термины, существующие в языке не одно столетие, превратились в совсем обычные простые слова и разве абсолютно все сравнительно недавно появившиеся в языке слова — термины, как например, молодежное слово *блин*? Если наша книга поможет читателю избавиться от подобных заблуждений, автор будет считать свою задачу выполненной.

Современные терминоведы убеждены в том, что по своей природе термины сакральны (священны). Это значит, что понятийное содержание конкретного термина, обязательно принадлежащего определенной терминосистеме, прочно закреплено традицией и не может быть произвольно изменено. Необходимо также учитывать, что, хотя многие термины географии (как и любой другой популярной науки) широко известны и понятны в их «ближайшем», обыденном значении, — подлинное, глубинное, дефинитивное «дальнейшее» значение терминов доступно пониманию лишь специалистов. В этом легко убедиться, сравнив трактовку терминов в толковых словарях (простое толкование) и в терминологических словарях и справочниках, географических энциклопедиях (научная дефиниция). На страницах этой книги мы попытались преодолеть таинственное недоумение по поводу сущности терминов, непредвзято рассмотрев их происхождение и особенности употребления в разные периоды развития языка русской географии.

Весьма существенна и топонимообразующая роль географических терминов, на базе которых формировались по определенным словообразовательным моделям географические названия. Путешествуя по карте, мы убедились в том, что современная форма многих древних топонимов, весьма затемненная, непосредственно отражает этимологию соответствующих терминов, хотя приблизиться к пониманию бесспорно исконного значения термина далеко не просто. Как правило, установление надежной этимологии затрудняется произошедшими с термином, особенно заимствованным, фонетическими, словообразовательными и семантическими изменениями, а также влиянием народной этимологии.

В современных условиях преподавание гуманитарных и естественных наук в школе и вузе сопряжено с известными трудностями. Чрезмерное преуве-

личение роли компьютерной техники и тестирования негативно отражается на развитии устной и письменной речи молодежи, приводит к обеднению мысли, тормозит общее развитие. Мировоззрение определенной части молодежи, к сожалению, ущемляется в примитивную словесную формулу «*Прикинь, в натуре, короче, типа того, как бы...*» Потерян интерес к чтению вообще, а к углубленному тем более, что не способствует развитию самостоятельности мышления и умения анализировать. Было бы ретроградством отрицать прогрессивную роль компьютерных технологий, однако бездушный компьютер никогда не заменит живого, непосредственного, плодотворного общения ученика с учителем.

Учитель должен, но не всегда может результативно противостоять влиянию лживой информации. И в этом противостоянии, на наш взгляд, ему поможет умелый рассказ об истории с географией, о вечных словах-терминах, о том, что в системе образования география всегда занимала одно из ведущих мест как важная наука о человеке и пространстве. Тем не менее все еще сохраняет свою актуальность справедливая оценка А. С. Пушкина: «Россия слишком мало известна русским...»

Учитывая сложившийся разрыв между школьным и вузовским преподаванием гуманитарных и естественных наук, учитель должен занять активную позицию и в борьбе с лженаукой. К сожалению, она в последние годы пышно расцвела красочными изданиями надуманных построений «новой хронологии» и подобных однодневных «теорий», созданных дилетантами, которые «творят» и в топонимической науке.

Создавая эту книгу для учителя, автор был солидарен с высказыванием замечательного французского лингвиста Антуана Мейе: «Хотя обычно думают, что науку двигают вперед новые теории, в действительности же ее успех обеспечивает точное описание фактов».

Принятые сокращения

АН	— Академия наук
БАН	— Библиотека Академии наук (Санкт-Петербург)
БСЭ	— Большая советская энциклопедия
ГИМ	— Государственный исторический музей (Москва)
ГПБ	— Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне РНБ)
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ИРЯ	— Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
ОИДР	— Общество истории и древностей российских при Московском университете
ОЛДП	— Общество любителей древней письменности
ОРЯС	— Отделение русского языка и словесности
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РАН	— Российская академия наук
РГБ	— Российская государственная библиотека (Москва)
РГО	— Русское географическое общество
СПб. ФИРИ	— Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов (ныне РГАДА)

Языки и диалекты

азерб.	— азербайджанский
алб.	— албанский
алт.	— алтайские языки
англ.	— английский
арм.	— армянский
афр.	— африкаанс (бурский язык)
балкар.	— балкарский
башк.	— башкирский
белорус.	— белорусский
болг.	— болгарский
в.-луж.	— верхнелужицкий
вьет.	— вьетнамский
гр.	— древнегреческий
диал.	— диалектный
др.-евр.	— древнееврейский
др.-инд.	— древнеиндийский
др.-исл.	— древнеисландский
др.-польск.	— древнепольский
др.-прусс.	— древнепрусский
др.-русс.	— древнерусский
др.-сакс.	— древнесаксонский
др.-тюркск.	— древнетюркский
и.-е.	— индоевропейский
исп.	— испанский
ит.	— итальянский
казах.	— казахский
караим.	— караимский
карач.-балк.	— карачаево-балкарский
карел.	— карельский
кашуб.	— кашубский
кирг.	— киргизский
кит.	— китайский
к. калп.	— каракалпакский
кум.	— кумандинский диалект горноалтайского языка (басс. Бии и Верхней Оби)
кумык.	— кумыкский
курд.	— курдский
лебед.	— лебединский диалект горноалтайского языка
лит.	— литовский
лтш.	— латышский

макед.	—	древнемакедонский
морд.-мокш.	—	мокша-мордовский
морд.-эрз.	—	эрзя-мордовский
нем.	—	немецкий
н.-луж.	—	нижнелужицкий
норв.	—	норвежский
о.-сл.	—	общеславянский
полаб.	—	полабский
половецк.	—	половецкий
польск.	—	польский
прасл.	—	праславянский
рум.	—	румынский
серб.	—	сербский
слав.	—	славянский
словацк.	—	словацкий
словен.	—	словенский
словин.	—	словинско-кашубский
ср.-в.-н.	—	средневерхненемецкий
ст.-сл.	—	старославянский
с.-хорв.	—	сербскохорватский
тар.	—	таранчинский кульджинский говор центрального диалекта уйгурского языка
татарск.	—	татарский
тел.	—	телеутский диалект горноалтайского языка
тобол.	—	тобольский диалект татар на Иртыше
тур.	—	турецкий (османский)
туркм.	—	туркменский
тюркск.	—	тюркский
узб.	—	узбекский
уйг.	—	уйгурский
укр.	—	украинский
финск.	—	финский
фр.	—	французский
хакас.	—	хакасский
хорв.	—	хорватский
ц.-сл.	—	церковнославянский
чаг.	—	чагатайский (староузбекский)
чешск.	—	чешский
чуваш.	—	чувашский
шв.	—	шведский
шор.	—	шорский язык
эст.	—	эстонский
якут.	—	якутский
яп.	—	японский

Андрей Васильевич БАРАНДЕЕВ

Об авторе

Кандидат филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Международной академии бизнеса и управления. Председатель Топонимической комиссии Московского городского отделения Русского географического общества, член Городской межведомственной комиссии по наименованию территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы при правительстве Москвы. Автор более 130 публикаций в области исторической лексикологии русского языка, топонимики, орфографии, методики преподавания лингвистических дисциплин.

Наше издательство предлагает следующие книги:

На истории географических названий

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОЙ ЗЕМЛИ IX-XIV вв.

ВВЕДЕНИЕ В ТОПОНИМИКУ

Славянская географическая терминология

РУССКАЯ ТОПОНИМИЯ В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

КРАТКИЙ ТОПОНИМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

НАЗВАНИЯ ЗВЕЗДНОГО НЕБА

АНТРОПОНИМИЯ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

СЛОВАРЬ НАРОДНЫХ ФОРМ РУССКИХ ИМЕН

ИМЯ ЛИЧНОЕ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ИМЯ ЧЕРЕЗ ВЕКА И СТРАНЫ

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО

ГЕОГРАФИЯ ФАМИЛИЙ

ТОВАРНЫЕ ЗНАКИ

ЛИНГВОТОПОНИМИЯ

12248 ID 162202

Отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на веб-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>

URSS

E-mail: URSS@URSS.ru

Каталог изданий в Интернете:

<http://URSS.ru>

URSS НАШИ НОВЫЕ
КООРДИНАТЫ

ТЕЛЕФОН/ФАКС (многоканальный) +7 (499) 724-25-45
117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56